КІЕВСКАЯ СТАРИНА

· ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

МАРТЪ.

Годъ восьмой. ТОМЪ XXIV. 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Памяти Ѳ. Г. Лебединцева. Н. Ѳ. Сумцова. (I—VI).

II. На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира (Изъ путевой книжки). Н. Д. Н. (561—581).

III. Особенности статистическаго изслѣдованія курской губерніи. Сф. Кр. (582—612).

IV. Воспоминанія М. К. Чалаго (613-644).

V. Сельскія недоразумѣнія. (Переводъ съ польскаго) (Окончаніе.) VI—V. К. М. (645—664).

VI. Культурныя переживанія. VII — XIV. Н. Ѳ. Сумцова. (665—684).

VII. Русскія колоніи въ Добруджѣ. Историко-этнографическій очеркъ). (Окончаніе). Ш. Лупулеску (685—704).

VIII. Документы, Извѣстія и Замѣтки. Изъ путешествія въ сѣверо-западный край. III.—V. Н. Петрова. Эпизодъ изъ исторіи обращенія кіевскихъ уніатовъ. Н. Оглоблина. Личный составъ и аттестація духовенства александровскаго уѣзда екатеринославской губерніи по архивнымъ даннымъ 1814 и 1824 годовъ. Я. П. Новицкаго. Къ біографіи Т. Г. Шевченка. Н. Д. Н. Замѣтка о малорусскихъ „семилѣтнихъ богатыряхъ или близнецахъ". Сообщилъ А. Савичъ. Посылка гетмана Апостола въ Москву за лекарствами. Запоздалая ревность Запорожья къ своему имени. А. Л. Пѣснь о свѣтѣ. Мирона. Изъ школьнаго міра. (Нѣсколько словъ объ общежитіяхъ при сельскихъ училищахъ). А. С—чъ. (705—751).

IX. Для справокъ (746—751).

X. Библіографія. Русская народная музыка, великорусская и малорусская, въ ея строеніи мелодическомъ и ритмическомъ и отличія ея отъ основъ современной гармонической музыки. Изслѣдованіе П. П. Сокальскаго А. Степовича. Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1888 г. кн. I (144-я). Издана подъ завѣдываніемъ д. чл. Н. А. Попова. И. Каманина. Русская Правда, текстъ, изданный по тремъ спискамъ, съ предисловіемъ и краткимъ объяснительнымъ словаремъ, составленными кандидатомъ правъ А. Б. Гинцбургомъ П. Голубовскаго. Вторая учебная экскурсія симферопольской мужской гимназіи въ Бахчисарай и его окрестности... Отчетъ составилъ инспекторъ А. Н. Поповъ. Н. Б. Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1888—89 г. Указатель книгъ, вышедшихъ съ начала 1888 г., касающіяся ю. Россіи (752—796).

XI. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Наказы малор. депутатамъ 1767 г. (Окончаніе).
2) Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1889.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и мировоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, не записанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1889 г. продолжается.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **6 руб.**, на мѣстѣ **5 руб.**

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Театральная ул. д. № 4, и на Крещатикѣ въ магазинахъ писче-бумажномъ Г. Т. Корчакъ-Новицкаго и книжныхъ: Оглоблина, Корейво, Гюнтера и Малецкаго, Динтера, Розова.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. по 1 р.

Редакторъ-издатель **А. С. Лашкевичъ.**

Въ вышедшихъ 12 книжкахъ „Кіевской Старины“ 1888 года помѣщены слѣдующія статьи: Кіевъ въ 1766 г. **И. В. Лучицкаго.**—Грановщина. Эпизодъ изъ исторіи брацл. Украины. **В. Б. Антоновича.**—Ганна Монтовтъ. Истор.-бытов. очеркъ изъ жизни волынск. дворянства. **О. И. Левицкаго.**—Очеркъ литературной исторіи малорусск. нарѣчія въ XVII в. **П. И. Житецкаго.**—На рубежѣ. Романъ **Равиты.** Пер. съ пол. **К. М.**—Протестъ слободской Украины противъ реформы 1765 г. **И. В. Теличенка.**—Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. **В. П. Науменка.**—Къ исторіи колонизаціи слободской Украины. **Н. И. Петрова.**—Экономическія замѣтки и матеріалы. I. Рудни въ Сѣверщинѣ. **П. С. Ефименка.**—Нелишнее слово о виршахъ. **Михайлогорскаго.**—Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій. **В. П. Горленка.**—Нѣжинская рада 1663 г. **А. А. Востокова**—Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебург. праву. **И. М. Каманина.**—Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака. **А. А. Потебни.**—Историч. очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южн. и зап. Россію Григоріанскій календарь. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноап. князь Владиміръ и св. княг. Ольга и имѣемъ ли мы подлинныя ихъ изображенія. **П. Л.**—О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжеств. принятія христіанск. вѣры при св. Владимірѣ. **П. Л.**—Леонардъ Совинскій. **А. В. С—ка.**—Молотники (бытовой разсказъ). **Ганны Барвинокъ.**—Воспоминанія объ Архивѣ Государств. Совѣта. **А. В. Романовича-Славатинскаго.** Св. Владиміръ. Лѣтоп. сказ. **П. Л.**—Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра. **Х. П. Ящуржинскаго.**—Болгары и Хазары **П. В. Голубовскаго.**—Кіевляне и Б. Хмельницкій. **И. М. Каманина.**—Передвиженіе южнорусск. населенія въ эпоху Б. Хмельницкаго. **М. Ф. Владимірскаго-Буданова.**—Обозрѣніе предм. вел.-княж. эпохи въ музеѣ древностей и мюнцъ-кабинетѣ унив. св. Владиміра. **В. Б. Антоновича.**—Два предмета кіев. церк.-археол. музея. **Н. Бѣляшевскаго.**—Клады вел.-княж. эпохи въ Кіевѣ. **Его же.**—Памятникъ Б. Хмельницкому.—„Бунтъ“ сквирскаго магистрата. **Н. О.**—Порченная (бытовая повѣсть). **Юліи Левицкой-Пащенко.**—Архивы въ Галиціи. **И.А.Линниченка.**—Очеркъ исторіи города Умани. **К.И. Т—аго**—Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. **Алексѣя Веселовскаго.**—Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ. **И. Теличенка.**—Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады великаго княжества литовскаго. **С. А. Бершадскаго.**—Первые четыре года ссылки Шевченка. **Н. И. Стороженка.**—Слава Богу, для начала и это хорошо! **Мирона.**—Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства. **Л.**—Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. **Александры Я. Ефименко.**—Графиня Е. М. Румянцева. **И. П. Житецкаго.**—Станиславъ Орѣховскій. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. **Ѳадея Р. Рыльскаго.**—Матеріалы для исторіи гайдамачины.—Тарасъ изъ Ворохты. Переводъ съ польскаго. **К. М.**—Люди старой Малороссіи. **Ал. М. Лазаревскаго.**—Къ пятидесятилѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго. **В. П. Науменка.**—Г. П. Галаганъ. (Некрологъ). **Ѳ. Г. Мищенка.**—Фатальная вдова. **П. К.** Половинщикъ (бытов. разсказъ) **Ганны Барвинокъ.**—Осада и взятіе Очакова **А.А. Русова.**

Въ отдѣлѣ критики помѣщены рецензіи: В. Б. Антоновича, Д. И. Багалѣя, П. В. Голубовскаго, В. П. Горленка, И. Ж., Г. З., М. За-

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXIV.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЪ.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 27-го Февраля 1889 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXIV.

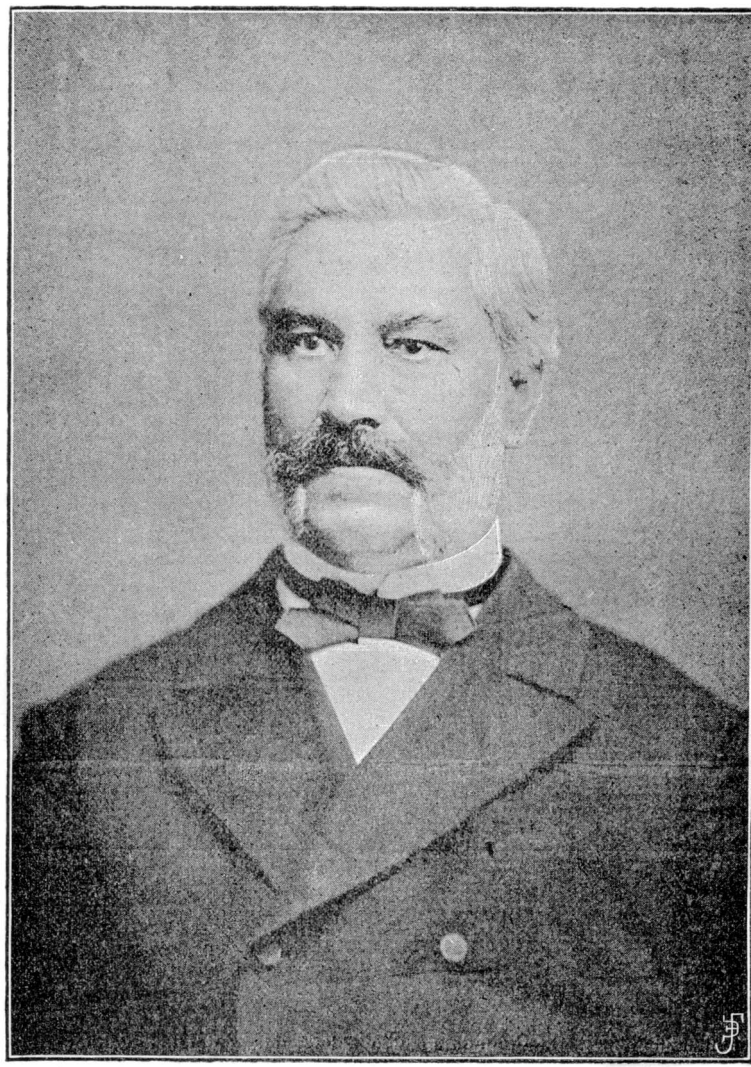
МАРТЪ.

1889 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 27-го Февраля 1889 г.



Ѳ. Г. Лебединцевъ.

ПАМЯТИ Ѳ. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВА.

12 марта 1888 г., наканунѣ выхода 1-й книжки „Кіевской Старины“, скончался бывшій редакторъ ея Ѳ. Г. Лебединцевъ. Теперь редакція „Кіевской Старины“, желая почтить память основателя журнала въ годовщину его кончины, прилагаетъ къ этой книжкѣ его портретъ и краткій очеркъ его редакторской дѣятельности, написанный нашимъ постояннымъ сотрудникомъ профессоромъ Н. Ѳ. Сумцовымъ. *Ред.*

Отношеніе подписчиковъ къ газетамъ и журналамъ опредѣляется внутреннимъ ихъ содержаніемъ и литературнымъ ихъ характеромъ. Къ матеріальному положенію однихъ изданій подписчикъ относится вполнѣ равнодушно, основательно разсуждая, что здѣсь кромѣ редактора-издателя и ближайшихъ его сотрудниковъ, кормящихся отъ доходовъ, даваемыхъ изданіемъ, никто не заинтересованъ. Если закроется одна лавочка, торгующая разнородной беллетристикой и летучими новостями текущаго дня, останутся другія для удовлетворенія любопытства читателя, а, можетъ быть, гдѣ нибудь по близости откроется новая, которая будетъ отпускать матеріалъ для чтенія по дешевой цѣнѣ и въ лучшей оберточной бумагѣ. Сюда относится масса литературныхъ изданій, имѣющихъ характеръ торгово-промышленнаго предпріятія.

Но есть изданія особаго рода, единственныя и подчасъ незамѣнимыя, изданія, поставившія себѣ цѣлью удовлетворять выс-

шимъ научнымъ, художественнымъ или литературнымъ потребностямъ той или другой интеллигентной среды. Кто интересуется содержаніемъ спеціальнаго изданія, тотъ ео ipso заинтересованъ въ самомъ фактѣ его существованія, въ степени его распространенія и вліянія и несомнѣнно дорожитъ имъ, какъ болѣе или менѣе подходящей формой проявленія своего личнаго міросозерцанія и личныхъ нравственныхъ убѣжденій, наконецъ, какъ доступнымъ средствомъ духовнаго единенія съ людьми, выдающимися по знаніямъ и талантамъ въ томъ или другомъ отношеніи. Къ такимъ изданіямъ принадлежатъ многія спеціальныя, научныя и художественныя изданія, въ томъ числѣ и „Кіевская Старина", представляющая въ настоящее время почти единственное средоточіе для работъ по мѣстной исторіи и этнографіи.

Для сотрудниковъ и читателей „Кіевской Старины" не будетъ въ тягость прочитать нѣсколько страницъ о редакторскихъ заботахъ Ѳ. Г. Лебединцева, насколько я могъ опредѣлить ихъ по имѣющимся у меня его письмамъ (числомъ 36). Нужно замѣтить, что я знаю Ѳ. Г. только по письмамъ. Лично мнѣ не пришлось съ нимъ познакомиться. Въ письмахъ этихъ ярко отразилась просвѣщенная личность автора, его бойкій и живой слогъ, свидѣтельствующій о литературномъ дарованіи, и его любовь къ родному краю, выразившаяся, между прочимъ, въ живомъ интересѣ къ мѣстной исторіи и этнографіи. Кое что изъ писемъ Ѳ. Г. я выдѣлилъ для „Русской Старины"; въ сторону я отложилъ всѣ отзывы Ѳ. Г. о лицахъ ученаго и литературнаго міра, входившихъ въ соприкосновеніе съ „Кіевской Стариной", по субъективному ихъ характеру, и теперь пускаю на страницы „Кіевской Старины" лишь нѣсколько выдержекъ изъ писемъ Ѳ. Г., касающихся его редакторской дѣятельности по тремъ, такъ сказать, рубрикамъ,—заботы Ѳ. Г. о привлеченіи къ „Кіевской Стар." сотрудниковъ изъ людей науки, сотрудниковъ-беллетристовъ и подписчиковъ. И въ тѣхъ, и въ другихъ и въ третьихъ „Кіевская Старина" всегда нуждалась; Ѳ. Г. усердно ихъ разыскивалъ, собиралъ и сплачивалъ. Много силъ и труда затрачивалъ онъ на поддержаніе журнала, при равнодушіи на-

шего общества къ мѣстной старинѣ. „Низкое вообще у насъ положеніе того, что не газета“, писалъ однажды мнѣ Ѳ. Г., когда уже вполнѣ опредѣлилась степень распространенности „Кіевской Старины“.

Сотрудники изъ людей науки всегда составляли главную силу „Кіевской Старины“, и съ этой стороны журналъ этотъ всегда находилъ наиболѣе существенную поддержку. Однако, по временамъ и здѣсь чувствовалась слабость, въ смыслѣ отсутствія обработанныхъ научныхъ статей, замѣняемыхъ случайными и бѣглыми набросками или чаще сырымъ матеріаломъ. „У меня ровно ничего нѣтъ, кромѣ хлама“, писалъ мнѣ Ѳ. Г. въ концѣ 1885 года. „Мое уныніе, постоянное гореваніе вызывается тѣмъ, что рѣдко-рѣдко попадетъ что нибудь путное, а большею частью хламъ, съ которымъ возись до одурѣнія“. Въ недостаткѣ обработанныхъ научныхъ статей Ѳ. Г. отчасти винилъ себя, отчасти знакомыхъ ему ученыхъ, себя въ томъ смыслѣ, что не можетъ оплачивать хорошихъ статей достаточнымъ гонораромъ, другихъ въ „лѣночувствѣ“, т. е. въ малой научной продуктивности. „Не посѣявъ не пожнешь“, говоритъ онъ въ одномъ письмѣ по поводу невозможности сдѣлать затраты на улучшеніе журнала, и прежде всего на уплату сотрудникамъ надлежащаго гонорара, „сухая ложка ротъ деретъ, и милостыней сытъ не будешь“. Чувствуя всю слабость общественной поддержки, Ѳ. Г. съ горечью замѣтилъ однажды, что „ничего путнаго создать мы не могли, ничего удержать на продолжительное время“. При всемъ томъ Ѳ. Г. насчитывалъ 50 сотрудниковъ, а изъ этого числа выдѣлялъ 15 такихъ, съ помощью которыхъ можно смѣло вести изданіе.

Сотрудники беллетристы почти вполнѣ отсутствовали, и Ѳ. Г. очень нуждался въ историческихъ повѣстяхъ и романахъ изъ южнорусской старины. Въ самомъ началѣ моего письменнаго знакомства съ Ѳ. Г., 4 февр. 1882 года Ѳ. Г. писалъ мнѣ: „Н. И. Костомаровъ, по поводу первой нашей книжки, возсылая ей похвалу и благодарность отъ имени науки, пишетъ мнѣ, между прочимъ: „слѣдовало бы беллетристику допустить“; я допустилъ бы, да гдѣ ее взять? Не найдется ли у Васъ въ Харьковѣ?“ Это обращеніе за исторической беллетристикой къ такому

совсѣмъ неисторическому и нелитературному городу, какъ Харьковъ, показываетъ безнадежное положеніе въ этомъ отношеніи „Кіевской Старины“ при прежнемъ ея матеріальномъ положеніи.

Число подписчиковъ „Кіевской Старины“, судя по письмамъ Ѳ. Г., не поднималось выше 800, а къ концу 1887 года даже уменьшилось, что объясняется стеченіемъ многихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, большею частью не зависѣвшихъ отъ редакціи. Въ концѣ каждаго года Ѳ. Г. жаловался на слабый ходъ журнала въ публикѣ и побуждалъ лицъ, расположенныхъ въ пользу изданія, содѣйствовать большему его распространенію, при чемъ Ѳ. Г. особенно дорожилъ вниманіемъ и поддержкой духовенства. Повидимому, онъ и въ южнорусскомъ духовенствѣ надѣялся найти такой интересъ къ мѣстной старинѣ, какой обнаруживаетъ галицко-русское и отчасти холмское духовенство. Собиралъ онъ, между прочимъ, адрессы благочинныхъ харьковской епархіи. „Я пошлю имъ объявленія, писалъ онъ мнѣ по этому поводу; вѣдь срамъ сказать, ни одинъ іерей харьковской епархіи не выписываетъ „Кіевской Старины“. Расположеніемъ Ѳ. Г—ча къ духовенству объясняется его наклонность помѣщать въ журналѣ статьи по мѣстной церковной исторіи и систематическое устраненіе такихъ статей или матеріаловъ, которые не соотвѣтствуютъ православному религіозному благочестію, хотя бы вполнѣ позволительныхъ въ цензурномъ отношеніи. Такъ, изъ моихъ мелкихъ статей не была помѣщена замѣтка объ „Израильскомъ Змѣѣ“ Г. С. Сковороды, повидимому, за указаніе на пантеистическій характеръ этого сочиненія. „Прислали мнѣ изъ Москвы, писалъ въ 1884 г. Ѳ. Г., чуть ли не полпуда неизданныхъ сочиненій Сковороды. Я только пересмотрѣлъ; но, увы! ничего въ нихъ народнаго. Все задавила школа и злосчастный пантеизмъ, который выступаетъ со всей яркостью“. А между тѣмъ пантеизмъ составляетъ характерную сторону міросозерцанія Сковороды, и любопытно было бы подробнѣе съ нимъ ознакомиться, тѣмъ болѣе, что при всей темнотѣ и суши сковородиныхъ твореній въ нихъ мѣстами пробивается глубокая мысль и свѣтлое поэтическое одушевленіе. Ѳ. Г. не любилъ ничего туманнаго и требовалъ ясно сознанной мысли и яснаго изложенія.

Ѳ. Г. несъ на себѣ всѣ труды по изданію и редактированію „Кіевской Старины“. Въ письмѣ отъ 28 февраля 1886 года читаемъ: „На масляной въ субботу былъ на балу въ Дворянскомъ Собраніи. Боже! какъ мнѣ страшнымъ все казалось. Вѣдь шибнетъ же этакая охота! А на эту субботу говѣю, отъ грѣховъ хочу очиститься—редакторскихъ, издательскихъ, сотрудническихъ, корректорскихъ, конторщицкихъ и по части корресподенціи. Да, поневолѣ скажешь, грѣхи наши тяжкіе!“ Въ этомъ длинномъ спискѣ грѣховъ былъ только одинъ, на который можно было сердиться, именно корректорскій; но и здѣсь въ извиненіе шли „старые глаза“, и потому никто, кажется, не велъ счета опечаткамъ. Тяжелыя и хлопотливыя занятія по изданію и редактированію журнала были причиной глубокаго разстройства здоровья Ѳ. Г. Послѣднія письма Ѳ. Г. преисполнены жалобами на мучительныя нервныя боли, а когда въ результатѣ ихъ явилась пріостановка изданія, къ нимъ присоединилось жгучее опасеніе за ближайшее будущее и удручающій страхъ близкой кончины.

Масса чернаго труда по изданію и редактированію „Кіевской Старины“, а въ послѣдніе годы тяжелый недугъ мѣшали Ѳ. Г. приготовить большое изслѣдованіе. Научно-литературная дѣятельность Ѳ. Г. въ „Кіевской Старинѣ“ ограничивалась небольшими замѣтками, преимущественно въ библіографическомъ отдѣлѣ, подписанными разными псевдонимами. „Меня заѣдаютъ рецензіи“, писалъ мнѣ Ѳ. Г. Дѣло въ томъ, что по южно-русской исторіи и этнографіи выходитъ мало книгъ; относящіяся сюда новости бываютъ притомъ часто такъ безцвѣтны и безсодержательны, что дѣйствительно возникаетъ на малое затрудненіе постоянно поддерживать библіографическій отдѣлъ на надлежащей высотѣ серьезной и дѣловой критики. Живымъ интересомъ отличались замѣтки Ѳ. Г. о старинномъ малорусскомъ бытѣ, объ обычаяхъ и нравахъ стараго времени. Здѣсь Ѳ. Г. говорилъ, очевидно, отъ полноты сердца, любящаго родную старину, и самый строй его рѣчи получаетъ колоритъ особенной задушевности, мѣстами пробивается юморъ наблюдательнаго и добродушнаго свойства, мѣстами обнаруживается живописная обрисовка деревенской жизни, несмотря на растлѣваю-

щія вліянія крѣпостнаго права. Такими свойствами отличается, напримѣръ, статья Ѳ. Г. о Шевченкѣ въ XI книжкѣ „Кіевской Старины“ 1887 года. Пріостановивъ изданіе „Кіевской Старины“, Ѳ. Г. писалъ мнѣ, что у него остался неоконченнымъ эскизъ „Малорусскіе дьячки“ и статья „Къ характеристикѣ кіевскаго митрополита Филарета“. Въ томъ же письмѣ (отъ 9 ноября 1887 г.) Ѳ. Г. замѣчаетъ:„ О, если бы я былъ свободенъ отъ редактированія, корректуры, корреспонденціи, конторы, сколько я одинъ могъ бы еще сдѣлать. Но, увы! согнулся хребетъ мой отъ работы, въ большинствѣ такой, для которой не нужно ни таланта, ни знанія; все то хотѣлось удержать „Старину“, да ба! Ввирвався басъ... Вы не повѣрите, какая грусть овладѣваетъ мною по мѣрѣ приближенія къ концу“...

Имя Ѳеофана Гавриловича Лебединцева будетъ въ обществѣ забыто съ потерей послѣдняго интереса къ южнорусской старинѣ, забыто лишь въ смыслѣ поучительнаго начала, какъ живая движущая къ добру сила; но оно всегда будетъ жить въ благодарныхъ лѣтописяхъ исторіи, какъ имя просвѣщеннаго и энергическаго труженика исторической науки, заботившагося о сохраненіи лучшихъ преданій народа въ связи съ уразумѣніемъ основныхъ началъ его прошлой жизни.

Н. Сумцовъ.

НА СЫРЪ-ДАРЬѢ У РОТНАГО КОМАНДИРА.

(ИЗЪ ПУТЕВОЙ КНИЖКИ).

Посвящается друзьямъ: Бер—у, Жит—у и Цв—у.

Въ началѣ декабря 1883 года, по пути изъ Ташкента въ Оренбургъ, мнѣ довелось пробыть около четырехъ сутокъ въ г. Казалинскѣ и тамъ, нежданно, познакомиться съ бывшимъ ротнымъ командиромъ покойнаго Тараса Гр. Шевченка, Егоромъ Тимофѣевичемъ К—вымъ. Уроженецъ давно уже упраздненной степной крѣпостцы Татищевой, всю жизнь свою прожившій и прослужившій среди необъятныхъ и печальныхъ прикаспійско-аральскихъ пустынь, Егоръ Тимофѣевичъ, во время знакомства моего съ нимъ, кончалъ уже 48-й годъ своей службы и, въ чинѣ полковника, занималъ должность коменданта г. Казалинска, форта № 1 то-жъ. Нынѣ Егоръ Тимофѣевичъ находится уже въ отставкѣ, но гдѣ проживаетъ, да и здравствуетъ ли еще, того уже не знаю, ибо послѣднее письмо его, къ которому онъ, согласно обѣщанію, приложилъ „замѣтку", составляющую почти дословное повтореніе того, что онъ мнѣ разсказывалъ про Шевченка, отправленное въ началѣ 1884 г., было, по причинѣ моихъ переѣздовъ, получено мною только въ 1886 г.; на мое же послѣ того писанное уже письмо къ нему и адресованное въ г. Казалинскъ отвѣта и до сихъ поръ мною отъ него не получено.

Большой ростъ, атлетическій складъ да и вся вообще фигура Егора Тимофѣевича, начиная съ нависшихъ бровей, не-

вольно заставляла на первый взглядъ предполагать въ немъ представителя того, нынѣ, слава Богу, уже исчезнувшаго типа стараго фронтовика-служаки, у котораго кромѣ сухой формалистики да шагистики, не осталось уже ничего за душой. Но стоило только послушать разсказы и отзывы о „своемъ старикѣ“, какъ называли Егора Тимофѣевича его сослуживцы и подчиненные—до солдата включительно, да хотя немножко лично познакомиться съ нимъ, чтобы не только измѣнить первое предположеніе о немъ, но даже въ тайнѣ устыдиться, какъ оно могло найти мѣсто въ вашей душѣ?!... Предъ вами представлялся тогда Егоръ Тимофѣевичъ совсѣмъ въ иномъ видѣ и свѣтѣ, всецѣло напоминая собою симпатическій образъ лермонтовскаго Максима Максимовича: та же внѣшняя суровость манеръ и языка, подъ покровомъ которой билось самое незлобливое и дѣтски-чистое сердце; та же смѣсь здраваго смысла и наивнаго простодушія въ сужденіяхъ и оцѣнкѣ лицъ и событій; тѣ же любовь и привязчивость къ людямъ, съ которыми онъ жилъ, или правильнѣе—*служилъ*, ибо другихъ, кромѣ тѣхъ, съ которыми служилъ, онъ мало даже видывалъ на своемъ вѣку; та же отзывчивость къ ихъ горю и радостямъ и та же, наконецъ, готовность подѣлиться съ ними послѣднимъ, а то и отвѣтствовать за нихъ не только своею карьерою, о которой Егоръ Тимофѣевичъ, подобно Максиму Максимовичу, никогда и не думалъ, но даже головою. Подъ самый конецъ службы Егора Тимофѣевича такая, было, бѣда надъ нимъ и стряслась...—„Да какъ же тутъ было быть то иначе?“ спрашивалъ при разсказѣ о томъ добродушный старикъ, воскрешая въ вашей памяти того наивнаго малоросса, который, не умѣя плавать, бросился съ моста въ Днѣпръ спасать утопающаго, а затѣмъ, на замѣчаніе спасшихъ его самого отъ гибели, какъ же таки такъ онъ, неумѣющій плавать, рѣшился спасать другаго?—отвѣчалъ: „А то якъ же?—колы чоловикъ тоне?“...

Во время моего пребыванія въ Казалинскѣ, разъ я былъ съ визитомъ да разъ обѣдалъ у Егора Тимофѣевича, отличавшагося, между прочимъ, несмотря на крайнюю ограниченность своихъ достатковъ, еще и самымъ задушевнымъ гостепріимствомъ, какъ, впрочемъ, и всѣ наши степняки-туркестанцы, безъ разли-

чія чиновъ и званій. Но у меня въ Казалинскѣ такъ было много дѣла и мало времени, что за два торопливыхъ этихъ посѣщенія я не имѣлъ возможности разговориться съ моимъ хозяиномъ, въ которомъ и не подозрѣвалъ бывшаго ротнаго командира Шевченка, да такъ, не узнавши того, вѣроятно, и уѣхалъ бы, если бы, сверхъ чаянія, мнѣ не довелось провести еще и цѣлый вечеръ у казалинскаго коменданта.

Покончивъ съ дѣлами и распрощавшись съ добряками-казалинцами, я въ тотъ же день вечеромъ порѣшилъ продолжать мой дальнѣйшій и нелегкій путь, сдѣлавъ къ тому безотлагательно всѣ обычныя закупки и подготовленія. Но не даромъ говорятъ: „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ!“

Морозъ, державшійся еще утромъ около 18°, вдругъ къ вечеру упалъ до 7°; ясное до сихъ поръ небо стало быстро заволакиваться тяжелыми тучами; задулъ сильный вѣтеръ и началъ перепархивать снѣгъ: всѣ предвѣстники близящейся „пурги“ [1]) были на лицо. Хозяинъ заѣзжаго дома, гдѣ квартировалъ я, и ямщики, приходившіе со станціи *подмазывать и упаковывать* мой тарантасъ, стали уговаривать меня отложить мой выѣздъ до утра. Но я не сдавался однако на ихъ уговоры и ревностно продолжалъ мою укладку, какъ вдругъ ко мнѣ входитъ Егоръ Тимоѳѣевичъ, отряхивая съ усовъ ледяныя сосульки и утирая отъ снѣжнаго заноса лицо. „Да неужели же,—удивленно спрашиваетъ онъ,—вы и въ самомъ дѣлѣ собираетесь сегодня выѣзжать? Это—по такой то темнотѣ, да еще въ пургу?!... Да въ такую непогодь и самъ киргизъ верхомъ на своемъ конѣ ни за что никуда не поѣдетъ, а куда же вамъ, въ тарантасѣ?! Это прямо идти на погибель, какъ тому и бывало уже не мало примѣровъ у насъ въ степи. Вотъ, ужо, утромъ, повидите: затихнетъ, ну, и съ Богомъ! а нѣтъ, такъ лучше уже и завтра сидѣть на мѣстѣ по добру-здорову, чѣмъ пропадать въ степи! Послушайтесь совѣта нашего брата-степняка,—бросьте и думать о выѣздѣ сегодня!... А чтобы не оставаться у себя въ номерѣ въ одиночествѣ, такъ не пожалуете ли по просту ко мнѣ, на-

[1]) „Пурга“, по мѣстному выраженію,—мятель.

питься чайку?“ Я сдался на доводы Егора Тимофѣевича, чрезъ какіе нибудь полчаса сидѣлъ въ его квартирѣ за большимъ столомъ, уставленнымъ всякими неприхотливыми яствами, среди которыхъ привѣтливо шумѣлъ большущій самоваръ.

Всѣхъ насъ, гостей, собралось человѣкъ пять,—всѣ, кромѣ меня, все давніе туркестанцы. Бесѣда наша, сразу же принявшая самый непринужденный, искренній характеръ и вращавшаяся сначала, какъ говорится, на „злобахъ дня“ и на настоящемъ нашей средне-азіатской окраины, перешла затѣмъ къ разговорамъ о ея былomъ. Егоръ Тимофѣевичъ, къ которому, при этомъ, то и знай, что обращались бесѣдующіе то за справкой, то съ разспросомъ,—чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе все оживлялся, постепенно и незамѣтно для самого себя переходя изъ роли собесѣдника въ роль живаго хроникера, разсказы котораго—простые, безъискусственные, по большей части даже отрывочные, но всегда правдивые, оттѣняемые то колоритомъ неподдѣльной грусти, то такого же юмора, невольно, наконецъ, овладѣли вниманіемъ всѣхъ насъ.

— Такъ, значитъ, вы не залетная птица въ здѣшнихъ палестинахъ, а заправскій здѣшній старожилъ? обратился я къ Егору Тимофѣевичу, чтобы прервать грустно-задумчивое молчаніе, воцарившееся въ нашей бесѣдѣ послѣ одного изъ разсказовъ его, по юмористическому своему началу возбуждавшаго даже не одинъ взрывъ общаго смѣха.

— Это я то? спросилъ Егоръ Тимофѣевичъ, съ удивленіемъ глядя на меня и отодвигая даже при этомъ въ сторону длинный чубукъ своей трубки, которой онъ оставался неизмѣнновѣрнымъ.—Да, вѣдь, я не только безвыѣздно служу въ здѣшнемъ краѣ съ 1835 года, я и родился то здѣсь! Слыхали про крѣпость Татищеву? ну, вотъ, тамъ!...—Все, что ни произошло здѣсь лѣтъ, этакъ, за пятьдесятъ семь, все это произошло, будто бы, вотъ, на моей ладони. Я отлично помню даже пріѣздъ Александра I Благословеннаго въ Оренбургъ, гдѣ я тогда учился, и его самого какъ сейчасъ вижу предъ собой!... Я ли не старожилъ здѣшнихъ мѣстъ, гдѣ, вѣрно, мнѣ и кости то свои придется сложить?!—вздыхая закончилъ онъ.

— А знаете ли, Егоръ Тимофѣевичъ, вѣдь вамъ грѣшно было бы не записать вашихъ воспоминаній, которыя, повѣрьте, охотно напечатали бы...—продолжалъ я.

— Да я со дня моего поступленія на службу велъ дневникъ, въ который аккуратно вносилъ все, что видывалъ и слыхалъ, и такимъ манеромъ написалъ цѣлыя двѣ большія тетради, вплоть до іюня 1856 года, когда, при слѣдованіи съ ротою изъ Ново-Петровскаго укрѣпленія въ г. Уральскъ, у меня, на походѣ, вдругъ, похитили обѣ эти тетради...

— Какъ такъ похитили?—Ну, кто же это могъ?!...

— Да кто же?—свои же!... Все это, знаете, вѣдь, наши глупыя шуточки да смѣшки. Вотъ, изволите видѣть: такой то, видишь, пишетъ какой то дневникъ и никому его не показываетъ... а ну ка, посмотримъ, что онъ тамъ строчитъ?—*подшутимъ* ка надъ нимъ, стащимъ его строченье,—цѣна ему не велика, а за то смѣху то сколько?!

— Такъ вы и не разыскивали этого похитителя-шутника?...

— Какъ не разыскивать? — разыскивалъ, и даже прямо подозрѣвалъ одного поручика N, бывшаго со мной въ походѣ... упрашивалъ его даже перестать баловаться, отдать мнѣ тетради! такъ божился и клялся, что не онъ, хотя при этомъ и ухмылялся...—Ну, что же тутъ подѣлаешь?—такъ и бросилъ дѣло.

— Ну, а послѣ того, вы уже не вели дневника, Егоръ Тимофѣевичъ?.

— Послѣ, знаете, какъ то охота отпала. Ну, да Богъ меня памятью не обидѣлъ.—Дневникъ не дневникъ, а воспоминанія свои собираюсь таки *перевести на бумагу*... Раза два я даже, признаться, принимался за это, хотя, говоря по правдѣ, не мастеръ я писать то...

— А скажите, Егоръ Тимофѣевичъ,—вотъ, вы видали и знавали здѣсь столько лицъ; ну, а Шевченка вы не знавали?.

— Это — Тараса то Григорьевича? — Какъ не знать, помилуйте!—да, вѣдь, онъ у меня же, въ Ново-Петровскомъ въ ротѣ былъ....

Изъ пятерыхъ насъ, собесѣдующихъ,—будто бы нарочно!—четверо оказалось украинскихъ уроженцевъ; а потому понятно,

съ какимъ единодушіемъ обратились мы, послѣ этого заявленія нашего почтеннаго Амфитріона, съ просьбою разсказать, что онъ знаетъ и помнитъ про нашего „Кобзаря".

— Надо вамъ, гг., сказать, — началъ Егоръ Тимофѣевичъ, что я лично узналъ Шевченка не сразу послѣ его высылки изъ Петербурга, а уже по прошествіи почти трехъ лѣтъ его службы въ отдѣльномъ оренбургскомъ корпусѣ,—въ 1850, значитъ, году, когда прибылъ на Мангишлакъ, въ Ново-Петровское укрѣпленіе, нынѣ, какъ сами знаете, уже упраздненное. Тамъ я съ нимъ впервые встрѣтился, и, затѣмъ, провелъ почти что семь лѣтъ,—вплоть до его амнистіи, послѣдовавшей въ 1857 году... За это время,—будь цѣлъ мой дневникъ,—я, конечно, могъ бы таки многое сообщить вамъ и о Тарасѣ, и о нашемъ вообще житьѣ-бытьѣ за Каспіемъ, въ пустынѣ; ну, а теперь не взыщите: хотя, какъ я уже докладывалъ вамъ,—памятью меня Богъ и не обидѣлъ, но все же таки многое въ ней и постерлось. Шутка сказать, а вѣдь 26 лѣтъ, болѣе, значитъ, четверти столѣтія съ тѣхъ поръ минуло!... А что до первыхъ лѣтъ службы Тараса въ нашемъ корпусѣ, то все, что могу разсказать вамъ, все это слышано мною или отъ него самого, или отъ служившихъ съ нимъ, или извлечено изъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ при управленіи коменданта форта № 1, бывшаго Раимскаго укрѣпленія. Немногое, однако, даютъ эти дѣла, которыя я таки перерылъ всѣ... Разумѣется, въ дѣлахъ бывшаго штаба оренбургскаго корпуса можно было, покопавшись въ нихъ, найти—куда большее! Но гдѣ эти дѣла? и какъ до нихъ добраться?—да еще нашему то брату?!... А признаться, хотѣлось бы этого и самому, лично, да чтобы кстати исполнить и просьбу двухъ хорошихъ человѣчковъ, очень уже просившихъ меня о томъ же.

...Ну съ, какъ только привезли нашего Тараса въ Оренбургъ, такъ сейчасъ же, по распоряженію начальника края, генерала Обручева, его назначили на службу рядовымъ въ 4-й оренбургскій линейный баталіонъ, двѣ роты котораго, 1-я и 2-я занимали тогда степныя крѣпостцы, Оренбургскую и Уральскую, находившіяся на рр. Тургаѣ и Иргизѣ, а двѣ роты стояли съ баталіоннымъ штабомъ въ крѣпости Орскѣ. Изъ Оренбурга Шев-

ченка, разумѣется, препроводили туда, гдѣ находился баталіонный штабъ, т. е. въ Орскъ, гдѣ его и зачислили на службу во 2-ю роту, въ которой, по *ранжирному* списку, онъ значился 191 человѣкомъ, а ростомъ показанъ 2 аршина и $^1/_4$ вершка. Хотите, такъ покажу даже вамъ эту вымѣтку, выписанную мною изъ дѣлъ?—обратился, вдругъ, къ намъ Егоръ Тимофѣевичъ, вставая и готовясь уже идти къ своему письменному столу за ней, для документальнаго подтвержденія своего разсказа.

— Не надо, не надо, лучше продолжайте вашъ разсказъ,—въ унисонъ начали мы просить его.

Егоръ Тимофѣевичъ откашлянулся, закурилъ трубку, сѣлъ и продолжалъ.—Ротой, куда попалъ Шевченко, командовалъ поручикъ Богомоловъ. Лично я его не зналъ, да не помню, говорилъ ли мнѣ что про него Шевченко. Кажись, что ни чего, ни худаго, ни хорошаго..... Не могу съ точностью доложить вамъ, въ концѣ ли 1847, или въ началѣ 1848 года (кажись, что въ началѣ 1848-го), но только обѣ эти роты, а съ ними, понятно, и Шевченко, были переведены изъ Орска въ Уральское укрѣпленіе, откуда, почти сряду же, въ составѣ довольно значительнаго отряда, тысячи этакъ въ двѣ человѣкъ, въ число которыхъ вошли и козаки, и башкиры, и даже вольнонаемные рабочіе, онѣ были двинуты къ низовью Сыръ-Дарьи, гдѣ тогда утверждалась наша власть. А потому, какъ только прибылъ туда этотъ отрядъ, какъ сразу же и приступилъ сначала къ окончательному устройству Раимскаго укрѣпленія, которое за годъ передъ тѣмъ было заложено и въ которомъ флота лейтенантъ Бутаковъ съ прапорщикомъ штурмановъ Поспѣловымъ строилъ уже двѣ шкуны, названныя впослѣдствіи „Константинъ“ и „Михаилъ“, а затѣмъ къ постройкѣ небольшаго форта, названнаго „Коссъ-Аральскимъ“. Фортъ этотъ, находившійся неподалеку отъ Раимскаго укрѣпленія, предназначался для помѣщенія складовъ и людей нашей, тогда только что нарождавшейся сыръ-дарьинско-аральской флотиліи. Вскорѣ и суда флотиліи, и фортъ Коссъ-Аральскій, съ помѣщеніями для ея людей, были готовы; а такъ какъ именно людей то для службы на ней и не хватало, то, для исполненія матросскихъ обязанно-

стей, и была отправлена къ ней въ распоряженіе Бутакова отъ 1-й и 2-й ротъ 4-го оренбургскаго линейнаго баталіона команда въ числѣ 5 унтеръ-офицеровъ, 36 рядовыхъ и 1 фельдшера. Уже изъ какого сорта людей выбраны были эти импровизованные матросы—не умѣю вамъ сказать, но только въ числѣ ихъ находился и рядовой 2-й роты Тарасъ Шевченко.

— Такъ, вотъ, оно откуда, вотъ, когда писалось это прелестное стихотвореніе,—перебивая рѣчь Егора Тимофѣевича, воскликнулъ одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ, горячій украинецъ, тутъ же наизустъ и превосходно прочитавшій;

Готово! Парусъ роспустылы,
Посунулы по сынїй хвыли,
По мыжъ кугою, въ Сыръ-Дарью,
Байдару та баркасъ чымалый.
Прощай, убогый Косъ-Арале!
Нудьгу заклятую мою
Ты розважавъ такы два лита.
Спасыби, друже! Похвалысь,
Що люде и тебе знайшлы
И зналы, що зъ тебе зробыть...
Прощай же, друже! Ни хвалы,
А ни ганьбы я не сплитаю
Твоїй пустыни, въ ыншимъ краю,
Не знаю, може й нагадаю
Нудьгу колышнюю, колысь...

— Ну, какъ же однако Шевченко то попалъ въ матросы?! Не разсказывалъ онъ вамъ?—спрашивали мы Егора Тимофеевича.

— Разумѣется, какъ: Бутаковъ пожелалъ его взять къ себѣ; попросилъ начальство назначить, ну и назначили!... Хорошій былъ это, разумный и душевный человѣкъ, и покойный Тарасъ частенько таки его вспоминалъ, и всегда добрымъ словомъ. Тяжела была тогда, гг., наша степная служба, не въ примѣръ тяжелѣе нынѣшней, даже и для офицера то, а про солдата и говорить уже нечего! И шагистикой то, и ружейными пріемами занимайся, и походы ломай по жарѣ или холоду по этимъ безконечнымъ, безводнымъ степямъ—иногда даже на одномъ зачерствѣломъ сухарѣ, или чуть ли еще не хуже того! рой, бывало, да таскай на себѣ

землю для насыпки укрѣпленій, и это по цѣлымъ мѣсяцамъ, по жгучей жарѣ!... Конечно, не легко было служить и во флотѣ, но все же легче, чѣмъ въ строю, а уже особливо для Тараса. Первое и самое главное, какъ онъ самъ потомъ мнѣ разсказывалъ, не было этихъ ненавистныхъ для него шагистики и ружистики, второе, тамъ онъ уже не землю рылъ, а срисовывалъ берега, виды Сыра и Арала... ну съ, а затѣмъ и жилось ему то на шкунѣ, которою заправлялъ самъ Бутаковъ, куда уже лучше, чѣмъ на сушѣ, въ ротѣ...

Проплавалъ такимъ манеромъ нашъ Тарасъ два лѣта подрядъ по морю Аралу, берега, острова и воды котораго Бутаковъ обозрѣвалъ и описывалъ, оставаясь для этого на морѣ всякій разъ, безпрерывно, мѣсяцевъ по пяти... Не мало таки натерпѣлись при этомъ наши мореплаватели—и отъ штормовъ, и отъ лихорадокъ, и отъ непривычки къ жизни на водѣ, и даже отъ проклятыхъ комаровъ, которыхъ по берегамъ Арала носятся цѣлыя тучи... Впослѣдствіи всѣ нижніе чины, исполнявшіе обязанности матросовъ, а въ томъ числѣ и рядовой Тарасъ Шевченко, были даже удостоены за эти морскія кампаніи 1848—1849 гг. Высочайше дарованной денежной награды, каждый въ размѣрѣ по 5 руб. сер.

Морскою кампаніею 1849 г. окончилась однако и служба Шевченка на морѣ. Чтобы не оставлять его въ Роинѣ безъ себя, а еще пуще для того, чтобы похлопотать объ облегченіи его участи,—такъ какъ Шевченко все время своей морской службы велъ себя безукоризненно, много и трудился, и рисовалъ, и чертилъ,—Бутаковъ, отправляясь въ октябрѣ въ Оренбургъ для представленія начальнику края отчета о своихъ работахъ, взялъ съ собою, въ числѣ другихъ лицъ, сопровождавшихъ его туда, а именно: Поспѣлова, двухъ топографовъ, унтеръ-офицера Вернера, фельдшера и деньщика, и—рядоваго Шевченка. Отчетомъ Бутакова остались въ Оренбургѣ очень довольны,—такъ, что не только его, но и Поспѣлова скоро даже произвели въ слѣдующіе чины; но хлопоты его о Шевченкѣ уважены не были, и все это дѣло кончилось лишь тѣмъ, что вернули нашего Тараса опять на сушу, но только перевели съ Сыръ-Дарьи, изъ преж-

няго 4-го, въ 1-й линейный баталіонъ, штабъ котораго съ двумя ротами стоялъ тогда въ г. Уральскѣ.—Послѣ Оренбурга стоянка въ Уральскѣ, конечно, считалась у насъ, да и была, лучшею... но Тарасу только и пришлось, что перезимовать тамъ, такъ какъ въ 1850 году, съ открытіемъ навигаціи, его сейчасъ же переслали сначала въ Гурьевъ городокъ, а оттуда—въ Ново-Петровскъ, гдѣ занимали гарнизонъ другія двѣ роты 1-го баталіона и куда по веснѣ онъ и приплылъ по Каспію на „почтовой“ лодкѣ.—Вотъ, съ этой то собственно поры и началось мое знакомство съ нимъ... Я тогда командовалъ 3-ю ротою, а 4-ю, куда зачислили Шевченка, командовалъ штабсъ-капитанъ П—въ, отъ котораго я принялъ роту уже только въ 1852 году, когда П—ва перевели въ Уфу, а мнѣ приказали принять для командованія 4-ю роту, взамѣнъ моей, которую перемѣстили въ Уральскъ, откуда на смѣну ей прислали въ Ново-Петровскъ 1-ю.—Роты, занимавшія гарнизонъ въ Ново-Петровскѣ, смѣнялись поочередно обыкновенно каждые два года; ну, а офицеровъ при этомъ, которые поопытнѣе да посолиднѣе, такъ тѣхъ иногда начальство оставляло тамъ безсмѣнно года по четыре, по пяти, чего, напр., былъ удостоенъ и я.—Разумѣется, нелюбо было никому оставаться въ этомъ заброшенномъ за Каспій и будто Богомъ забытомъ укрѣпленіи, въ которомъ, повѣрите ли?—даже воды то колодезной, кромѣ какъ солонцеватой, не было другой!... Да что же будешь дѣлать?—Нашъ братъ, *арміушъ*, служитъ, вѣдь, не тамъ, гдѣ хочетъ, а гдѣ Богъ приведетъ да начальство повелитъ. Сначала, т. е. какъ построили мы только Ново-Петровскъ,—а моя рота, надо вамъ сказать, производила даже разбивку и закладку его въ 1846 г.,—такъ и Господи не приведи, какъ тамъ уже тягостно и печально было жить!—Море, по которому сообщенія были вообще не очень то часты,—съ одной стороны, а пустыннѣйшая пустыня — съ другой: ни купить, ни достать чего тебѣ!—Пока построили казармы, такъ долгое время мы и жили то въ юртахъ, словно киргизы!...—Правда, не вольготно,—куда какъ не вольготно жилось и потомъ!—Ну, да вы, вѣдь, знаете, гг., что человѣкъ привыкаетъ ко всему.—Мало по малу попривыкли и мы къ нашему,—какъ вѣрно называли его сол-

датики—*сибирному* Ново-Петровску,—не тѣмъ онъ будь помянутъ!—Пообстроились, пообзавелись, поприладились кое какъ... Понаѣзжали туда кое какіе и купчики и пооткрыли лавочки съ разными товарами и—даже погребокъ съ иностранными винами... Стали мы получать, хоть и не очень то исправно, „Русскій Инвалидъ“, „Пчелку“ и даже тогдашніе журналы „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“,—въ складчину, разумѣется; а кто сталъ привозить съ собою и разныя другія кое какія книжки,—все же нѣтъ-нѣтъ, да отъ скуки и почитаешь что нибудь!.. Ну-съ, ко многимъ, женатымъ,—а ихъ было больше половины,—попріѣзжали, наконецъ, и ихъ семейства: не врознь же было жить небогатымъ людямъ?!—Составилось такимъ манеромъ кой какое общество,—небольшое, правда, человѣкъ этакъ въ сорокъ, много—пятьдесятъ, считая тутъ, разумѣется, не только всѣхъ офицеровъ, но и всѣхъ чиновниковъ и купцовъ, что были почище. Общество наше жило промежду собой довольно дружно: вѣдь жизнь въ такомъ захолустьѣ невольно сближаетъ людей!... Днемъ, бывало, дѣлаемъ ученья, совершенствуя шагистику и ружистику, производимъ фортовыя работы, а по вечерамъ—собираемся, больше по семейнымъ домамъ, играемъ въ шашки, лото, преферансъ или ералашъ,—этакъ по одной двухсотой или трехсотой копѣйки: народъ то, вѣдь, все былъ куда какъ не богатый!... Когда невыносимыя жары лѣтомъ и такіе же вѣтры осенью и зимой не отбивали всякое желаніе выйти за крѣпость, то ѣзжали иногда и на охоты. Шѣвали по праздникамъ и въ церкви на клиросѣ; а то, когда у насъ впослѣдствіи составились изъ офицеровъ и солдатъ два маленькіе оркестра, то случалось, что и танцовали, и даже устраивали любительскіе спектакли въ пустопорожней казармѣ: вѣдь, надо же было какъ нибудь коротать время!...

— Ну, а Тарасъ то какъ сталъ жить-поживать по прибытіи въ Ново-Петровскъ? — нетерпѣливо прерывая невеселыя воспоминанія почтеннаго разсказчика, спросилъ его тотъ самый изъ нашихъ собесѣдниковъ, который только что продекламировалъ намъ стихотвореніе „Кобзаря“.

— Да не особенно то легко и сладко попервоначалу, — надо сказать правду!.....—пуская густые клубы дыма изъ трубки и

сморщивая свои густыя брови, продолжалъ Егоръ Тимофѣевичъ нѣсколько пониженнымъ голосомъ. — Теперь, гг., разумѣется, нѣтъ мало мальски образованнаго человѣка, который не зналъ бы имени Шевченка; а въ тѣ поры, да еще у насъ, за Каспіемъ, такъ про него никто и не слыхивалъ!—*Письменныхъ* объ немъ свѣдѣній въ роту не было выслано никакихъ; въ двухъ же предписаніяхъ, данныхъ баталіоннымъ штабомъ и комендантомъ ротному командиру, только всего и было, что въ первомъ указывалось—считать рядоваго Шевченка записаннымъ въ солдаты за политическія преступленія, а во второмъ постановлялось—имѣть за нимъ особый надзоръ и не дозволять ему ни писать, ни рисовать, ни даже имѣть при себѣ какія либо письменныя или рисовальныя принадлежности. Конечно, послѣднее запрещеніе наводило на мысль, что онъ должно быть былъ изъ числа писателей или художниковъ; но что онъ такое писалъ или рисовалъ? Откуда? Кто онъ такой и за что угодилъ въ солдаты?—того никто изъ насъ первое время не зналъ да, по правдѣ сказать, никто тѣмъ особенно и не интересовался, такъ какъ высылка такого рода людей въ наши степные баталіоны была по тѣмъ временамъ намъ не въ особенную то рѣдкость!... Ну съ, помѣстили его въ казарму, приставили для надзора надъ нимъ особаго дядьку изъ солдатъ, стали водить на фортовыя работы, на *муштру*... Все это, понятно, не легко уже само по себѣ и для всякаго, даже простаго и грубаго человѣка, прямо отъ сохи попавшаго на службу, а для Шевченка, хоть онъ былъ не изъ нѣженокъ и не изъ баловней, было тѣмъ тяжелѣй, что, на бѣду свою, онъ попалъ подъ начальство то П—ва. Необразованный, несердечный да, при томъ,—что таить правду,—часто и неумѣстно грубый и строгій былъ это человѣкъ... Не любили его даже офицеры, а уже про роту и про Шевченка и говорить нечего: они просто его ненавидѣли! Допималъ П—въ Шевченка не тѣмъ, изволите видѣть, что не дѣлалъ для него исключеній или послабленій, о чемъ тотъ и не помышлялъ, зная, что П—въ и самъ только исполнитель приказаній свыше, а всякими мелочными да просто таки и ненужными придирками,—точно онъ, будто бы, надсмѣивался надъ человѣкомъ и безъ того уже тер-

пящимъ. То, бывало, ни съ того ни съ другого, начнетъ у него выворачивать карманы, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли у него тамъ карандаша, либо чего писаннаго или рисованнаго. То станетъ издѣваться надъ нимъ за не совсѣмъ громкій и солдатскій отвѣтъ на вопросъ, или за опущенныя при этомъ внизъ глаза, и т. п. Но больше всего онъ изводилъ Тараса требованіемъ тонкой выправки, маршировки и ружейныхъ пріемовъ, которые составляли тогда идеалъ солдатскаго образованія и которые Тарасу, при всемъ даже его старапіи, не давались никакъ!...—„Не постичь мнѣ этой *премудрости*,—хочъ тутъ ложись да и помирай!“ съ отчаяніемъ говаривалъ, бывало, послѣ ученій, бѣдняга самъ неоднократно мнѣ.—Да и дѣйствительно, стоило только на ученьи взглянуть, бывало, на его фигуру подъ ружьемъ, чтобы васъ разобрали и смѣхъ, и горе!—ну, видимо, что человѣкъ совсѣмъ, какъ есть, неспособенъ къ тому!...—„Ну, развѣ ты самъ не видишь этого?“ случилось, говаривали мы иногда П—ву, желая усовѣстить и умѣрить его требованія къ несчастному. Такъ куда тутъ!—„А мнѣ, говоритъ,—потомъ отвѣчать за него на смотрахъ?!...—„А что братъ, Тарасъ,—разъ шутя, сказалъ ему одинъ молодой офицеръ послѣ ученья,—вѣдь лучше было бы, если бы тебя опять послали на морскую службу или назначили въ козаки?!...—Вѣдь служба на чайкѣ или на конѣ больше вамъ, запорожцамъ то, съ руки, чѣмъ въ пѣхотѣ!...“

— „А еще лучше было бы мнѣ—или совсѣмъ на свѣтъ не родиться, или умереть поскорѣй...“—отвѣчалъ на это, понуря голову, Тарасъ, и двѣ крупныя слезинки,—вотъ, какъ теперь, вижу,—такъ и скатились у него съ глазъ...—Да-съ, не легко, и даже очень не легко жилось ему, бѣднягѣ, въ Ново-Петровскѣ, а особенно по началу... Но потомъ, какъ водится, дѣло помаленьку обошлось. Тутъ же, кстати,—точно уже не помню, когда именно, но кажется, что въ іюнѣ 1852 г.—разрѣшено ему было и писать, и рисовать, хотя, впрочемъ, и подъ надзоромъ особаго офицера.—Ну, разузнали мы мало-помалу, и что за человѣкъ былъ Тарасъ, и за какіе такіе грѣхи попалъ подъ красную шапку... А какъ разузнали, то всѣ его полюбили и стали вездѣ его принимать, какъ своего, и въ холостыхъ и въ семейныхъ

домахъ, начиная съ коменданта, дѣтямъ котораго онъ началъ давать уроки.—Да и трудно, знаете, было его не полюбить, потому что онъ умѣлъ и держать то себя хорошо, да и былъ то мало того, что очень, очень разумный, но и совсѣмъ хорошій, какъ говорится, душевный человѣкъ, съ которымъ даже и не въ Ново-Петровскѣ, и не нашему брату, простому офицеру, было бы не только пріятно, но, можно сказать,—и пользительно побесѣдовать. Да-съ!...—Сближался онъ съ людьми какъ то съ опаскою, не скоро.—При встрѣчахъ съ малознакомыми, или съ такими, которыхъ онъ не подлюбливалъ, не добьешся, бывало, отъ него ни слова: сидитъ себѣ насупившись, точно воды въ ротъ набралъ! Случалось это, впрочемъ, съ нимъ и такъ, когда находилъ на него какъ будто какой худой стихъ?!—Тогда хоть и не зови его! Сидитъ себѣ, хмурый—хмурый, да молча рисуетъ или лѣпитъ что нибудь, а то, бывало, и просто такъ сидитъ, точно замершій, на мѣстѣ въ какомъ нибудь пустынномъ юру, да, пригорюнившись, глядитъ куда то вдаль... Но за то иногда, хотя и не часто, да уже какъ разойдется, разговорится, да начнетъ сыпать разныя свои поговорки да анекдоты,—а онъ ихъ зналъ тьму!—или же какъ начнетъ при этомъ изображать въ лицахъ купцовъ, поповъ, дьяковъ, старообрядцевъ,—а онъ и на это былъ мастеръ!—тогда веселья и хохоту, бывало, просто не бывало конца!...

Что онъ писалъ въ Ново-Петровскѣ — того доподлинно сказать не умѣю. А рисовалъ и лилъ изъ алебастра много,—разумѣется съ тѣхъ поръ, какъ ему это было разрѣшено. Такъ, онъ охотно рисовалъ портреты съ офицеровъ и дамъ, но не красками, а разноцвѣтными карандашами, и нѣкоторые изъ этихъ портретовъ, хотя впрочемъ не всѣ, отличались большимъ сходствомъ. Лучшими изъ нихъ считались у насъ портреты коменданта и мой...

— Гдѣ же онъ? покажите, пожалуйста, — единогласно воскликнули мы всѣ.

— Гм... гдѣ?!—да развѣ многое сбережешь, гг., при перекочевкѣ, при которой прошла большая часть моей службы?!—При переѣздѣ въ Корамахчи, на Сыръ-Дарью, затерялся какъ то, а

можетъ гдѣ и украли, мой сундучекъ, а съ нимъ и портретъ мой... А то вотъ, гг., разскажу вамъ любопытный случай.— Одинъ разъ, лѣтомъ, этакъ около 6 час. утра, съ южной стороны моря, появился великолѣпный и такъ долго державшійся миражъ, изображающій какой то неизвѣстный намъ городъ съ домами, башнями, и проч., что Шевченко успѣлъ даже отлично срисовать все это видѣніе. — Проходитъ довольно продолжительное время. Дивимся мы на картину и ума приложить не умѣемъ, что же бы это за городъ такой могъ такъ живо отразиться въ воздухѣ?! Только приходитъ въ Ново-Петровскъ пароходъ „Ленкорань". Шевченко возьми да и покажи свою картину морскимъ офицерамъ. Представьте же себѣ наше общее удивленіе, когда тѣ въ одинъ голосъ воскликнули: „да это Астрабатъ!!..." и тутъ же начали показывать и башни и дома: „вотъ,— говорятъ,—это такая то, а вотъ то такой то, и т. д..."

Изъ множества фигуръ и статуэтокъ, которые онъ выливалъ изъ алебастра, мнѣ особенно врѣзались въ памяти двѣ его группы. Одна изображала Христа, мучимаго іудеями: спереди предъ Христомъ, сидящимъ въ терновомъ вѣнкѣ, сидитъ на колѣняхъ жидъ, высунувшій языкъ и, видимо, дразнящій его, а позади стоитъ другой, стегающій плетью Спасителя по спинѣ. Другая группа изображала сцену изъ киргизской жизни: стоитъ кибитка съ поднятою отъ жары кошмою [1]). Въ глубинѣ кибитки сидитъ киргизъ въ кошемной, нѣсколько на бокъ, шляпѣ, съ довольною физіономіею и играетъ на домбрѣ (балалайкѣ).—Снаружи, у дверей, съ улыбкою на губахъ и съ головой, повернутой къ нему, стоитъ его жена и толчетъ просо. У ногъ ея двое маленькихъ, голыхъ киргизятокъ, играющихъ между собою. Съ правой стороны лежитъ привязанный къ кибиткѣ теленокъ, а съ лѣвой—двѣ козы. Превосходныя, знаете, были обѣ эти группы!— Послѣдняя была и у меня, да въ проклятомъ переѣздѣ чрезъ степь искрошилась на бѣду въ порошокъ.—Вѣдь, при нашихъ переѣздахъ и желѣзныя то вещи портятся дорогой, а гдѣ же тутъ сохранить алебастровыя?!... И портреты наши срисовывалъ, и

[1]) Кошма—войлокъ.

алебастровыя свои произведенія намъ раздавалъ Шевченко обыкновенно даромъ.—Но всѣ мы, зная крайне стѣсненное положеніе его, подъ всякими благовидными и необидными для него предлогами, всячески старались какъ либо отдариться за то, помочь ему и вообще не остаться въ долгу...

Я уже докладывалъ вамъ, гг., что съ 1852 г. Шевченко сталъ все больше и больше вхожъ въ наше маленькое общество, которое такъ, наконецъ, полюбило его, что безъ него не устраивало, бывало, уже ничего,—были то обѣдъ или ужинъ по какому либо случаю, любительскій спектакль, поѣздка на охоту, простое какое либо сборище холостяковъ, или пѣвческій хоръ.

Хоръ этотъ устраивали офицеры, и Шевченко, обладавшій хорошимъ и чистымъ теноромъ и знавшій много чудесныхъ украинскихъ пѣсенъ, былъ постояннымъ участникомъ этого хора, который, право же, очень и очень недурно пѣвалъ и русскія, и украинскія пѣсни, а по праздникамъ такъ и въ церкви, на клиросѣ.

Про обѣды да ужины, которые, случалось, оканчивались иногда и попойками, въ которыхъ участвовалъ и Тарасъ, любившій, къ сожалѣнію, иногда таки выпить, или какъ онъ самъ говаривалъ: „убить съ горя муху“, говорить не стоитъ: были они, какъ и всѣ подобные обѣды и ужины! Ну, а про тѣ спектакли, въ которыхъ онъ принималъ самое дѣятельное участіе, какъ актеръ и декораторъ, нельзя не вспомнить,—тѣмъ болѣе, что безъ него, при всемъ увлеченіи и стараніи, съ какими разучивали и играли свои роли прочіе актеры-любители, врядъ ли эта затѣя наша возбудила бы тотъ восторгъ, съ какимъ встрѣтила ее наша ново-петровская публика, которою всякій разъ буквально биткомъ наполнялась казарма, гдѣ шли спектакли.

На первыхъ двухъ спектакляхъ оба раза шла комедія Островскаго: „Свои люди,-- сочтемся!“ повторенная по общему и единогласному желанію всей публики. Въ комедіи этой, кромѣ роли Расположенскаго, которую взялъ на себя Шевченко, всѣ роли, даже женскія, играть въ которыхъ наши дамы не пожелали, исполнялись офицерами... Игралъ въ ней,—смѣхъ, ей-Богу, вспомнить!—и я роль Подхалюзина, въ костюмѣ же котораго,

въ антрактахъ, сходилъ еще и въ оркестръ, чтобы играть на скрипкѣ, безъ которой тотъ обойтись не могъ; ну, да, вѣдь, по пословицѣ: „охоту тѣшить — не бѣду платить!“...—Такъ какъ, надо вамъ сказать,—генеральной репетиціи у насъ не было, а на репетиціяхъ Шевченко никогда настояще не игралъ, то мы, понятно, и не знали, какой то выйдетъ изъ него Рисположенскій? Но когда, на первомъ представленіи, онъ появился на сценѣ закостюмированный да началъ уже играть, такъ не только публика, но даже мы, актеры, пришли въ изумленіе и восторгъ!... Ну,—повѣрите ли?—точно онъ преобразился?! ну, ничего въ немъ не осталось Тарасовскаго: ярыга, чистая ярыга того времени,—и по виду, и по голосу, и по ухваткамъ!...

Послѣ перваго спектакля, бывшій тогда комендантомъ нашимъ, превосходный и умница человѣкъ, подполковникъ Маевскій,—вѣчная ему память!—устроилъ для насъ, актеровъ, и другихъ офицеровъ и ихъ семействъ ужинъ, а затѣмъ танцы, продолжавшіеся до разсвѣта.—Такъ, вотъ, послѣ этого ужина Маевскій подошелъ къ Шевченку, чокнулся съ нимъ и правду сказалъ: „богато тебя, Тарасъ Григорьевичъ, одѣлилъ Богъ: и поэтъ то ты, и живописецъ, и скульпторъ да еще, какъ оказывается, и актеръ... Жаль, голубчикъ мой, одного,—что не одѣлилъ онъ тебя счастіемъ!...—Ну, да Богъ же не безъ милости, а козакъ не безъ счастія!“...

Третій спектакль заключался въ двухъ водевиляхъ, игранныхъ уже одними нижними чинами, которые, право же, весьма недурно исполнили свои роли. Шевченко, по мысли котораго и устроился этотъ спектакль, котораго онъ былъ и душею, самъ однако въ немъ не игралъ, но за то разутѣшилъ публику такимъ неожиданнымъ сюрпризомъ, что она отъ восторга чуть не спятила съ ума!—Во время антракта вдругъ подымается занавѣсъ; музыка начинаетъ играть плясовой малороссійскій мотивъ, а на сценѣ появляются Тарасъ, переодѣтый въ малоросса, и молодой прапорщикъ Б., переодѣтый въ малороссіянку, да какъ „ушкварятъ“ украинскаго трепака, такъ просто отдай все, да и мало! — Отъ криковъ bis да апплодисментовъ едва казарма не развалилась: ей-Богу!... Надивилъ тогда Тарасъ насъ всѣхъ

своимъ искусствомъ въ пляскѣ!—Потомъ, какъ узнали за нимъ и этотъ секретъ, то по вечеринкамъ частенько таки упрашивали его проплясать своего трепака, и когда онъ бывалъ въ духѣ или немножко, какъ говорится,—„подъ шефе“, то бывало, и плясывалъ, и пѣвалъ...

— А Тарасъ то частенько бывалъ „подъ шефе“, какъ вы говорите, Егоръ Тимофѣевичъ?...

— Ну!... часто не часто, а бывалъ таки. Да „подъ шефе“, это что!—пустяки: тогда одни только пѣсни, пляски, остроумные разсказы.—А вотъ худо, когда, бывало, онъ хватитъ уже черезъ край. А и это, хотя, правда, рѣдко, а случалось съ нимъ послѣдніе, этакъ года два, три...—Разъ, знаете, лѣтомъ выхожу я часа въ три ночи вздохнуть свѣжаго воздуха. Только вдругъ слышу пѣніе.—Надѣлъ я шашку, взялъ съ собою дежурнаго, да и пошелъ по направленію къ офицерскому флигелю, откуда неслись голоса.—И что же, вы думаете, вижу? Четверо несутъ на плечахъ дверь, снятую съ петлей, на которой лежатъ два человѣка, покрытые шинелью, а остальные идутъ по сторонамъ и поютъ: „Святый Боже, Святый крѣпкій!“—точно хоронятъ кого.—„Что это вы, гг., дѣлаете?“—спрашиваю ихъ.—„Да, вотъ, говорятъ, гулянка у насъ была, на которой двое нашихъ, Тарасъ да поручикъ Б., легли костьми,—ну, вотъ, мы ихъ и разносимъ по домамъ“...—Само собою разумѣется, на другой день всѣхъ ихъ, рабовъ божіихъ, и тѣхъ, кто хоронилъ, и тѣхъ, кого хоронили, кого посадили на гауптвахту, кого нарядили на дежурство... А то другой разъ поѣхали мы какъ то большой компаніей на охоту, на Лбище. Это будетъ верстахъ, этакъ, въ 15-ти отъ крѣпости, на крутомъ берегу, откуда открываются великолѣпные виды на Каспій и на острова Каменный и Куломинскій и гдѣ, бывало, кишмя-кишатъ дупеля, куропатки, рябчики, утки. Взяли, разумѣется, съ собою и Тараса, который,—какъ теперь вижу его!—былъ еще тогда одѣтъ въ равендучномъ пальто, а на головѣ имѣлъ тростниковую шляпу съ широкими полями, имъ же самимъ сплетенную на Мангишлакѣ. Всей охотой заправлялъ комендантъ, страстный и хорошій охотникъ.—Ну-съ, пріѣхали мы часа въ 4 утра къ развалинамъ какой то старинной турк-

менской крѣпостцы; приказали здѣсь повару готовить намъ обѣдъ; повѣрили по комендантскимъ свои часы и разошлись въ разныя стороны охотиться, условившись къ 12 ч. дня собраться къ обѣду.—Шевченко пошелъ однако не на охоту, которой вообще не любилъ, а на берегъ, неподалеку отъ крѣпостцы, чтобы рисовать морскіе виды.—Къ условному часу собрались мы. Обѣдъ былъ уже готовъ.—„А ну-ка, гг.,—говоритъ комендантъ,—теперь можно кажется выпить и по чарочкѣ!... подай ка,—говоритъ козаку,—водку то!“—Приноситъ тотъ четыре бутылки, въ которыхъ была порученная ему водка, но только три изъ нихъ уже совсѣмъ пустыя, а въ четвертой, много-много, на донушкѣ рюмки съ двѣ, а самъ, разумѣется, и лыка не вяжетъ.—„А гдѣ же однако Шевченко, гг.?“—вспомнилъ кто то изъ охотниковъ.—Пошли искать его и находятъ на берегу: портфель съ набросаннымъ рисункомъ лежитъ подлѣ, а самъ онъ непробудно спитъ.—Оказалось, что онъ съ козакомъ выпили четыре бутылки водки!... Смѣху тутъ и шуткамъ не было конца; но мнѣ, знаете ли, было и больно, и досадно за него: ну, пусть бы еще козакъ то, простой,—необразованный человѣкъ... а онъ то?!... Такъ, знаете, на арбѣ [1]), въ безчувственномъ состояніи, привезли мы его и въ крѣпость.—На другой день, сгоряча, я нарядилъ его не въ очередь въ караулъ.—Сутокъ трое послѣ того не говорилъ даже съ нимъ; ну, а затѣмъ, призываю его къ себѣ:—„Бога,—говорю,—ты не боишься, Тарасъ Григорьевичъ! Хотя бы малость себя же поберегъ!—Вѣдь, предъ тобой еще цѣлая жизнь!“

— Да на что мнѣ эта жизнь? говоритъ,—кому она нужна?!... со свѣту бы поскорѣй!...

Ну-съ, вотъ, такимъ то манеромъ жили мы поживали да про крымскую войну читали, какъ, вдругъ, точно громъ съ неба!—получаемъ извѣстіе о смерти Императора Николая Павловича. Пригорюнились таки мы всѣ при этомъ, а очень, очень многіе таки и сплакнули съ... ну, а потомъ, мало по малу, ободрились: новый царь, новыя, значитъ, милости! Ободрился при этомъ и нашъ Тарасъ. Но проходитъ годъ, проходитъ коронація, полу-

[1]) Арба—двухколесная повозка.

чается и манифестъ, а про Тараса, какъ говорится, ни гугу! Запечалился онъ тогда, бѣдняга, такъ запечалился, что иногда, вѣрите ли, я побаивался, какъ бы онъ и руку на себя не наложилъ?! Вотъ, въ эту то пору онъ и сталъ особенно попивать горькую; а до того когда-когда, развѣ уже въ компаніи!... Часто въ эту пору я и уговаривалъ, и утѣшалъ его, что „Богъ де не безъ милости", такъ только, бывало, махнетъ рукой да скажетъ: „для всѣхъ, да только, видно не для меня!"

По поздней осени 1856 г. отправился я въ отпускъ, въ Уральскъ; женился тамъ; а по веснѣ 1857 г. опять вернулся въ Ново-Петровскъ, гдѣ засталъ Тараса въ добромъ здоровьѣ и какъ будто немножечко ставшаго пободрѣй. Получилъ онъ, изволите видѣть, нѣсколько писемъ отъ разныхъ друзей и отъ какой то даже графини, которые утѣшали его надеждою на скорый возвратъ до дому. Онъ самъ мнѣ и показывалъ эти письма... Тутъ опять произошла смѣна ротъ: 4-ю отправили въ Уральскъ, а мнѣ велѣли принять прибывшую на ея мѣсто, 2-ю, куда я и перевелъ Шевченка, чего и онъ да я и самъ хотѣлъ, чтобы уже, знаете, не разставаться намъ. Такъ и прожили мы съ нимъ до августа, когда, не помню уже какого числа, вдругъ получается распоряженіе: отправить рядоваго Шевченка въ г. Уральскъ, а оттуда уволить со службы, возвративъ въ первобытное состояніе. О радости его при этомъ не стану уже и говорить. Радовались за него многіе, а уже особенно я, хотя мнѣ было и очень грустно съ нимъ разставаться: вѣдь, столько лѣтъ прожили вмѣстѣ, дѣлили столько горя и радости... да и хорошій, сердечный, даровитый человѣкъ былъ Тарасъ, хотя, какъ вѣрно замѣтилъ Маевскій, судьба и одѣлила его всѣмъ, кромѣ счастія!... Крѣпко-крѣпко обнялся я на прощанье съ Тарасомъ, провожая его въ путь и усаживая на почтовую лодку, на которой онъ отправился въ Уральскъ. Больше мы уже съ нимъ, вѣчная ему память! не встрѣчались.

Ну, вотъ, гг., и все, что я могу сообщить вамъ о Шевченкѣ.

— Баснями соловья не кормятъ,—замѣтила Егору Тимофеевичу его почтенная супруга,—ты и забылъ, что уже 1-й часъ и пора попросить ихъ закусить, чѣмъ Богъ послалъ.

Около 2-хъ часовъ ночи мы разъѣхались съ квартиры нашего гостепріимнаго и, по истинѣ, милаго, симпатичнаго хозяина.

Пока мы слушали безъискусственные разсказы его и ужинали, погода, какъ это нерѣдко бываетъ въ степяхъ, опять уже измѣнилась. Вѣтеръ утихъ; морозъ опять усилился градусовъ до 15-ти, тучи исчезли и надъ нами высилось чистое, безоблачное, засыпанное сверкающими звѣздами небо. Въ 6 час. утра я уже покидалъ Казалинскъ, невольно, по пути, вспоминая Раимское укрѣпленіе, фортъ Косъ-Аральскій и стихи Шевченка, неотвязчиво преслѣдовавшіе меня всю дорогу:

«Прощай, убогый Косъ-Арале!»...

Н. Д. Н.

Особенности статистическаго изслѣдованія курской губерніи.

(Курская губ. Итоги статистическаго изслѣдованія. Курскъ. 1887).

Въ работахъ земскихъ статистиковъ, помимо чисто практическихъ данныхъ, можно часто найти болѣе или менѣе интересные факты и обобщенія, имѣющіе широкій интересъ, любопытные не однимъ только спеціалистамъ. Еще большій интересъ имѣютъ этого характера работы, представляющія собой уже обобщеніе по такому громадному району, какъ губернія. „Итоги статистическаго изслѣдованія“ курской губерніи являются одной изъ первыхъ книгъ, суммирующихъ изслѣдованія по цѣлой губерніи; въ въ другихъ губерніяхъ, какъ напримѣръ, въ черниговской, статистическія изслѣдованія хотя и закончены, но добытыя данныя сгруппированы въ поуѣздныхъ сборникахъ и еще не сведены въ одну книгу по цѣлой губерніи. Разсматриваемая нами книга, кромѣ общаго интереса, заслуживаетъ вниманія еще и потому, что, съ одной стороны, совѣтомъ московскаго университета удостоена самаринской преміи, а съ другой—мѣстнымъ земствомъ признана никуда негодной. Авторъ этой книги—статистикъ, руководившій изслѣдованіемъ курской губерніи,—г. Ив. Вернеръ.

Курская губернія лежитъ почти въ центрѣ Европейской Россіи; протяженіе ея съ сѣвера на югъ 225 верстъ, а съ В. на З.—310 вер. [1]).

[1]) Въ „Итогахъ“, благодаря спѣшности печатанія, есть много неисправленныхъ опечатокъ въ цифрахъ. Такъ, протяженіе губерніи по даннымъ центральнаго

Самая высокая точка надъ уровнемъ моря на этой площади 1016 ф. у. г. Тима [1]), средняя же абсолютная высота губерніи 776 ф. [2]).

„Общій характеръ растительнаго слоя курской губерніи—это черноземъ сѣровато-чернаго цвѣта глубиною отъ 4 верш. до 2 арш. и болѣе“ („Итоги“, стр. 36). „Употребляя общепринятую терминологію, почвы эти не особенно жирны, не холодны, не тяжелы, влагоёмки и достаточно дѣятельны. Онѣ требуютъ среднее количество органическихъ удобрительныхъ веществъ, которыя усваиваются не столь медленно, какъ въ песчаныхъ почвахъ, и въ то же время дѣйствуютъ несравненно дольше, чѣмъ въ послѣднихъ“ (стр. 39). Въ частности почвы курской губ. можно подраздѣлить на: 1) глубокій суглинистый черноземъ (до 3 фут.) въ сѣверо-восточной части губерніи, 2) мелкій черноземъ—въ западной, 3) суглинокъ въ сѣверной, 4) супесокъ и песокъ по берегамъ рѣкъ (впрочемъ не вездѣ) Свапы, Псла, Оскола, Сѣвернаго Донца и Ворсклы, и 5) мѣловой и известковый черноземъ близь системы Сѣвернаго Донца, по преимуществу на югѣ бѣлгородскаго уѣзда. Эти почвы „на практикѣ различаются лишь тѣмъ, что требуютъ нѣсколько иной обработки, вознаграждаютъ же онѣ эту обработку почти одинаково“ (стр. 41).

Говоря подробно о климатѣ курской губ., г. Вернеръ не приводитъ замѣчанія академика Веселовскаго, работами котораго онъ пользовался, что средняя температура въ южной части курской губ. на 0,6° выше, чѣмъ въ сѣверной [3]).

На описанной площади съ такими почвенными и климатическими условіями, современными уже болѣе или менѣе намъ, въ XVI вѣкѣ столкнулись въ своемъ массовомъ разселеніи малороссы, направлявшіеся съ юга, и великороссы, шедшіе съ сѣвера. Ко времени изслѣдованія губерніи г. Вернеромъ (1883—1885 гг.) обѣ народности слились: „отъ близкаго соприкосновенія великорусскаго и малорусскаго населенія между ними почти изгладилась разница, и даже получился какой то особенный средній языкъ“ (стр. 58).

Фактъ, указываемый г. Вернеромъ, не можетъ не поразить всякаго, сколько нибудь знакомаго съ этнографіей племенъ, населяю-

---

статистическаго комитета („Списокъ населенныхъ мѣстъ“) слѣдующее: съ С. на Ю.—190 в. а съ В. на З.—273 вер.

[1]) Ibid.—1019 ф.

[2]) Ibid.—780 ф.

[3]) Средняя годовая температура для г. Курска 5,19, лѣто—18,3, зима—8,2° Среднее количество осадковъ въ году—17,82 дюйма; на лѣтніе мѣсяцы приходится

щихъ Россію. Если бы мы, принявши сообщаемый г. Вернеромъ фактъ за несомнѣнный, попытались опредѣлить приблизительно время, когда могла произойти ассимиляція малорусской и великорусской народностей, то оказалось бы, что это грандіозное явленіе совершилось въ замѣчательно короткій промежутокъ времени—съ 1862 по 1883 годъ и при томъ только въ административныхъ границахъ курской губер. Въ сосѣднихъ губерніяхъ, какъ напримѣръ, въ богодуховскомъ уѣздѣ харьковской губ., прилегающемъ къ грайворонскому уѣзду курской, малорусская народность по земско-статистическимъ изслѣдованіямъ оказывается еще не слившейся съ великорусской, а сохраняетъ свои особенности: въ говорѣ, численномъ составѣ семьи, обстановкѣ сельско-хозяйственной жизни и т. д. [1]). Мы говоримъ, что если вѣрить г. Вернеру о сліяніи малорусской и великорусской народности въ административныхъ границахъ курской губ., то это сліяніе произошло послѣ 1862 г., на слѣдующихъ основаніяхъ. По даннымъ, собраннымъ въ 1862 году, старшій редакторъ въ центральномъ статистическомъ комитетѣ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ г. Артемьевъ сдѣлалъ слѣдующую характеристику малороссовъ и великороссовъ въ курской губ.: „Должно замѣтить, что въ курской губ. и великороссы во многомъ различаются отъ жителей другихъ губерній и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляютъ собою какъ бы переходъ къ южноруссамъ. Особенно это замѣтно въ языкѣ курянъ, отличающемся какимъ то смягченіемъ въ произношеніи многихъ буквъ, что наиболѣе свойственно малорусскому нарѣчію; кромѣ того употребляется очень много словъ чисто малорусскихъ; но въ бытѣ и обычаяхъ великороссіяне значительно разнятся отъ малороссіянъ: они хотя и зовутъ свою „избу“ по малороссійски „хатою“, однако содержатъ ее не въ малороссійской чистотѣ и опрятности. Одна изъ рѣзко бросающихся особенностей во внѣшности курянина,—это употребленіе бѣлыхъ шляпъ въ формѣ колпака, валяныхъ изъ шерсти. Въ женскомъ нарядѣ великорусскихъ селеній также замѣчательны головные уборы и повязки, очень разно-

---

осадковъ 7,40 д., на весну 4,62 д., осень 4,30 д. и на зиму 1,50 д. Дней съ осадками 153,8; наибольше ихъ бываетъ въ іюнѣ (15) и декабрѣ, а также весной. Изъ вѣтровъ чаще другихъ дуетъ западный, а изъ восточныхъ наименѣе вредный—юго-восточный.

[1]) „Сборникъ статистико-экономическихъ и оцѣночныхъ свѣдѣній по богодуховскому уѣзду“. Харьковъ. 1886 г. Матеріалъ собранъ и обработанъ А. С. Бориневичемъ при сотрудничествѣ К. Ф. Ухачъ-Охоровича и С. И. Лопачевскаго. На этотъ сборникъ придется намъ еще ссылаться.

образные. Эти бѣлые колпаки мужчинъ и своеобразные кокошники женщинъ (особенно въ с. Увеселительномъ, обоянскаго уѣзда) да и самую особенность курскаго говора едва ли не слѣдуетъ считать остатками далекой древности, указывающими на то, что коренные обитатели здѣшняго края, хотя были славяне, однако отличавшіеся отъ славянъ новгородскихъ и кіевскихъ,—именно сѣверяне, болѣе близкіе къ кривичамъ, древлянамъ, радимичамъ и вятичамъ. — Малороссіяне въ образѣ жизни, домоводствѣ, костюмѣ сохраняютъ гораздо больше единства съ поднѣпровскими своими собратьями“ [1]). Кромѣ внѣшней обстановки жилищъ, говора и одежды малороссіяне въ курской губ. отличаются отъ великороссовъ и въ экономической обстановкѣ жизни, насколько это различіе можетъ происходить отъ употребленія того или инаго пользовательнаго и рабочаго скота, а само собой — и орудій обработки почвы: касаясь скотоводства въ курской губ., г. Артемьевъ, между прочимъ, говоритъ: „Лошади болѣе развиты въ сѣверныхъ и центральныхъ уѣздахъ; рогатаго скота и овецъ насчитывается больше въ уѣздахъ южныхъ: это объясняется тѣмъ, что въ сѣверныхъ уѣздахъ, гуще населенныхъ великороссами, для всѣхъ работъ по преимуществу употребляются лошади, тогда какъ между малороссіянами полевыя работы и перевозка тяжестей производятся больше волами“ [2]). Вообще признаки отличавшіе малороссіянъ отъ великороссовъ, въ 1862 году были настолько ясны, что дали возможность исчислить эти народности. Процентное отношеніе малороссовъ по всему населенію въ уѣздахъ было слѣдующее: въ грайворонскомъ $57{,}_{34}$ %; новооскольскомъ $55{,}_{90}$; путивльскомъ $50{,}_{52}$, суджанскомъ $46{,}_{27}$; рыльскомъ $41{,}_{76}$; бѣлгородскомъ $34{,}_{29}$; корочанскомъ $26{,}_{41}$; старооскольскомъ $13{,}_{82}$; обоянскомъ $11{,}_{37}$; льговскомъ $9{,}_{58}$; дмитріевскомъ $2{,}_{49}$; тимскомъ $2{,}_{18}$; курскомъ $2{,}_{02}$ и фатежскомъ $0{,}_{11}$. Совершенно не было малороссіянъ только въ одномъ щигровскомъ уѣздѣ; въ общемъ же по губерніи эта народность составляла немного менѣе $^1/_4$ всего населенія (23 %) [3]). Что факты, представленные въ „Спискѣ населенныхъ мѣстъ“ ц. ст. комитета, не вымышленны, убѣждаетъ насъ то обстоятельство, что вслѣдъ за характеристикой малороссіянъ и великороссовъ говорится о «бѣлоруссахъ» (они же «горюны»), которыхъ въ курской губ. по матеріаламъ, бывшимъ

---

[1]) „Списокъ населенныхъ мѣстъ“ стр. L и LI.

[2]) Ibid. стр. LVI.

[3]) Ibid. стр. L.

въ распоряженіи центр. ст. комитета, насчитывалось 23.000. Эти бѣлоруссы были для г. Артемьева загадкой и онъ говоритъ о нихъ условно. Но недавно появившаяся статья г. Добротворскаго «Саяны» [1]) разсѣеваетъ всякія сомнѣнія о существованіи въ курской губ. еще одной народности, кромѣ великороссіянъ и малороссіянъ, а тѣмъ самымъ потверждаетъ, что матеріалы, которыми располагалъ г. Артемьевъ для характеристики народностей въ курской губ., заслуживаютъ полнаго довѣрія.

Слѣдовательно, малороссіяне въ 1862 г. еще были въ курской губ.; если же г. Вернеръ при своихъ изслѣдованіяхъ губерніи не могъ различить малороссіянъ отъ великороссовъ, то нужно признать одно изъ двухъ: либо эта народность ассимилировалась, какъ говоритъ г. Вернеръ, и именно съ 1862 по 1883 г., либо статистикъ былъ крайне невнимателенъ къ мѣстнымъ особенностямъ края. Мы, конечно, склоняемся ко второму предположенію, такъ какъ не можемъ допустить, помимо болѣе глубокихъ соображеній, чтобы саяны (они же бѣлоруссы, они же горюны) въ незначительномъ сравнительно количествѣ (23 тыс.) могли удержать свои національныя черты, а 400 тысячное населеніе малороссовъ въ то же время [2]) ассимилировалось настолько съ великороссами, что ихъ нельзя было отличить другъ отъ друга.

Заключеніе объ ассимиляціи малорусской и великорусской народностей могло, впрочемъ, произойти и отъ того, что руководители статистическими работами въ курской губ,, сначала В. И. Орловъ (подъ его руководствомъ описанъ только одинъ курскій уѣздъ), а затѣмъ Ип. Вернеръ не придавали никакого значенія этнографическимъ особенностямъ населенія изслѣдуемаго края. Программа, по которой изслѣдовалась курская губ., измѣнялась нѣсколько разъ, всѣ

---

[1]) Вѣстникъ Европы. Сентябрь. 1888 г. Саянъ г. Добротворскій характеризуетъ такъ: „что саяны составляютъ особую народность, совершенно отдѣльную „этнографическую вѣтвь“—это доказывается ихъ своеобразной одеждой, такъ рѣзко отличающеюся отъ одежды хохловъ и русскихъ, особенностями въ говорѣ, нравахъ, обычаяхъ, ихъ оригинальными сказками, пѣснями, и, наконецъ, самымъ ихъ названіемъ. Саяны изстари живутъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ русскими, и если ихъ этнографическій типъ сохранился до сихъ поръ, то этимъ они обязаны несомнѣнно тому обстоятельству, что они *составляютъ народность*, а не продуктъ одной только простой областной особенности“ (стр. 198 и 199).

[2]) Г. Добротворскій, авторъ статьи „Саяны“, кажется сотрудникъ г. Вернера по изслѣдованію курской губ. и наблюденія его, очевидно, относятся къ тому же времени, къ которому относятся наблюденія и г. Вернера.

больше и больше увеличиваясь въ числѣ вопросовъ, предлагавшихся статистиками каждому домохозяину отдѣльно и сходу крестьянъ. Но въ самомъ обширномъ своемъ объемѣ программа эта не заключаетъ въ себѣ вопроса о національности опрашиваемаго лица или цѣлой общины. Очевидно, гг. Орловымъ и Вернеромъ заблаговременно еще было усвоено, что вопросъ объ этнографическомъ составѣ населенія не нуженъ ни для практическихъ цѣлей земства, ни для науки. Не желая входить въ разсмотрѣніе этого вопроса по существу, укажемъ только, что многіе земскіе статистики, работы которыхъ намъ извѣстны, держатся инаго взгляда: изслѣдуя населеніе и его бытовыя и сельскохозяйственныя условія жизни съ этнографической стороны, они получаютъ такія цифровыя указанія и выводы, какихъ нельзя получить, изучая населеніе только по экономическимъ группамъ [1]). Игнорированіе г. Вернеромъ мѣстныхъ условій края, и въ частности этнографическихъ особенностей населенія, очень вредно отразилось на результатахъ изслѣдованія, которые во многихъ случаяхъ представляются сомнительными, а иногда и прямо невѣроятными.

Слѣдя за изслѣдованіемъ курской губ. по «Итогамъ» г. Вернера, остановимся прежде всего на главѣ о народонаселеніи.

Сосчитать народонаселеніе въ уѣздѣ и цѣлой губерніи задача не такая легкая, какъ можетъ казаться на первый взглядъ. Когда у насъ были ревизскія переписи, имѣвшія фискальную цѣль, населеніе приписывалось къ извѣстному населенному мѣсту, не справляясь, живетъ ли данная семья въ моментъ переписи на мѣстѣ, или нѣтъ. Такое правило по крайней мѣрѣ практиковалось относительно громаднаго большинства населенія—всего податнаго и крѣпостнаго. При переписи городовъ регистрація производится въ теченіи одного дня и всѣ поправки пріурочиваются къ этому дню; численность населенія, бывшаго въ день переписи, принимается за населенность города. Послѣдній способъ переписи невозможенъ въ уѣздѣ, гдѣ регистрація производится нерѣдко по нѣсколько мѣсяцевъ. Да къ тому же земская статистика сельскаго населенія имѣетъ и другую цѣль: ей надо знать не только количество народонаселенія, но, и его экономическое положеніе, его сельско-хозяйственную дѣятельность. Руководиться фактомъ приписки даннаго лица (или двора) къ извѣстному обществу также

[1]) Труды г. Филипонова по вятской губ., Бориневича—богодуховскій уѣздъ. К. Вернера—евпаторійскій и перекопскій уѣзды, „Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губ.“, т. I, II и III и т. д.

неудобно, такъ какъ очень часто самый фактъ отсутствія приписаннаго къ обществу тѣмъ уже самымъ указываетъ на характеръ его экономической жизни (переселенцы, отхожіе на заработки). Затѣмъ, земская статистика имѣетъ цѣлью указать дѣйствительное положеніе вещей,—какъ люди разселились на данной территоріи для большихъ удобствъ жизни и своей дѣятельности [1]). Переформенная жизнь дастъ массу переселеній изъ мѣстъ приписки, и на нихъ отражаются условія экономической жизни населенія [2]).

При наличности такихъ вопросовъ, вытекающихъ изъ задачъ земско-статистическаго изслѣдованія края, нельзя дать категорическую цифру населенія; или, по крайней мѣрѣ, представляя её, необходимо дать ключъ къ пониманію этой цифры. Г. Верперъ въ своемъ обширномъ предисловіи, объясняя другія менѣе важныя вещи, ни словомъ не упоминаетъ, какъ считались рабочіе, ушедшіе изъ семьи, и какъ считались наемные рабочіе. Относительно послѣднихъ есть только указаніе (стр. 12), что они не считались въ семьѣ, но входятъ ли они въ счетъ народонаселенія даннаго населеннаго мѣста или нѣтъ—это неизвѣстно; судя же по результатамъ общаго подсчета народонаселенія, можно думать, что они вошли въ счетъ.

Вообще, судя по программѣ изслѣдованія и по построенію таблицъ сводки подворной переписи, можно думать, что г. Вернера не волновали никакія сомнѣнія въ вопросѣ о точности счисленія народонаселенія. При регистраціи на мѣстѣ въ курской губерніи записывалось въ подворный бланкъ все населеніе, приписанное къ данному обществу, было ли оно на мѣстѣ, или нѣтъ. Это видно изъ того, что разборка съ населеніемъ происходила уже во время под-

---

[1]) Данный крестьянскій дворъ, не имѣя возможности или нежелая обрабатывать свой надѣлъ, оставилъ общество и переселился въ сосѣднее село, гдѣ поступилъ рабочимъ въ экономію или занялся торговлей; гдѣ онъ долженъ быть зарегистрованъ: въ своемъ ли обществѣ, съ которымъ порвалъ всякія связи, кромѣ приписки, или въ томъ поселеніи, гдѣ его застала перепись?

[2]) Значительную трудность въ счетѣ населенія составляетъ та масса уходящихъ и приходящихъ на заработки одиночекъ, которые состоятъ и въ семьѣ, и какъ бы внѣ ея. Въ числѣ такихъ рабочихъ есть не мало потерявшихъ всякую связь съ семьей; о иныхъ семья не знаетъ даже, живъ ли онъ. Наконецъ, не маловажной трудности вопросъ состоитъ и въ томъ,—какъ считать одиночку ушедшаго или нанятаго на годъ: въ томъ ли мѣстѣ, гдѣ живетъ его семья, или тамъ, гдѣ нашла его перепись? Если посчитать его безусловно при семьѣ, то это не будетъ выражать дѣйствительности, да и нѣтъ гарантіи, что, прослуживши годъ или полгода въ другомъ селѣ, онъ воротится въ семью. Не записывать же на томъ мѣстѣ,

счета, первое правило котораго было слѣдующее: «1) Передъ началомъ подсчета изъ подворной переписи вычеркиваются: а) всѣ ушедшіе въ другую семью, какъ члены этой семьи («ушелъ въ зятья», «вышла замужъ», «малолѣтній, живетъ у родственниковъ» и т. п.), б) всѣ ушедшіе на «сходцы» безъ различія во времени ухода и в) переселившіеся съ семьей въ города съ промышленной цѣлью болѣе 5 лѣтъ тому назадъ» (стр. 17). Изъ этого правила подсчета слѣдуетъ, что существующими на мѣстѣ изслѣдованія считались: всѣ ушедшіе въ отхожій промыселъ одиночки и семьи, переселившіяся въ города менѣе 5 лѣтъ назадъ, порвавшія всякую связь съ общиной, и уже несомнѣнно продавшія хату, скотъ, инвентарь и все имущество и, наконецъ, семьи, живущія въ другихъ мѣстахъ того же уѣзда [1]). Объ этой категоріи дворовъ мы упомянемъ въ своемъ мѣстѣ, а теперь прочтемъ еще одно правило подсчета. «8. Далѣе заносятся постороннія для данной общины лица: дворяне, духовенство, купцы, крестьяне, приписанные къ другимъ общинамъ; дворовые никакимъ образомъ въ эти рубрики не входятъ, такъ какъ они не приписаны ни къ какому обществу и притомъ подсчитываются вмѣстѣ съ надѣльными» (стр. 18). Такимъ образомъ не только одиночки, ушедшіе на промыслы въ той же губерніи, считались дважды [2]) но и цѣлыя крестьянскія хозяйства: разъ оно считалось въ своей общинѣ, хотя тамъ и не жило [3]) а вторично въ качествѣ постороннаго тамъ, гдѣ его застала перепись. Дворовые, какъ не связанные съ землей и преимущественно всякаго рода ремесленники, послѣ освобожденія крестьянъ, надо предполагать, разселились по преимуществу въ промышленныхъ поселеніяхъ и, будучи посчитаны вмѣстѣ съ мѣстными надѣльными крестьянами, должны были дать въ этихъ поселеніяхъ несоразмѣрно высокій процентъ безземельныхъ.

Указанныя правила регистраціи и подсчета необходимо должны были дать замѣтную ошибку какъ въ числѣ дворовъ, такъ и особенно въ цифрѣ народонаселенія.

гдѣ его застала перепись—тоже будетъ уклоненіе отъ дѣйствительности; такъ какъ есть цѣлыя мѣстности, только дающія отхожихъ рабочихъ, и другія мѣстности могутъ справиться съ работой только при помощи пришлыхъ рабочихъ. Если же посчитать отхожаго рабочаго и при семьѣ, и тамъ, гдѣ его застала перепись,—получится преувеличенное число населенія.

[1]) Относительно послѣдняго разряда домохозяевъ, кромѣ логическаго вывода изъ правила, есть и прямое указаніе, что они записывались. Итоги, стр. 10.

[2]) Разъ при семьѣ, а другой разъ тамъ, гдѣ ихъ заставала перепись.

[3]) Вычеркивались вѣдь изъ переписи только ушедшіе въ города болѣе 5 л. наз.

Переписью зарегистровано во всей губерніи безъ городовъ:

	мужчинъ.	женщинъ.
приписнаго населенія. .	962.029	935.750
посторонніхъ [1]).	23.271	22.364
	985.300	958,114

всего обоего пола 1.943.414.

Изъ приведенныхъ цифръ, добытыхъ статистическимъ изслѣдованіемъ, видно, что мужчины преобладаютъ надъ женщинами: послѣднихъ приходится на 100 мужчинъ всего 97,2; между тѣмъ всѣ другія имѣющіяся данныя о населеніи курской губ. показываютъ, что въ ней женщины преобладаютъ надъ мужчинами [2]). Преобладаніе же мужчинъ надъ женщинами по даннымъ земско-статистическаго изслѣдованія могло произойти только отъ неправильнаго метода счисленія. Неправильность эта заключается въ томъ, что отхожіе рабочіе, всегда по преимуществу мужчины, внутри губерніи посчитаны дважды; дважды же посчитаны нѣкоторыя не живущія на мѣстѣ семьи, а въ тѣхъ изъ нихъ, которыя живутъ въ городахъ менѣе 5-ти лѣтъ, мужчины посчитаны болѣе точно и въ большемъ относительно количествѣ, чѣмъ женщины [3]).

Мы допускаемъ, что данныя центр. статист. комитета не даютъ абсолютно точной цифры (особенно за 1883, 1885 г. и не крестьян-

---

[1]) „Въ обоянскомъ уѣздѣ посторонніе сосчитаны съ кореннымъ населеніемъ". Примѣч. г. Вернера, стр. 65. Въ обоянскомъ уѣздѣ насчитано всего населенія 148.080 душъ об. пола и, какъ видно изъ сборника по обоянскому уѣзду, въ эту цифру вошли только *приписные* крестьяне, надѣльные и безземельные. Такимъ образомъ указаніе г. Вернера, что „посторонніе" въ обоянскомъ уѣздѣ посчитаны съ кореннымъ населеніемъ, есть чистой воды выдумка; повторяемъ: посторонніе въ обоянскомъ уѣздѣ нерегистрировались.

[2]) По даннымъ центральн. статист. комитета за 1862 г. (цифры близкія къ ревизскому исчисленію) считалось въ губерніи безъ городовъ мужч. 798.611 и женщинъ 840.372, т. е. на сто мужчинъ приходилось 105,2 женщ.; по даннымъ того же комитета за 1883 г. на 100 мужч. приходится 101,7 женщ. (Этихъ данныхъ у насъ нѣтъ подъ руками и потому мы ссылаемся на статью г. Фортунатова „Къ статистикѣ русскаго сельскаго населенія". Юридич. Вѣстникъ. 1887 г. № 3); по даннымъ за 1885 г. въ томъ же районѣ было 1.044.109 мужч. и 1.058.257 женщ. Въ частности, крестьянскаго населенія въ 1878 году считалось 877.249 мужч. и 881.150 женщ. Словомъ, всѣ данныя Центральн. статистическаго комитета въ одинъ голосъ говорятъ, что женщины въ курской губ. преобладаютъ надъ мужчинами.

[3]) Послѣднее могло произойти отъ того, что представителя семьи при регистраціи не было на мѣстѣ, мѣстные же крестьяне, дававшіе свѣденія объ отсутствующей семьѣ, всегда больше помнятъ о мужчинахъ, чѣмъ о женщинахъ.

скаго населенія за 1878 г.), что здѣсь ошибка по губерніи можетъ быть на 10—15 тысячъ, можетъ быть даже и болѣе, но иное дѣло ошибка въ абсолютной цифрѣ, а иное—въ относительной. Согласное показаніе данныхъ центр. стат. комит., противъ вѣрности которыхъ г. Вернеръ нигдѣ ничего не возражаетъ въ своей книгѣ, о преобладаніи женщинъ надъ мужчинами даетъ намъ право утверждать, что въ цифрѣ народонаселенія, данной г. Вернеромъ ошибка, и вполнѣ понятная при томъ методѣ, который имъ практиковался. Ошибка эта выражается цифрой, равной по меньшей мѣрѣ цифрѣ, превышающей число мужчинъ надъ женщинами—т. е. тысячъ 25—30. Для абсолютной же поправки, чтобы получить цифру населенія дѣйствительно существовавшаго въ уѣздахъ, необходимо сверхъ того изъ показанной г. Вернеромъ цифры населенія вычесть населеніе всѣхъ тѣхъ семей, которыя не живутъ на мѣстѣ, а перешли на жительство либо въ другія поселенія, либо въ города менѣе 5-ти лѣтъ тому назадъ.

Нужно замѣтить, что въ счетъ сельскаго населенія не вошли помѣщики, живущіе въ своихъ усадьбахъ; «по свѣдѣніямъ центр. стат. комит. въ 1878 году было 7,750 такихъ помѣщиковъ. Принимая, что въ каждой такой усадьбѣ живетъ 10 человѣкъ, составляющихъ семью помѣщика и пришлыхъ слугъ (а сельско-хозяйственные рабочіе?), общее населеніе въ этихъ усадьбахъ будетъ равно приблизительно 77,000 душъ об. пола» (стр. 66)[1]).

Населеніе въ городахъ г. Вернеръ опредѣляетъ такъ: населеніе ихъ «въ 1862 году составляло 105,815 душъ об. пола (см. «Спис. насел. мѣстъ» Изданіе центр. стат. комитета). Если принять, что за 24 года населеніе этихъ городовъ возросло на 2%, то въ настоящее время оно равно приблизительно 127,000 душъ об. пола (стр. 66)[2]).

---

[1]) Является вопросъ: почему на усадьбу помѣщика надо считать 10 человѣкъ, а не 15—20? Намъ кажется, что г. Вернеръ дошелъ до этой цифры слѣдующимъ путемъ. Въ данныхъ центральнаго ст. ком. за 1878 г. ясно показана цифра не крестьянскаго населенія—113.844 д. об. пола. Если отсюда вычесть посчитанное г. Вернеромъ населеніе постороннихъ 45.635 душъ, то останется 67.209; накинувши сюда % на приростъ и число постороннихъ, не посчитанныхъ въ обоянскомъ уѣздѣ—тысячъ 10, получимъ искомое: по 10 душъ на помѣщичью усадьбу.

[2]) Мы посмотрѣли въ указываемую г. Вернеромъ книгу и тамъ увидѣли населеніе городовъ не въ 105.815 душъ об. п., а въ 116.171 душъ. Приводимая г. Вернеромъ цифра не опечатка: онъ почему то не желаетъ признавать существованія зашт. г. Хотмыжска (грайворон. уѣзда), а въ городахъ Богатомъ (обоянск. у.) и Миропольѣ (суджанс. у.)—городскаго населенія и все населеніе этихъ двухъ городовъ зачисляетъ въ крестьянъ обоянскаго и суджанскаго у. (таблица на стр. 67

Такимъ образомъ все населеніе губерніи по счисленію г. Вернера состоитъ: въ уѣздахъ безъ городовъ—2,020,414 душъ об. пола и въ городахъ 127,000, а всего 2,147,414 душъ об. пола, или, какъ считаетъ г. Вернеръ ровно въ тысячахъ—2,148,000.

Если мы теперь взглянемъ на данныя центр. стат. комитета за 1885 г. т. е. на данныя, почти современныя изслѣдованію курской губ. земскими статистиками, то окажется всего населенія въ губерніи съ городами 2,266,573 д. об. пола [1]), т. е. больше противъ счисленія г. Вернера на 118,573 д., а въ уѣздахъ безъ городовъ—2,102,366, т. е. больше противъ того же счисленія на 81,952 души об. пола.

Какъ было уже замѣчено, мы не придаемъ большой цѣны абсолютнымъ цифрамъ народонаселенія центр. стат. комитета за 1885 г. и думаемъ, что онѣ въ уѣздахъ грѣшатъ въ сторону уменьшенія цифры, а не въ сторону преувеличенія [2]). Такъ что, исходя изъ цифръ центр. стат. ком. за 1885 г., можно предположить, что въ помѣщичьихъ усадьбахъ, а также и во всѣхъ тѣхъ поселеніяхъ, гдѣ живутъ не крестьяне, которые не были подворно описаны земскими статистиками, нужно считать народонаселенія не 77 тысячъ, какъ считаетъ г. Вернеръ, а по меньшей мѣрѣ вдвое. Впрочемъ, для насъ это не важно: на этой цифрѣ мы не думаемъ останавливаться, а потому готовы допустить, что въ «помѣщичьихъ усадьбахъ» проживаетъ 77 тыс.

„Итоги"). Поступая логически г. Вернеръ долженъ былъ бы и населеніе г. Грайворона зачислить въ крестьяне, т. к. и тамъ есть крестьянское общество.

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что г. Вернеръ, обращаясь такъ безцеремонно съ цифрами источниковъ, не только не выясняетъ причинъ, почему онъ такъ или иначе ихъ перетасовываетъ, но не дѣлаетъ даже указаній, что онъ сдѣлалъ такъ то. Разгадывать содержаніе цифръ, приводимыхъ г. Вернеромъ, необходимо всегда съ первоисточниками и со счетами въ рукахъ.

[1]) Въ томъ числѣ находится не существующій для г. Вернера гор. Хотмыжскъ и въ немъ 915 душъ, а въ городахъ, причисленныхъ г. Вернеромъ къ крестьянскимъ поселеніямъ, городскаго населенія: въ Богатомъ 338 душъ и въ Миропольѣ 3.289 д. об. п. Чтобы кто не подумалъ, что это населеніе посчитано у г. Вернера въ качествѣ „посторонняго", проживающаго въ чертѣ крестьянской осѣдлости, мы приведемъ справку: въ обоянскомъ уѣздѣ посторонніе не считались вообще, а въ с. Богатомъ „безземельныхъ" показано 6 д. об. п.; въ суджанскомъ у. посторонніе хотя и считались, но во всей *миропольской волости* ихъ насчитано 532 д. об. пола; слѣдовательно городское населеніе въ 3289 д. въ эту цифру не вошло, (см. Сборникъ по обоянскому уѣзду и „Итоги").

[2]) Такое мнѣніе подтверждается тѣмъ соображеніемъ, что волости, сообщающія свѣдѣнія губернскимъ статистическимъ комитетамъ, компетентны только въ отношеніи крестьянскаго населенія, свѣдѣнія же, сообщаемыя волостями о лицахъ

населенія единица въ единицу. Для насъ болѣе интересны и поучительны, для пониманія дальнѣйшихъ выводовъ, операціи, производимыя г. Вернеромъ надъ добытыми имъ цифрами, и тѣ пріемы, которые при этомъ употребляются.

Для указанія прироста населенія г. Вернеръ беретъ два періода: съ 1862 г. по 1878 и съ этого года по 1883—85—время статистическаго изслѣдованія губерніи. При этомъ въ первомъ періодѣ берутся слѣдующія данныя: за 1862 г. *все* населеніе губерніи безъ городовъ по «Списку населенныхъ мѣстъ», съ присовокупленіемъ населенія въ городахъ Богатомъ и Миропольи, а за 1878 г. берется *только крестьянское* населеніе, хотя въ данныхъ центр. ст. комитета за этотъ годъ есть цифры и всего населенія. Разница между взятыми г. Вернеромъ цифрами даетъ приростъ *крестьянскаго* населенія за первый періодъ. А чтобы кто не усомнился въ логичности такого сравненія, г. Вернеръ эту сравнительную таблицу озаглавливаетъ «*Крестьянское населеніе*», желая тѣмъ увѣрить всѣхъ вообще и каждаго порознь, что въ «Спискѣ населенныхъ мѣстъ» центр. ст. ком. за 1862 г. посчитано въ губерніи только одно крестьянское населеніе. Допустимъ, что въ этомъ пунктѣ своего сравненія г. Вернеръ не зналъ (?) содержанія матеріала, которымъ распоряжался. Но сравненіе населенія за второй періодъ отличается точь въ точь такими же качествами. За 1878 г. взяты цифры только крестьянскаго населенія, и что это дѣйствительно только крестьянское населеніе, г. Вернеръ могъ убѣдиться изъ таблицъ центр. ст. комитета, въ которыхъ ясно раздѣлено населеніе «въ составѣ волостей» и «въ предѣлахъ волостной территоріи». Казалось бы ясно, что такое населеніе нужно сравнить съ крестьянскимъ же населеніемъ 1883—85 г., т. е. цифрами добытыми самимъ г. Вернеромъ. Но г. Вернеръ держится другой логики: онъ цифры крестьянскаго населенія 1878 года сравниваетъ съ своими же цифрами, обнимающими «приписное населеніе» и «постороннихъ», куда по пункту 8 правилъ подсчета вошли купцы, духовенство, дворяне и т. п. Значитъ, для г. Вернера не существуетъ даже аксіомы, что часть не есть цѣлое. Спрашивается: какой смыслъ могутъ имѣть выводы изъ такихъ сравненій и всѣ построенія, основанныя на такихъ логическихъ выводахъ? [1]).

не крестьянскаго сословія не могутъ быть полны: будутъ захватывать тѣхъ только лицъ, которыя извѣстны составителю статистическихъ свѣдѣній о волости.

[1]) Считаемъ нужнымъ замѣтить, что и здѣсь г. Вернеръ не показываетъ ни причинъ, заставляющихъ его дѣлать такія сравненія, ни содержанія матеріала;

Также категорически, безъ всякихъ объясненій, г. Вернеръ поступаетъ и съ счисленіемъ населенныхъ мѣстъ. Мы даже недоумѣваемъ, для чего г. Вернеръ занимается этимъ вопросомъ: если потому только, что земство, заводя у себя статистику, желало имѣть свѣдѣнія «о числѣ и характерѣ населенныхъ мѣстъ» («Итоги» стр. 1), то свѣдѣнія, представляемыя г. Вернеромъ, не только никого не могутъ удовлетворить, а напротивъ вносятъ такой сумбуръ, что буквально дѣлается страшно. Представляемъ выписки изъ «Итоговъ», касающіяся этого вопроса.

„Селеній въ курской губ. въ настоящее время насчитано 2.920; въ этотъ счетъ не входятъ хутора въ 1—3 двора, которые причислены нами къ близь лежащимъ селеніямъ (для чего?). По „Списку населенныхъ мѣстъ", изданному центр. статист. комитетомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, *всѣхъ* (курсивъ нашъ) населенныхъ мѣстъ въ 1862 г. числилось 3.188, а если исключить хутора въ 1—3 двора и 15 городовъ (почему не 18, какъ считается всѣми?)—2.935 поселеній: слѣдовательно, за послѣднее время *число поселеній нисколько не измѣнилось*" (курсивъ нашъ) (стр. 61).

Прежде всего здѣсь поражаетъ фактъ исчезновенія 15 населенныхъ мѣстъ; а если допустить, что въ курской губерніи поселенія ростутъ, и хуторъ, бывшій въ 1862 г. въ 3 двора, за 20 лѣтъ могъ вырости до 5—6 дворовъ, то исчезновеніе поселеній будетъ очень и очень большое. Что уничтоженія поселеній въ курской губ. были, объ этомъ можно судить изъ слѣдующаго мѣста «Итоговъ».

„Ревизскіе сказки очень часто относятся къ селеніямъ *не существующимъ* уже въ настоящее время: селенія эти упразднены, тогда какъ населеніе ихъ приписано къ другимъ селеніямъ, а усадьбы или перенесены, или, при разростаніи селеній, слились съ усадьбами другаго селенія и получили одно общее наименованіе" стр. 66).

Изъ всего сказаннаго пока г. Вернеромъ можно было бы думать, что число не существующихъ уже поселеній равно приблизительно числу разросшихся за 20—25 лѣтъ изъ хуторовъ въ 1—3 двора. Для этого нужно только предположить, что населеніе курской губ. сидитъ неподвижно на своихъ мѣстахъ, и что даже крестьянская реформа, давшая свободу крестьянину располагать своимъ мѣстожительствомъ съ наибольшимъ удобствомъ, не произвела никакихъ измѣненій въ разселеніи жителей. Оказывается, что такого предположенія нельзя сдѣлать.

„Въ настоящее время,—говоритъ г. Вернеръ—благодаря увеличенію населенія и частымъ раздѣламъ, подъ усадьбы заняты уже всѣ свободныя мѣста, а потому вновь образующіеся дворы принуждены строиться на полѣ, образуя выселки и

чтобы понять это, нужны первоисточники, счеты и долгое упражненіе на нихъ, пока поймешь, какія именно цифры беретъ г. Вернеръ.

хутора; послѣдніе стали возникать и въ томъ случаѣ, когда пахотное поле особенно удалено отъ усадьбъ. Какъ на примѣръ такихъ выселеній можно указать на непрерывную цѣпь хуторовъ между Тамаровкою и Бѣлгородомъ" (стр 62).

Сколько же такихъ новыхъ выселковъ и хуторовъ образовалось послѣ 1862 г., когда именно, какого достигли размѣра въ моментъ изслѣдованія губерніи (неужто не болѣе 1—3?). Неужели въ этихъ фактахъ разселенія крестьянъ не выражается жизнь? Неужто такъ таки они не интересны? Г. Вернеръ, кромѣ примѣра, не даетъ ни одной цифры, а сравненіемъ съ 1862 г. показываетъ, что число населенныхъ мѣстъ не только не увеличилось, а еще уменьшилось на 15.

Если теперь допустить, что хутора въ 3 двора съ 1862 г. разрослись до 5—6 дворовъ (а этого не допустить мы не можемъ), что, кромѣ того, возникли новые выселки и хутора, и при всемъ томъ число населенныхъ мѣстъ со времени 1862 г. нисколько не измѣнилось, какъ доказываетъ цифрами г. Вернеръ, то сколько же должно было исчезнуть существовавшихъ поселеній? Для человѣка, владѣющаго нѣкоторой долей воображенія, можетъ представиться разрушеніе не меньшее, чѣмъ отъ землетрясенія въ семирѣченской области. Но не надо пугаться. Очевидно, г. Вернеръ любитъ частенько таки попугать цифрами. Въ дѣйствительности происходитъ совсѣмъ не то, что рисуетъ г. Вернеръ своими объясненіями и цифрами. Число населенныхъ мѣстъ въ курской губ. со времени 1862 г. измѣнилось и измѣнилось сильно: вмѣсто 3,188 поселеній по счету центр. статист. ком. въ 1862 г., въ 1885 г. (время изслѣдованія губерніи г. Вернеромъ) тотъ же комитетъ насчитываетъ 6,536 населенныхъ мѣстъ, т. е. больше, чѣмъ вдвое. Этой цифры или близкой къ ней, по даннымъ за 1878 г. г. Вернеръ не могъ не знать; но ему неудобно было сравнивать свою цифру—2,920 поселеній—съ цифрой цент. стат. комитета, большей почти въ два съ половиной раза, такъ какъ тогда ему пришлось бы обнаружить, что при изслѣдованіи губерніи имъ не описано около 3½ тысячъ населенныхъ мѣстъ. Можетъ быть поэтому онъ и сравниваетъ число своихъ населенныхъ мѣстъ съ данными цент. ст. комитета за 1862 г., а не съ болѣе близкими по времени къ его изслѣдованію—цифрами 1878 г.

Если даже допустить, что излишнее число населенія по даннымъ центр. ст. комитета противъ того, которое принимаетъ г. Вернеръ (3,616) представляетъ собой исключительно хутора въ 1—3 двора, присоединенные г. Вернеромъ къ сосѣднимъ поселеніямъ, то это настолько крупное мѣстное явленіе, что игнорировать его можно

только, задавшись тенденціозной мыслью скрыть все характерное, мѣстное. Но мы думаемъ, что въ счетѣ центр. стат. комитета населенныхъ мѣстъ за 1885 г. фигурируютъ не одни хутора въ 1—3 двора, а поселенія и покрупнѣе, на которыя г. Вернеръ не обратилъ вниманія, какъ и на многое еще другое.

Не посчитавши новыхъ поселеній, соединивши хутора съ сосѣдними селеніями и создавши, такимъ образомъ, завѣдомо ложное число населенныхъ мѣстъ, г. Вернеръ для чего то еще выводитъ среднюю величину населеннаго мѣста по каждому уѣзду. Въ такой манипуляціи мы не можемъ видѣть ничего другаго, кромѣ упражненія въ дѣленіи на заданныя числа [1]).

Въ этомъ же отдѣлѣ книги есть очень любопытный вопросъ, какъ по той важности, которую придаетъ ему г. Вернеръ и его рецензентъ, профессоръ Чупровъ, такъ и по тѣмъ коррективнымъ даннымъ, которыя заключаются въ формулировкѣ высказанныхъ положеній. Вопросъ этотъ: вліяніе размѣра поземельной общины на экономическое благосостояніе населенія.

„Ближайшая причина этого вліянія, по словамъ г. Вернера, прежде всего кроется въ той связи, которая существуетъ между размѣромъ поземельной общины и расположеніемъ надѣла; чѣмъ больше община, тѣмъ больше шансовъ, что надѣлъ будетъ разстянутъ на чрезвычайно далекое разстояніе отъ усадьбы, что онъ будетъ заключаться не въ одномъ особнякѣ, а въ нѣсколькихъ участкахъ; а такъ какъ отъ плана поземельнаго участка зависитъ успѣшность и выгодность сельскохозяйственныхъ работъ, то, понятно, что размѣръ общины можетъ оказать вліяніе на весь строй хозяйства, слѣдовательно, на экономическое благосостояніе. Затѣмъ въ мелкихъ поземельныхъ общинахъ, при незначительной площади надѣла, больше вѣ-

---

[1]) Такое же упражненіе, конечно, совершенно безполезное какъ для автора, такъ и для читателя, мы видимъ и въ выводѣ числа душъ и на квадратную милю въ каждомъ уѣздѣ—опредѣленіе густоты народонаселенія (стр. 70). Чтобы наше замѣчаніе относительно послѣдняго случая не показалось неосновательнымъ, мы укажемъ данныя, надъ которыми производитъ дѣйствія г. Вернеръ. Для опредѣленія густоты населенія въ уѣздахъ въ 1883—86 годахъ г. Вернеръ беретъ только то населеніе, которое зарегистрировано переписью и дѣлитъ его на все пространство уѣздовъ; даже тѣ 77 тысячъ, которыя онъ самъ считаетъ живущими въ помѣщичьихъ усадьбахъ, онъ не принимаетъ во вниманіе, не разноситъ по уѣздамъ, хотя бы по тому пріему, которымъ онъ опредѣлилъ это населеніе въ губерніи. Развѣ это не упражненіе въ дѣленіи на выдуманныя числа? Нужно замѣтить, что эту густоту населенія г. Вернеръ ставитъ параллельно густотѣ народонаселенія, бывшей въ 1862 г. (для сравненія?) при чемъ въ суджанскомъ и обоянскомъ уѣздахъ населеніе городовъ Богатаго и Мирополья не зачисляетъ уже въ сельское населеніе, а признаетъ его городскимъ.

роятія, что послѣдній будетъ болѣе или менѣе однороднымъ по качеству почвы, а потому при разверстаніи земли крестьянамъ не зачѣмъ дѣлить на нѣсколько разнокачественныхъ ярусовъ, слѣдовательно, отдѣльные хозяйства получатъ въ каждомъ клину свою долю въ одномъ мѣстѣ и не прійдется разбивать душевой надѣлъ на нѣсколько мелкихъ загоновъ, какъ это дѣлается въ большихъ общинахъ. Саморазверстаніе земли между отдѣльными домохозяевами совершается несравненно проще въ мелкихъ общинахъ, а потому оно можетъ быть уравнительнѣе. Кромѣ этихъ преимуществъ мелкихъ общинъ, есть множество и другихъ. Такъ напримѣръ:— 1) общественный строй мелкихъ общинъ гораздо устойчивѣе, въ нихъ шире проявляется взаимная помощь, ощутительнѣе потребность жить въ добромъ согласіи и необходимость уступокъ; 2) мелкія общины менѣе подвержены вредному вліянію городскихъ рабочихъ, пришлыхъ купцовъ и кабатчиковъ, которымъ нечего дѣлать здѣсь и труднѣе бороться со сплоченнымъ міромъ; 3) мелкія общины менѣе подвержены такимъ бѣдствіямъ, какъ эпидеміи, пожары и скотскіе падежи и т. п. Всѣ эти причины весьма ясно отразились на цифрахъ, выражающихъ экономическое благосостояніе населенія (слѣдуютъ цифры, а за тѣмъ заключеніе). Несмотря на то, что мелкія общины первой группы (въ среднемъ 35 дворовъ въ каждой общинѣ) получили въ надѣлѣ всего 6,4 десят. пахатной земли, экономическое положеніе ихъ несравненно лучше, чѣмъ въ остальныхъ группахъ, что можно объяснить только удобствомъ расположенія надѣла. Это удобство даетъ возможность лучше, съ меньшими затратами силъ и времени использовать свою землю и даже арендовать внѣнадѣльныя земли. При томъ же количествѣ земли на дворъ, въ крупныхъ общинахъ половина населенія бросили земледѣліе и лишь 6% всѣхъ домохозяевъ прибѣгаетъ къ арендѣ земель“ (стр. 63 и 64).

Прежде чѣмъ приводить цифровыя данныя, по мнѣнію г. Вернера и профессора Чупрова, доказывающія эти положенія, сдѣлаемъ еще одну выписку, касающуюся въ сущности того же вопроса.

„Противъ устройства мелкихъ поселеній возможно привести еще нѣсколько аргументовъ: въ мелкихъ поселеніяхъ не могутъ быть устраиваемы тѣ общественныя учрежденія, которыя требуютъ участія большаго числа домохозяевъ—школы, ссудосберегательныя товарищества; въ *мелкихъ общинахъ* не можетъ образоваться торговопромышленный центръ съ рынкомъ для сбыта производимыхъ продуктовъ и покупки сырья, съ постоянной возможностью найти заработокъ, а потому въ *мелкихъ общинахъ* во время сельскохозяйственныхъ кризисовъ крестьянамъ остается только пойти въ отхожіе промыслы; несомнѣнно, что сельскохозяйственный промыселъ устойчивѣе другихъ, вѣрнѣе обезпечиваетъ крестьянина, а потому желательно, чтобы онъ всегда имѣлъ возможность остаться преимущественно земледѣльцемъ, но въ тоже время несомнѣнно и то, что временныя затрудненія въ сельскомъ хозяйствѣ легче переносятся тамъ, гдѣ есть широкая возможность заработать что либо въ какой нибудь другой отрасли труда и т. д. (стр. 117)[1]).

[1]) Мы нарочно въ этой выпискѣ подчеркнули выраженіе *мелкая община*, чтобы показать, что здѣсь рѣчь идетъ о поселеніи не какъ населенномъ мѣстѣ, представляющемъ совокупность нѣсколькихъ общинъ, а какъ о поселеніи одной крупной по землевладѣнію общины.

Сравнивши обѣ выписки, можно было бы и не приводить цифровыхъ данныхъ, доказывающихъ, что малый размѣръ общины способствуетъ благосостоянію населенія, такъ какъ самъ авторъ почти отрицаетъ прежде высказанное имъ положеніе. Но приводимыя г. Вернеромъ цифровыя выраженія крайне любопытны въ томъ отношеніи: какъ и что можно читать въ цифрахъ. Данныя эти приведены по двумъ уѣздамъ и характеризуютъ, между прочимъ, слѣдующее:

	ЩИГРОВСКІЙ У.		НОВО-ОСКОЛЬСКІЙ У.		
	Размѣръ общинъ.		Размѣръ общинъ.		
	крупн.	мелк.	до 100 дв.	отъ 100 до 500д.	болѣе 500 дворовъ.
Десятинъ надѣла на дворъ.	11,4	6	6,4	8,7	6,4
% безхозяйныхъ	8,9	1,6	19,4	22,2	52,5
% безлошадныхъ	23,7	5,6	20	22,9	51,7
% арендующихъ землю . .	23,1	48,3	41	21,3	6,8
% выселившихся	10,0	2,8	?	?	?
На 10 хозяйствъ головъ крупнаго скота	?	?	24	26	15
% семей, занимающихся промыслами	?	?	65	73	83
% семей съ грамотными .	?	?	27,6	32,7	53,7

По новооскольскому уѣзду приведено еще много графъ (9), содержанія которыхъ по щигровскому уѣзду не показано, точно такъ же какъ и въ послѣднихъ 3, представленныхъ въ таблицѣ. Если обратить вниманіе на цифры по новооскольскому уѣзду, то сейчасъ же видно, что большой процентъ безлошадныхъ и безхозяйныхъ въ общинахъ крупныхъ (болѣе 500 дворовъ) происходитъ просто оттого, что въ нихъ 83% семей занимаются промыслами и, по всей вѣроятности, такими, которые не требуютъ ни лошадей, ни земледѣльческаго хозяйства. Но что благосостояніе ихъ ни въ какомъ случаѣ не хуже, чѣмъ у населенія мелкихъ общинъ, видно изъ того, что у нихъ 53% семей имѣютъ грамотныхъ; для того же, чтобы быть грамотнымъ нужно: 1) чтобы была близко школа и 2) благосостояніе семьи. Послѣднее положеніе доказываетъ самъ г. Вернеръ въ этой же книгѣ на стр. 208 и др. Категорія общинъ средняго размѣра (отъ 100 до 500 двор.), кромѣ показателей приведеннаго характера, имѣетъ еще одинъ, совершенно прямой показатель, что благосостояніе населенія въ этихъ общинахъ даже выше, чѣмъ въ мелкихъ: крупнаго скота у нихъ больше, чѣмъ у населенія мелкихъ общинъ.

Если согласиться съ г. Вернеромъ въ этомъ мѣстѣ его книги, что большій процентъ дворовъ арендующихъ землю и большее количество арендуемой земли указываетъ на благосостояніе населенія, то въ такомъ случаѣ нельзя согласиться съ нимъ: 1) что арендныя платы въ курской губер. чрезмѣрно высоки (о чемъ онъ говоритъ неоднократно въ своей книгѣ), ибо арендованныя земли даютъ большій доходъ, чѣмъ свои надѣльныя [1]) и 2) что длинноземелье, или — правильнѣе сказать — отдаленность обрабатываемаго участка не имѣетъ вліянія на благосостояніе населенія, ибо арендуемыя земли поднимаютъ благосостояніе населенія, а онѣ (арендуемыя земли), само собою разумѣется, не лежатъ же сейчасъ за крестьянскими усадьбами, а по меньшей мѣрѣ за межей надѣльной земли.

Мы еще ничего не сказали о данныхъ по щигровскому уѣзду, но привели ихъ совсѣмъ не для того, чтобы пройти молчаніемъ. Съ точки зрѣнія разсматриваемаго вопроса о нихъ ничего нельзя сказать, потому что нѣтъ другихъ показателей, съ которыми можно было бы ихъ координировать. Мы предлагаемъ обратить на нихъ вниманіе съ слѣдующей стороны: въ мелкихъ общинахъ новооскольскаго уѣзда безхозяйныхъ $19{,}_4$%, а въ такихъ же общинахъ щигровскаго уѣзда всего 1,6%; безлошадныхъ въ новооскольскомъ уѣздѣ у этихъ общинъ 20%, а въ щигровскомъ 5,6%. Что здѣсь больше бьетъ въ глаза: разница ли между 20 и $22{,}_9$ или между 5,6 и 20? разница ли между $19{,}_4$ и $22{,}_2$ или между 1,6 и $19{,}_4$? Намъ кажется, что прежде, чѣмъ строить новые и очень важные выводы о вліяніи мелкихъ общинъ на благосостояніе населенія, при томъ же на основаніяхъ, противорѣчащихъ дальнѣйшему изложенію, слѣдовало бы выяснить причину этихъ бьющихъ въ глаза цифръ: 1,6% безхозяйныхъ въ щигровскомъ уѣздѣ и при такихъ же условіяхъ $19{,}_4$% безхозяйныхъ въ новооскольскомъ уѣздѣ. Вопросъ этотъ болѣе важенъ и существенъ для «Итоговъ» статистическаго изслѣдованія губерніи [2]).

---

[1]) По новооскольскому уѣзду показано у г. Вернера въ мелкихъ общинахъ на надѣльный дворъ земли: надѣльной 6,4 дес. да арендуемой 1,9 десят., итого 8,3 дес. и онѣ болѣе поднимаютъ благосостояніе населенія, чѣмъ 8,7 дес. одной надѣльной земли у общинъ средняго размѣра.

[2]) Такое умѣніе читать свои цифры, какое показалъ г. Вернеръ въ разсмотрѣнномъ вопросѣ, онъ обнаруживаетъ нѣсколько разъ въ своей книгѣ. Такъ, напримѣръ, въ этомъ же отдѣлѣ есть замѣчаніе о четвертныхъ крестьянахъ слѣдующаго характера: „привилегированная кровь сказывается въ четвертныхъ крестьянахъ въ нѣкоторомъ иотсутствіи энергіи, стойкостьшей, въ мен способности и при-

Вопросъ о численномъ составѣ семьи очень занимаетъ г. Вернера; онъ находитъ, что запрещеніе семьямъ дѣлиться можетъ повести только «къ увеличенію преступленій (факты?), не улучшивъ благосостоянія» (стр. 78). Мы ничего не имѣемъ противъ обсужденія такого вопроса въ земско-статистическомъ сборникѣ, но думаемъ что какъ этотъ вопросъ, такъ и всякій другой затрогиваемый, необходимо обосновывать на цифровыхъ данныхъ, а не на голословныхъ увѣреніяхъ: «несомнѣнно, что съ теченіемъ времени средній составъ семьи значительно уменьшился», «проникающая въ деревню цивили-

---

вычкѣ къ тяжелому физическому труду, благодаря чему, при другихъ равныхъ условіяхъ, у бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ хозяйство всегда ведется несравненно лучше" (стр. 56). На какихъ своихъ статистическихъ данныхъ опирается г. Вернеръ, дѣлая такую характеристику, мы совершенно недоумѣваемъ. Дѣйствительно, четвертные крестьяне даютъ изъ себя наименьшій процентъ арендаторовъ (25,6) сравнительно съ другими группами крестьянъ (стр. 166). Но вѣдь всякому, даже не статистику, извѣстно, что крестьяне земледѣльцы тѣмъ больше арендуютъ земли, чѣмъ меньше у нихъ есть собственной; обратное явленіе можетъ случиться только при какихъ либо исключительныхъ условіяхъ. Законъ этотъ извѣстенъ и г. Вернеру, поэтому онъ не можетъ основывать свою характеристику четвертниковъ на томъ основаніи, что они, имѣя по 12 дес. въ среднемъ на надѣльный дворъ—больше чѣмъ какой либо другой разрядъ крестьянъ—въ меньшемъ числѣ хозяевъ арендуютъ земли. Это явленіе происходитъ не отъ привилегированной крови, отсутствія энергіи и т. п., а есть вполнѣ естественное явленіе, вытекающее изъ обезпеченія хозяйствъ своей землей. Процентъ хозяйствъ сдающихъ свой надѣлъ (стр. 141) у четвертниковъ (7,7) дѣйствительно большій, чѣмъ у собственниковъ (бывш. владѣльческихъ) на 0,7, но несравненно меньшій, чѣмъ у государственныхъ душевыхъ (9,1) и дарственниковъ (9). Если въ процентѣ хозяевъ сдающихъ надѣлъ видѣть что нибудь другое, помимо экономическихъ условій, то это нѣчто нужно искать прежде всего у крестьянъ государственныхъ, душевыхъ и дарственниковъ. По обезпеченіи рабочимъ скотомъ четвертники стоятъ выше всѣхъ другихъ крестьянъ: у нихъ самый меньшій % безлошадныхъ и самый большій многолошадныхъ (стр. 145), при чемъ у четвертниковъ нерѣдко встрѣчаются лошади въ 100 и болѣе рублей тогда какъ цѣна обыкновеной крестьянской лошади 20—40 рублей (стр. 147). Процентъ семей (54,5) и работниковъ (46,2), занимающихся промыслами (стр. 179), у четвертниковъ большій, чѣмъ у крестьянъ государст. душевыхъ (52,2% семей и 44,6 раб.). Процентъ учащихся (1,67) и грамотныхъ (8,7) у четвертниковъ большій, чѣмъ у всѣхъ другихъ разрядовъ крестьянъ, исключая водворенныхъ на собственныхъ земляхъ (стр. 211). Мы, кажется, исчерпали всѣ показатели экономическаго благосостоянія и проявленія энергіи, гдѣ находили у г. Вернера сопоставленіе всѣхъ разрядовъ крестьянъ, и думаемъ, что въ нихъ можетъ найти подтвержденіе характеристики четвертниковъ, сдѣланной г. Вернеромъ, только тотъ, кто не понимаетъ значенія надѣла на дворъ: 12 д. у четвертниковъ, 10,3 дес. у государств. душевыхъ, 5 дес. у собственниковъ и т. д.

зація способствуетъ развитію индивидуализма» и т. п. Подъ руками у г. Вернера былъ громадный матеріалъ, на основаніи котораго онъ могъ бы доказать, что численный составъ семьи слагается подъ вліяніемъ такихъ причинъ, устранить которыя не могутъ никакія принудительныя мѣры. Для этого г. Вернеру слѣдовало бы только вывести средній составъ великорусской и малорусской семьи. Такое сравненіе было сдѣлано въ прилегающемъ къ курской губ. богодуховскомъ уѣздѣ и оказалось: на каждый великорусскій дворъ въ среднемъ приходится по $6{,}_4$ душъ об. пола, а на каждый малорусскій только $5{,}_6$ д об. пола [1]).

На отдѣлѣ о населеніи мы остановились очень долго: по этому вопросу у насъ было достаточно данныхъ для сравненія. Пользуясь ими, намъ, кажется, удалось довольно основательно показать: на сколько собранныя г. Вернеромъ свѣдѣнія соотвѣтствуютъ дѣйствительности и какъ г. Вернеръ позволяетъ себѣ распоряжаться съ имѣющимся у него подъ рукой матеріаломъ. По другимъ отдѣламъ «Итоговъ» у насъ нѣтъ постороннихъ данныхъ, съ которыми можно было бы сравнивать данныя, представляемыя г. Вернеромъ; но на основаніи того, что мы успѣли уже подмѣтить въ работѣ г. Вернера, мы вправѣ относиться ко всѣмъ его цифрамъ и выводамъ подозрительно, хотя, быть можетъ, во многихъ случаяхъ эти цифры и выводы вѣрны.

Переходимъ къ землевладѣнію, земледѣлію и скотоводству.

Завести у себя статистику курское земство было вынуждено отсутствіемъ точныхъ свѣдѣній по разнымъ отдѣламъ земскаго хозяйства. Первымъ между этими вопросами показанъ «О количествѣ облагаемыхъ земель» («Итоги» стр. 1), какъ говоритъ объ этомъ самъ г. Вернеръ. Насколько у курскаго замства неточно счисленіе земель, видно изъ того факта, что въ старооскольскомъ уѣздѣ мѣстное земство въ 1882 г. сдѣлало спеціальное измѣреніе и нашло почти 12 тыс. десятинъ лишнихъ, необлагавшихся. Кажется, такой фактъ довольно поучителенъ для того, чтобы статистики обратили на него вниманіе и постарались бы произвести елико возможно точное счисленіе подлежащихъ обложенію земель. Что это возможно сдѣлать, указываетъ примѣръ сосѣдняго богодуховскаго уѣзднаго земства харьковской губерніи и обоянскаго земства въ той же курской губерніи. Статистикъ обоянскаго уѣзда г. Тимофеевъ, изслѣдуя частное землевладѣніе, на-

[1]) Сборникъ по богодуховскому уѣзду, стр. 50.

шелъ что по окладнымъ книгамъ уѣздной управы числится меньше земли, чѣмъ ея есть въ дѣйствительности, и что записыванье въ окладные листы одной удобной земли существовало только de—jure въ дѣйствительности же, провѣривши владѣнія 369 лицъ, мы не встрѣтили осуществленія этого принципа» (обоянскій уѣздъ).

Несмотря на прямо выраженное желаніе курскаго земства учесть облагаемыя земли, ясныя доказательства, что въ земствѣ по этому вопросу данныя очень невѣрны, несомнѣнные факты, что провѣрка землевладѣнія вполнѣ возможна—г. Вернеръ нашелъ такую работу недостойною себя и отъ изслѣдованія землевладѣнія уклонился. Мы на этотъ фактъ не обратили бы вниманія, если бы г. Вернеръ не утверждалъ, что по вопросу о количествѣ облагаемыхъ земель всё обстоитъ благополучно. Онъ говоритъ:

„Такимъ образомъ данныя обоихъ источниковъ (окладныя книги земства и данныя центр стат. ком.) совпадаютъ, а потому нѣтъ никакого основанія предполагать, что земствомъ пропущены какія либо владѣнія, хотя, быть можетъ, спеціальная межевая провѣрка и обнаружила бы въ этихъ владѣніяхъ нѣкоторое несоотвѣтствіе между владѣнными документами и дѣйствительнымъ размѣромъ владѣній какъ это было въ старо-оскольскомъ уѣздѣ“ (стр. 84).

Г. Вернеръ при этомъ умалчиваетъ, что несоотвѣтствіе между количествомъ облагаемыхъ и существующихъ въ дѣйствительности земель найдено было и въ обоянскомъ уѣздѣ статистикомъ Тимофеевымъ [1]). Нужно замѣтить, что г. Вернеръ, когда ему нужно, свѣдѣнія центр. стат. комитета считаетъ неоспоримыми и опирается на нихъ съ такою же твердостью, какъ на свои собственныя. Между тѣмъ данныя центр. ст. комитета по землевладѣнію заслуживаютъ меньшаго довѣрія, чѣмъ данныя о населеніи и о населенныхъ мѣстахъ [2]).

---

[1]) Г. Вернеръ нигдѣ не указываетъ, что обоянскій уѣздъ изслѣдованъ и описанъ г. Тимофеевымъ безъ всякаго его участія. Благодѣтельность неучастія его въ изслѣдованіи обоянскаго уѣзда отразилась довольно замѣтно, на что мы въ своемъ мѣстѣ укажемъ; здѣсь же замѣтимъ, что умалчивать о томъ, что обоянскій уѣздъ изслѣдованъ г. Тимофеевымъ, по меньшей мѣрѣ, неделикатно.

[2]) По однѣмъ и тѣмъ же даннымъ, собраннымъ въ 1878 г., центр. стат. комит. даетъ нѣсколько цифръ не сходныхъ между собою. Такъ, напримѣръ, въ „Распредѣленіи земель по угодіямъ“ („Статистическій Временникъ“ сер. III, выпускъ 4) общее количество земли въ курской губерніи показано 4,087,465 десят., въ „Статистическомъ Временникѣ“ сер. III. выпускъ 10, стоитъ 4,083,336 дес., г. Вернеръ же нашелъ для себя удобнымъ взять цифру изъ „Статистики поземельной собственности“, опредѣляющую пространство губерніи въ 3,993,890 дес. Если бы г. Вернеръ имѣлъ цѣлью уяснить этимъ вопросъ, то долженъ былъ бы привести всѣ цифры центр. стат. комитета, опредѣляющія пространство курской губерніи, и показать,

Касаясь своего спеціальнаго вопроса—крестьянскаго хозяйства, г. Вернеръ прежде всего останавливается на томъ, какое количество земли необходимо на одинъ надѣльный дворъ. Вопросъ въ высшей степени важный, но пріемъ, употребленный г. Вернеромъ для рѣшенія его, привелъ насъ въ совершенное недоумѣніе. Онъ выводитъ нормальный надѣлъ въ 9 дес.

„Эта средняя цифра—говоритъ г. Вернеръ—представляетъ ариѳметическое частное, полученное отъ дѣленія общаго количества надѣльной земли въ губерніи на общее число надѣльныхъ дворовъ".

И такимъ то путемъ получилось 9 дес.

„т. е. именно та норма, которую мы въ поуѣздныхъ сборникахъ и въ одной изъ слѣдующихъ главъ настоящаго сборника опредѣлили, какъ необходимую норму для прокормленія семьи средняго состава" (стр. 97).

До сихъ поръ мы думали, что норма надѣла, или—правильнѣе говоря—количество земли, необходимой для хозяйства, опредѣляется величиной его запашки, количествомъ скота въ связи съ производительностью выпасовъ и тому подобными реальными проявленіями сельскохозяйственной дѣятельности, которая стремится къ удовлетворенію нормальныхъ потребностей. Теперь узнаемъ отъ г. Вернера, что, изучая сельскохозяйственную жизнь крестьянина, совсѣмъ не нужно знать, какой величины запашку онъ дѣлаетъ: ни въ сводныхъ таблицахъ подворной переписи, ни въ текстѣ книги мы нигдѣ не находимъ указанія, сколько дѣйствительно засѣвается десятинъ крестьянами курской губерніи, какое количество выпаса необходимо для подножнаго корма крупной и мелкой скотины. Все это вѣдь вопросы, отвѣты на которые въ цифрахъ выразятъ собою совокупность мѣстныхъ условій сельскохозяйственной жизни; а г. Вернеръ, очевидно, поставилъ себѣ задачей въ своемъ статистико-экономическомъ изслѣдованіи не показать ни одной мѣстной черты жизни. Другое дѣло величина отрѣзаннаго крестьянамъ надѣла; въ этомъ фактѣ, хотя и отразилось изученіе края при освобожденіи владѣльческихъ крестьянъ, но г. Вернеръ, само собой разумѣется, на этомъ не останавливаетъ вниманія читателя, а всю надѣльную землю всѣхъ разрядовъ крестьянъ сваливаетъ въ кучу, дѣлитъ ее на число надѣльныхъ дворовъ и получаетъ искомое. Такой пріемъ опредѣленія количества земли, необходимой для сельскохозяйственной жизни населенія, тѣмъ хорошъ,

---

что данныя о землевладѣніи, добытыя черезъ волостныя правленія, заслуживаютъ такого же довѣрія, какъ и данныя окладныхъ книгъ, недовѣріе къ которымъ земства и было важнѣйшей причиной, заставившей учредить у себя статистическое бюро.

что искомое получается весьма легко: двадцать лѣтъ назадъ, число надѣльныхъ дворовъ было, скажемъ, вдвое меньше— «та именно норма» была 18 дес., черезъ двадцать лѣтъ послѣ изслѣдованія губерніи г. Вернеромъ будетъ надѣльныхъ дворовъ вдвое больше— «норма» для жизни крестьянскаго двора будетъ $4^1/_2$ дес. Это понятно: измѣняются времена, измѣняются люди и ихъ потребности. Если же потребуется вѣскими доказательствами подтвердить, что $4^1/_2$ дес. для крестьянскаго двора есть та необходимая норма, можно будетъ привести бюджетъ и его цифрами доказать высказанное положеніе. Величину дѣйствительной запашки, конечно, не нужно показывать, такъ какъ, съ одной стороны, это можетъ доказать воочію всю ложность построенія «нормы», а, съ другой, лишитъ необходимости дѣлать остроумныя соображенія, ссылки и тѣмъ обнаружить свою начитанность въ экономической литературѣ.

Платя дань выясненію мѣстныхъ особенностей, г. Вернеръ говоритъ:

„По среднимъ поуѣзднымъ цифрамъ количество земли, приходящейся на надѣльный дворъ, курская губ. дѣлится на двѣ половины—восточную многоземельную и западную малоземельную; въ первой въ среднемъ на надѣльный дворъ приходится 10,2 дес., во второй—7,4 дес. (къ западной половинѣ мы причисляемъ уѣзды: бѣлгородскій, грайворонскій, суджанскій, рыльскій, путивльскій, льговскій и дмитріевскій; къ восточной половинѣ—остальные уѣзды)“. Примѣч. Вернера. (стр. 98).

Казалось бы, что при однокачественной производительности почвы, требующей только иной обработки, и при тожествѣ въ курской губ. всѣхъ другихъ условій, указываемыхъ г. Вернеромъ въ его книгѣ, наибольше нуждающимся въ землѣ должно бы быть населеніе малоземельной части курской губ. На дѣлѣ же оказывается обратное. Переселенія крестьянъ, показывающія, во всякомъ случаѣ, не изобиліе земли въ той мѣстности, откуда народъ выселяется, идутъ по преимуществу изъ восточной «многоземельной» части курской губерніи. Разсмотрѣвши процентное отношеніе переселенцевъ по уѣздамъ, авторъ главы о переселеніяхъ, г. Добротворскій говоритъ:

„Стало быть, наибольшій процентъ выселеній представляютъ уѣзды, расположенные на восточной половинѣ курской губ.—новооскольскій, старооскольскій, тимскій, щигровскій, фатежскій, корочанскій и бѣлгородскій; уѣзды же западные представляютъ сравнительно небольшую цифру выселенцевъ, исключая, впрочемъ, дмитріевскаго уѣзда, въ которомъ высокій % переселенцевъ обусловливается, несомнѣнно, сильнѣйшимъ развитіемъ отхожихъ промысловъ“.

Дальше авторъ разсматриваетъ число переселенцевъ по отношенію къ наличному числу дворовъ въ уѣздѣ и замѣчаетъ:

„Такимъ образомъ, если взять количство переселенческихъ семей по отношенію къ наличному населенію, то и здѣсь выходитъ, что уѣзды восточные даютъ сравнительно большее число переселенцевъ, чѣмъ уѣзды западные,—послѣдніе опять таки за исключеніемъ дмитріевскаго, который благодаря своимъ почвеннымъ и культурнымъ особенностямъ становится въ данномъ случаѣ рядомъ съ восточными уѣзд.“ [1]).

Сопоставивши сказанное г. Добротворскимъ съ тѣмъ, что говоритъ г. Вернеръ, необходимо признать, что въ разныхъ мѣстностяхъ курской губ. существуетъ разница не въ одной только величинѣ надѣловъ, а и во многомъ другомъ. Какая, въ самомъ дѣлѣ, причина, что переселеніе идетъ изъ многоземельной части курской губ., въ чемъ состоитъ разница «почвенныхъ и культурныхъ особенностей» въ восточной половинѣ губерніи, на существованіе которой намекаетъ г. Добротворскій? Масса является вопросовъ, на которые въ «Итогахъ» г. Вернера нѣтъ ни отвѣта, ни тѣни указанія. Напротивъ, все является однороднымъ, чуть ли не тожественнымъ, созданнымъ по одной мѣркѣ. Если бы составители программы для описанія курской губ., гг. Орловъ и Вернеръ, не игнорировали вопроса о народности населенія, то, по всей вѣроятности, мы узнали бы отъ г. Добротворскаго, почему переселеніе идетъ изъ восточной, многоземельной части курской губ., населенной по преимуществу великороссами, а не изъ западной, малоземельной, въ которой значительный процентъ населенія составляютъ малороссы. Стало бы тогда намъ ясно и то, почему одни переселенцы направляются въ Новороссію съ Бессарабіей и въ губерніи Предкавказья, а другіе въ Заволожскій край, Донщину и т. д. Но для всего этого нужно быть статистикомъ, желающимъ знать дѣйствительность, какъ она есть, а не рѣшившимъ напередъ, какой она должна быть.

Остановимся еще на нѣкоторыхъ вопросахъ полеваго хозяйства. Г. Вернеръ, сказавши въ характеристикѣ почвъ, что онѣ одинаково вознаграждаютъ трудъ, требуя лишь иной обработки (стр. 41), не считаетъ нужнымъ даже обмолвиться словомъ: гдѣ употребляется однохонная соха, гдѣ пароконная, гдѣ плугъ. Неужто же въ курской губерніи отъ сѣвера къ югу и отъ востока къ западу вездѣ крестьянами употребляется одна соха, несмотря на требованіе со сто-

[1]) „Итоги“—глава о переселеніяхъ, стр. 2. Нужно замѣтить, что статья о переселеніяхъ написанная г. Добротворскимъ, имѣетъ свою нумерацію и какъ бы вклеена въ „Итоги“. Переселенческое движеніе изъ курской губерніи такъ прекрасно и полно разсмотрѣно г. Добротворскимъ, что этой работѣ мы бы посвятили особенную статью, если бы непонятные теперь для насъ факты были освѣщены этнографическими указаніями.

роны почвы «иной обработки»? Въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ г. Вернеръ указываетъ на употребленіе типа, но употребляется ли онъ и у крестьянъ, кромѣ грайворонскаго уѣзда [1]), мы не знаемъ. Судить же о земледѣльческихъ орудіяхъ у крестьянъ по аналогіи съ экономіями мы не имѣемъ права, такъ какъ въ описаніи г. Вернера сельскохозяйственная обстановка экономіи и крестьянъ крайне различна: экономіи употребляютъ воловъ, а у крестьянъ, по категорическому заявленію г. Вернера, существуютъ для работы только однѣ лошади (стр. 143).

Вмѣсто того, чтобы цифрами показать, сколько и какихъ орудій употребляется въ той и другой мѣстности курской губерніи, г. Вернеръ нашелъ для себя болѣе важный вопросъ—объ унаваживаніи полей. Что экономіи мало унаваживаютъ своей земли—это для г. Вернера понятно [2]): отсутствіе энергіи и знанія агрономической науки; но что крестьяне не унаваживаютъ полей, даже имѣя къ тому возможность—это для г. Вернера въ концѣ концовъ такъ и остается непонятнымъ. Между тѣмъ изъ примѣра московской губ. и изъ агрономической науки г. Вернеру извѣстно, что унаваживаніе и вообще удобреніе полей—это conditio sine qua non сельскаго хозяйства. Не имѣя ничего возразить противъ важности и этого вопроса, мы все таки думаемъ, что онъ менѣе важенъ для курской губ., чѣмъ вопросъ объ орудіяхъ обработки почвы. Вѣдь самъ г. Вернеръ указываетъ, что черноземъ въ курской губ. залегаетъ отъ 4 вер. до 2 арш. и болѣе (стр. 36), плужная же обработка не бываетъ глубже $3^1/_2$ вер. а сохой всего на 2 вер. (стр. 135). Слѣдовательно, въ самомъ худомъ случаѣ, у населенія есть еще $^1/_2$ вер. свѣжаго чернозема. Значитъ вопросъ и объ унаваживаніи, такой важный по мнѣнію г. Вернера, нельзя рѣшить безъ связи съ орудіями обработки почвы.

По изслѣдованію г. Вернера частные владѣльцы курской губ. сами мало обрабатываютъ свою землю (по 4-мъ уѣздамъ [3]) $14{,}8^0/_0$

---

[1]) Объ этомъ фактѣ г. Вернеръ обмолвился совершенно случайно (стр. 131).

[2]) Взявши экономіи по 4 уѣздамъ: путивльск., грайвор., рыльск. и щигровскому, г. Вернеръ высчитываетъ, что на 100 дес. полевой земли удобряется всего 3,3: „а слѣдовательно, вся площадь удобряется въ 30 лѣтъ одинъ разъ“ (стр. 134). Но при этомъ онъ забываетъ, или не желаетъ помнить, что тѣ же экономіи лично эксплоатируютъ только $14{,}8^0/_0$ всей своей полевой земли (стр. 122). Или, можетъ быть, владѣльцы удобряютъ землю и для арендаторовъ? Такой фактъ слѣдовало бы подчеркнуть.

[3]) Путивльскій, грайворонскій, рыльскій и щигровскій.

пахатной земли), а сдаютъ ее въ аренду или мелкимъ съемщикамъ (по 4-мъ другимъ уѣздамъ [1]) отъ 31,6% до 45,7% всей земли). Такое отношеніе частныхъ владѣльцевъ къ своей землѣ, въ связи съ малымъ количествомъ скота, рабочихъ, орудій, малымъ пространствомъ удобряемыхъ полей [2]) и т. д. не одобряется г. Вернеромъ съ точки зрѣнія агрономической науки. Слабую эксплоатацію земель частными владѣльцами онъ объясняетъ непомѣрно высокими арендными цѣнами (стр. 120). Такой тезисъ можно было бы поставить только въ такомъ случаѣ, если бы частные землевладѣльцы сами обрабатывали земли и отказались отъ такой эксплоатаціи ея, когда имъ предложили «непомѣрно высокую арендную цѣну»; но такого предшествующаго явленія, по заявленію самого г. Вернера, не было. Частные владѣльцы все время съ уничтоженія крѣпостнаго права сами мало обрабатываютъ земли. Мы въ этомъ явленіи видимъ весьма отрадный соціально-экономическій фактъ, хотя противорѣчащій требованіямъ агрономической науки. Если предположить, что всѣ земледѣльцы станутъ сами обработывать свою землю и, согласно требованіямъ агрономической науки, не будутъ сдавать ни одной десятины, тогда дѣйствительно не будетъ чрезмѣрно высокихъ арендныхъ цѣнъ, т. к. не будетъ сдачи земли, но крестьяне очутятся въ безвыходномъ положеніи. Почему же, спрашивается, теперь, при сдачѣ такого громаднаго количества частно-владѣльческихъ земель, арендныя цѣны чрезмѣрно высоки? Вѣдь, казалось бы, что такое явленіе должно было бы служить въ обратную сторону: къ чрезмѣрному пониженію цѣнъ. Невольно является вопросъ: но чемъ основываетъ свое положеніе г. Вернеръ? Абсолютно высшая цифра 30 руб., а средняя по губерніи 20 р. за десятину подъ озимый посѣвъ, высшая 23 р. 90 к. и средняя 13 р. 10 к. за яровую десятину сами собой еще ничего не доказываютъ. Г. Вернеръ пишетъ:

„Мы можемъ засвидѣтельствовать, что послѣ изслѣдованія губерніи, начиная съ весны 1886 г. крестьяне въ значительной степени сократили аренду земель и это уже отразилось замѣтнымъ паденіемъ цѣнъ“ (стр. 171).

Если повѣрить этому заявленію г. Вернера, тогда не нужно вѣрить ни одной его цифрѣ: статистикъ собралъ милліоны цифръ, написалъ цѣлую книгу, въ которой на основаніи этихъ цифръ доказываетъ, что крестьянинъ въ курской губ. еле еле сводилъ концы съ концами, и вдругъ этотъ крестьянинъ въ 1886 г. ни съ сего ни

[1]) Дмитровскій, фатежскій, суджанскій и льговскій.

[2]) Какъ надо понимать этотъ выводъ г. Вернера, мы указали выше.

съ того сокращаетъ аренду, т. е. сокращаетъ запашку! Что же значитъ послѣ этого гора цифръ? Или выводы, основанные на цифрахъ, собранныхъ объективно, есть какая то пьяная кума, съ которой какъ хочешь, такъ и говори? Отбросивши это свидѣтельство г. Вернера, обратимся къ его цифровымъ даннымъ. Чрезмѣрность высокой арендной цѣны г. Вернеръ выводитъ изъ слѣдующаго разсчета:

„Стоимость обработки одной десятины обойдется:

	Ржи.	Овса.
Арендная плата	20 р.	13 р.
Сѣмена	5 р.	7 р.
Обработка	6 р.	6 р.
Остальные расходы	1 р.	1 р.
	32 р.	27 р.

„Слѣдовательно, при урожаѣ 7 чет. ржи и 8 чет. овса арендаторъ имѣетъ пользы отъ первой десятины 3 р., а отъ второй 1 р.“ (стр. 169).

Въ этомъ разсчетѣ невѣрность слѣдующая: урожайность взята на крестьянскихъ поляхъ, а не на арендуемыхъ (вопросъ еще и въ томъ: насколько заслуживаютъ довѣрія словесныя показанія крестьянъ объ урожайности на надѣльныхъ земляхъ). Затѣмъ, переводъ урожайности на деньги не обоснованъ ни на какихъ конкретныхъ данныхъ, а слѣдовательно неубѣдителенъ. Пользуясь такимъ методомъ, въ статистическихъ выводахъ можно вывести все, что угодно. Кромѣ того, г. Вернеръ нигдѣ не доказываетъ (да и не можетъ этого сдѣлать, если бы и хотѣлъ), что крестьяне курской губ. на арендуемыхъ земляхъ сѣютъ только рожь и овесъ. Изъ «Итоговъ» г. Вернера видно, что ему не безъизвѣстно, что въ курской губ. сѣютъ и пшеницу, и ячмень, и горохъ, и просо, и подсолнухи. Неужто таки крестьянинъ, заплативши аренды за десятину 20 р., посѣетъ на ней такой малоцѣнный хлѣбъ, какъ рожь, а не оз. пшеницу, или овесъ, а не яровую пшеницу, просо, ячмень и т. п. болѣе цѣнные хлѣба?

Чтобы показать, насколько можно вѣрить методу, употребляемому г. Вернеромъ, и его выводамъ, обратимся къ даннымъ по обоянскому уѣзду, описанному г. Тимофеевымъ. Въ матеріалахъ по этому уѣзду есть средняя урожайность на частно-владѣльческихъ земляхъ, выведенная за 6 лѣтъ (съ 1876 г.) изъ многочисленныхъ конкретныхъ записей, есть и мѣстныя цѣны на хлѣба, среднія за 8 лѣтъ (съ 1875 г.). На основаніи этихъ данныхъ и мѣстныхъ арендныхъ цѣнъ получимъ слѣдующій разсчетъ для одной десятины ржи: арендная плата (средняя въ уѣздѣ) 20 р., сѣмена (четверть въ 8 пуд.) 5 р. 75 к., обработка и остальные расходы (по г. Вернеру) 7 руб.,

итого затраты 32 р. 76 к. Доходъ: урожай 7 четвер. по 8 пуд. [1]) =56 пуд., что по среднимъ цѣнамъ на хлѣбъ на мѣстѣ (72 к. пудъ) дастъ 40 р. 32 к., или чистой прибыли отъ десятины ржи—7 р. 56 коп., не считая соломы и мякины, стоимость которыхъ мы готовы отнести на обмолотъ, такъ какъ не знаемъ, посчитана ли эта работа г. Вернеромъ въ его 7 р. на обработку и остальные расходы. Уже и эта цифра нѣсколько выше показанной г. Вернеромъ (3 р.). Но мы предполагаемъ, что курскій крестьянинъ не такъ глупъ, какъ представляетъ его г. Вернеръ по отношенію къ арендѣ земли, и на снятой землѣ сѣетъ не одну рожь, а и пшеницу, допустимъ, хоть на половинѣ снятой земли подъ озимый посѣвъ. При посѣвѣ же пшеницы расходъ: максимальная въ уѣздѣ цѣна за снятую десятину 27 руб., сѣмена (1 четв.) 9 р. 81 к., обработка и остал. расходы—7 р., итого затраты 43 р. 81 к. Урожай пшеницы 8 четв. по 9 пуд.=72 пуда, что при среднихъ цѣнахъ на мѣстѣ (1 р. 9 к. пудъ) дастъ 78 руб. 38 коп., или чистой прибыли (безъ соломы и мякины) 34 руб. 57 коп. Эти выводы основаны на *среднихъ*, полученныхъ изъ *многолѣтнихъ конкретныхъ записей*, помѣщенныхъ въ сборникѣ по обоянскому уѣзду на стр. 105 и 111. Для корректива нашихъ выводовъ приведемъ учеты экономій въ томъ же уѣздѣ: Дмитровская экономія считаетъ валоваго прихода отъ 1 дес. пшеницы 100 р. при расходѣ въ 34 р. 82 к. [2]), но такъ какъ въ числѣ расхода не показана арендная плата, то присоединяя къ расходу еще 27 р., получимъ чистой прибыли 38 р. 18 к. Въ той же экономіи 1 дес. картофеля дастъ чистаго дохода 44 р. 86 к. [3]). Въ Ивинской экономіи чистый предпринимательный доходъ съ 1 дес. пшеницы, но безъ расхода на администрацію высчитанъ въ 49 р. 65 к. [4]). Всѣ эти и множество другихъ фактовъ были передъ глазами г. Вернера и однако не укротили его храбрости, не заставили задуматься надъ тѣмъ, что 30 р. за озимую десятину есть не чрезмѣрно высокая арендная цѣна, а продуктъ чрезмѣрно высокой производительности почвы курской губ. Въ такомъ отношеніи къ дѣлу нельзя не видѣть тенденціи:—не желать знать

---

[1]) У г. Тимофеева показаны цѣны на хлѣбъ за пудъ; вѣса четверти не показано; мы беремъ минимальный—8 пуд. для ржи и 9 пуд. для оз. пшеницы.

[2]) Обоянскіе уѣздъ, стр. 37 въ числѣ расхода показано: удобреніе 2 р. 80 коп., на администрацію 4 р. 60 к., % съ оборотнаго и постояннаго капитала 3 р.

[3]) Ibid. стр. 28. Въ числѣ расхода показано: на администрацію 7 р., % съ постояннаго и оборотнаго капитала 2 р. 50 к.

[4]) Ibid. стр. 39.

изслѣдуемаго края, а тѣ свѣдѣнія, которыя добыты другими, какъ, напримѣръ, по обоянскому уѣзду, совершенно игнорировать.

Переходимъ теперь къ скотоводству. Мы уже имѣли случай замѣтить, что по изслѣдованію г. Вернера, волы, употребляющіеся въ экономіяхъ, какъ рабочій скотъ, совершенно не употребляются крестьянами. Дословно это мѣсто книги г. Вернера читается такъ:

„Состояніе крестьянскаго хозяйства находится въ тѣсной зависимости отъ количества надѣльной земли, рабочей силы населенія и живаго инвентаря, т. е. для курской губ.—*количества рабочихъ лошадей*“ (стр. 143).

Дѣйствительно, въ графахъ подворной переписи нѣтъ рубрики для показанія числа воловъ. Такимъ образомъ этотъ рабочій скотъ, употребляющійся малороссами для перевозки тяжестей и полевыхъ работъ еще въ 1862 г. [1]), теперь не въ употребленіи. Насколько этому можно вѣрить? Если мы ассимиляцію малороссіянъ и великоросовъ, констатируемую г. Вернеромъ, могли себѣ объяснить тѣмъ, что руководители статистическимъ изслѣдованіемъ губерніи не считали важнымъ вопросъ о народности населенія и не включили его въ программу, то нельзя же этимъ объяснить и исчезновеніе воловъ: вѣдь это «живой инвентарь», въ зависимости отъ котораго находится состояніе крестьянскаго хозяйства. Хотя о несуществованіи воловъ у крестьянъ курской губ. г. Вернеръ заявляетъ категорически, но мы смѣемъ этому не вѣрить. Мы не можемъ себѣ вообразить, чтобы крестьянская бытовая обстановка сельскохозяйственной жизни такъ сильно рознилась отъ частно-владѣльческой, какъ это рисуетъ г. Вернеръ. Въ 4 хъ уѣздахъ, гдѣ было кое какъ изслѣдовано частно-владѣльческое хозяйство, мы видимъ употребленіе воловъ, при чемъ въ уѣздахъ путивльскомъ и грайворонскомъ воловъ у частныхъ владѣльцевъ больше, чѣмъ лошадей («Итоги» стр. 132), а у крестьянъ такъ таки ни одного вола. Это нѣчто невообразимое! Сомнѣніе въ вѣрности сообщаемыхъ г. Вернеромъ фактовъ еще больше усиливается, когда мы посмотримъ на бытъ населенія въ сосѣднихъ мѣстностяхъ. Въ богодуховскомъ уѣздѣ, прилегающемъ къ курской губ., оказывается, рабочаго скота на одинъ крестьянскій дворъ: у великороссовъ—лошадей 2, 1, воловъ нѣтъ, у малороссовъ—лошадей 0, 7 и воловъ 1, 1. Въ кролевецкомъ уѣздѣ черниговской губ., прилегающемъ съ сѣверной стороны къ путивльскому у. курской губ., крестьянами также употребляются волы для работы, какъ то видно изъ таблицъ подворной переписи. Мы не имѣемъ подъ руками другихъ сосѣднихъ съ курской

[1]) „Списокъ насел. мѣстъ“ стр. LVI.

губ. уѣздовъ, описанныхъ статистиками, не закрывавшими глазъ на мѣстныя условія сельскохозяйственной дѣятельности населенія; но думаемъ, что и въ нихъ нашли бы подтвержденіе, что сейчасъ же за межой курской губ. волы употребляются крестьянами. Но и двухъ приведенныхъ указаній объ употребленіи воловъ крестьянами съ западной стороны и южной отъ границы курской губ. достаточно, чтобы поставить такую диллему: или административная граница имѣетъ такое громадное вліяніе на сельскохозяйственную обстановку населенія, что заставляетъ, напримѣръ, крестьянъ мѣнять воловъ на лошадей, или что статистикъ Вернеръ, изслѣдуя крестьянское хозяйство въ курской губ., не хотѣлъ замѣтить у крестьянъ воловъ. Не сомнѣваемся, многіе согласятся съ нами, что послѣднее предположеніе вѣроятнѣе.

Есть еще одинъ вопросъ въ отдѣлѣ скотоводства, на который мы хотимъ обратить вниманіе. Г. Тимофеевъ, изслѣдуя обоянскій уѣздъ, по своей иниціативѣ или по указанію мѣстныхъ земскихъ дѣятелей сосчиталъ у крестьянъ число козъ (2423), но, къ сожалѣнію не указалъ ни причины уклоненія отъ московской составленной Орловымъ программы, ни значенія козъ въ экономической жизни крестьянскаго населенія обоянскаго уѣзда. Нужно думать, что и въ обоянскомъ уѣздѣ козы имѣютъ то же значеніе, что и въ черниговской губ. Статистиками же этой губерніи указано, что за дороговизною и отсутствіемъ выпасовъ коза у крестьянъ начинаетъ замѣнять корову и свидѣтельствуетъ о крайней бѣдности населенія. Въ мглинскомъ уѣздѣ даже создалась поговорка: «бульба да коза про бѣднаго создана». Положимъ, въ обоянскомъ уѣздѣ оказывается на 100 коровъ всего 7, 6 козъ; но въ городницкомъ у. черниговской губеніи на сто коровъ было всего 2 козы, тѣмъ не менѣе тамошніе статистики не погнушались изслѣдовать хозяйства въ этомъ направленіи и въ кролевецкомъ уѣздѣ уже нашли 28 козъ на 100 коровъ. Очень можетъ быть, что нѣчто подобное могло бы обнаружиться и въ курской губ. Начало было положено [1]). Но задача курскихъ статистиковъ была не въ изученіи жизни населенія курской губ., какъ сна есть, а въ наполненіи цифрами графъ, заранѣе составленныхъ въ Москвѣ. Поэтому то въ «Итогахъ» мы и встрѣчаемъ такое однообразіе жизни и условій быта, будто все нарочито создалось по одному заранѣе приготовленному шаблону.

Мы не считаемъ возможнымъ останавливаться на числѣ безземельныхъ, безлошадныхъ и т. п. производныхъ, выведенныхъ г. Вер-

[1]) Обоянскій уѣздъ описывался одновременно съ курскимъ.

неромъ изъ первоначальныхъ данныхъ, методъ полученія которыхъ нами разсмотрѣнъ, такъ какъ въ этихъ цифрахъ еще большая ошибка, чѣмъ въ основныхъ. Кромѣ того, въ вычисленіи всѣхъ производныхъ цифръ у г. Вернера вошли такія не существующія въ дѣйствительности семьи (дворы), какъ переселившіяся въ города около 5 лѣтъ назадъ, переселившіяся въ экономіи въ качествѣ рабочихъ и въ другія поселенія промышленники въ болѣе давнее время, наконецъ въ число «безлошадныхъ» въ южныхъ и западныхъ уѣздахъ вошли всѣ тѣ хозяева, которые къ моменту изслѣдованія уѣзда не успѣли перемѣнить воловъ на лошадей. По нашему мнѣнію всѣ выводы, основанные на такихъ вычисленіяхъ, не заслуживаютъ никакого вниманія.

Когда мы взялись за «Итоги статистическаго изслѣдованія курской губерніи», чтобы по нимъ ознакомить читателей съ главными условіями жизни населенія курской губ., мы совсѣмъ не имѣли въ виду тѣхъ результатовъ, къ которымъ пришли. По первому началу намъ казалось, что прійдется подвергнуть сомнѣнію только указаніе г. Вернера на ассимиляцію народностей въ предѣлахъ курской губ., но углубившись въ цифровый матеріалъ и выводы, мы нашли то, чего совсѣмъ не подозрѣвали. Наша замѣтка касается только болѣе выдающихся погрѣшностей книги г. Вернера, масса же болѣе мелкихъ пройдена молчаніемъ. Мы будемъ считать свою цѣль достигнутой, если этнографъ или статистикъ прежде чѣмъ сослаться на факты и выводы въ «Итогахъ статистическаго изслѣдованія курской губерніи» внимательно прокритикуетъ дату, на которую желаетъ сослаться.

Декабрь. 1888 г.

Сф. Кр.

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго[1]).

3. *Первый классъ.*

(1830—1833).

Педагогическій персоналъ.

Низшее отдѣленіе уѣзднаго училища—первѣйшій классъ, съ грознымъ Люциферомъ Ильею Семеновичемъ, по всей справедливости, носилъ у насъ прозвище „пекла“, въ которомъ каждый бѣднякъ, за грѣхи своихъ родителей, долженъ былъ претерпѣть лютыя муки, для того чтобы попасть въ „Чистилище“ (такъ мы называли первый классъ), откуда, прошедши еще одно мытарство—второй классъ,—ученикъ попадалъ въ „Рай“ т. е. въ гимназію, гдѣ не было уже ни печали, ни воздыханія, ни паль, ни розогъ.

Хотя первый классъ, по преподаваемымъ въ немъ предметамъ, недалеко ушелъ отъ первѣйшаго, но разница между ними была громадная въ другомъ отношеніи. Происходила она главнымъ образомъ отъ личныхъ свойствъ и характера самихъ преподавателей. Послѣ свирѣпаго и жестокаго Ильи Семеновича, удостоенный перевода въ первый классъ встрѣчалъ добродушныя физіономіи Якова Яковлевича и Ивана Андреевича—простыхъ и тихихъ смертныхъ, съ которыми, не боясь порки, можно было и пошутить, и подурачиться.

Яковъ Яковлевичъ преподавалъ: ариѳметику, нѣмецкій языкъ, рисованіе и чистописаніе, а Иванъ Андреевичъ—россійскую грам-

[1]) См. „Кіевск. Стар.“, 1889 г., февраль.

матику, латинскій языкъ, географію, исторію и законъ Божій. Эти два труженика выносили на своихъ плечахъ, съ нечеловѣческимъ терпѣніемъ, преподаваніе всѣхъ означенныхъ предметовъ, имѣя ни болѣе, ни менѣе, какъ по 32 урока въ недѣлю: Яковъ Яковлевичъ 20 въ первомъ и 12 во второмъ, а Иванъ Андреевичъ, наоборотъ: 12 въ первомъ и 20 во второмъ. Четыре полутара-часовыхъ урока отбывались до обѣда и два послѣ обѣда, за исключеніемъ среды и субботы, когда послѣобѣденныхъ занятій не было вовсе.

Прибавивъ къ симъ главнымъ дѣятелямъ по части образованія юношества смотрителя училища Николая Осиповича Кампіони, мы получимъ полный персоналъ педагоговъ уѣзднаго училища. Главный начальникъ заведеній, директоръ, былъ для насъ, повѣтовцевъ, покамѣстомъ. Жилъ онъ гдѣ то за Десной, въ сорока верстахъ отъ города въ своей деревнѣ Турановкѣ, пріѣзжая два-три раза въ годъ, и потому рѣчь о немъ будетъ впереди.

Яковъ Яковлевичъ Игнатьевъ, по прозванію *Бруль*, лейбъ гвардіи коннаго полка гофрейтъ-капрала сынъ, обучался въ новгородъ-сѣверскомъ главномъ училищѣ между 1800 и 1804 годами: „закону Божію, россійской, всеобщей и естественной исторіямъ, всеобщей, россійской и математической географіямъ, латинскому языку, ариѳметикѣ, геометріи, физикѣ, механикѣ, архитектурѣ, россійскому и нѣмецкому языкамъ и рисовальному искусству“. На службу вступилъ въ 1806 году, сперва учителемъ приготовительнаго класса, а потомъ въ 1812 году сдѣлался учителемъ математическихъ наукъ и рисованія въ первомъ и второмъ классѣ повѣтоваго училища. Жалованья получалъ 250 рубл. асс. да добавочныхъ за уроки чистописанія и рисованія 75 рубл. асс.; столько же получалъ и его братъ Иванъ Андреевичъ. При существовавшей въ тѣ времена дешевизнѣ на всѣ жизненныя потребности[1]) и при господствовавшемъ въ доброе старое время обычаѣ пользоваться добровольными приношеніями учащихся, жалованья этого для Якова Яковлевича и его небольшаго семейства, состоявшаго изъ сестрицы Марѳуши и племянницы Мавруши, было весьма достаточно. Яковъ Яковлевичъ

[1]) Четверть ржи (7 п. 20 ф.) стоила 4 руб. асс. На содержаніе повѣтоваго училища отпускалось 1,757 р. асс. въ годъ, а на содержаніе гимназіи 7,720 р. асс.

ухищрялся даже такъ, что нетолько жилъ безбѣдно, но успѣлъ пріобрѣсть недвижимую собственность: небольшой домикъ и нѣсколько десятковъ десятинъ земли—пахатной и сѣнокосной. Что же касается хабаровъ, то надобно правду сказать, что въ тѣ патріархальныя времена ими не брезгали не только такіе бѣдняки, какъ повѣтовые учителя, но даже люди, поставленные въ несравненно лучшія условія. Давались эти хабары въ видѣ гостинцевъ, при поздравленіи съ праздниками. Бѣдняки, подобные мнѣ, несли булки, бублики, какой нибудь пряникъ; купеческіе сынки—чай, сахаръ, вино; помѣщичьи дѣтки—привозили изъ дому живую и битую птицу, масло, поросятъ, а иногда и цѣлаго кабана. Но любимѣйшимъ гостинцемъ для Якова Яковлевича была „мучица". Чай, сахаръ, вино и прочія сласти онъ обыкновенно сбывалъ мелкимъ торговцамъ и обращалъ все въ наличныя деньги, на которыя прикупалъ одну нивку за другою. Сослуживцы ославили почтеннаго нашего наставника по всему городу скаредомъ и скопидомомъ. Въ гости онъ никуда не ходилъ и у себя никого не принималъ. Весь міръ для него заключался въ училищѣ и въ домѣ. На одежду онъ почти ничего не издерживалъ, нося по 10 и болѣе лѣтъ одинъ и тотъ же сюртукъ; шляпа же у него была несносимая. Эту, по истинѣ археологическую, рѣдкость онъ старался сохранить отъ разрушенія всевозможными средствами: смазывалъ ее ваксой и чернилами, чтобъ она не рыжѣла, задѣлывалъ трещины чернымъ сургучемъ и т. п. Не менѣе замѣчательною древностію были и его ботфорты: отъ вліянія мокроты они сохранялись въ непогоду большущими калошами или проще сандаліями, прикрѣпляемыми бичевкой поверхъ ботфортовъ. Наши оборванцы школяры безжалостно издѣвались надъ костюмомъ своего учителя, забывая о томъ, какъ они сами были одѣты. Но что бы ни говорили о его скупости какъ ученые, такъ и уличные зоилы, и я все таки скажу, что ему до скареда Плюшкина, какъ до звѣзды небесной далеко. Онъ былъ бережливъ до скупости, но скрягой никогда не былъ. Жилъ онъ въ сторонкѣ отъ большой улицы, въ глухомъ переулкѣ, гдѣ тянулись одни заборы—между Глуховской и Козацкой. Домикъ его съ улицы почти былъ незамѣтенъ: онъ скрывался за высокимъ заборомъ, теряясь въ зелени окружавшихъ его деревьевъ. Домъ Якова Яковлевича былъ полная чаша: Марѳуша была отлич-

ная хозяйка, анбары—полнымъ полны „мучицей“, и ржаной, и крупичатой, и пшеничной; въ погребѣ—большіе запасы разныхъ соленій, заготовленныхъ впрокъ; по двору важно расхаживала красивая и тучная „коровушка“; на цѣпи—жирный и злой песъ, котораго хозяинъ, лаская, называлъ почему то „мушкатеромъ“; куръ цѣлое стадо. Дворъ всегда собственноручно выметенъ, хоть качайся; въ садикѣ необыкновенный порядокъ; въ огородинѣ—человѣкъ спрячется. Не пилъ Яковъ Яковлевичъ ни чаю, ни вина; не водилось у него за столомъ никакихъ пряностей—ни соусовъ, ни пирожныхъ; но онъ съ своими домочадцами обѣдалъ и ужиналъ простыми и сытными блюдами, ни въ чемъ себѣ не отказывая.

Устроивъ такимъ образомъ жизнь по своему идеалу, быть можетъ даже осуществивъ завѣтную мечту своего темнаго дѣтства и исполненной нужды и всяческихъ лишеній юности, Яковъ Яковлевичъ былъ счастливъ по своему, никогда не измѣняя своимъ спартанскимъ привычкамъ, усвоеннымъ еще при жизни родителя—гофрейтъ-капрала. Самъ онъ съ большой любовью занимался по хозяйству: отбывши уроки, сбрасывалъ служебный костюмъ, облачался въ старую солдатскую шинель, оставленную ему, вѣроятно, въ наслѣдство покойнымъ отцомъ, бралъ лопату или метлу и выходилъ на дворъ дѣлать порядокъ. Вставалъ онъ и ложился всегда по солнцу. На всѣ насмѣшки своихъ сослуживцевъ онъ снисходительно улыбался ему одному свойственной улыбкой: губы его, нарочито длинныя и толстыя, какъ то странно сжимались и языкъ начиналъ подпирать то одну щеку, то другую.

Въ 1830 году Якову Яковлевичу было съ небольшимъ 40 лѣтъ, но по волосамъ съ большою просѣдью онъ казался гораздо старѣе своихъ лѣтъ или, лучше сказать, каждый приходитъ въ сомнѣніе—былъ ли этотъ человѣкъ когда нибудь молодъ? Невозмутимый, вѣчно ровный самому себѣ характеръ; необыкновенная аккуратность и неизмѣняный способъ обращенія съ учениками, всегда одни и тѣ же пріемы, выраженія, слова, повторявшіяся ежедневно втеченіе долголѣтней его службы; безконечная доброта и снисходительность къ дѣтскимъ проказамъ, даже въ ущербъ собственному самолюбію: вотъ тѣ черты, которыя только теперь такъ рельефно представляются моему сознанію, но которыхъ, конечно, мы, дѣти, не умѣли подмѣ-

тить въ немъ, а тѣмъ болѣе оцѣнить по достоинству этого добряка. Пользуясь его добротой и, сравнительно говоря, слабостью, мы много огорчали нашего наставника и нерѣдко своими шалостями выводили его изъ терпѣнія до того, что и онъ, какъ другіе, тоже начиналъ драться. Да инаго средства и не было сладить съ буйною ватагой сорвиголовъ, густо наполнявшихъ классную комнату.

Дѣти въ школѣ народъ безжалостный: порознь—ангелы Божіе, а вмѣстѣ—сущіе чертенята!...

Въ 1872 году, блуждая по Троицкому кладбищу, я нечаянно наткнулся на могилу своего наставника и прочелъ на крестѣ надпись: „Крестъ Христовъ поставленъ у головы титулярнаго совѣтника Якова Яковлевича Игнатьева, который родился въ 1780 году, а скончался 1841 генваря 1 дня; всей жизни бяше 61 годъ".

„По лѣвую сторону Якова почиваетъ тѣло родной сестры его Маѳы, которая родилась 1778 года, а умерла 1848.

„По правую же сторону сей Маѳы погребено тѣло племянницы ихъ, жены губернскаго секретаря, Маріи, которая родилась 1812 г., а преставилась 1860. Поживе только 47 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ.

„Глубиною мудрости вся строяй и полезная всѣмъ подаваяй, едине Создателю, упокой, Гди, души рабъ твоихъ: Іакова, Маѳу и Марію" [1]).

Иванъ Андреевичъ Славатинскій, воспитанникъ черниговской гимназіи, пробывшій больше году въ харьковскомъ университетѣ, опредѣленъ учителемъ въ новгородъ-сѣверское уѣздное училище въ 1812 году. Въ противоположность Якову Яковлевичу, онъ не имѣлъ солидной и степенной его наружности, приличествующей педагогу: ни ростомъ, ни дородствомъ не вышелъ. Въ своемъ потертомъ и полиняломъ фрачишкѣ, съ короткими рукавами и въ кожаномъ картузѣ, онъ скорѣе походилъ на канцеляриста уѣзднаго суда, чѣмъ на учителя.

Иванъ Андреевичъ былъ страшно бѣденъ. Жилъ онъ на Заручьѣ, верстахъ въ трехъ отъ училища, противъ церкви Благовѣ-

[1]) Нѣкоторыя черты оригинальной личности Игнатьева довольно удачно схвачены авторомъ біографическаго очерка „Яковъ Яковлевичъ"; но, къ сожалѣнію, талантливый беллетристъ (П. А. Кулишъ) изобразилъ это дѣйствительно существовавшее лице исторически невѣрно, придавъ ему романическія поползновенія.

щенія, имѣлъ большое семейство, вѣчно нуждался и съ горя попивалъ. Страдая катарромъ желудка, онъ часто не бывалъ на урокахъ, къ великому огорченію Якова Яковлевича, который, не пропустивъ самъ ни одного урока во всю свою службу, долженъ былъ, за отсутствіемъ коллеги, слѣдить и за учениками сосѣдняго класса чрезъ растворенную дверь.

Скончался Иванъ Андреевичъ въ 1831 году. За годъ до смерти этотъ достойный учитель россійской грамматики такъ рапортовалъ смотрителю о причинѣ неявки своей на службу:

„По приключившейся боли у желудки не могу явится къ должности, а чемъ симъ вашему благородію имѣю донести къ нужному свѣдѣнію.“

До опредѣленія другаго преподавателя, предметы покойнаго, по распоряженію директора, распредѣлены между учениками высшаго класса гимназіи, оставленными на второй годъ въ томъ же классѣ: Петровскимъ. Куриловымъ и Сапѣгой.

Смотритель повѣтоваго училища *Николай Осиповичъ Кампіони* началъ свою службу аптекарскимъ ученикомъ, былъ потомъ гизелемъ и провизоромъ, пока наконецъ самъ не сдѣлался аптекаремъ. Въ 1825 году, оставаясь содержателемъ вольной аптеки, опредѣленъ смотрителемъ, съ жалованьемъ 300 рубл. асс., изъ коихъ половину онъ обязался жертвовать въ пользу училища и безплатно отпускать лѣкарства заболѣвшимъ воспитанникамъ, которые, впрочемъ, такимъ благодѣяніемъ вовсе не пользовались, пробавляясь домашними настоями и нашептываніями знахорокъ.

Смотритель былъ человѣкъ тучный съ манерами, изобличавшими въ немъ чистокровную нѣмецкую расу, чѣмъ онъ очень гордился, относясь къ русскимъ учителямъ съ явнымъ пренебреженіемъ. По жалобамъ нашихъ наставниковъ, Николай Осиповичъ иногда дѣлалъ намъ замѣчанія; но когда онъ обращался своимъ сиплымъ голосомъ къ одному ученику, то съ мѣста подымался другой, сидѣвшій въ противоположномъ концѣ скамьи, и пока смотритель не ткнетъ пальцемъ въ того, къ кому онъ адресовалъ свой выговоръ, тотъ никогда не догадается привстать. Такая странная шутка происходила отъ того, что нашъ аптекарь былъ косоглазый баринъ, отчего и не смотрѣлъ на того, съ кѣмъ намѣренъ былъ говорить. Съ Яковомъ

Яковлевичемъ онъ видимо былъ не въ ладахъ и при свиданіи съ нимъ подавалъ ему одинъ лишь палецъ, презрительно поглядывая то на его ботфорты, то на античную шляпу, стоявшую на столѣ. Особенно злился онъ и шипѣлъ, какъ гусакъ, когда заставалъ въ классѣ какую нибудь исторію. Наставники наши таки частенько получали отъ него нахлобучки не только на словахъ, но и на бумагѣ. Такъ, по поводу не оказавшихся въ запасѣ печатныхъ бланковъ для похвальныхъ листовъ, онъ разразился надъ смиреннымъ Игнатьевымъ строжайшимъ выговоромъ:

„О похвальныхъ листахъ дѣло было ваше заботиться имѣть лишніе два—три. Я уже много принялъ на себя, то что отъ васъ требовалось, дабы не нарушать вашего покоя. Не забудите терпѣніе прерывается и не сожалѣйте сами на себя, сами себя не жалѣли. Заботы ваши большія, но не къ цѣли и благу учащихся, а къ собственной. Постарайтесь, по крайней мѣрѣ, о благовидности, дабы имѣть порядочного губка грецкого изъ суммы, навербованной вами въ довольное число съ учениковъ 1 и 2 классовъ, не знаю, по какому вашему на то праву?“

Изъ сего документа явствуетъ, что смотритель былъ нѣмецъ, (а можетъ быть и нѣмецкій жидъ) скупой и завистливый Получая за свою службу чины и благодарности, не отпуская изъ своей аптеки никакихъ лѣкарствъ, а главное, ровно ничего не дѣлая, укоряетъ работающаго въ потѣ лица труженика въ нерадѣніи о благѣ учащихся. Доведши учителя своей нѣмецкой экономіей до необходимости прибѣгать къ косвеннымъ налогамъ на учениковъ для покупки „порядочного губка грецкого“, требуетъ, чтобы и бланки для похвальныхъ листовъ покупались на тѣ же незаконные поборы. А куда же шли полтораста рублей, которые онъ обязался вносить на нужды училища?...

Смотритель жилъ открыто. Домъ его считался чуть ли не первымъ въ городѣ по богатой обстановкѣ: вечера съ ужинами и танцами, экипажи, лошади, гувернанка—все это требовало не копѣечныхъ издержекъ, какими довольствовался плебей Я. Я—чъ и при всемъ томъ спеціальная сумма на содержаніе училища, находившаяся въ безотчетномъ распоряженіи смотрителя, пряталась въ собственный карманъ.

При дѣлахъ училища сохранилось письмо директора къ смотрителю, свидѣтельствующее объ отношеніяхъ аптекаря къ высшему городскому обществу, во главѣ коего стоялъ Тимковскій.

„Учреждаемый въ обученіи А. И. Кригера танцботъ для дѣвицъ, съ согласію вашего, Николай Осиповичъ, и общаго другихъ участниковъ, имѣетъ быть въ вашемъ домѣ по три раза въ недѣлю: во вторникъ и четвергъ отъ 2-хъ часовъ, а въ субботу отъ половины 5-го, съ положеніемъ правилами, которыя вамъ извѣстны. Съ сего числа въ танцботъ поступаютъ: Варвара Тимковская—моя дочь, Анастасія Петр. Левицкая, Любовь Григор. Македонская".

Такъ, весьма обыкновенные танцовальные уроки возведены г. директоромъ на степень серьезнаго учрежденія—съ особенными правилами и положеніями.

Аборигены и новички.

Прійдя въ первый классъ, мы застали тамъ болѣе 30 учениковъ, оставленныхъ, кто на второй, кто на третій и даже на четвертый годъ; а потому неудивительно, что тутъ нашлись юноши по 16 и болѣе лѣтъ. Это—аборигены перваго класса. Самые дюжіе изъ нихъ заняли послѣднюю скамью не для того, чтобы передніе мальчуганы могли съ большимъ удобствомъ смотрѣть на доску, но для того, что тутъ имъ была вольная воля, „лахва", какъ они выражались сами. Это отборное общество силачей и грубіяновъ давало тонъ всему классу и съ перваго же дня нашего пребыванія въ новомъ обществѣ приняло на себя обязанность посвятить насъ, новичковъ, во всѣ тайны созданнаго ими кодекса школьныхъ правилъ и порядковъ. Большинство аборигеновъ составляли дѣти мѣстныхъ мѣщанъ, которые, не гоняясь за большою мудростію, довольствовались простою грамотностію, или даже только тѣмъ, чтобы сыновья ихъ „не вѣшались зря" по улицамъ. Они смотрѣли на школу, какъ на смирительный домъ, гдѣ укрощались буйные нравы непослушныхъ дѣтей. Общее число учениковъ перваго класса въ 1830 году состояло изъ 60 человѣкъ. Изъ нихъ дворянъ 30, мѣщанъ 15, купцовъ 4, козаковъ 1; затѣмъ остальные 8 человѣкъ принадлежали къ сословію разночинцевъ: это были незаконнорожденныя дѣти ближайшихъ къ городу помѣщи-

ковъ, которые путемъ ученія, выводили ихъ въ люди, для успокоенія своей барской совѣсти.

Каждый изъ учениковъ одѣвался сообразно состоянію и званію своихъ родителей, и потому масса учащихся представляла пеструю смѣсь „одежды и лицъ". Чисто и опрятно одѣтыхъ было весьма не много. Да и не любила классная камарилья задней скамьи такихъ выскочекъ, стараясь все ассимилировать, согласно своему демократическому строю. Такъ, въ первый же день моего пребыванія въ новомъ для меня обществѣ, батистовые воротнички генеральскихъ сынковъ Гетуновъ, по окончаніи урока, оказались запачканными въ чернила, а въ оставленныя ими въ сѣняхъ галоши накладено нечистотъ. Сюртуки у большинства учениковъ были нанковые, отличавшіеся особеннымъ покроемъ и цвѣтомъ: мѣщане придерживались больше самаго дешеваго желтаго цвѣта, разночинцы—голубаго; были сюртуки синіе, зеленые (обыкновенно перелицованные и перешитые изъ батьковскихъ бекешъ), на выростъ, по сіе время. Сапоги у большей части учениковъ были смазаны, отчего воздухъ въ классной комнатѣ, особенно зимой, былъ невыносимъ для дыханія. О какой бы тамъ ни было вентиляціи никому и въ голову не приходило, даже форточки нигдѣ не было.

Всѣ мы, новички, радовались, что Петръ Сидоровичъ, хотя и перешелъ въ первый классъ вмѣстѣ съ нами, но тутъ уже, безъ своего патрона Ильи Семеновича, не былъ для насъ страшенъ; при томъ же мы нашли въ первомъ классѣ подобныхъ ему богатырей цѣлый десятокъ.

По росписанію на первомъ урокѣ случилась ариѳметика. До звонка большая часть учениковъ бѣгала по двору, а нѣкоторые, боясь потасовки до прихода учителя, жались подъ стѣнами темнаго корридора. Но вотъ пришелъ и учитель.

Подойдя къ столу, онъ поставилъ на немъ прежде всего свою историческую шляпу и положилъ въ нее какой-то свертокъ; это былъ списокъ учениковъ и пресловутая синяя тетрадка, именуемая „Ариѳметичкой".

— Читайте молитву! Были первые слова, услышанныя нами изъ устъ Якова Яковлевича. Прочитали.

— Садитесь, молодцы! Сѣли.

Затѣмъ началась перекличка. Новички, названные по фамиліямъ, отвѣчали, приподнявшись съ мѣста: „здѣсь!“ голосомъ обыкновеннымъ, отзывавшимся нѣкоторою робостью, къ чему пріучилъ насъ Илья Семеновичъ; но аборигены вскакивали съ мѣстъ, какъ ужаленные, и слово „здѣсь“ разнообразили до безконечности, начиная съ самой низкой ноты до самой высокой, при чемъ Я. Я—чъ кротко замѣчалъ: „потише, молодцы!“ Но когда дошла очередь до Даніила Шедьки, сына бублейницы, то вмѣсто „здѣсь“, онъ выкрикнулъ *hier!*, мы, новички, не знали, что значитъ гиръ, а учитель хотя и зналъ, что оно значитъ то же, что и „здѣсь“, но отнесся къ Шедькѣ съ неудовольствіемъ.

— Вотъ я тебя гиркну! сказалъ онъ сердито, изъ чего мы заключили, что шутникъ дразнитъ наставника, какъ собаку: гирр...

Если кого нибудь при перекличкѣ не оказывалось на лицо, то нѣсколько голосовъ кричали разомъ „нѣтъ!“ другіе добавляли: „сапоговъ нѣтъ!“ но это только у Я. Я—ча, принимавшаго всегда въ резонъ это сапожное оправданіе, у Ивана же Андреевича отсутствіе ученика мотивировалось иначе, а именно; „животъ болитъ!“, такъ какъ учитель самъ постоянно страдалъ желудкомъ.

Окончивъ перекличку, Я. Я—чъ началъ спрашивать новичковъ, чтобъ узнать, насколько они сильны въ ариѳметикѣ, которая лежала тутъ же на столѣ, во образѣ тощенькой тетрадки, переписанной „чистѣйшимъ петербургскимъ почеркомъ“ и обернутой въ синюю сахарную бумагу. Курсъ ариѳметики, излагаемый Я. Я—чемъ, составленъ преподавателемъ гимназіи Ив. Матв. Сбитневымъ.

Отвѣты наши, какъ видно, не вполнѣ удовлетворили учителя. Чтобы показать намъ, новичкамъ, „какъ надлежитъ отвѣчать“, онъ вызвалъ однаго изъ второгодниковъ. Надиктовавъ ему слагаемыя числа, Я. Я-чъ спросилъ:

— Какъ нужно поступать при сложеніи?

Ученикъ, какъ вертенный Савочка, быстро повернулся лицомъ къ учителю, вытянулся въ струнку и, не переводя духу, выпалилъ:

„Слѣдующимъ образомъ: нужно подписать одно число подъ другое такъ, чтобы единицы стояли подъ единицами, десятки подъ десятками, сотни подъ сотнями и т. д., потомъ подвесть черту и начинать сложеніе отъ правой руки къ лѣвой“.

— Хорошо, молодецъ! производи-ка самое дѣйствіе!

„Молодецъ“, не перемѣняя тона, началъ также поспѣшно складывать: ноль да ноль—ноль, 5 да 7—12 два пишу а одинъ къ слѣдующему ряду отношу и проч.

Учитель съ гордостію посматривалъ на учениковъ Ильи Семен., которые, однако жъ знали сложеніе непохуже отвѣчавшаго доки.

Въ продолженіе урока не случилось ничего особеннаго. По временамъ только слышались возгласы изъ заднихъ скамей,—въ родѣ слѣдующихъ:

— Яковъ Яковлевичъ! Здѣсь Кинда непристойное дѣлаетъ! или: здѣсь Кисель Загорянскій по матерному ругается!

Но учитель, повидимому, не придавалъ этимъ заявленіямъ никакого значенія, оставляя ихъ безъ всякого удовлетворенія. Скажетъ только иногда, не смотря на учениковъ:

— Вотъ я васъ! или Кинда, бестія, на колѣна пойдешь!

Разъ кто-то взвизгнулъ нечеловѣческимъ голосомъ, должно полагать, уколотый булавкой.

— Кто тамъ визжитъ? поросенокъ ты скверный! замѣтилъ сердито учитель.

Мы, новички, сразу почувствовали, какая громадная разница между свирѣпымъ Люцифером Ильею Семеновичемъ и благодушнымъ Яковомъ Яковлевичемъ, и какое блаженное мѣсто этотъ первый классъ! Здѣсь, значитъ, можно и пошалить, и полѣниться, не боясь порки, предвѣщаемой грознымъ приказомъ: „остаться послѣ класса!“

Подъ вліяніемъ такого впечатлѣнія, многіе изъ насъ порѣшили съ перваго же дня посидѣть здѣсь подольше, и рѣшительно перестали учиться, а ходили въ классъ ради одного развлеченія, такъ что иной „молодецъ“, взявши въ карманъ кусокъ сала или селедку, и обѣдать не ходилъ домой. Развеселое житье! Недаромъ нѣкоторые аборигены вошли во вкусъ такой жизни, оставаясь въ первомъ классѣ на четвертый годъ.

Долго было бы разсказывать обо всѣхъ замѣчательныхъ случаяхъ, приключеніяхъ, скандалахъ, которыхъ я былъ очевидцемъ втеченіе 3-хъ лѣтняго пребыванія въ первомъ классѣ. Ограничусь лишь немногими выдающимися курьезами, случавшимися на урокахъ Я. Я—ча.

Бьетъ первый звонокъ, ровно за часъ до урока. Благодаря прекрасному лѣтнему утру, на дворѣ уже собралось учениковъ довольно. Одни лежатъ на травѣ на брюхѣ, болтая въ воздухѣ ногами, другіе бѣгаютъ, третьи дерутся. Поодаль, какъ черногузы по болоту, важно расхаживаютъ воспитанники высшихъ классовъ гимназіи, въ бакенахъ, при часахъ на бисерной цѣпочкѣ, съ висящими сердоликовыми брелоками,— и презрительно поглядываютъ на повѣтовую шваль.

Бьетъ другой звонокъ. Цензоръ начинаетъ загонять въ классъ разбредшееся стадо. Малые идутъ, а большіе и ухомъ не ведутъ, оставаясь въ лежачемъ положеніи и показывая суетящемуся блюстителю благочинія языкъ. Но вотъ, за заборомъ, какъ тѣнь стараго Гамлета, показалась длинная фигура Я. Я—ча, который, для сокращенія пути, всегда ходилъ въ училище пустыремъ, тянувшимся на большое пространство за гимназическимъ дворомъ. Тогда только поднимутся аборигены и, стуча своими сапожищами, побѣгутъ въ классъ, передъ самымъ носомъ учителя, подпрыгивая, какъ козлы, по длинному корридору. Тутъ иногда случалась такая штука: для того, чтобы попасть въ первый классъ, нужно было пройти совершенно темный закоулокъ, и вотъ одинъ изъ богатырей незамѣтно ускользалъ отъ прочей компаніи минутой раньше и ложился въ темномъ проходѣ; другіе, не замѣтивъ лежащаго на полу проказника, съ разбѣгу спотыкаются и падаютъ одинъ на другаго, крича, что есть мочи: „мала куча! мала куча!“ Такимъ образомъ дѣйствительно образуется куча немалая, и проходъ въ классъ загораживали такой крѣпкой баррикадой, что наставникъ долженъ былъ брать свой классъ штурмомъ, да еще подъ часъ, въ общей свалкѣ, и самого опрокинуть въ кучу, а потомъ убѣгутъ и сядутъ по мѣстамъ, какъ ни въ чемъ не бывали: ищи, молъ, виноватаго!

А то разъ весной случилась такая исторія.

Аборигены строго на строго запретили всѣмъ идти въ классъ не только предъ приходомъ учителя, но и послѣ онаго. Бьетъ одинъ звонокъ, другой, третій—мы всѣ лежимъ ничкомъ, растянувшись на травѣ. Учитель сосредоточенно проходитъ мимо насъ, своимъ обычнымъ размѣреннымъ шагомъ, не замѣтивъ никого изъ лежащихъ. Вошелъ въ классъ.

— Читайте, говоритъ, молитву!

Глядь, а тутъ и читать некому: сидятъ всего три барышни. Вотъ выходитъ учитель на крыльцо и зоветъ своихъ питомцевъ.

— Молодцы! ступайте въ классъ!

Но „молодцы“ и ухомъ не ведутъ—лежатъ, какъ убитые, притворившись спящими. Никто не смѣлъ пошевелиться, потому богатыри объявили торжественно, что если кто осмѣлится приподняться до сигнала, тому грозитъ страшная потасовка. Я. Я—чъ, въ своемъ безпомощномъ положеніи, возвращается въ классъ, беретъ линейку и начинаетъ штурмовать своихъ учениковъ. Раздавая щедрою рукой удары на право и на лѣво, онъ очутился въ самой серединѣ толпы,— тогда по командѣ разночинца Александрова, вдругъ всѣ поднялись разомъ и, сбивъ съ ногъ учителя, побѣжали въ классъ.

За эту проказу всѣ безъ исключенія подверглись наказанію палями, которыя Я. Я—чъ всегда давалъ собственноручно. На сей разъ работы ему было ужъ черезчуръ много, ибо расправа тянулась все продолженіе перваго урока. Экзекуцію онъ началъ производить съ переднихъ рядовъ—съ малышей; съ ними онъ покончилъ живо: кому двѣ, кому три пали и довольно. Но когда добрался до аборигеновъ, то, зная, что отъ нихъ происходитъ все зло, сталъ щедрѣе на пали, такъ что количество ихъ доходило до десятка на брата. Когда же пришла наконецъ очередь до послѣдней скамьи, гдѣ, какъ я сказалъ, сидѣли самые отчаянные бестіи, пали посыпались безъ счету. Но съ этими молодцами не такъ то легко было сладить. У нихъ на такой случай были свои военныя хитрости, которыми они старались обмануть врага, наносившаго имъ удары. Одинъ, напр., сдѣлавъ прекислую рожу, прикинулся до крайности чувствительнымъ къ палямъ и началъ просить пардону: Яковъ Яковлевичъ! миленькій, голубчикъ, соколикъ! простите, ей Богу, никогда не буду!

— Держи, молодецъ, держи! отвѣчаетъ на эти любезности соколикъ, тыкая его въ плечо линейкой.

„Молодецъ“, съ притворнымъ страхомъ, выставляетъ впередъ ладонь, но держитъ руку такъ близко къ корпусу, что учителю никоимъ образомъ нельзя размахнуться линейкой, и онъ начинаетъ, не въ счетъ абонимента, бить своимъ орудіемъ по пальцамъ снизу,

чтобы привесть руку въ надлежащее положеніе, и только послѣ долгихъ усилій достигаетъ цѣли и разсерженный даетъ пригорячую палю. Ученикъ взвизгнулъ неестественнымъ образомъ и, приложивъ къ губамъ руку, корчась, исчезаетъ подъ скамьей. Я. Я—чъ начинаетъ его добывать оттуда, давая ему тычки линейкой, тотъ поднимается и начинаетъ опять голосить и упрашивать: миленькій, родненькій, соколикъ.

Другой „молодецъ“ Кисель Загорянскій поступилъ въ этомъ случаѣ совершенно иначе: принявъ безстрашную позу, съ видомъ самоотверженія, быстро подставляетъ одну за другой свои ладони, да еще съ фигурнымъ вывертомъ. Такая покорность заслуженному наказанію не могла не понравиться учителю и онъ сократилъ число ударовъ.

Наконецъ, Василій Лосьевъ придумалъ способъ прекратить эту нарочито длинную операцію. Началъ онъ съ того, что сталъ увѣрять Я. Я—ча, что его небыло въ числѣ лежавшихъ на травѣ, что онъ въ это время „ходилъ на дворъ“ и пр. Но учитель зналъ этого сорванца слишкомъ коротко, чтобъ ему повѣрить, и требовалъ его руку. Лосьевъ стоялъ на своемъ, что онъ ходилъ на дворъ, что у него и теперь животъ болитъ. Наконецъ, онъ какъ будто рѣшился понести наказаніе и протянулъ руку. Я. Я—чъ собралъ всѣ свои силы, замахнулся... Но въ это самое мгновеніе Лосьевъ отхватилъ руку, линейка ударила по скамьѣ и разлетѣлась на три части. Доломавъ оставшійся въ рукѣ кусокъ дерева на головѣ „молодца“, обезоруженный наставникъ прекратилъ поневолѣ расправу и оставшихся не битыми аборигеновъ отправилъ на колѣни къ порогу, на весь этотъ день.

Аудиторы и цензоры.

Для лучшаго контроля успѣховъ учениковъ, каждый преподаватель назначалъ аудиторовъ, которыхъ въ первомъ классѣ было около десятка. При выборѣ аудиторовъ учитель руководился не столько ихъ познаніями, сколько возрастомъ; ибо аудиторы спрашивали уроки, держа передъ собой книгу, слѣдя только за тѣмъ, чтобы отвѣчающій не пропустилъ ни одного слова. Каждый аудиторъ, до начала урока, обязанъ былъ переспросить всѣхъ ввѣренныхъ ему

учениковъ и записать отмѣтки въ особо заведенную для того продолговатую тетрадку, въ осьмушку, разграфленную на цѣлый годъ. Удовлетворительный баллъ означался буквою *з* (знаетъ), неудовлетворительный буквою *н* (не знаетъ) или *вн* (вовсе не знаетъ). Аудиторы были большею частію взяточники. Каждый изъ ихъ учениковъ обязанъ былъ приносить какую нибудь подачку: кто яблоко, кто булку, кто конфектъ. Даже деньги брались иногда. Отъ поборовъ никто не избавлялся, учись хоть въ 5 разъ лучше самого аудитора, оттого что аудиторскія отмѣтки никогда не повѣрялись учителемъ и съ получившими *н* и *вн*—немедленно дѣлалась расправа. Тому, на кого сердитъ аудиторъ—бѣда: встрѣтитъ нарочно на порогѣ и не только не позволитъ повторить урокъ, но даже раздѣться не дастъ и тотчасъ требуетъ отвѣта: ну и поставитъ *вн*, если не пролепечешь ему слово въ слово заданные на урокъ параграфы—„отъ сихъ поръ и до сихъ".

Мнѣ попался аудиторъ препоганый человѣкъ, одинъ изъ старѣйшинъ класса—Петръ Базилевичъ. Квартировалъ онъ у сапожника Шушпаннаго на своихъ харчахъ и ничего не платилъ за квартиру, потому что столько доставлялъ своему хозяину провизіи, что ею продовольствовалась вся его семья; а провизію эту доставляли Базилевичу его ученики: муку, крупу, пшено, сало, соль, яйца, рыбу приносили ему на домъ въ изобиліи. Аудиторъ этотъ иногда подучивалъ мальчиковъ воровать у родителей, торговавшихъ разными продуктами. Сколько я переносилъ Базилевичу сала, сельдей, тарани и проч. съ вѣдома, впрочемъ, матери, которая ничего не жалѣла, лишь бы избавить меня отъ наказаній. Года черезъ два мой промышленный аудиторъ поступилъ писцомъ въ магистратъ и тамъ продолжалъ свои доблестные подвиги въ болѣе солидныхъ размѣрахъ.

Вѣдая одну учебную часть, аудиторы вовсе не касались классной дисциплины, которая всецѣло лежала на обязанности цензора. Чинъ сей, подобный тому, какимъ пожалованъ былъ отъ Каменскаго Петро Сидоровичъ, хотя и не въ такой степени, совмѣщалъ въ себѣ и обязанность палача: цензоръ имѣлъ при себѣ только линейку, а розгами завѣдывалъ старый инвалидъ Павло сторожъ. Послѣ втораго звонка цензоръ немедленно вступалъ въ отправленіе своихъ обязанностей: загонялъ въ классъ учениковъ, усаживалъ ихъ по

мѣстамъ, давалъ непослушнымъ затрещины, принималъ приносимые хабары, стиралъ доску и приготовлялъ для Я. Я—ча заостренные мѣлки, обертывая ихъ съ тупаго конца бумажкой. Съ приходомъ учителя, обязанности цензора не прекращались: во все продолженіе урока онъ долженъ былъ, не спуская глазъ съ учениковъ, замѣчать ихъ продѣлки; для этого онъ избиралъ самый удобный сторожевой пунктъ, а именно у стѣнки на первой скамьѣ. Садился онъ обыкновенно на верхнюю полку, или стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, до конца урока. У него былъ помощникъ, избираемый имъ самимъ изъ своихъ пріятелей: это, такъ называемый „запищикъ", сидѣвшій всегда подлѣ своего патрона и записывавшій по его приказанію шалуновъ.

Еще до прихода учителя, цензоръ начиналъ кричать: тише, господа! Въ то же время запищикъ бралъ лоскутокъ бумаги и писалъ на заголовкѣ: „которіе шумели" и затѣмъ, уткнувшись носомъ въ скамью, терпѣливо выжидалъ добычи. Цензоръ продолжаетъ выкрикивать: тише, господа! Но видя, что „господа" и ухомъ не ведутъ, а ревмя ревутъ, начинаетъ прилагать къ ихъ фамиліямъ весьма некрасивые эпитеты, не употребительные въ печати. Послѣ брани слѣдовало обыкновенно грозное: пиши его! или пиши его съ крестомъ или съ двумя крестами (количество поставленныхъ крестовъ означало усиленную степень шалости)! Но самое важное значеніе заключалось въ словѣ: „безпрестанно!" Его то больше всего и боялись шалуны, такъ какъ за это словцо больше всего доставалось отъ учителя.

Увлекшись веселой бесѣдой, а иногда и дракой, ученики мало обращали вниманія на предостереженія цензора, но съ приближеніемъ времени учительскаго прихода, шалуны вдругъ перемѣняли тактику и начали ублажать цензора, показывая ему издали знаками, что они ему дадутъ, если онъ вычеркнетъ ихъ фамиліи изъ числа тѣхъ, „которіе шумели"—булку, бубликъ или мѣдный пятакъ. Догадливый блюститель тишины сразу пойметъ, въ чемъ дѣло, и безъ зазрѣнія совѣсти велитъ запищику переписать вновь уже приготовленную къ подачѣ учителю записку. Не всѣ, однакожъ, попавшіе въ записку умилостивляли цензора заманчивыми посулами: богатыри задней скамьи показывали ему кулаки, такъ что въ концѣ концовъ,

онъ зачастую и вовсе не подавалъ записки, рапортуя учителю, что до его прихода все обстояло благополучно, хотя учитель по поднятой столбомъ пыли и по раскраснѣвшимся лицамъ ясно видѣлъ, что въ классѣ до его прихода творилось столпотвореніе вавилонское. Это было именно тогда, когда за что нибудь поссорятся первый классъ со вторымъ: тогда происходила такая свалка, что дѣло нерѣдко кончалось разбитіемъ носовъ и подбитіемъ глазъ. Впрочемъ, сравнительно говоря, случалось это не особенно часто. Повѣтовцы, какъ птенцы одного гнѣзда, жили между собой дружно. Иногда даже между ними заключался наступательный и оборонительный союзъ для совмѣстнаго похода на гимназію, что случалось обыкновенно зимой, во время оттепели, когда такъ знатно лѣпятся снѣжки. Полемъ сраженія избиралось всегда пустопорожнее мѣсто за гимназическимъ заборомъ. Выходили сначала застрѣльщики, малые ребята, и начинали перебрасываться снѣжками; затѣмъ, съ обѣихъ сторонъ подходили все большіе и большіе; бой разгорался все сильнѣе и сильнѣе. Снѣжки сыпались градомъ. Но вотъ повалила съ одной стороны вся гимназія, а съ другой—все повѣтовое училище. Снѣжки, при обоюдномъ ожесточеніи, переходили въ кулачки. Въ резервѣ стоятъ богатыри и смотрятъ на эту картину, не принимая участія въ сраженіи; наконецъ, увлеченные общимъ пыломъ битвы, они бросаются въ аттаку и рѣшаютъ побѣду. Въ подобныхъ схваткахъ повѣтовцы почти всегда оставались побѣдителями, несмотря на то, что въ гимназіи крупнаго люду было побольше. Но гимназисты, какъ „панычы“, были менѣе искусны въ этого рода гимнастикѣ и въ мускульной силѣ во многомъ уступали такъ называемымъ заручейцамъ, которые играли не послѣднюю роль въ кулачныхъ бояхъ несравненно большихъ размѣровъ, когда выходило все Заручье (предмѣстье города, гдѣ живутъ исключительно одни хлѣбопашцы—спольщики горожанъ) противъ купцовъ и лабазниковъ. Тамъ дѣло нерѣдко кончалось увѣчьемъ и даже смертоубійствомъ.

Въ 1831 году такія примѣрныя сраженія происходили чаще обыкновеннаго. Въ этому году, какъ извѣстно, поляки затѣяли революцію и въ воздухѣ пахло войной. Хотя мы вовсе политикой не занимались и рѣшительно ничего не знали, что тамъ творилось за Вислой, но черезъ нашъ городъ проходили войска съ музыкой и

пѣснями, что невольно возбуждаетъ воинственный задоръ не только въ солдатахъ, но и въ мирныхъ гражданахъ. Учащаяся молодежъ проникалась общимъ настроеніемъ жителей, предпочитая военную службу всѣмъ другимъ карьерамъ. Нѣкоторые изъ насъ, прямо со скамьи, поступали въ полкъ, квартировавшій тогда въ Новгородкѣ.

Живымъ примѣромъ такого воинственнаго настроенія тогдашняго общества можетъ служить уцѣлѣвшее при дѣлахъ гимназіи прошеніе нѣкоего Оранскаго „объ увольненіи его отъ занимаемой имъ должности писца въ директорской канцеляріи“, для вступленія въ Армію, дабы я могъ (добавляетъ проситель) съ мечемъ въ рукахъ защищать Религію, Тронъ и существенныя выгоды отечества“.

Этотъ рьяный патріотъ, защитникъ религіи и трона, вмѣстѣ съ офицерами шлиссельбургскаго полка, незадолго до того вымазали дегтемъ ворота въ квартирѣ дочерей отставнаго прапорщика Марьи и Елены каковой поступокъ, едва ли согласуется съ рыцарскими наклонностями героевъ...

Уроки рисованія и чистописанія.

Изъ всего вышесказаннаго ясно видно, въ чемъ состояло преподаваніе Я. Я — ча. Ученики приходили въ классъ не для того, чтобы чему нибудь полезному научиться, а больше для того, чтобы провесть весело время среди разгульныхъ товарищей, неистощимыхъ на разныя выдумки. Каждый приносилъ изъ дому порядочный запасъ разныхъ анекдотовъ, подслушанной на улицѣ брани, нарисованныхъ или вырѣзанныхъ изъ бумаги съ особеннымъ механизмомъ фаллическихъ издѣлій, свидѣтельствовавшихъ о крайней степени развращенности той среды, въ коей прозябали питомцы Я. Я—ча. Ученики старались превзойти другъ друга не успѣхами въ наукахъ, а безнравственными или смѣшными выходками.

Школа тутъ не только не противодѣйствовала нравственной испорченности своихъ воспитанниковъ, а напротивъ, еще усиливала ее, такъ что удивляться слѣдуетъ не тому, что такъ мало вышло изъ нея порядочныхъ людей изъ огромной массы учащихся, но скорѣй тому, какъ могли уцѣлѣть и тѣ немногія личности, которымъ удалось выйти изъ заведенія, не утративъ чувства чести и человѣческаго достоинства.

Самые интересные, или лучше самые веселые, часы, назначенные по росписанію для классныхъ занятій, были уроки рисованія и чистописанія, приходившіеся всегда послѣ обѣда. Рисовали мы обыкновенно губы, носы, глаза, уши и т. п. Были между нами и такіе самородки артисты, которые, помимо уроковъ Я. Я—ча, собственнымъ умомъ достигли замѣчательнаго совершенства въ изображеніи на бумагѣ или на заборѣ весьма непристойныхъ сюжетовъ. Но попадались картины и болѣе скромнаго содержанія, съ претензіей на юморъ. Одна изъ такихъ картинъ хорошо сохранилась въ моей памяти, такъ какъ я самъ ее копировалъ. Представляла она невѣроятное событіе; свинья цѣликомъ проглотила жида, какъ надо полагать, въ отмѣстку за то презрѣніе, какое питаетъ къ ней, со временъ Моисея, все израильское племя. По срединѣ большаго листа бумаги стоитъ это плотоядное. Изъ подъ закрученнаго верчикомъ хвоста выглядываетъ рыжая борода и голова Лейбы, съ длинными пейсами, въ синей ермолкѣ, а изъ пасти, между страшными клыками, торчатъ ноги въ однихъ чулкахъ, а штинки валяются тутъ же на травѣ. Передъ Лейбой, припавъ на одно колѣно, стоитъ другой жидокъ Сруль, держа въ одной рукѣ шкаликъ, а въ другой чарку,—изъ устъ его вылетаютъ слова:

Куку, Лейбо, куку, выпій водки рюмку!

Подъ картиной риѳмованной прозой изложена самая фабула событія „якъ свиння жида зъѣла“. Подробностей не помню; остались въ памяти лишь заключительныя слова, произносимыя Срулемъ: потерявъ надежду на освобожденіе своего пріятеля изъ неволи, онъ въ отчаяніи восклицаетъ: „Ой вэй миръ, провонявся! Сиди жъ ты тамъ, Лейбо, бо не въ такіе зубы попався!“

При началѣ урока рисованія, намъ раздавались т. н. оригиналы, наклеенные на картонѣ, и страшно засаленные. Рисовать отъ руки у насъ почти никто не умѣлъ, а переносили мы на бумагу предложенные намъ образцы или черезъ стекло, или посредствомъ пропитанной масломъ бумаги, что продѣлывали мы, съ географическими картами у другаго учителя. Въ продолженіе всего урока Я. Я—чъ занимался поправкой ученическихъ работъ. Не научивъ рисунку, преподаватель прямо требовалъ ретушевки, которую онъ называлъ „химовочкой“. Занятія живописью нисколько не мѣшали

намъ вести пріятную бесѣду и по временамъ выкидывать колѣнца, за что виновные тутъ же получали пали или отправлялись къ порогу на колѣна.

Порой на нашего наставника находилъ добрый стихъ; тогда онъ ограничивался одними замѣчаніями, не прибѣгая къ линейкѣ.

— Что вы тамъ жужжите, пчелы поганыя? Жужжатъ—жужжатъ, а меду не носятъ".

Тонкій намекъ на нѣкоторыхъ учениковъ, у родителей которыхъ были собственныя пасѣки.

— Мельницы вы вѣтряныя! мелютъ—мелютъ, а мучицы нѣтъ!

Опять намекъ. Отпуская подобные экивоки, Я. Я—чъ улыбался ему одному свойственною улыбкой, подпирая щеки языкомъ.

— Шотовъ, бестія! Что ты тамъ высматриваешь, какъ мышь изъ дрожжей?

— Поламаренко! бестія! вотъ я тебя! Матушка его пирожками кормитъ: Кузичка, Кузичка! а Кузичка козлище нечестивое!

Эти краткіе монологи иногда прерывались плаксивыми взвизгиваніями мальчугановъ, обижаемыхъ старшими.

Не менѣе занимательны были и уроки чистописанія, съ вѣчно неизмѣнными замасленными прописями: „Богъ есть существо высочайшее" или „Воображеніе есть пружина, управляющая"... (далѣе рѣшительно не помню, кѣмъ и какъ управляла эта пружина).

Лишь только всѣ усядутся по мѣстамъ и учитель, что называется, заправитъ классъ, ученики начинаютъ подходить къ столу съ цѣлыми, неочиненными перьями. Я. Я—чъ вынимаетъ изъ кармана ножикъ и, поточивъ его о голенищу лѣваго ботфорта, приступаетъ къ очинкѣ перьевъ. Трудъ этотъ для него былъ столь утомителенъ, особенно лѣтомъ, при сильной жарѣ, располагающей, особенно послѣ сытнаго обѣда, ко сну, что иногда онъ за третьимъ или за четвертымъ перомъ начиналъ кунять за своей однообразной работой. Чтобы усыпить учителя окончательно, Павелъ Згутницкій прибѣгнулъ однажды къ дѣйствію чаръ и заговоровъ.

— Спи, очко, спи другое! Спи, очко, спи другое! произноситъ онъ вполголоса, и видя, что чары начинаютъ дѣйствовать и Я. Я—чъ дѣйствительно заснулъ такъ, что послышалось даже тихое храпѣнье,— проказникъ крикнулъ во всеуслышаніе: „Заснуло очко!!" Учитель просыпается и хлопаетъ глазами.

Разъ нашъ достойный наставникъ до того крѣпко заснулъ, что въ классѣ послышался носовой свистъ. Всѣ притаили дыханіе. Настала мертвая тишина.

Вдругъ, нежданно-негаданно, на послѣдней скамьѣ раздается концертъ на четырехъ импровизированныхъ инструментахъ. Шедька, вырѣзавъ въ скамьѣ углубленіе, натянулъ струны изъ тонкой проволоки, добытой изъ подтяжекъ, и соорудилъ такимъ способомъ цимбалы, Лосьевъ неподражаемо бралъ аккорды первой скрипки, Буланда неистово гудѣлъ на бубнѣ, а Маньковскій пѣлъ подъ музыку извѣстную кабацкую пѣсню: ахъ ты с.... сынъ, комаринскій мужикъ!—Въ то же время Аѳанасій Слищенко, подобравъ полы своего неизмѣримаго сюртука, пустился подъ музыку въ присядку черезъ головы учениковъ по скамьямъ, и потомъ мгновенно исчезъ за дверями.

Представьте себѣ пробужденіе нашего добраго наставника! Началась расправа, не ограничившаяся на сей разъ однѣми палями, дѣло дошло до сторожей. Пришли два старые инвалида: одноглазый Павло да хромоногій Парамонъ. Классъ привѣтствовалъ ихъ неистовымъ хохотомъ. Паромонъ окрысился. „Чаго ся вы зубы скалитя, жарабцы?“ Ученики въ свою очередь обозвали почтеннаго служиваго крупой.

И повели въ сторожку рабовъ божіихъ кимвалиста Данила, бубниста Якова, первую скрипку Василія и другаго Данила пѣснопѣвца; плясуна же Аѳанасія и слѣдъ простылъ.

Такъ, изо дня въ день, прошли два года моего пребыванія въ первомъ классѣ повѣтоваго училища. Второй годъ заключился нарочито торжественнымъ актомъ, на которомъ были произнесены двѣ „академическія рѣчи“ законоучителемъ Мануйловичемъ „о правилахъ христіанскаго воспитанія“ и нашимъ общимъ другомъ Игнатьевымъ о томъ, „какую пользу приносятъ въ обществѣ торжественные праздники?“ Послѣдняя орація, написанная отмѣнно изысканнымъ слогомъ, изобиловала историческими примѣрами изъ римской древности. Въ ней особенно прославлялись греческія игры и римскія зрѣлища въ циркахъ, гдѣ, какъ извѣстно, отличались столько же люди сколько и звѣри, соперничавшіе съ людьми въ кровожадности и свирѣпости. Поучительно!

Въ заключеніе спектакля, прочитали переводы въ высшій классъ, и я, повѣся носъ, поплелся домой съ прескверным билетомъ, за который отецъ приковалъ меня желѣзною цѣпью къ столу и заставилъ просидѣть за книжкой половину каникулъ. Болѣе чувствительнаго наказанія для меня трудно было придумать: меня тянуло къ рѣкѣ, на лугъ—въ царство рыбъ и птицъ, а тутъ сиди. Напрасно подъ заборомъ ежедневно поджидалъ меня Ѳедоръ Красненькій, съ отлично снаряженными удочками, а тутъ, какъ бы для вящаго усиленія пытки, отецъ два раза ходилъ безъ меня на охоту. Я плакалъ горько, каялся и давалъ клятвенное обѣщаніе учиться и каждый годъ получать переводъ въ высшій классъ.

Помимо частой болѣзни, которая, безъ сомнѣнія, не мало препятствовала аккуратному посѣщенію уроковъ, я таки порядочно лѣнился и отлынивалъ. Но причины такого упорнаго уклоненія отъ занятій слѣдуетъ искать не въ одной лѣни: она коренилась въ инстинктивномъ отвращеніи отъ всего, что я видѣлъ и слышалъ въ обществѣ школьныхъ товарищей. Грубыя и неприличныя шутки, скандальные анекдоты, безпрерывныя проказы, за которыя приходилось часто отвѣчать безвинно, несправедливыя придирки и притѣсненія цензора и аудиторовъ, а что всего важнѣе—моя смирная овечья натура, хилость и слабое здоровье, ставившее меня во всегдашнюю зависимость отъ произвола дюжихъ дикарей, чуждыхъ гуманности и безкорыстной дѣтской привязанности—вотъ что главнымъ образомъ отталкивало меня отъ ученія и заставило остаться на третій годъ въ одномъ и томъ же классѣ. Чтобы яснѣе показать, до какой степени сильно было у меня отвращеніе отъ училища, я приведу одинъ фактъ. Отправившись изъ дому въ обычное время, якобы въ классъ, я поворачивалъ на Замокъ и просиживалъ тамъ по четыре часа, выглядывая изъ-за сугроба снѣгу, какъ воръ, и подстерегая, когда ученики будутъ возвращаться изъ училища; затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, выходилъ изъ засады, шелъ домой и на разспросы домашнихъ про уроки, отвѣчалъ безстыдною ложью, сочиняя небывалыя исторіи. То же нерасположеніе къ школьнымъ моимъ товарищамъ заставляло меня дорожить моими дѣтскими симпатіями къ уличнымъ своимъ друзьямъ; просвѣтившись четырехлѣтнимъ пребываніемъ въ училищѣ,

я не только не разлюбилъ ихъ, но еще болѣе сталъ дорожить ихъ первобытною, неподдѣльною, чисто дѣтскою привязанностію.

Любовь къ природѣ также не ослабѣвала во мнѣ по той же самой причинѣ, а росла въ душѣ по мѣрѣ удаленія отъ окружавшей меня среды. Стало быть, прозябаніе мое въ первомъ классѣ, не принесши мнѣ существенной пользы въ научномъ отношеніи, все таки, хотя отрицательнымъ путемъ, вліяло на мое развитіе и мою нравственность.

Знаменитый Гемфри Дэви считалъ для себя самымъ счастливымъ обстоятельствомъ то, что ему можно было такъ много наслаждаться праздностію въ училищѣ: „даже наиболѣе способнымъ дѣтямъ, говорилъ онъ, душно въ школѣ. Школа не только не удовлетворяетъ, но какъ то гнетъ ихъ“.

Третій годъ въ первомъ классѣ.

Итакъ, рѣшено: полно лѣниться, полно баловаться! Припрятавъ свои удочки „ажъ до вакацій“, я твердо рѣшился сдѣлаться совершенно инымъ человѣкомъ. Къ счастію, пришедши въ классъ, при началѣ новаго учебнаго года, я не нашелъ уже аборигентовъ прежнихъ двухъ лѣтъ: одни изъ нихъ „по великовозрастію“ или „въ надеждѣ успѣховъ“, speciali gratia, какъ выражался нашъ классикъ директоръ, переведены во второй классъ; другіе, убоясь бездны премудрости, оставили ученіе вовсе: дворяне поженились и зажили въ деревнѣ трудами крѣпостныхъ рукъ или засѣли въ судъ строчить ябеды, а кто былъ похрабрѣе, тотъ угодилъ подъ красную шапку; мѣщане пошли сидѣть въ лавку или принялись за батьковское ремесло. Насколько мнѣ удалось прослѣдить дальнѣйшую судьбу этихъ шалопаевъ, почти ни одинъ изъ нихъ не сдѣлался ни хорошимъ семьяниномъ, ни сколько нибудь полезнымъ обществу человѣкомъ.

Съ перваго дня новаго учебнаго года дѣло у меня наладилось. Аккуратнѣйшимъ образомъ посѣщались уроки; книги и тетради хранились въ примѣрномъ порядкѣ, все заданное приготовлялось съ величайшей отчетливостью. Родители поспѣшили поощрить мои успѣхи тѣмъ, что сшили сюртукъ изъ дѣдовской бекеши несносимаго зеленаго цвѣта сукна. По прошествіи мѣсяца Я. Я—чъ сдѣлалъ меня аудиторомъ, а спустя еще мѣсяцъ, самъ смотритель Николай Оси-

повичъ, узнавъ стороной о злоупотребленіяхъ нашего цензора, сдѣлалъ ему публичный выговоръ, отрѣшилъ отъ должности и назначилъ меня на его мѣсто. Не чувствуя ни малѣйшаго призванія къ этой чисто полицейской должности, я никакъ не могъ угодить Я. Я—чу и получалъ отъ него частыя замѣчанія. Старику, конечно, было непріятно, что ему навязали такого смирнаго, слабосильнаго, нерасторопнаго помощника, не любившаго драться и ябедничать на своихъ товарищей.

На мѣсто умершаго „отъ боли у желудки“ Ивана Андреевича, назначили Егора Андреевича, человѣка молодаго, съ весьма красивыми бакенбардами и залихватскими манерами, хотя и семинариста. Это былъ страстный поклонникъ женскаго пола, горячихъ паль и язвительныхъ насмѣшекъ надъ учениками. Вызоветъ бывало Василія Кинду и начнетъ надъ нимъ глумиться:

— Какого рода Кинда?—Женскаго.—Почему женскаго?

— Потому что всѣ имена, кончающіяся на *а*, суть рода женскаго.

— Склоняй Кинду! и т. д.

Не мало также потѣшался Егоръ Андреевичъ и надъ Стугой-Самотугой, надъ Сугонякой и др. Ему казалось страннымъ встрѣчать такія самородныя малорусскія фамиліи, не похожія на Воздвиженскихъ, Воскресенскихъ, Златоустовскихъ и т. п., къ какимъ привыкъ слухъ его въ черниговской семинаріи.

Однажды на урокъ Егора Андреевича привели новичка, желавшаго поступить въ первый классъ, минуя приготовительный, по экзамену. Наружность мальчика заинтересовала какъ учителя, такъ и учениковъ: это былъ дѣтина, лѣтъ 13 на видъ, богатырскаго сложенія, съ густыми черными волосами, торчавшими щетиной на большой овальной головѣ, съ дикимъ взглядомъ, въ какой то невиданной нами черкескѣ со снурками и „кытыцямы“. Такого то звѣрька представилъ на испытаніе отецъ его лейтенантъ флота Осташковъ. Подозвалъ его Егоръ Андреевичъ къ доскѣ.

— Бери, говоритъ, мѣлъ и пиши: цѣль...

У мальчика какъ то дико сверкнули глаза, онъ схватилъ мѣлъ и написалъ цѣль, но не ту, какую желалъ видѣть учитель, а охотничью, т. е. кружокъ съ точкою въ центрѣ. Весь классъ такъ и покатился со смѣху. Евграша отъ того немало не смутился, стеръ

поспѣшно кружокъ и нарисовалъ два: одинъ большой, а другой вписалъ въ него поменьше, поставивъ въ центрѣ точку. Оказалось, какъ объяснилъ его родитель, что сей отрокъ былъ отмѣнный стрѣлокъ и выросъ въ лѣсу, гоняясь за зайцами. Насилу ему вдолбили, чего отъ него хотятъ; тогда только онъ безобразнѣйшими каракулями нацарапалъ:

„Цель существованія человеческого“.

Съ перваго же дня поступленія въ училище, Евграша сталъ героемъ класса. Силища была у него непомѣрная, хотя, увы! за выбытіемъ нашихъ богатырей не съ кѣмъ было ею помѣряться.

И допекалъ же его Егоръ Андреевичъ: онъ давалъ ему по 10, по 15 паль за всякую шалость, но ничѣмъ не могъ пронять его.

Увидитъ, бывало, Евграша у кого нибудь изъ товарищей орѣхи:

— Дай, говоритъ, и мнѣ хоть одинъ орѣхъ.

— Разбей его лбомъ и онъ будетъ твой!

И Евграша, не обинуясь, кладетъ на скамью волоскій орѣхъ и какъ долбней разбиваетъ его лбомъ, затѣмъ преспокойно начинаетъ кушать зернышко. „Давай, говоритъ, другой!“

Отъ такого Моки Кифовича преподаватели, конечно, не добились никакой науки и скоро его выжили. Да и опасно было держать между дѣтьми такого буйвола. Жалобъ на него была бездна: то жида на улицѣ искалѣчитъ, то пробой у дверей выворотитъ, то стулъ учительскій разломаетъ.

Просидѣвъ въ первомъ классѣ два года, онъ поступилъ въ военную службу—туда ему и дорога!

Былъ у насъ еще другой замѣчательный субъектъ—Павелъ Клочковъ, обладавшій необыкновенными ноздрями, какъ у арабской лошади и немалою способностію выкидывать колѣнца.

Поймалъ онъ однажды гдѣ то извѣстное насѣкомое и, поднесши учителю для поправки свой рисунокъ, сталъ сзади, якобы для лучшаго наблюденія за его работой, да и пустилъ на его лысину насѣкомое, а потомъ смиреннѣйшимъ голосомъ обращается къ нему съ такою рѣчью: „позвольте, говоритъ, у васъ на головѣ „непристойное“ ползаетъ“... Страшно сконфуженный Я. Я—чъ сгорѣлъ отъ стыда и едва слышно проговорилъ: „Сбрось его, молодецъ, долой!“...

И въ этомъ году, какъ прежде, на урокахъ чистописанія мы старались писать тѣмъ же „столичнымъ, петербургскимъ почеркомъ", такъ же почтительно, гуськомъ, подходили къ г. учителю съ неочиненными перьями, такими же экивоками сопровождались замѣчанія Я. Я—ча—при хорошемъ расположеніи духа... Но, вообще, замѣтно было, что въ нравахъ и обычаяхъ школы многое перемѣнилось къ лучшему. Пали, правда, не выводились, но мы къ нимъ до того привыкли, что безъ нихъ, какъ кушанье безъ соли, урокъ казался немыслимымъ. У порога также кто нибудь торчалъ на колѣняхъ съ книжкою въ рукахъ; безъ обѣда оставлялись по прежнему, хотя это наказаніе для насъ рѣшительно ничего не значило: многіе изъ далекоживущихъ учениковъ въ дурную погоду оставались въ классѣ добровольно, взявши, разумѣется, порядочный запасъ провизіи. Обѣдая, они бросали объѣдки на печку, что дѣлалось не спроста, какъ мы тотчасъ увидимъ.

Надобно замѣтить, что гимназическое зданіе было очень ветхо; ремонту на него почти никакого не полагалось. Потолокъ, обтянутый холстомъ, выбѣленнымъ известкой, обвисъ и представлялъ волнообразную плоскость, а просачивающаяся черезъ дырявую деревянную крышу течь испещрила его разнообразнѣйшими рисунками, въ которыхъ мы находили подобіе то Африки, то Америки, опредѣляли мѣсто различныхъ острововъ, заливовъ и проливовъ, затверживаемыхъ изъ географіи, что, за отсутствіемъ картъ, не мало облегчало насъ при выдачѣ урока изъ географіи. Въ потолкѣ надъ печкой была небольшая дыра, продѣланная крысами, привлеченными запахомъ бросаемыхъ на печку объѣдковъ. Процессъ перетаскиванія крысами этихъ объѣдковъ на чердакъ совершался обыкновенно на урокахъ чистописанія и рисованія. Для этого мы сговаривались сидѣть какъ можно тише и устремляли глаза на упомянутую дыру. Учитель, по обыкновенію, дремалъ.

Вотъ показывается изъ отверстія сперва мышиная мордочка, нюхающая воздухъ. Но для того, чтобы добраться до лакомой приманки, крысѣ нужно было пройти по карнизу печки и обогнуть такимъ образомъ трубу. Вотъ она выскакиветъ, перебѣгаетъ быстро карнизъ и исчезаетъ на печкѣ. Взявши тамъ какую нибудь голову чахони или обглоданную кость курицы, она поспѣшно тащитъ ее

въ свою нору по карнизу... но тутъ разомъ подымается такой гамъ полсотни голосовъ, что оторопѣлое животное бросаетъ свою добычу и скрывается. Рыбья голова летитъ на средину класса и восторгу нашему нѣтъ предѣловъ.

Я. Я—чъ велитъ тотчасъ позвать Павла не для того, чтобы арестовать крысу за произведенный ею безпорядокъ, а для того, чтобы убрать рыбью голову—и тишина снова возстановляется.

Такимъ образомъ безобѣдники не только сами обѣдали, но продовольствовали на свой счетъ и казенныхъ крысъ, которымъ по смѣтѣ на содержаніе училища ничего не полагалось.

Предъ концомъ урока, съ оставленныхъ безъ обѣда сторожъ снималъ сапоги и отбиралъ шапку; но такъ какъ было дознано, что ученики уходили домой обѣдать безъ шапокъ и босые, то учителя распорядились лишать ихъ и верхней одежды, отбирая у нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и припрятанные запасы продовольствія въ пользу Павла или Парамона. Первый изъ инвалидовъ, по своей природной добротѣ, постоянно дѣлился съ безобѣдниками ихъ же собственнымъ обѣдомъ, а иногда и изъ своего пайка удѣлялъ голодающему краюху хлѣба, за что и пользовался у насъ всеобщею любовію. Не таковъ былъ Парамонъ. Этотъ не только ничего не дастъ, но еще выбранитъ... Да и доставалось же ему за это: другаго названія онъ не слышалъ отъ насъ, какъ „крупа“, „гарнизонная крыса“, „хромой чортъ“ и т. п. Хотя, правду сказать, не изъ чего было этой крысѣ и разщедриться, при 1 р. 58 коп. асс. мѣсячнаго жалованья; но мы этого не хотѣли принимать въ соображеніе.

Впрочемъ, не все отобранное отъ учениковъ отдавалось сторожамъ: конфекты, пряники и др. лакомства оставались на учительскомъ столѣ до конца урока, къ великому соблазну сидѣвшихъ на первой скамьѣ; а послѣ молитвы уносились учителемъ домой вмѣстѣ съ неразлучною „Ариѳметичкой“.

Самою рѣдкостною книгой между нашими учебниками считалось у насъ „Зрѣлище вселенной“, сѣробумажное иллюстрованное изданіе. Книга эта употреблялась какъ пособіе при изученіи нѣмецкаго языка. Занимавшія насъ, конечно больше нѣмецкаго языка, довольно аляповатыя картинки изъ трехъ царствъ природы и изъ исторіи человѣческой культуры, представляли предметы, названные по русски,

по нѣмецки и по латыни. Я сильно завидовалъ обладателямъ этой драгоцѣнности, и вотъ однажды мнѣ представился случай завладѣть ею. Извѣстный всей покровской парафіи мотъ и сорви-голова Андрей Кисель-Загорянскій—графъ Паскевичъ Эриванскій—Дибичъ Забалканскій (какъ величалъ онъ самъ себя), узнавъ о моемъ желаніи пріобрѣсть „Зрѣлище“, зашелъ ко мнѣ въ домъ и предложилъ мѣну:

— Ты мнѣ дай, говоритъ, пару голубей, а я тебѣ „Зрѣлище“.

Со слезами разстался я съ своими голубками—единственная, рѣдкая пара туркотовъ, какихъ ни у кого не было. Но, увы! Жертва просвѣщенію принесена напрасно; мечта обладать драгоцѣнной книжицей такъ и осталась мечтою. „Зрѣлище“ оказалось украденнымъ и его на другой же день у меня отобрали, не возвративъ голубей.

За присвоеніе чужой собственности „графъ Эриванскій“ былъ пребольно высѣченъ, но къ нему, какъ вода къ гусю, ничто не приставало. Въ тотъ же самый день, когда съ нимъ случилась эта маленькая непріятность, онъ вышелъ изъ училища весело и шутилъ больше обыкновеннаго. Въ виду солдатъ, гуськомъ маршировавшихъ по площади, подошелъ къ стаду индюковъ, и копируя дивизіоннаго генерала Маевскаго, сиплымъ голосомъ, какимъ обыкновенно тотъ командовалъ, крикнулъ:

— Здорово, ребята! А индюшки ему на своемъ тарабарскомъ нарѣчіи въ отвѣтъ: Здравія желаемъ, В. С—во!

— Хорошо, ребята! А тѣ ему: рады стараться!

Вышелъ Загорянскій, кажется, изъ 3-го класса; поступилъ въ военную службу, попалъ на Кавказъ, тамъ скоро отличился и произведенъ въ офицеры; но еще скорѣе былъ разжалованъ въ рядовые; потомъ за отличіе опять произведенъ и умеръ въ госпиталѣ смертію Сашки Полежаева.

Въ январѣ 1833 года отецъ собрался съѣздить на лугъ, верстъ за 15, за сѣномъ. Я упросился поѣхать съ нимъ. По случаю мятели, мы заночевали у знакомаго крестьянина въ с. Биринѣ. Меня уложили спать на замасленномъ матрацѣ и укрыли кожушиной, такъ какъ я сильно прозябъ. Договоривъ подводы для перевозки сѣна, на другой день мы отправились въ обратный путь. По возвращеніи домой, я слегъ въ постель. Думали, что простуда прой-

дѣтъ сама собой, но не тутъ то было. Оказалось, что я въ Биринѣ переночевалъ на томъ самомъ сѣнникѣ, на которомъ недавно валялся въ оспѣ мальчикъ. Чрезъ два дня у меня открылась сильнѣйшая горячка, съ весьма опасными симптомами: разъ я убѣжалъ ночью въ одной рубахѣ къ рѣкѣ и чуть не попалъ въ прорубь; другой разъ, обманувъ бдительность своего неизмѣннаго часоваго—матери, опять выскочилъ и меня нашли въ недостроенной хатѣ, по колѣни въ снѣгу. Меня привязали къ постели утиральниками. Въ бреду представлялось мнѣ, что по всему моему тѣлу ползаютъ всевозможныя насѣкомыя, какихъ только удавалось мнѣ поймать въ дѣтствѣ. На третій день къ вечеру я успокоился, пересталъ рваться и метаться, хотя бредъ еще продолжался. Мнѣ дали свободу. Я попросился къ окну и сталъ пристально смотрѣть на улицу. То, что я видѣлъ тогда, привело меня въ неописанный восторгъ. Я звалъ сестеръ, чтобы подѣлиться съ ними своимъ восхищеніемъ, и до слезъ сердился, что онѣ не хотѣли видѣть того, что представлялось лишь моему воспаленному воображенію. Одичъ дидусь не смѣялся надъ моими галлюцинаціями, а терпѣливо, съ серьезнымъ видомъ, выслушивалъ все, что я ему говорилъ.

Посадивъ меня къ себѣ на колѣни, онъ обнялъ меня лѣвой рукой, а правой по временамъ гладилъ по головѣ. Замѣчательно, что, пришедши въ сознаніе, я отлично помнилъ все видѣнное мною въ бреду и до сихъ поръ въ памяти моей отчетливо сохранились очаровательныя картины природы, никогда мною невиданныя въ дѣйствительности.

При ослѣпительномъ блескѣ лѣтняго солнца, на неизмѣримое пространство предо мною разстилались ярко-зеленые луга, испещренные безчисленными цвѣтами—розовыми, голубыми, бѣлыми, пурпуровыми; цвѣты безпрерывно мѣнялись, то, теряясь въ безпредѣльной дали, то снова сверкая предъ очарованными глазами яркостію своихъ красокъ. Въ воздухѣ носились миріады красивыхъ птичекъ и мотыльковъ; слуху моему чудилось пѣніе, свистъ, жужжаніе...

Безконечная равнина луговъ вся изрѣзана зеркально прозрачными ручьями и рѣчками; мнѣ слышалось упоительное журчаніе чистыхъ, какъ хрусталь, источниковъ и все это обиліе водъ сливалось въ одинъ громадный бассейнъ, въ одно широкое, никогда мною

до того не виданное озеро, по которому плавали раззолоченныя лодочки съ разноцвѣтными флагами и парусами....

И Боже мой! какъ мнѣ хотѣлось побѣжать туда—далеко, далеко отъ этихъ безобразныхъ мѣщанскихъ домовъ—сараевъ, отъ моихъ безпутныхъ товарищей и отъ Якова Яковлевича, съ его противною „ариѳметичкой“.

Картина, во мгновеніе ока, смѣнялась другою. Чудилось мнѣ, что наша бѣдная деревянная приходская церковь Великомученицы Варвары преобразилась въ колоссальный храмъ изъ чистаго хрусталя; безчисленные переливы цвѣтовъ играли радугами на поверхности храма... Былъ, казалось, какой то великій праздникъ; многое множество народа въ парадныхъ одеждахъ наполняло внутренность храма; еще большая толпа стояла на паперти... И вдругъ, вверху, подъ самымъ куполомъ, послышалась ангельская пѣснь: Слава въ вышнихъ Богу.... и вся эта масса народу заколыхалась: изъ храма стали выходить люди съ зелеными вѣтками; между ними отдѣльною группой шествовали святые мужи и жены, въ бѣлоснѣжныхъ одеждахъ, а впереди ихъ архангелъ Михаилъ, съ лучезарно бѣлокурой головой и съ огненными глазами, на золотомъ блюдѣ онъ несъ главу и проходя мимо упавшаго ницъ народа, вѣщалъ звучнымъ голосомъ: Се глава Іоанна Крестителя!

На слѣдующій за этимъ день бредъ прекратился. Начала выступать оспа, а черезъ три дня я сталъ, подобно Іову многострадальному, однимъ чудовищнымъ струпомъ: ни глазъ, ни рта, ни ушей... Родители отчаялись за мою жизнь. Дѣдъ жарко молился, мать служила молебны. Приглашенный со св. дарами от. Логвинъ съ великимъ трудомъ пріобщилъ меня. Всѣ ждали моей смерти. Но я не погибъ...

Говорятъ, нѣтъ худа безъ добра. Какъ оказалось впослѣдствіи, эта страшная оспа избавила меня на всю остальную жизнь отъ всевозможныхъ болѣзней, которымъ я былъ подверженъ въ дѣтствѣ, по причинѣ золотушнаго сложенія.

„Различные патологическіе факты, говоритъ Спенсеръ въ книгѣ своей „О воспитаніи“, приводятъ къ заключенію, что когда организмъ ребенка выдѣляетъ посредствомъ прыщей оспенную матерію, то въ то же время стремится выдѣлить чрезъ эти прыщи, другія,

причиняющія болѣзни матеріи". Истина этихъ словъ вполнѣ оправдалась на мнѣ.

Выпустили меня на свѣтъ Божій въ апрѣлѣ, почти предъ началомъ экзаменовъ, но не столько пугалъ меня экзаменъ, сколько „Генеральный смотръ годовой исправности въ содержаніи книгъ, записокъ и всѣхъ учебныхъ трудовъ". Смотръ этотъ былъ для насъ то же самое, что для военныхъ, такъ называемый, инспекторскій.

Наканунѣ экзаменовъ назначался день, въ который каждый ученикъ какъ повѣтоваго училища, такъ и гимназіи обязанъ былъ представить всѣ свои книги, тетрадки какъ черновыя, такъ и на бѣло переписанныя. Смотрѣлъ же все это самъ директоръ, въ присутствіи инспектора, смотрителя и всѣхъ учителей. Не представившіе всего, что требовалось по извѣстному классу, не допускались къ испытанію.

Чтобы дать приблизительное понятіе о томъ, сколько работы, и при томъ совершенно механической, а слѣдовательно и безполезной, задавало намъ начальство, я укажу здѣсь, какія тетради обязанъ былъ прислать на „генеральный смотръ" ученикъ перваго класса.

По чистописанію, по крайней мѣрѣ, восемь тетрадей, по рисованію — три, по письму „съ диктуры" двѣ, по правописанію четыре, по нѣмецкому языку двѣ, по ариѳметикѣ шесть, по грамматикѣ россійской двѣ, по латинскому языку четыре, по географіи двѣ тетради въ полулистъ, съ раскрашенными картами.

Этотъ пресловутый смотръ, по моему мнѣнію, только тогда достигалъ бы своей цѣли, если бы годичныя письменныя работы приносились учениками въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ сохранились къ концу года; но такія именно тетради, конечно, не совсѣмъ чистыя, директоромъ не принимались; нужно было все переписывать, даже „письмо съ диктуры" и чистописаніе.

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы готовиться къ экзамену, ученики должны были упражняться цѣлый мѣсяцъ въ каллиграфіи.

Что касается учебниковъ, то не цѣлесообразнѣе ли было пересматривать ихъ въ началѣ года, чѣмъ въ концѣ?

Между разнымъ хламомъ, у меня сохранилась одна изъ тетрадей, побывавшая на смотру, именно „письмо съ диктуры", переписанная дважды, съ тѣми же ошибками, такъ и оставшимися никѣмъ не исправленными.

„Страсти суть ветри, помощею коихъ плаваетъ корабль нашъ, который своимъ кормчимъ имѣетъ расудокъ правещій склонностями“ и проч. въ томъ же безобразномъ видѣ.

„Генеральный смотръ“, какъ и годичные экзамены, окончился благополучно. Я наконецъ получилъ переводъ во второй классъ, послѣ трехлѣтняго пребыванія въ первомъ классѣ—на пятомъ году своего ученія въ повѣтовомъ училищѣ:

Vivat academia! vivant professores!

М. К. Чалый.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СЕЛЬСКІЯ НЕДОРАЗУМѢНІЯ.[1]

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

(*Окончаніе*).

IV.

Прошло нѣсколько недѣль со времени послѣдняго памятнаго объясненія для мужиковъ съ лѣсничимъ. Межи и борозды, разграничивавшія участки кобылевскихъ крестьянъ, исчезли изъ глазъ, закрывшись высокимъ, волнистымъ хлѣбомъ. При малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка надъ полями ржи подымалось облако цвѣточной пыли. „Жыто красуе“, говорили крестьяне. Пыль эта, какъ плодотворное дыханье любви, облетала тощіе, пустые колосья и они съ каждымъ днемъ полнѣли—*наливались*; а ночью, склоня отягченныя головки и колыхаясь на тонкихъ стебелькахъ, соблазнительно шептались между собою. Иногда этотъ шепотъ сливался въ одно густое, теплое дыханье—предвѣстникъ будущаго урожая—и душистою волною проносилось надъ спящимъ селомъ. Жатва уже не за горами, сѣнокосъ же близится къ концу. Въ хатахъ остались только безсильные старики, больныя бабы, малыя дѣти да матери съ грудными дѣтьми. Всѣ же мало-мальски годные къ работѣ отъ понедѣльника до субботы спѣшили убрать сѣнокосъ на болотѣ, докашивая большое „гало“ Трестень, взятое ими у помѣщика „съ половины“.

Широко раскинулось „гало“—края его скрывались въ туманѣ. Весною все оно заливалось водою и сообщаться можно было

[1]) „Кіев. Старина“ 1889 г., январь.

только на лодкѣ; потомъ вода спадала, испаряясь отъ солнца, но никогда не высыхала вполнѣ, а, пропитавши губчатый пластъ торфа, застаивалась въ ямахъ, кочкахъ и рвахъ, давая пріютъ карасямъ, вьюнамъ и окунямъ. По верхушкамъ кочекъ шелестѣла жесткая рѣжущая трава, смѣшанная съ „черноголовомъ", колыхался тяжелый тростникъ, внизу же шумѣла трясина. Кое гдѣ на этой зеленой равнинѣ, окруженной лѣсами, росла кустами низкорослая сѣдая верба. Трестень находился довольно далеко отъ Кобылева и крестьяне, пользуясь сухою солнечною погодою, выѣзжали туда цѣлымъ табором съ кухонною посудою и припасами на цѣлую недѣлю впередъ. Вмѣстѣ съ мужчинами отправлялись на сѣнокосъ всѣ здоровыя женщины, въ особенности дѣвушки, сгребать сѣно. Настаетъ послѣдній день косовицы и косятъ кобылевцы упорно, безостановочно, не глядя на то, что и солнце жжетъ ихъ немилосердно своими палящими лучами, отъ которыхъ у многихъ становится темно въ глазахъ. Кажется, все въ природѣ замираетъ отъ зноя, даже зелень травъ и лѣсовъ темнѣетъ и голубое небо мало по малу измѣняетъ свой цвѣтъ, а косари все идутъ впередъ по кочкамъ, иногда по колѣна вязнутъ въ болотѣ, но идутъ и идутъ все впередъ и впередъ, побуждаемые опасеніемъ въ теченіи зимы безкормицы для скота. Иногда поднявшійся вѣтеръ колыхнетъ прибрежныя ольхи, зашелеститъ скрипучею осиною и зловѣще зашепчетъ въ уши: принесу вамъ дождь! Крестьянамъ становится жутко и въ то же время пріятно; опасеніе порчи сѣна смягчается перспективою временной прохлады. Но вѣтеръ поднимается все сильнѣе и сильнѣе и къ его порывамъ примѣшиваеся писклявый голосъ ястреба.

— Пыщыть вже! пыщыть! съ неудовольствіемъ проворчалъ Илько, остривший косу.—Пыты забажалось, щобъ ты заповитрыло!... Съ тревогою взглянулъ онъ на небо, прислушался со вниманіемъ къ густому шуму чернаго лѣса и снова слухъ его уловилъ протяжное „пи-ить" коршуна. Крестьянинъ почесалъ потный затылокъ.—Конче наклыче дощу, прошепталъ онъ съ тревогою. А хищникъ повисъ въ воздухѣ, чуть взмахивая крыльями, и напрягая зрѣніе, выглядывалъ добычу въ густой травѣ, и изъ груди его вырывался крикъ голода.

— Оксано! чого стала? крикнулъ ей отецъ.—Гребы швыдче! Не чуешъ, що вже й шуликъ крычыть, и витеръ віе! Вже хутко й лынѐ, а сина ще яка сыла...

Дѣйствительно, на лугу лежало еще много и сухой, и въ свѣжихъ покосахъ чуть привялой травы.

Оксана въ теченіи нѣсколькихъ дней чувствовала себя нездоровой: ее постоянно тошнило и вся она чувствовала себя какъ бы разбитой. Всѣ дѣвушки гребли въ однѣхъ рубахахъ, изнемогая отъ зноя, а она по временамъ чувствовала ознобъ и одна работала въ андеракѣ, подобранномъ спереди за поясъ; остановившись перевести духъ, она, услыхавъ окрикъ отца, снова печально принялась ворочать сѣно.

— Оксано! а несы лышень тыкву! въ роти пересохло... позвалъ онъ ее опять.

Она поспѣшила поднесть ему круглый, выпуклый сосудъ съ водою; подъ глазами у нея были синіе круги, засохшія губы дрожали, грудь тяжело и не ровно колыхалась отъ прерывистаго дыханья.

— Тепла... На, визьмы!

Въ эту минуту раздавшійся на болотѣ подъ лѣсомъ выстрѣлъ спугнулъ пару утокъ, торопливо съ крикомъ пронесшихся надъ болотомъ, и кулика, спасавшагося неровнымъ полетомъ на покосы. Послѣдній, покидая обильное кормомъ убѣжище, раскричался на цѣлый лугъ: ото люде! и даже достигнувъ противуположнаго берега, все еще повторялъ не своимъ голосомъ: ото люде! Оксана вздрогнула и уронила тыкву на землю.

— Чого се ты? спросилъ отецъ.

— Хто то стрелывъ, тату?...

— Чого жъ ты, дурна, злякалась? Хыба первына! Мае буты Варакса оглядае лисъ, або може Стёба... Постановы тыкву пидъ копыцею, та швыдче до роботы!

Онъ поплевалъ въ ладони, взялъ косу и пошелъ дальше. Вѣтеръ гулялъ по болоту, заглушая или разсѣевая всѣ звуки и отголоски.

— Тату! що винъ каже? спросилъ Сидоръ, съ безпокойствомъ прислушиваясь въ сторону лѣса, гдѣ оставались возы съ лошадьми подъ надзоромъ подростковъ.

— Хто? витеръ?... Дощъ буде.

— Ни! онъ тамъ, по пидъ лисомъ щось гукае.

— Атъ! може диты гукають. Звычайно... сумно самымъ безъ старшыхъ въ лиси.

— Але жъ ни, тату! Онъ тамъ хтось зъ рушныцею...

На опушкѣ лѣса стоялъ Варакса и что то кричалъ косарямъ, протяжно, почти на распѣвъ выговаривая слова, какъ бываетъ при переправахъ, если паромщики находятся на противоположномъ берегу широкой рѣки. Вѣтеръ, дувшій прямо въ лице, уносилъ назадъ звуковыя волны, такъ что только ничтожные отрывки доходили до мѣста назначенія.

— А... почему... не... сторожите... лошадей!.. Заберу!..

— Надсажаеться, чого и що? скептически замѣтилъ Илько сыну.

— Хиба питы? спросилъ тотъ. Щось тамъ про коней каже...

— А хыба... Побижы, сыну, довидайся!..

Сидоръ схватилъ жбанъ и поднесъ къ сихимъ губамъ, но въ немъ оставалось всего нѣсколько глотковъ теплой и мутной воды; онъ взялъ сосудъ подъ мышку и отправился на развѣдки.

— Лошадей заберу! Слышите? повторилъ голосъ подъ лѣсомъ.

— Иду! крикнулъ Сидоръ въ отвѣтъ, приложивъ ко рту кулакъ, свернутый въ трубку. Приблизившись на столько, что можно уже было различить силки для птицъ, висѣвшія у сумки ловчаго, онъ спросилъ, въ чемъ дѣло?

— Развѣ можно такъ дѣлать? выговаривалъ Варакса.

— Або що?

— Какъ что? пускаете лошадей безъ присмотра, а тѣ идутъ прямо на „Безпалыя Ольхи“. Ей Богу, прикажу Стёбѣ переловить!..

— Ба й не дыво, панычу-соколе!.. На мураву то кожна товарына покваныться. То такъ само, якъ мухи до меду.

— Разсказывай, дуракъ! если только потравите мнѣ муравую траву, будетъ вамъ... Пойдете пѣшкомъ въ Кобылевъ и возы на себѣ повезете.

— Не бійтесь спашу, панычу! кони далеко не зайдуть, бо поплутаны. Часамы такы пруться на липшу пашу, але жъ хлопци коло ныхъ...

Говоря это, онъ задорно подмигнулъ ловчему и припалъ надъ „крыницею“. Это было небольшое круглое углубленіе, наполненное болотною водою. Когда онъ наклонился зачерпнуть воды, двѣ зеленыя жабы плеснули въ темную глубь. Онъ не обратилъ на нихъ вниманія, равно какъ и на то, что кромѣ жабъ плавали въ колодцѣ какія то мелкія, проворныя, отталкивающаго вида насѣкомыя, и жадно глоталъ эту воду; затѣмъ повѣсилъ на дерево черпачекъ изъ березовой коры съ мыслью, что не ему такъ кому нибудь другому пригодится. При этомъ вспомнилось ему, какъ не за долго передъ тѣмъ онъ ударилъ въ животъ младшаго брата, Петра, такъ что тому совсѣмъ захватило духъ; и было за что: тотъ, напившись изъ колодца въ „Дидовымъ Острови“, не только забросилъ черпакъ на дерево, но еще и „запоганилъ“ воду. Вѣдь это обида усталому человѣку, который, не зная этого, захотѣлъ бы освѣжиться и промочить горло.

На лугу между тѣмъ продолжаютъ косить. Сверху печетъ, подъ ногами мокро и работать тяжело, а оставить нельзя, скоро можетъ разыграться гроза и, Боже сохрани, польетъ дождь. Иногда вдругъ становится одуряюще душно на болотѣ; то пластъ торфа—могила животно-растительныхъ организмовъ—выдѣляетъ продукты гніенія. А крестьяне все косятъ не переставая. Только и слышенъ плескъ трясины да мѣрный шелестъ косъ, или сухой звонъ ихъ подъ ударами лопатки.

— Чого винъ? спросилъ Илько сына, съ усиліемъ расправляя наболѣвшія кости.

— А ничого!... Кони идуть на траву. Грозыться, що займе...

— Бачъ, сучый сынъ! трясця его матери.

Оксана гребла сѣно и чувствовала, что руки и ноги отказываются ей служить, словно во снѣ, когда душитъ ее кошмаръ. Ей становилось дурно, въ глазахъ мутилось. Вдругъ она схватилась за животъ и со стономъ повалилась на землю.

— Ой, лышенько! ой, ратуйте! кричала она, катаясь отъ боли. Ой, умру!..

— Що тоби! спрашивали ее окружавшія подруги.

— Що тоби, моя дытыно? съ тревогою спрашивалъ отецъ.

— Ой, тату, ой!.. Такъ вхопыло за жывитъ...

Илько не зналъ, чѣмъ ей помочь.

— Ззила що, або може наврочено? допытывался онъ. Подошла пожилая женщина и остановила его:

— Дай ій спокій, старый; не турбуй головы. Воно й само пройде.

— Але мае буты щось влизло въ сердешну, не правдажъ, кумо?

— Влизло; то й вылизе! проворчала та въ отвѣтъ и, наклонившись къ дѣвушкѣ, спрашивала въ полголоса: Давно жъ то було, Оксано?

— Або я знаю? такъ заразъ по зеленыхъ святахъ... А вже пидступало разъ? Ой, пидступало, але не такъ... Теперъ гирше... Ой, не вытрымаю! покатилась она снова.

— Ничого, любко, ничого! скынешъ, то легше буде. И я колысь зкынула и одно, и друге... А вы чого поставалы? А до роботы! Дывиться якы! сороки!

Дивчата разошлись къ своимъ граблямъ, но головы ихъ были заняты догадками и соображеніями. Иныя, можетъ быть руководимыя завистью, громко издѣвались надъ несчастьемъ Оксаны, другія, сами не вполнѣ увѣренныя въ себѣ, только соболѣзновали.

— Ну, наробыла соби... нема чого казаты!...

— Зъ кимъ бы то?

— А вже жъ не зъ кимъ, якъ зъ Омелькомъ!... Прыспишыла, сердешна. Якъ бы такъ въ осени, поки се да те... булабъ пишла въ друге село, та й годи... А теперъ що? на осень колыска!... Старша еи сестра, Настя, та була розумныша, краще соби порадыла. Що люде й не довидалысь, а вона вже пишла за Тымошука въ Избине.

— Катузи по заслузи! выкрикнула завистливая, рябая дочь старосты. И колы се вона упоралась?

— Хиба не памъятаешъ? дивилась другая все знающая подруга.—А проты Мыколы, якъ Омелько дрочывся зъ нею й перервавъ клоччя въ журавля.

— Такъ, такъ, памъятаю!

Тучи медленно заволакивали небо. Приближалась гроза. Нужно было искать или убѣжища въ лѣсу, или же спѣшить по

домамъ: изъ такихъ облаковъ если польетъ, то не скоро перестанетъ. Крестьяне съ сожалѣніемъ покидали гало, на которомъ, правда, довольно густо уже стояли стоги сѣна, но еще много лежало только что покошенныхъ покосовъ. Двѣ непреодолимыя силы заставляли ихъ воротиться домой: непогода и наступающій завтра праздникъ св. Иліи, приходившійся среди недѣли, какъ нельзя болѣе некстати. Иначе они не возвратились бы въ деревню раньше субботы.

Въ то время, какъ подъ сводомъ листвы проносились голоса кобылевцевъ, скликавшихъ лошадей, панъ Варакса выходилъ на полянку, гдѣ стояла хата полѣсовщика.

— Богъ помочь! обратился онъ черезъ плетень къ женщинѣ, наклонившейся съ серпомъ въ рукахъ. Она медленно выпрямилась и теперь можно было разсмотрѣть ея увядшія прежде времени черты.

— Спасыби вамъ, панычу!

— У васъ жито уродилось, я это вижу.

— А вродыло, панычу, хвалыты Бога. Звычайно на новыни...

— А гдѣ же твой Стёба?

— Надись вже вернувся зъ обходу... Артемъ! о, Артемъ! Чуешъ?

— А говъ! чого тамъ? отвѣчалъ изъ хаты суровый голосъ.

— Иды швыдче! панычъ клычуть...

— Не зови, Артемиха, я зайду въ хату.

Хата лѣсника, выстроенная по образцу сельскихъ хатъ той мѣстности, была и просторнѣе, и выше ихъ, съ болѣе высокими и широкими окнами и дверями. Въ темныхъ ея сѣняхъ складывались запасы, собранные заботливыми хозяевами. На колышкахъ висѣли безчисленныя пары лаптей, частью собственнаго издѣлія, частью отнятые у крестьянъ, сушоные грибы въ длинныхъ вязкахъ, сырое лыко пучками и готовое уже къ употребленію въ „верчикахъ“. Сидя на тощемъ надѣлѣ, полѣсовщикъ не имѣлъ такого достатка, и наравнѣ съ прочими, тайкомъ, съ замираніемъ сердца, долженъ былъ воровать въ панскомъ лѣсу; теперь же онъ былъ грозою для своихъ собратій, и благодаря своему положенію, самъ пользовался дарами природы. Теперь онъ могъ смѣло косить въ дубровѣ, рубить въ лѣсу отборные,

сочные „осмолы“ для лучины. Полянка, нѣкогда занятая подъ майданъ и заваленная „шурами“ березовой коры, была воздѣлана имъ какъ огородъ, другія же засѣяны рожью, ячменемъ, просомъ и овсомъ. Сверхъ того онъ держалъ коня, а жена выкармливала желудями свиней; сначала было птица не велась вслѣдствіе нападеній ястребовъ и кобчиковъ, но мѣткіе выстрѣлы Стёбы устранили и это препятствіе. Доставляя дичь къ столу помѣщика, онъ не забывалъ оставить и для себя какую нибудь пару утокъ или тетерекъ; и теперь, когда сосны мало по малу очищались отъ крестьянскихъ ульевъ, онъ не заботится о своихъ: его пчелы останутся на прежнемъ мѣстѣ. Ничего этого онъ не имѣлъ бы, еслибы не рѣшился сдать землю въ аренду Климу Тетерѣ и отдаться всецѣло своей служебной карьерѣ. Много стоило ему труда примирить на службѣ помѣщику свои интересы съ его интересами, и правда, сначала въ немъ сказывалась старая связь съ деревней, выражавшаяся въ позволеніи многимъ изъ своихъ пріѣзжать ночью за строевымъ лѣсомъ. Пріѣзжали не только изъ Бобылева, но изъ болѣе отдаленныхъ селъ: Избина, Дубровицы, Рашева, Омельковщины и другихъ. Стёба продавалъ имъ дешевле, нежели контора, и безъ ея вѣдома; но такого рода послабленія онъ дѣлалъ только своимъ близкимъ людямъ: кумовьямъ, своимъ и женинымъ родственникамъ и своякамъ, но съ теченіемъ времени онъ однако прекратилъ этотъ промыселъ, какъ не вполнѣ безопасный. Предшественникъ Вараксы, человѣкъ рачительный, начиналъ догадываться. Ему казалось подозрительнымъ, что Климъ Тетеря, извѣстный бондарь, вдругъ началъ дѣлать ведра и даже бочки изъ дубовыхъ клепокъ, а Илько смастерилъ себѣ возокъ изъ ясеня, между тѣмъ какъ этого дерева не было ни на одномъ изъ крестьянскихъ надѣловъ. Стёба зналъ, что его начальникъ, при всемъ его усердіи, никогда не былъ въ милости ни у пана, ни у лѣсничаго, потому что не былъ достаточно почтителенъ и слылъ старымъ брюзгою. Полѣсовщикъ выжилъ его сплетнями, а самъ еще прочнѣе утвердился на мѣстѣ. Затѣмъ насталъ Тенжулькевичъ, человѣкъ дѣльный, съ новыми понятіями о сельскомъ и лѣсномъ хозяйствѣ; онъ смѣстилъ всѣхъ подчиненныхъ,

одинъ Стёба остался и сдѣлался даже его приближеннымъ. Самъ Тенжулькевичъ не могъ бы сказать навѣрно, чѣмъ именно тотъ привлекалъ его, за то крестьяне хорошо знали чѣмъ—ловкою лестью и наговорами на другихъ. За это называли его то лисицею, то обманщикомъ, но чаще всего заимствованнымъ у дѣтей прозвищемъ „цюцьки". „Иде вже цюцька! онъ де цюцька пишовъ!" говорили, завидѣвъ его; иногда же, въ минуты сильнаго раздраженія, кричали посвистывая: „фью, фью! на, цюцько, на!" Враждебное отношеніе къ нему крестьянъ еще болѣе усилилось съ того времени, какъ Тенжулькевичъ организовалъ лѣсную стражу по всѣмъ правиламъ образцоваго лѣсоводства. Пріохоченный извѣстною долею изъ взыскиваемыхъ съ крестьянъ штрафовъ, Стеба удвоилъ старанія и сдѣлался необыкновенно бдительнымъ. Около этого времени родился у него третій ребенокъ! къ двумъ дѣвочкамъ бывшимъ раньше, прибавился въ семьѣ давно желанный сынъ. Жить нужно! Могучая сила овладѣвала имъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось вступать въ рукопашную съ упрямымъ лѣснымъ воромъ... Но между ними были и такіе, что не разъ, случалось, заносили топоръ надъ его головой а сохрани Богъ, какъ разгуляется топоръ въ крестьянскихъ рукахъ! Теперь приходится ему съ стѣсненнымъ сердцемъ проходить по селу; враждебные взгляды всѣхъ встрѣчныхъ смущаютъ его. На него нападалъ страхъ... И блиставшая на груди его бляха съ надписью: „лѣсной сторожъ" перестаетъ его тѣшить съ тѣхъ поръ, какъ Тенжулькевичъ началъ особенно притѣснять кобылевцевъ. Что она поможетъ? Также точно блистала эта бляха на груди лѣсника графа Бѣлозора, а между тѣмъ... страшно подумать! Нѣтъ, и нѣтъ лѣсника, куда бы могъ онъ дѣваться! Обыскали, обшарили цѣлый лѣсъ, страшныя догадки высказывалъ слѣдователь, подозрѣвалъ Борсуки и дѣйствительно раскрылъ правду. Когда растаялъ снѣгъ, въ ямѣ подъ кучею хвороста найденъ былъ разлагающійся трупъ съ раскроеннымъ на двое черепомъ. Оказалось, что борсуковцы, будто защищая казенный лѣсъ... Разбойники! А кобылевцы? Тоже не лучше. Развѣ дѣдъ Тетерей не принадлежалъ къ шайкѣ Прыборы, не шатался по лѣсу, не нападалъ на помѣщичьи дворы? Да и не одинъ онъ. Сохрани

Богъ чего... и Стёба прижималъ къ груди головку своего сына при этихъ страшныхъ мысляхъ. Въ воздухѣ становилось парно, послышался отдаленный ударъ грома. Стёба, завидѣвъ лѣсника, всталъ съ мѣста.

— Здравствуй, Артемъ, сказалъ тотъ, входя въ хату.

— День добрый, панычу.

— Послушай, нужно сбѣгать на Безпалыя Ольхи.

— Да я вже бувъ тамъ, панычу...

— Вотъ именно потому, что былъ. А между тѣмъ кобылевцы, или другой кто, постоянно выкашиваютъ мураву по пути.

— А щобъ ихъ побыла лыха годына!.. Або хто ихъ встереже, панычу? Не тамъ, то тамъ, а завжде щось вскубнуть.

— Такъ вотъ нужно, чтобы не скубли. Безъ этого не держать же тебя. Пойдешь на Ольхи и будешь сторожить. Завтра праздникъ и гроза собирается, они навѣрно раньше отправятся по домамъ. Если остановятся и станутъ косить, самъ знаешь, что дѣлать.

Стёба пустилъ ребенка на полъ и, устремивъ въ окно мрачный взглядъ, медленно чесалъ затылокъ.

— Ну, о чемъ задумался?

— Хочъ бы пришамній зъ кымъ у двохъ... А то, бороны Боже чого... А нужъ, панычу?

— Еще что выдумалъ? Мнѣ нужно идти въ „Княжее“ повѣрять клепки. Встрѣтишь Юрка, вдвоемъ можете справиться.

Изъ хаты они вышли вмѣстѣ, хотя тотчасъ же разошлись въ разныя стороны, и Стёба двинулся къ Безпалымъ Ольхамъ. Косари въ это же время поспѣшно возвращались изъ лѣса домой. Въ небѣ не разъ уже сталкивались туча съ тучею, гремѣлъ громъ, а возы, подпрыгивая, катились по дорогѣ, переплетенной цѣлою сѣтью древесныхъ корней. Привычные къ такой ѣздѣ крестьяне не обращали вниманія на сильную тряску. Въ верху становилось темно, лѣсъ грозно шумѣлъ. Безпалыя Ольхи были близко. Вотъ впереди засверкалъ длинный бродъ; лошади остановились и неохотно вошли въ воду, понуждаемыя ударами. По сторонамъ шумѣла трясина и ольхи стояли въ водѣ. Крестьяне съ тревогою прислушивались въ сторону гала; тамъ уже буше-

валъ ливень и сверкавшая часто молнія могла пожалуй зажечь ихъ стоги. Всѣ молчали, усталые, встревоженные. Плескъ воды прекратился, лошади громко перевели духъ, выйдя на твердую землю, встряхнулись и пошли дальше. Раздался трескучій ударъ грома; гдѣ то вдали послышался глухой шумъ падающаго дерева. Кругомъ листья защумѣли подъ крупными каплями дождя. Дорога свернула изъ лѣсу на пустынный, влажный лугъ—это и были завѣтныя „Ольхи“. Внереди разстилался роскошный, блестящій коверъ изъ мягкой муравы; проѣзжая по лугу, каждый изъ крестьянъ невольно вспомнилъ о запертыхъ дома на привязи телятахъ. Иные погнали лошадей и скрылись въ лѣсу, но Илько, ѣхавшій теперь впереди, не торопился и жадный взглядъ его упивался зеленью травъ. Лошадь раздѣляла чувства хозяина и, пользуясь медленною ѣздою, на ходу щипала траву, насколько то допускала незатѣйливая ея упряжь. Тетеря поглядѣлъ на лежавшую подъ нимъ вязку вялой сѣроватой и жосткой болотной травы; чрезвычайно жалкой показалась она ему теперь. Теленокъ и не понюхаетъ ее. „Треба злизты, подумалъ онъ, що буде, то буде, а таки трохы травыци нарижу телятамъ.“ Потянулъ возжи, лошадь остановилась и жадно наклонила голову къ травѣ, грозя перервать веревочную „оброть“, продѣтую въ кольцо дуги. Путь былъ прегражденъ и возы, ѣхавшіе сзади, также принуждены были остановиться. Илько между тѣмъ косилъ, съ наслажденіемъ запуская косу въ мягкую, густую траву.

— Що то батько тамъ робыть? недоумѣвалъ Сидоръ, ѣхавшій на одномъ возу съ сестрою.

— Да ну жъ, Ильку, поганяй! Загородывъ людямъ дорогу...

— Дывиться, дывиться! косыть!

— Чы ты здуривъ? кричали сзади. Дощъ иде, буря отъ отъ надходыть, а винъ косыть...

— То дарма! отвѣчалъ Илько невозмутимо, а все жъ таки телята погрызуть трохы травы.

— Чы чуешъ, Кырыло, що винъ каже?

— А вжежъ. Добре, до ладу говорыть: для худобы. Злизаймо й мы!

— Эге! сказано—для худобы...

Черезъ минуту цѣлый лугъ пестрѣлъ людьми, словно праздновалось окончаніе сѣнокоса; всѣ мущины косили, женщины сгребали траву и складывали на возы. Староста послѣднимъ выѣхалъ на поляну и принужденъ былъ остановиться; съ тревожнымъ изумленіемъ смотрѣлъ онъ на эту картину и не зналъ, что дѣлать. Трава прекрасная, но ему непріятно красть вмѣстѣ съ прочими. Онъ поглядѣлъ на небо и закричалъ:

— А пустить мене! Чого поставалы табором, мовъ цыгане!

Вмѣстѣ съ нимъ на возу сидѣла его дочь и надѣвала новые лапти; одна нога была уже обута и она вытаскивала ободъ изъ стараго лаптя въ ту минуту, когда староста, не дождавшись, чтобы ему очистили дорогу, ударилъ лошадь и пустился прямо по травѣ мимо возовъ. Поравнявшись съ Оксаною, онъ вырвалъ у нея изъ рукъ снопъ травы.

— Ряба! передразнила его дочку оскорбленная дѣвушка въ негодованіи; *старостывна* бросила ей въ лице старый лапоть.

— Ряба, ряба! повторила Оксана.

Вскорѣ и косари послѣдовали за старостою; у каждаго на возу была подстилка изъ мягкой травы—для телятъ. Ѣхали теперь быстро, спасаясь отъ дождя, капавшаго слегка все время, пока шла работа, теперь же полившаго, какъ изъ ведра. Еще издали, отъ самой опушки лѣса, можно было различить слѣды крестьянскихъ косъ, а подъ ольхами у самой дороги поджидалъ Стёба. Первый замѣтилъ его Илько.

— О, вже й цюцька прыйшовъ, бачыте?

— Фью, фью, фью, цюцько!

— На, на! цюцю, на! ходы сюды! такого дамо, що облыжесся ...

Но тотъ не спѣшилъ къ нимъ на встрѣчу и ждалъ, пока они приблизятся. Илько ѣхалъ впереди и изо всѣхъ силъ гналъ коня, что, впрочемъ, не помѣшало Стёбѣ схватить его подъ уздцы; сильныя рука лѣсника сразу остановила возъ на мѣстѣ.

— Пусты! закричалъ Илько, стиснувъ зубы.

— Не пустю! отвѣчалъ тотъ также сквозь зубы.

— Собако!.. Докы ты ще волочытымесся по свити? А, ты гадюко!.. На, на!..

Кнутъ пересталъ стегать коня и обратился на лѣсника, но тотчасъ же очутился въ его рукѣ.

— Пусты, бо й голову тутъ зложышъ!..

— Не пустю, покы сина не оддасы.

— Пусты, бо тутъ тоби й смерть!.. И воронъ не закряче, и жадного слиду не лышыться.

— То дарма! въ мене рушныця... Злизай, кажу.

— Люде добри! чы чуете? кричалъ Илько, движимый чувствомъ самосохраненія.—Хоче до насъ стреляты!

Тѣмъ временемъ подъѣхали остальные возы, крестьяне сошли на землю и вокругъ двухъ противниковъ собралась цѣлая толпа.

— Що ты? що ты? схаменысь! тикай, покы жывъ!

И взрослые, и подростки—всѣ сбѣжались при видѣ нападающаго. На фонѣ лѣсной зелени и частыхъ, косыхъ потоковъ дождя выросъ цѣлый лѣсъ головъ надъ головою Стёбы. Глухіе удары кулака о человѣческое тѣло, проклятія и стоны сливались съ грохотомъ на небѣ. Подошелъ къ лѣснику сильный, мускулистый крестьянинъ и рознялъ его руки, но тотъ опять схватилъ за поводья въ ту самую минуту, какъ Илько погналъ лошадь; получивъ ударъ оглоблею въ грудь, онъ принужденъ былъ выпустить ихъ и зашатался отъ боли, но тотчасъ же, съ упрямствомъ собаки, повисъ на шеѣ лошади, волочась за нею по землѣ. Вдругъ въ глазахъ у него потемнѣло, онъ застоналъ: чей то кулакъ со всего размаху угодилъ ему въ животъ.

— Сыдоре, годи, Сыдоре! сдерживалъ племянника Климъ Тетеря. Тяжело ему было видѣть избитымъ свояка, которому онъ все таки былъ кое чѣмъ обязанъ. Вѣдь Стёба отдалъ ему въ аренду свой участокъ земли, хотя могъ бы уступить его старостѣ на болѣе выгодныхъ условіяхъ; затѣмъ было время, когда Стёба, помогалъ ему добывать изъ панскаго лѣса дубовое дерево для клепокъ. Онъ обратился къ разъяреннымъ крестьянамъ съ примирительною рѣчью:

— Та годи вамъ, люде добри! Хыба винъ выненъ? То служба. Онъ що. А вы заразъ бытысь. Було по людськы заговоры, то бъ пустывъ тай годи, а то зразу до пыску, зразу стосунамы...

Но никто его не слушалъ, а самъ Стёба меньше другихъ; взбѣшенный ударомъ онъ отвѣсилъ Сидору полновѣсную пощечину.

— А лыхо жъ твоій матери! завопилъ Илько и бросилъ возжи младшему сыну. Трымай!

Тутъ онъ соскочилъ на землю и вмѣшался въ толпу, которая изъ дѣйствующихъ лицъ тотчасъ превратилась въ зрителей, чуть только лѣсникъ вступилъ въ единоборство съ Сидоромъ. Когда парубокъ, ошеломленный ударомъ, стоялъ, выпучивъ глаза, толпа ободряла его восклицаніями:

— Сыдоре, ото дурный! Невже такъ и подаруешъ?

Но тотъ уже бросился въ догонку за Стёбою. Крестьяне слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ. Замѣтивъ на Ильковомъ возу одного подростка, лѣсникъ бросился къ нему.

— Ой, тату, бье!.. запищалъ мальчикъ.

Въ одинъ мигъ Петрусь „млынкомъ“ вылетѣлъ изъ воза, на которомъ Стёба ускакалъ. Илько и Сидоръ приросли къ землѣ. Только что стояла телѣга съ лошадью и ужъ нѣтъ ея! Она въ рукахъ Стёбы, какъ залогъ штрафа и доказательства его усердія. Крестьяне молча стояли подъ деревьями, пораженные всѣмъ случившимся! Наконецъ Илько не выдержалъ.

— А трясця жъ твоій матери! Дывиться, поихавъ...

Въ толпѣ послышался смѣхъ.

— Шукай витра въ поли! Вхопывъ, да й чкурнувъ.

— А щобъ его побыла лыха годына! сыпалъ проклятіями Тетеря. И поихавъ... зъ косою, зъ граблямы, зъ мазныцею—зо всимъ.

— И мазныцю забравъ? распрашивали его съ участіемъ.

— А то-жъ! Була на вози.

— Шукай теперъ!

— Ой, ой, ой! то й косу завизъ?

— А вже жъ!

— Ну, дожыдайся!

— Що-жъ ёго въ свити божому робыты? А бодай же ты одубивъ!

— Шукай, шукай! доганяй его. Що винъ справди конокрадомъ ставъ? подзадоривали Илька крестьяне. Ливень между тѣмъ утихъ и смѣнился мелкимъ дождемъ.

— Годи стояты въ болоти! Шкода коней.

Дѣйствительно, жаль было смотрѣть на лошадей: онѣ стояли измокшія, печальныя и медленно шевелили ушами. Надъ поляною повисла дождевая сѣтка, охватившая длинный рядъ возовъ; остававшіяся въ нихъ женщины закрылись свитами и передниками и сидѣли неподвижно. Но вскорѣ, когда на лугу остались только свѣжіе покосы да многочисленные слѣды колесъ на узкой дорогѣ, дождь полилъ съ прежнею силою и настойчивостью; его крупные потоки, казалось, упорно стремились въ глубь земли, пробивая траву по дорогѣ.

V.

Прошелъ годъ. Вдоль почтовой дороги, со стороны уѣзднаго города катилась бричка, въ ней сидѣлъ Тенжулькевичъ, напряженно вдыхая воздухъ, а сердце его усиленно билось.

— Что это за дымъ, Лука? спросилъ онъ кучера.

— А Богъ ёго знае. Повынно лисъ горыть...

— Погоняй скорѣе!...

По обѣ стороны дороги возвышался вѣковой боръ. Лѣсничій пытался проникнуть его взглядомъ, но не замѣчалъ огня— только мачтовыя сосны быстро мелькали передъ глазами. Но вотъ по мѣрѣ того, какъ бричка подвигалась впередъ, появлялись слѣды опустошенія; молодыя сосновыя заросли непремѣнно погибнутъ, если еще разъ пройдетъ по нимъ пожаръ. Эта печальная мысль въ минуту отравила лѣсничему всю радость побѣды, одержанной надъ крестьянами въ мировомъ судѣ. Если пламя лизнетъ полураспустившуюся листву молодаго березняка, у подножія вѣковыхъ деревьевъ останется только масса скелетовъ вмѣсто веселой зелени молодыхъ побѣговъ. Эта мрачная перспектива помѣшала ему наслаждаться прелестнымъ апрѣльскимъ вечеромъ; не тѣшило его ни щебетаніе коноплянокъ, ни унылая пѣсня дрозда. Когда бричка своротила съ большой дороги на „поворотку“, ведущую въ село, въ сторонѣ послышались тупые удары топора и вскорѣ на изумрудномъ фонѣ зелени обрисовался одинокій силуэтъ крестьянина, взмахивающаго топоромъ.

Онъ „копалъ“ лучину, крехтя при каждомъ ударѣ, обнажалъ заступомъ вѣтвистые корни стараго сосноваго пня и затѣмъ остріемъ „копаныци“ отдѣлялъ ихъ отъ земли. Бричка остановилась.

— Эй, послушай! издали окликнулъ лѣсничій. Гдѣ горитъ?

Крестьянинъ медленно выпрямился и обернулся на голосъ. Прежде чѣмъ отвѣтить онъ оглядѣлся вокругъ, нѣсколько разъ глубоко потянулъ въ себя воздухъ, переполненный гарью, словно стараясь опредѣлить по запаху породу горящаго дерева, затѣмъ отвѣчалъ:

— То, пане, по цій сторони—и указалъ ту часть лѣса, гдѣ находился самъ.

— Вотъ дуракъ! Будто я самъ не вижу, что здѣсь, а не тамъ...

— То, паночку, биля майдана почалось, де Стёба.

— „Почалось“, „почалось“—не въ томъ дѣло!... А теперь гдѣ?

— Теперъ, паночку, скризь: и въ Дидовымъ Острови, и въ Слепечищи, и на Красный Ригъ перескочыло.

— А въ Цецковщинѣ?

— Тамъ вже, кажуть, лисныки згасылы, але влизло въ болото.

— Ахъ черти! я васъ научу поджигать... А у тебя, Деркачъ, зачѣмъ это горитъ огонь? Да еще какъ разъ возлѣ лучины.

Деркачъ поглядѣлъ на тлѣвшія невдалекѣ головни, на синеватыя струйки дыма, подымавшіяся надъ ними; у огня стоялъ небольшой горшечекъ, въ золѣ пекся картофель. Старикъ пожалъ плечами и погладилъ свою сѣдую бороду.

— Якъ то, пане, на що? То вже не можна и кулишу соби наварыты, а ни спекты картопли?

— Да, вы всегда такъ! бросите огонь, а потомъ смотри—пожаръ...

— А Боже бороны, паночку.

Старикъ стоялъ сгорбившись, съ шапкою въ рукѣ. Позади и вокругъ него лежали высокія кучи лучины; все это онъ собственными руками добылъ изъ земли. Раздраженный взглядъ лѣсничаго примѣтилъ ихъ и утратилъ свое суровое выраженіе. Однако этотъ старикъ, несмотря на его лысую голову, еще очень силенъ и одинъ своимъ трудолюбіемъ заткнулъ за поясъ всѣхъ этихъ лежебоковъ кобылевцевъ.

— Деркачъ, дай ка огня, зажечь трубку.

Старикъ принесъ уголекъ на мозолистой ладони.

— Это все твоя лучина?

— А якъ же, пане, моя.

— А что жъ громадскій скотъ? Ты вѣдь прежде былъ пастухомъ?

— А такъ, пане, бувъ колысь; теперъ не впадае...

— Почему?

— Бо винъ, бачыте, пане, оженывъ сына зъ хозяйскою дочкою, объяснилъ кучеръ.

— И отдали за него дѣвушку?

— Далы, пане, мусилы даты... Хлопець завчасу спизнався зъ нею... ще до шлюбу прывела близнятъ. Илько не зтерпивъ бы такого сорому въ своій хати.

— Такъ это Илькова Оксана? дивился Тенжулькевичъ. Сердце его сжалось болѣзненнымъ чувствомъ и самому сдѣлалось какъ то холодно. Среди служебныхъ заботъ встала на мгновеніе въ памяти встрѣча съ этою дѣвушкою и тотъ тихій весенній вечеръ, пѣніе дрозда и громкое воркованіе горлицы въ лѣсу, согрѣтомъ ласковыми лучами заходящаго солнца. Но дымъ лѣснаго пожара прервалъ мечты Тенжулькевича и напомнилъ ему его одинокую бродячую жизнь; въ немъ проснулся главный охранитель лѣсовъ.

— Погоняй, Лука! обратился онъ къ возницѣ и поспѣшилъ въ Кобылевъ, чтобы побудить жителей гасить пожаръ.

И снова глухой звукъ топора раздавался среди рѣдѣющихъ зарослей. Деркачъ понатужился, почти вырвалъ пень изъ земли, но одинъ главный корень упрямо не поддавался; пробовалъ старикъ поднять его ломомъ, но какъ ни старался, всѣ усилія его были напрасны—нужно было сперва подкрѣпиться пищею и онъ принялся за полдникъ: горшечекъ пшеннаго *кулишу* съ картофелемъ, безъ масла, тотъ же картофель печеный и чорный хлѣбъ съ таранью,—старою, горько-соленою рыбою. Жажду онъ утолитъ водою изъ маленькаго импровизированнаго колодца, вырытаго въ ближайшемъ болотѣ нѣсколькими ударами *копаныци*. А пока оттуда доносилось кваканье лягушекъ и сливалось съ мѣрнымъ воркованіемъ лѣсныхъ голубей. Изъ за лѣса выкатился блѣдный кругъ мѣсяца. Деркачъ ни на что не обращалъ вни-

манія, занятый болѣе важнымъ дѣломъ, чѣмъ наслажденіе лѣсными видами: онъ вычислялъ въ умѣ, сколько „*шурокъ*“ выйдетъ изъ раскинутыхъ по лѣсу кучъ лучины и сколько денегъ можетъ онъ выручить за нихъ Вдругъ „туркутъ“ прервалъ свою пѣсню и вдали послышался говоръ человѣческихъ голосовъ.— Эге! то кобыляне вертаються зъ повиту, подумалъ онъ. Дѣйствительно, вскорѣ показались на почтовой дорогѣ сгорбленныя фигуры съ бѣлыми „кайстрами“ [1]) за плечами, медленно ступавшія усталыми шагами. Восемь миль прошли они въ одинъ день.

— Гей, гей! а почекайте! окликнулъ старикъ, видя, что они проходятъ мимо.

— Щось гукае по пидъ лисомъ... Надысь свій. Да то-жъ Деркачъ?

— Почекай, свате! Якъ тамъ зъ судомъ?

— А що жъ? ничого.

— Якъ то ничого?

— Бреше винъ! вмѣшался кто то. Прысудылы панови заплатыты намъ. Якъ бы хто побачывъ...

— Да що ты верзешъ, дурню? або не второпавъ...

— Да чого жъ бо вы? сказано—курци просо сныться, оправдывался тотъ.

— Тожъ прысудылы намъ заплатыты штрафъ, або одробляты,— якъ схочемо...

— И якъ же буде?

— Одробымо, диду, одробымо—отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Э, помылылысь, не вгадалысте, а я думавъ, що штрафъ... Нехай бы вже нашъ братъ безземельный, то, якъ той казавъ, и...

— Чи вы здурилы, диду? Одробокъ то наша кровъ: багато ій текло, нехай ще потече, абы одбуты, а штрафъ то якъ же? зъ чого? зъ худобы?

— Чому зъ худобы? Въ лиси теперъ ваньчосы [2]) та клепки тешуть... а зимою плыты въязаты—отъ вамъ и заробокъ ще липший, анижъ за лучыну.

---

[1]) Плетеныя изъ рогозы корзинки въ видѣ продолговатаго четырехъугольнаго ящика съ крышкою, которыя надѣваютъ черезъ плечо.

[2]) Ваньчосы—особой формы и размѣра брусья, весьма тщательно отесанные, изготовляемые спеціально для постройки кораблей и барокъ.

— Вже й я имъ казавъ те саме, замѣтилъ Илько.

Въ такихъ разговорахъ крестьяне незамѣтно приближались къ деревнѣ; съ каждымъ шагомъ запахъ гари усиливался.

— Тенжулькевычъ поихавъ зганяты нашыхъ на пожежу, сказалъ Деркачъ.

Въ отвѣтъ посыпались ругательства по адресу лѣсничаго. Ему не могли простить того, что онъ потащилъ ихъ въ судъ какъ разъ во время *оранки* и посѣвовъ; хотя и за дѣло—не отработали денегъ, взятыхъ впередъ за лучину. Но вѣдь не было времени! Нужно было платить подати, потому и взяли деньги; потомъ своя работа помѣшала выполнить обязательство, а не успѣли порядкомъ убрать хлѣбъ, какъ ужъ и зима наступила: земля замерзла—и ломомъ ее не возьмешь. А тутъ снова подати... Богатый продалъ хлѣбъ и заплатилъ, а бѣдный ждалъ благодѣтеля-наемщика. Подвернулся еврей, давалъ задатокъ за перевозку дровъ зимою; всѣ согласились, кто нуждался въ деньгахъ. Отсюда крикъ, „гармыдеръ“ въ экономіи: „погодите вы, черти! придетъ сѣнокосъ, тогда запляшете“. Они навѣрно отработали бы послѣ весенней запашки и яровыхъ посѣвовъ. Куда! и слушать не хотятъ: скоро наступитъ жатва, а тамъ снова озимые посѣвы, молотьба и, наконецъ, морозы... Нѣтъ, съ такими людьми только судомъ и можно! И потащили—въ самую рабочую пору на трехдневныя мытарства... А Боже жъ нашъ мылый! Ото напасть...

Потокъ жалобъ внезапно прекратился: вниманіе крестьянъ привлекъ общій видъ лѣса. Вечернія сумерки сгустились и сквозь рѣдкую сѣть молодой листвы пробивалось столбами зарево пожара; уже слышенъ былъ шумъ горящаго валежника и трескъ вѣтвей на деревѣ. Крестьянамъ и въ мысль не приходило тушить огонь; всѣ смотрѣли спокойно, даже съ нѣкоторымъ облегченіемъ въ сердцѣ на причиняемое имъ опустошеніе. Деркачъ одинъ былъ въ тревогѣ: по другую сторону дороги лежала кучами его лучина. Чѣмъ дальше въ лѣсъ—дорога становилась все уже, можно было опасаться, какъ бы пламя не перебралось на эту сторону. Черезъ дорогу ежеминутно перескакивали ужи, вытянувъ шеи, шипа отъ страху. За ними медленными

шагами ползла черепаха; заслышавъ человѣческіе шаги, она остановилась и спрятала голову и ноги подъ щитъ. Увидѣвъ, что животныя ищутъ спасенія на этой сторонѣ, старикъ нѣсколько успокоился, но шаговъ за сто дальше замѣтилъ поперекъ дороги чорную полосу перетлѣвшаго вереска и травы. Очевидно огонь перебрался уже черезъ дорогу и пошелъ въ направленіи смолянаго завода. Сердца крестьянъ снова забились тайною радостью, только Деркачъ призадумался и пошелъ назадъ, чтобы окопать свою лучину.

Чѣмъ дальше впередъ, тѣмъ пожаръ становился сильнѣе; слышался трескъ, шумъ, шипѣніе; воздухъ былъ переполненъ дымомъ. Приблизившись къ селу, крестьяне увидѣли громадное зарево; раздались голоса: дывиться! майданъ горыть!

— А нехай горыть, абы разомъ изъ Стёбою!

Между тѣмъ со стороны села долетали громкіе голоса—тамъ шелъ отчаянный споръ: Тенжулькевичъ и староста пререкались съ крестьянами, которые отказывались идти тушить пожаръ. Когда подошли люди, возвращавшіеся изъ города, споръ усилился. Долго еще на опушкѣ лѣса, куда мальчики отправились на ночь съ лошадьми, слышались долетавшіе изъ села три громкіе голоса—Тенжулькевича, старосты и Илька Тетери.

— Але жъ твій батько найдужче крычыть, говорили товарищи Петруку.

— Дыво! отвѣчалъ тотъ. Бо винъ, бачъ, скилькы улыкивъ мусывъ вперты на едну сосну.

Онъ указалъ на крестьянскій лѣсной участокъ; почти весь онъ былъ вырубленъ, только изрѣдка торчали приземистыя сосны; на каждой изъ нихъ стояло по пять, по шесть ульевъ, изгнанныхъ изъ помѣщичьяго лѣса.

К. М.

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

7.

Повѣрье о цѣлебномъ значеніи змѣи.

Въ „Номоканонѣ сирѣчь законоправильникѣ“, изданномъ Захаріей Копыстенскимъ въ Кіевѣ въ 1624 году, находится любопытное извѣстіе, что украинскія знахарки прикладывали змѣиную кожу къ глазамъ или зубамъ, въ случаѣ нездоровья (*Костомаровъ*, Рус. ист. въ жизнеоп. II, 69). Подобнаго рода повѣрья и обычаи существуютъ и въ настоящее время въ Малороссіи. Такъ, я слышалъ въ Харьковѣ, что лучшее средство отъ лихорадки состоитъ въ подкуриваніи больнаго летучей мышью, ляновищемъ (т. е. сброшенной кожей) змѣи и ремезовымъ гнѣздомъ. Стоитъ хотя небольшими кусочками этихъ предметовъ подкурить больнаго, и болѣзнь какъ рукой сниметъ. Это сложное средство иногда значительно упрощается. Такъ. въ винницкомъ уѣзда больнаго лихорадкой подкуриваютъ засушенной лягушкой (*Чубинскій*, Труды I, 118); въ другихъ мѣстахъ засушенной змѣей.

Въ частности заслуживаетъ вниманія еще встрѣчающееся въ Малороссіи повѣрье объ особенно цѣлебномъ значеніи головки змѣи. Иногда держатъ въ домѣ какую нибудь косточку или раковинку, напоминающую по формѣ и величинѣ змѣиную головку, какъ предметъ, приносящій въ домъ здоровье.

Эти повѣрья не представляются исключительно южнорусскими; сходныя черты находятся въ сказкахъ, пѣсняхъ и повѣрьяхъ вели-

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1889 г., № 2 февраль.

корусскихъ, словенскихъ, чешскихъ, болгарскихъ и сербскихъ. Въ былинѣ о Потокѣ, богатырь этотъ, находясь въ могилѣ вмѣстѣ съ своей женой чародѣйкой Авдотьей,

Убиваетъ змѣя лютаго
И ссѣкаетъ ему голову
И тою головою змѣиною
Учалъ тѣло Авдотьино мазати
Втѣпоры она еретица
Изъ мертвыхъ пробуждалася.

Въ народной русской сказкѣ мать видитъ въ лѣсу змѣйку надвое разрубленную, и приползла къ ней большая змѣя съ зеленымъ листкомъ во рту, приложила листокъ къ мертвой змѣйкѣ, и та вмигъ срослась и ожила. Тогда мать подняла этотъ листокъ, приложила къ кровавой ранѣ своего малютки, и ребенокъ въ ту же минуту встрепенулся и вмѣстѣ съ жизнью получилъ непомѣрную, богатырскую силу (*Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр. II. 567).

У словенцовъ существуетъ повѣрье, что вываривъ въ молокѣ бѣлую змѣю и выпивъ это молоко, можно добыть необыкновенную силу. Въ Чехіи стараются убить 23 апрѣля на св. Георгія змѣю и содранную отъ нея шкуру носятъ на шеѣ отъ лихорадки (*Кирпичниковъ* св. Георгій 140). Здѣсь народное повѣрье о цѣлебномъ значеніи змѣи пріурочено къ 23 апрѣля очевидно подъ вліяніемъ художественныхъ и апокрифическихъ преданій о св. Георгіи.

Въ Болгаріи думаютъ, что змѣи весной обладаютъ цѣлебной силою. Въ это время цыгане ловятъ ихъ и продаютъ живыми на рынкѣ (*Народы Турціи* II, 147).

У Караджича и Березина находятся извѣстія о сербскихъ повѣрьяхъ этого рода. Березинъ въ статьѣ о религіозно-миѳическихъ вѣрованія южныхъ австрійскихъ славянъ сообщаетъ мало-вѣроятное извѣстіе, будто въ дубровническомъ округѣ сохранилось имя древнегреческаго бога врачеванія Эскулапа въ связи съ одной пещерой. Въ этой сталактитовой пещерѣ находится озеро, водой котораго пользуются противъ злокачественной лихорадки. По мнѣнію австрійскихъ сербовъ, змѣй научилъ людей врачеванію; змѣи обладаютъ знаніемъ цѣлебныхъ травъ (*Знаніе* 1877. IV, 80).

Нѣкоторымъ травамъ приписывается въ Малой и Великой Россіи цѣлебное значеніе по отношенію ихъ къ змѣѣ: гадючій просурень, змѣиная трава, змѣевыя головки.

Допуская существованіе у всѣхъ арійскихъ народовъ, въ томъ числѣ и у славянъ, змѣинаго культа, повидимому, первое мѣсто въ развитіи этого культа прійдется отвести грекамъ. Древніе греки питали уваженіе къ ящерицамъ, змѣямъ, мышамъ и т. п. животнымъ, находящимся въ близкой связи съ землей, матерью всего живущаго. Существовало повѣрье, что земля родитъ гадовъ и червей, и потому змѣи считались дочерями земли, потомъ символами ея. Змѣй помѣщали въ храмахъ Аполлона и Аскленія. Въ эпоху упадка въ аполлоновомъ храмѣ въ Эпирѣ были вѣщія змѣи и предсказанія дѣлались на основаніи ихъ аппетита (*Буше-Леклеркъ*, Изъ ист. культ. I, 121). Аскленій изображался съ жезломъ, обвитымъ змѣею. Сынъ Аполлона, богъ врачества и цѣлитель болѣзней Эскулапъ обладалъ силою молодить старыхъ и воскрешать мертвыхъ. Такому искусству его научили змѣи. Однажды обвилась змѣя вокругъ его посоха. Аскленій убилъ ее; но выползла другая змѣя, держа во рту невѣдомую травку, прикосновеніемъ которой и воскресила убитую. Римляне приняли отъ грековъ вѣрованія въ Асклепія. Во время республики, чтобы отвратить моровую язву, римляне отправили въ Эпидавръ пословъ за изображеніемъ Эскулапа. Послы возвратились и привезли ужа, который самъ вползъ на ихъ корабль и въ которомъ римляне признали воплощеннаго бога. Тамъ, гдѣ привезенный ужъ вышелъ на берегъ, былъ построенъ храмъ Эскулапу. (*Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр. II, 566).

Классическія представленія о цѣлебной змѣѣ, какъ воплощеніи Эскулапа, могли оказать вліяніе на славянскія повѣрья о змѣѣ, усилить ихъ новыми чертами и подробностями. Процессъ такого усиленія могъ совершаться частью посредствомъ устныхъ сказаній и преданій, преимущественно при посредствѣ литературнаго воздѣйствія лѣчебниковъ, травниковъ и зелейниковъ, въ которыхъ, между прочимъ, встрѣчаются змѣиная шкура, змѣиная головка и змѣиныя травки, какъ лечебныя средства. Въ одномъ старинномъ лѣчебникѣ о травѣ попуткѣ говорится: „сказывалъ де виницеянинъ, торговый человѣкъ; лучилось ему дорогою ѣхати съ товары на возѣхъ тяжелыхъ, и змѣя де лежитъ на дорогѣ, и черезъ нее перешелъ возъ, и тутъ ее за-

терло, и она де умерла. И другая змія пришла и принесла во рту припутникъ да на ее возложила, и змія де ожила и поползла“ (*Буслаевъ*, Ист. христ. 1351).

Зоологи полагаютъ, что бурый полозъ (Elaphis flavescens) изъ породы большихъ безвредныхъ ужей былъ посвященъ Асклепію и въ среднюю Европу занесенъ римлянами, при чемъ въ Европѣ змѣя эта оселилась вблизи купаленъ Эмса и Шлангенбада, въ мѣстностяхъ древнихъ римскихъ колоній. Въ другихъ мѣстахъ Европы бурый полозъ встрѣчается рѣдко. (*Бремъ*, V. 219). Если римляне занесли въ среднюю Европу священныхъ змѣй Асклепія, то тѣмъ скорѣе и болѣе могли они занести и распространить сказанія объ ихъ цѣлебномъ значеніи, какія сказанія проникли впослѣдствіи въ эпическую поэзію, лѣчебники и повѣрья.

8.

Мелюзины

Въ проскуровскомъ уѣздѣ подольской губерніи крестьяне вѣрятъ, что въ морѣ находятся странныя существа, полурыбы, полуженщины: голова, руки и брюхо женскія, а вмѣсто ногъ рыбій хвостъ. Называются они Мелюзины. Онѣ обладаютъ такимъ прекраснымъ голосомъ, что когда онѣ поютъ, море перестаетъ волноваться и человѣкъ можетъ заслушаться на вѣки (*Чубинскій* I. 209). Въ восточной Малороссіи также встрѣчаются подобнаго рода разсказы; только мнѣ не приходилось слышать, чтобы здѣсь, напр. въ харьк. губ., морскіе люди назывались Мелюзинами. Въ купянскомъ уѣздѣ ихъ называютъ фаляронами (*Харьк. Сб.* 1888, 90). очевидно, отъ слова фараонъ.

Въ народномъ сказаніи о Мелюзинахъ, какъ ни мало оно по величинѣ, слились два элемента—апокрифъ о переходѣ Моисея черезъ Чермное море и западно-европейская повѣсть о Мелюзинѣ.

Въ апокрифическомъ сказаніи о переходѣ Чермнаго моря: „люди фараоновы обратишася рыбами; у тѣхъ рыбъ главы человѣческія, а тулова нѣтъ; токмо едина глава; а зубы и носъ человѣчь; а гдѣ уши тутъ перье, а гдѣ потылица тутъ хвостъ, а не ястъ ихъ никтоже. И кони и оружія обратишася рыбами, а на конскихъ рыбахъ

шерсть конская, а кожа на нихъ толста на перстъ; ловятъ ихъ и кожи съ нихъ снимаютъ, а тѣло мечутъ; а въ кожахъ переды и подошвы шьютъ; воды тѣ кожи не терпятъ и въ сухо носко на годъ станутъ" (*Пыпинъ*, Памят. ст. р. лит. III. 50). Это апокрифическое сказаніе проникло въ южнорусскій народъ, должно быть, въ давнее еще время, и къ нему впослѣдствіе въ западной Малороссіи пристало кое что изъ европейскихъ сказаній и повѣстей о Мелюзинѣ и преждѣ всего самое названіе этой феи примкнуло къ апокрифу.

Романъ о Мелюзинѣ возникъ изъ французскихъ народныхъ повѣрій о феяхъ. Въ этомъ романѣ говорится, что волшебница Мелюзина вышла замужъ за графа Раймунда, съ условіемъ, чтобы онъ не искалъ ее по субботамъ, когда она совершала омовенія, во время которыхъ обращалась въ полуженщину полузмѣю. Сначала все шло превосходно, Мелюзина подарила Раймунду 10 сыновей и содѣйствовала построенію великолѣпныхъ замковъ (Лузиньянъ, Ларошель и др.) Братъ Раймунда поселилъ въ немъ подозрѣнія въ невѣрности жены, и однажды Раймундъ въ субботу вошелъ въ зданіе, гдѣ купалась Мелюзина. Съ крикомъ горести и отчаянія, она скрылась изъ его глазъ, а вмѣстѣ съ нею исчезли всѣ его удачи и прахомъ пошло все его богатство (*Simrok*, Die d. Volksbuch VI, 1—119). Первая редакція романа о Мелюзинѣ появилась во Франціи въ 1389 г.; въ нѣмецкой литературѣ романъ этотъ появился впервые въ 1474 г. и удержался до сихъ поръ въ числѣ народныхъ книгъ. Отъ нѣмцевъ романъ о Мелюзинѣ перешелъ въ литературу чешскую, польскую (въ 1569 г.) и русскую (въ 1677 г.) (см. *Пыпина*, Очеркъ лит. ист. 232). Въ западную Украину Мелюзина проникла м. б. изъ польскихъ а м. б. изъ нѣмецкихъ народныхъ пересказовъ романа.

У латышей курляндской губ. записана сказка о морскихъ людяхъ (см. *Вс. Миллеръ*, Сборн. матер. по этногр. II. 44), построенная также на апокрифѣ о переходѣ евреевъ черезъ Чермное море, почти буквально сходная съ малорусскимъ сказаніемъ о фаляронахъ.

9.

Грабуванне.

Въ Русской Правдѣ „розграбежь“ (разграбленіе) есть родъ взысканія съ имущества за преступленія, какъ разбой, поджогъ, сопряженныя съ имущественнымъ убыткомъ для пострадавшихъ (*Потебня*, Колядки, 497).

Въ Малороссіи этотъ древній обычай долгое время сохранялся; въ восточной Малороссіи сохранился до настоящаго времени, съ тѣмъ же самимъ терминомъ разграбежа или грабування. Въ „Основѣ“ 1862 г. былъ указанъ любопытный южнорусскій обычай грабування. Обычай этотъ состоитъ въ томъ, что „самъ кредиторъ беретъ во дворѣ должника или въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ его вещь и уноситъ ее въ себѣ. Въ началѣ XVIII вѣка этотъ способъ взысканія долговъ находилъ освященіе и со стороны мѣстной правительственной власти. Такъ, гетманъ Мазепа въ 1703 году предоставилъ одному лицу право грабувать своихъ неисправныхъ должниковъ и „грабежей не ворочать до выкупленія ихъ“. Въ одной волости въ Малороссіи еще нѣсколько лѣтъ назадъ существовалъ обычай грабить, т. е. забирать у неплательщика податей вещи и держать ихъ въ волостномъ управленіи до уплаты податей. За самовольное примѣненіе этого обычая къ частному долгу виновный наказанъ былъ розгами (*Кулишеръ*, Очерки сравн. этногр. 260).

Донынѣ въ восточной Малороссіи „грабижъ“ есть названіе законнаго взысканія съ имущества, напр., взысканіе недоимокъ, если при этомъ описывается и продается имущество, такъ что напр. нѣтъ порицанія въ выраженіи: „на праву середу (преполовеніе) прыиздывъ становый грабыть“, т. е. по круговой порукѣ взыскивать съ исправныхъ плательщиковъ за неисправныхъ (*Потебня*, Колядки, 497).

Обычай „править“ и „грабувать“ за долги существуетъ въ настоящее время въ весьма первобытной формѣ, между прочимъ, въ Африкѣ на Золотомъ берегу. Для того, чтобы побудить должника изъ другаго племени къ уплатѣ долга, кредиторъ забираетъ у него насильно рабовъ, родственниковъ и все то, что можно добыть изъ его движимаго имущества. Такой образъ дѣйствія кредитора иногда приводитъ ко всеобщей войнѣ. Малорусскій обычай, разу-

мѣется, значительно мягче африканскаго, какъ слабый остатокъ древняго быта. Самовольное забираніе движимаго имущества должника въ видѣ залога до уплаты, такъ называемое Pfandnahme или просто Nâma существовало и въ другихъ европейскихъ странахъ, между прочимъ, и въ средневѣковыхъ городахъ (*Кулишеръ*, 262).

10.

Продолжительность разговоровъ до совершенія торговыхъ сдѣлокъ.

Въ повѣсти „Добре робы, добре и буде“ Г. Ѳ. Квитка отмѣтилъ слѣдующую любопытную черту народныхъ нравовъ. „Вы паны, говоритъ главное дѣйствующее лицо въ этой повѣсти Тихонъ Брусъ правительственному коммиссару, и все хочете по паньски робыты. Вы якъ торгуетесь, то мовъ приказуете, щобъ уси зналы, що вы суть панъ; а мы просымо та просымо, та молымо, и за тимъ рублемъ, або за копою, та мы и день лишній живемо, и лишню чарку пьемо, и все робымо, якъ бы пидлестытысь, та хоть що небудь выторговаты; бо намъ своей трудовой коцiйки жалко“. Не подлежитъ сомнѣнію, что продолжительность разговоровъ при торговыхъ сдѣлкахъ въ значительной степени обусловливается ограниченностью денежныхъ средствъ крестьянъ, у которыхъ каждая копѣйка на счету; но въ этомъ обычаѣ кроется также характерное культурное переживаніе того древняго быта, при которомъ торговыя сдѣлки происходили исключительно между людьми различныхъ племенъ, незнакомыхъ другъ съ другомъ и даже болѣе того,—враждебныхъ. Нужно было при торговлѣ не только сторговаться въ цѣнѣ, но и ознакомиться съ личностью продавца или покупателя, откуда онъ явился и чѣмъ занимается. Въ торговлѣ русскихъ съ китайцами каждый изъ участвующихъ начинаетъ разговаривать о чемъ нибудь другомъ. Болтаютъ много, выкуриваютъ массу трубокъ, выпиваютъ много чаю и только время отъ времени случайно затрогиваютъ предметъ сдѣлки. Если китайцу приходится заключить сдѣлку съ европейцемъ, то онъ уклоняется отъ рѣшительнаго разговора или совершенно отвиливаетъ или тянетъ такъ долго, что европеецъ становится нетерпѣливымъ.

Одни русскіе, благодаря усвоеннымъ ими пріемамъ торговли, успѣли пріобрѣсть довѣріе китайцевъ; они братаются съ ними. Когда одинъ изъ шафеитовъ (сектанты суннитскаго толка) въ Дамаскѣ входитъ въ лавку другаго, то купецъ и продавецъ усаживаются другъ противъ друга; въ ближайшую кофейню посылаютъ за трубками и двумя чашками кофе; переговоры о дѣлѣ начинаются только со времени появленія трубокъ и кофе и длятся продолжительное время (*Кулишеръ*, Очерки сравн. этногр. 117).

11.

Два слова о церковныхъ и монастырскихъ пасѣкахъ.

Въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ 1880 года проф. А. Г. Зайкевичъ помѣстилъ рядъ статей о моральномъ и экономическомъ значеніи пчеловодства. Въ № 106 находится довольно большая статья „Черты изъ исторіи пчеловодства на югѣ Россіи“. Здѣсь проф. Зайкевичъ говоритъ объ отношеніи пчеловодства къ церкви и бытовой жизни малороссовъ въ старинное время. Заимствуемъ изъ этой статьи любопытныя строки о старинныхъ украинскихъ церковныхъ пасѣкахъ, при чемъ повторяемъ также пожеланіе автора, чтобы обычай устраивать церковныя пасѣки возродился и укрѣпился въ нашей жизни.

Уже въ древности, въ до-монгольской Руси церкви и монастыри владѣли бортневыми угодьями и пасѣками. Князья, устраивая церкви, надѣляли ихъ поземельными участками, „съ бортники, бортневыми землями, съ озеры, и бобры и перевѣсищи“. Обычай дарить въ церкви борти и пасѣки продолжался долго. Кромѣ князей дарили бояре, дѣдичи, паны, козацкіе старшины и простые люди. Такъ возникли церковныя пасѣки, находившіяся въ распоряженіи причта для его нуждъ и для церковныхъ потребностей. Пасѣки эти освобождались отъ налоговъ и даже ханы татарскіе освободили русское духовенство отъ всякихъ медовыхъ даней, чтобы никто не вступалъ въ ихъ угодья и борти. Церковные борти и пасѣки раздѣлили общую участь пчеловодства на югѣ Россіи: къ концу прошлаго столѣтія они начали мало по малу исчезать. Въ описаніяхъ церковныхъ имуществъ, относящихся къ этому времени,

упоминанія о церковныхъ пасѣкахъ рѣдки, или же при перечисленіи имуществъ говорится, что есть борти, но безъ пчелъ, что пчелы вымерли. Замѣчательно, что къ этому же времени относится и исчезновеніе церковныхъ пасѣкъ въ Помераніи, въ прежней землѣ Вендовъ, нынѣ совершенно онѣмеченнаго славянскаго племени, гдѣ также онѣ существовали и гдѣ существовала, какъ у насъ, десятина съ сырыхъ, необработанныхъ продуктовъ пчеловодства, получаемая церквями отъ князей и отъ населенія, сидѣвшаго на церковныхъ оброчныхъ земляхъ. Въ настоящее время еще существуютъ церковныя пасѣки въ с. Климашовкѣ и Зимѣховѣ, ямпольскаго уѣзда, подольской губерніи и с. Сокольникахъ, славяносербскаго уѣзда екатеринославской губерніи, но можно считать, что этотъ прекрасный обычай содержать при церквяхъ пасѣки исчезъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду постепеннаго возрожденія пчеловодства на новыхъ началахъ, не мѣшало бы нашимъ церковнымъ попечительствамъ вспомнить этотъ достойный подражанія обычай предковъ и, вмѣсто того, чтобы нуждаться въ средствахъ или взывать, подчасъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, о матеріальной помощи, возстановить церковныя пасѣки, которыя, будучи устроены на разумныхъ началахъ, могли бы приносить не только значительный доходъ для потребностей церковныхъ, для поддержки сельской школы, для различныхъ дѣлъ благотворительности и прочее, но и служить практической школой для обученія населенія пчеловодству, которое само по себѣ есть дѣло благотворительное и полезное".

Что въ половинѣ прошлаго столѣтія монастырскія начальства заботились о развитіи пчеловодства, видно изъ исторіи Лпиновской Троицкой пустыни бѣлогородской епархіи. Въ 1754 г. эконому Лпиновской пустыни было предписано расширить пасѣку, „ульевъ побольше призапасить и пчелу расплодить" (*Лебедевъ*, Историч. разыск. III. 15). Въ Описной книгѣ зміевскаго Никольскаго Косицкаго монастыря 1702 г. значится, что монастырю принадлежало „въ лѣсу двѣ пасѣки и въ тѣхъ пасѣкахъ пчелки едной пасѣкѣ 150 ульевъ, на другой 100" (*Багалѣй*, Матеріалы, 177).

12.

Церковныя свѣчи домашняго приготовленія.

Продажа восковыхъ свѣчъ издавна составляла регалію церкви и причта. Иногда она служила, какъ средство благотворительности, и разрѣшалась высшимъ духовнымъ начальствомъ, какъ вспомоществованіе священникамъ, вдовамъ и сиротамъ. При церквяхъ, гдѣ существовали братства, свѣчной сборъ поступалъ въ пользу учителей братскихъ школъ. Съ 1808 года свѣчной сборъ былъ сосредоточенъ въ рукахъ центральной духовной власти, и на счетъ его стали содержаться духовныя училища и Святѣйшій Синодъ со всею администраціей духовнаго вѣдомства. Изъ остатковъ свѣчнаго сбора образовался огромный духовно-учебный капиталъ (*Харьк. Вѣд.* 1880 № 106).

Рядомъ съ заводскимъ производствомъ церковныхъ свѣчей издавна шло въ Малороссіи домашнее ихъ приготовленіе, очень скромное по размѣрамъ, но весьма поэтическое и задушевное по внѣшней обрядности и внутреннему религіозному одушевленію. Во многихъ мѣстахъ Малороссіи и Галиціи пчелы разводятся легко и охотно. Большія пасѣки встрѣчаются только у зажиточныхъ крестьянъ; но пасѣкъ небольшихъ отъ 3 до 20 ульевъ громадное количество, и онѣ встрѣчаются у домохозяевъ съ среднимъ достаткомъ и даже бѣдныхъ. Не получая большихъ прибылей отъ маленькой пасѣки, крестьянинъ однако дорожитъ ею, потому что любитъ „божью муху“, потому что и маленькая пасѣка даетъ ему меду „на Спаса“ и воску на благодарственную свѣчу Богу. Крестьянинъ съ большимъ удовольствіемъ несетъ въ церковь свѣчу домашняго приготовленія, изъ чистаго желтаго воска домашнихъ пчелъ. Самое приготовленіе такихъ свѣчей совершается съ благоговѣніемъ. Когда сукаютъ свѣчи Богу, заботятся о чистотѣ работы и матеріала, работаютъ въ извѣстные дни и часы, съ молитвословіями, иногда съ возженнымъ свѣтильникомъ передъ иконой. Воскъ топятъ на припечкѣ или загнѣткѣ и облекаютъ имъ гнотъ; иногда въ воскъ примѣшиваютъ краску, и тогда получаются цвѣтныя свѣчи, или украшаютъ ихъ золотой бумагой. Такое приготовленіе я видѣлъ въ с. Боромлѣ ахтырскаго уѣзда; подобное же приготовленіе восковыхъ свѣчей существуетъ въ

г. Зміевѣ (см. *Южный Край* 1888 № 2580) и въ Галиціи (см. *Зорю* 1886 г. № 11). Вообще, обычай приготовлять церковныя свѣчи изъ домашняго воска исчезаетъ изъ народнаго быта, частью вслѣдствіе упадка пчеловодства, главнымъ образомъ потому, что сельское духовенство и церковные старосты преслѣдуютъ этотъ обычай, какъ убыточный для церковной кассы. Иногда крестьяне покупаютъ на сторонѣ дешевыя парафиновыя и церезиновыя свѣчи, отъ копоти которыхъ портятся церковныя украшенія. Не имѣя ни времени, ни возможности опредѣлять доброкачественность приносимыхъ въ церковь свѣчей, церковное начальство огуломъ ихъ преслѣдуетъ, иногда въ слишкомъ рѣзкой формѣ. Въ „Южномъ Краѣ“ 1888 г. № 2580 было напечатано слѣдующее сѣтованіе какого то благочестиваго селянина: „Съ благоговѣніемъ входитъ христіанинъ въ домъ Божій, держа въ рукѣ свою свѣчку, осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ, поклоняется передъ образомъ и возжигаетъ свѣчу, радуясь въ простотѣ сердечной, что несетъ свою посильную лепту. Но вдругъ, не успѣлъ онъ отнять руки отъ зажженой свѣчи, какъ видитъ, что она изломана, исковеркана; жертва его отвергнута. И слышитъ онъ слова негодованія за то, что онъ дѣлаетъ съ благоговѣніемъ, — порицаніе того, что онъ считалъ священнымъ“.

13.

Цвѣтные кафельные изразцы.

Въ старинное время въ Малороссіи процвѣтало кафельное художество. На изразцахъ воспроизводились сцены изъ окружающей или минувшей жизни. „Представьте себѣ, писалъ Ѳ. Г. Лебединцевъ въ „Кіев. Старинѣ“ 1883 (I. 4), что въ какой нибудь свѣтлицѣ или горницѣ давняго времени, которыя равнозначущи были нашимъ заламъ и гостинымъ, выступала далеко отъ стѣны огромныхъ размѣровъ печь, а по ней всюду, сверху и до низу, съ фронта и съ боковъ сцены то близко знакомой боевой жизни и даже недавно оконченной компаніи, то будничной трудовой, то буколическая картинка желающей схватить гусенка „шулики“, сычащей гусыни, сочувствующей и старающейся помочь ей собаченки, то иронія надъ

праздностью городской барышни или женщины, пускающей птицу изъ рукъ, то тяжелыя сцены мужа, цѣномъ поучающаго свою жену, или борьбы человѣка съ сильными звѣрями и чудовищами, то самое чудовище невиданное и неслыханное, то видѣнныя когда то въ далекихъ краяхъ птицы и животныя, то легендарная Осавуръ--могила и печальная на ней кончина козака, не достигшаго родины, то забавныя сцены разгульной жизни, то противоположныя имъ сцены изъ св. исторіи,—и каждая изъ нихъ наводитъ на ту или другую мысль, пробуждаетъ то или иное воспоминаніе, возвышаетъ и оживляетъ духъ, или вторитъ настроенію данной минуты одиночнаго наблюдателя или цѣлой, весело либо грустно и набожно настроенной компаніи. Только сообразивъ все указанное, мы поймемъ, какое широкое жизненное значеніе имѣла эта кафельная книга, какъ много она отъ самихъ авторовъ ея требовала развитія, наблюдательности и сообразительности".

Трудно сказать, какъ рано появилось въ Малороссіи кафельное искусство. Въ XVII ст. оно уже находилось на высокой степени развитія. Павелъ Алеппскій, бывшій въ Кіевѣ въ 1653 г., говоритъ, что кельи монаховъ въ Печерскомъ монастырѣ отоплялись и каминами, сложенными изъ цвѣтныхъ изразцовъ (*Сборн.* матер. по историч. топогр. Кіева, 58). Еще недавно цвѣтныя изразцовыя печи часто встрѣчались въ домахъ дворянъ и мѣщанъ харьковской губерніи; но затѣмъ бѣлая заводская кафля мало по малу вытѣснила цвѣтную кафлю кустарнаго гончарнаго производства, и теперь цвѣтную изразцовую печь изрѣдка можно встрѣтить въ домахъ мелкопомѣстныхъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ и мѣщанъ. Чаще такого рода печи встрѣчаются въ Галиціи, гдѣ, по словамъ І. О—аго (въ *Кіев. Стар.* 1883, II. 473), гончарное искусство достигло высокой степени развитія относительно подбора красокъ, изящества поливы, правильности и оригинальности узоровъ.

14.

Къ исторіи южнорусской иконописи.

Въ то время, когда сѣверноруссніе иконописные пріемы обстоятельно изучены, всѣ выдающіеся памятники иконописи московской,

владимірской, новгородской собраны и изслѣдованы, иконопись южнорусская, къ сожалѣнію, остается до сихъ поръ въ тѣни, не обслѣдована, и образцы ея разбросаны въ малоизвѣстныхъ и трудно доступныхъ общественныхъ и частныхъ музеяхъ или въ сельскихъ церквяхъ, иногда въ забросѣ въ притворѣ или гдѣ нибудь въ темномъ углу. А между тѣмъ, остатки южнорусской иконописи заслуживаютъ полнаго вниманія съ разныхъ точекъ зрѣнія,—этнографической, церковно-исторической, историко-художественной и историко-литературной, тѣмъ болѣе, что въ старинной малорусской иконописи обнаружилась своеобразная струя народнаго художественнаго творчества. Получая въ древнее время иконы изъ Цареграда (*Аристовъ*, Промышл. др. Руси, 185), южнорусскій народъ воспользовался ими, какъ образцомъ иконописанія; но съ теченіемъ времени, по любви къ родной землѣ, къ „маткѣ своей Малой Россіи“ (*Сам. Величко*, Лѣтоп. 1, 98, 36), онъ въ свои иконописныя попытки внесъ черты своего быта и наружности. Съ другой стороны, въ XVI—XVIII ст. стали проникать западно-европейскія художественныя вліянія, преимущественно италіанскіе мотивы, въ изображеніи священныхъ лицъ и событій. Подъ благотворнымъ вліяніемъ византійскаго искусства и, главное въ силу врожденнаго чувства красоты, столь превосходно выразившагося въ думахъ, южнорусскіе художники настолько развили искусство иконописанія, что произведенія ихъ кисти мало того, что удовлетворяли религіозно-нравственнымъ потребностямъ ихъ земляковъ, но проникли даже въ католическіе храмы на духовную потребу гордой шляхты. Недавно, при передѣлкѣ ягеллонской каплицы въ Краковѣ на стѣнкѣ открыты были фрески, рисованныя русскимъ художникомъ, съ мотивами, совершенно чуждыми латинской церкви. Оказывается, что Ягелло, врагъ Руси и православія, украсилъ свою часовню восточнымъ орнаментомъ, произведеніемъ кисти русскаго художника. На фрескахъ изображены: Рождество, Христосъ въ саду, разговоръ Христа съ фарисеемъ, дорога на Голгофу, Христосъ передъ Пилатомъ, смерть Христа, Воскресеніе, Благовѣщеніе, Успеніе Дѣвы Маріи. Изображеніе Рождества Христова построено на апокрифическихъ мотивахъ: Христосъ лежитъ въ ясляхъ; на него дышутъ волъ и оселъ. Пр. Дѣва Марія лежитъ на постели; возлѣ Нея женщина. На другой фрескѣ Младенца Христа купаютъ. Успе-

ніе Богородицы, принятое въ западной иконописи до XV ст., а въ восточной иконописи сохранившееся до нынѣ, изображено такимъ образомъ: Пр. Дѣва Марія лежитъ, окруженная апостолами. Христосъ въ сонмѣ ангеловъ сходитъ съ неба и принимаетъ душу пречистой своей Матери, изображенную въ видѣ ребенка. Какой то невѣра хочетъ дотронуться до тѣла Богоматери; но архангелъ Михаилъ отрубываетъ ему руку. На заднемъ планѣ ангелы уносятъ апостоловъ, и между ними стоитъ Богородица. На землѣ множество народа, епископовъ, королей; внизу видъ города. По словамъ краковскихъ ученыхъ, „рисунокъ сильный и правильный; композиція смѣлая; лица изображены правильно и живо, что въ совокупности ставитъ эти фрески въ рядъ самыхъ знаменитыхъ памятниковъ искусства времени, предшествовавшаго художественной дѣятельности Массачіо во Флоренціи и братьевъ Ванъ-Эйковъ въ Бриггенѣ“ (*Зоря*, 1885, № 21).

Въ числѣ иконъ мѣстной южнорусской работы встрѣчались настолько художественныя, что вызывали похвалы со стороны образованныхъ грековъ, посѣщавшихъ Русь. Такъ, Павелъ Алепскій, бывшій въ Малороссіи въ половинѣ семнадцатаго вѣка, проѣздомъ въ Москву, съ большой похвалой отзывается о живописи одной видѣнной имъ въ Малороссіи иконы (*Сборн.* матер. по ист. топогр. Кіева, 60).

На многихъ иконахъ отразились черты южнорусскаго быта. Такъ, на рогатинскомъ иконостасѣ, находившемся на археологической выставкѣ въ Львовѣ въ 1885 г., лица ветхозавѣтной исторіи изображены въ малорусскихъ костюмахъ XVII в. На иконѣ, изображающей пребываніе трехъ ангеловъ у Авраама, скатерти, посуда, кушанья и напитки взяты изъ жизни русскаго народа XVII вѣка. Рогатинскій иконостасъ рисованъ въ 1649 (*Зоря*, 1885, № 21). Въ особенности много національныхъ бытовыхъ чертъ на запорожскихъ иконахъ. Такъ, въ Никополѣ находится старинная запорожская икона Покрова Богоматери слѣдующаго содержанія: на липовой доскѣ въ три четверти длины и въ двѣ ширины изображены Богоматерь, Николай чудотворецъ и архистратигъ Михаилъ, а ниже ихъ представлены запорожцы въ полномъ вооруженіи, въ сапогахъ, широкихъ шароварахъ, въ кунтушахъ, подпоясанныхъ зелеными поясами съ открытыми, гладко выбритыми головами. Они стоятъ внизу

иконы, на краяхъ, а въ серединѣ знамена и вся козацкая арматура. Отъ козака, стоящаго на переднемъ планѣ съ правой стороны, протянута вверхъ, въ видѣ узкой ленточки, почти къ самому уху Богоматери, надпись: „Молимся, покрый насъ честнымъ твоимъ покровомъ, избави отъ всякаго зла". Нѣсколько выше этой надписи сдѣлана другая: „Избавлю и покрыю люди моя". По преданію, эта икона изображаетъ кошеваго П. И. Калнишевскаго съ товариществомъ (*Эварницкій*, Запорожье, II, 51, съ рисункомъ иконы). Въ церкви села Покровскаго хранится икона Богоматери слѣдующаго содержанія: Богоматерь распростерла руки, а у ногъ ея стоятъ на колѣняхъ на первомъ планѣ архіерей, а на второмъ—запорожцы, безъ шапокъ, съ бритыми головами, на которыхъ виднѣются чубы (Ib. II, 193, съ рисункомъ).

Въ самарскомъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ также находится икона съ запорожскими фигурами. На полотнѣ, вставленномъ въ деревянную раму, высоты 20, ширины 15 вершковъ, изображенъ Господь Вседержитель въ высокой тіарѣ на головѣ, въ пурпурной мантіи на плечахъ, со скипетромъ въ правой рукѣ и державнымъ яблокомъ въ лѣвой. На немъ изображенъ лѣсъ и посреди лѣса озеро, изъ озера течетъ рѣчка; черезъ рѣчку переброшенъ мостикъ, и на всемъ этомъ ландшафтѣ три фигуры запорожцевъ, изъ коихъ одинъ стоитъ у моста и удитъ рыбу, другой стоитъ въ камышѣ и цѣлится въ плавающихъ по рѣкѣ утокъ, а третій сидитъ у казанка, повѣшеннаго на треножникѣ, и варитъ кашу. Около запорожцевъ стоитъ чумацкій возъ, а около рѣчки видна одномачтовая козацкая чайка. Мысль, вложенная художникомъ въ икону, очевидна: Богъ любитъ запорожцевъ и покровительствуетъ всѣмъ ихъ занятіямъ, отчего и держитъ въ своемъ державномъ яблокѣ (Ibid. I, 87). Въ одномъ письмѣ ко мнѣ покойный Ѳ. Г. Лебединцевъ писалъ о привезенной въ Кіевъ малорусской иконѣ начала прошлаго вѣка, на которой, между прочимъ, изображены въ числѣ молящихся нѣсколько козаковъ изъ старшины и жены ихъ, въ національныхъ костюмахъ того времени.

Въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи, между прочимъ, находится небольшая икона Богоматери,

на которой пресв. Дѣва Марія изображена въ видѣ красивой малорусской дѣвушки, въ малорусской одеждѣ и съ монистами на шеѣ. Своеобразныя произведенія южнорусской иконописи находятся еще въ христіанскомъ музеѣ академіи художествъ и въ коллекціяхъ Тарновскаго и Кибальчича (*Новое Время*, 1882, № 2445).

Особенно оригинальными подробностями отличаются южнорусскія изображенія страшнаго суда. Церковно-археологическій музей при кіевской духовной академіи имѣетъ три любопытныхъ памятника этого рода церковной живописи. Первая картина на холстѣ, вышиною $3^3/_4$ аршина, шириною 4 арш., доставлена изъ черкасскаго уѣзда кіевской губерніи. Въ нижней части картины, въ аду, находятся, между прочими, ткачъ съ клубками нитокъ, лихварь съ веревкою черезъ плечо, на которой висятъ кошели съ деньгами, пьяница и вѣдьма. Другая икона на деревѣ XVII вѣка изъ Кіево-Златоверхо-Михайловскаго монастыря имѣетъ въ аду въ числѣ грѣшниковъ магометанъ въ навояхъ, ляховъ въ манжетахъ, евреевъ, вельможъ, монаховъ, архіереевъ. Но высшую степень оригинальности представляетъ третья картина суда на полотнѣ XVIII в. Въ ряду многочисленныхъ изображеній выдаются: женщина на постели подъ краснымъ одѣяломъ, а у ногъ ея стоитъ бѣсъ: это, какъ объясняетъ надпись, лѣнивцы до церкви; судья ѣдетъ въ адъ въ колискѣ, въ которую впряжены два дьявола, третій дьяволъ исполняетъ роль кучера и четвертый — лакея позади коляски; вѣдьма съ деревянной шайкой, въ которой она приготовляла зелье; наложница съ змѣями на лицѣ и на груди; чаровникъ съ змѣемъ и стклянкою; колдунья, заламывающая жито; воръ, крадшій снопы; портной съ аршиномъ въ рукѣ, ножницами и кусками красной матеріи; сапожникъ съ сапогомъ въ рукахъ; ткачъ съ клубками нитокъ; мельникъ съ жерновомъ. Нѣсколько ниже изображена веселая забава: молодой мужчина танцуетъ съ женщиной; подлѣ нихъ музыкантъ, играющій на скрипкѣ, два бѣса поощряютъ эту забаву. Далѣе слѣдуетъ грѣшница дѣтоубійца, „та що дѣти тратила“: демонъ показываетъ ей умерщвленнаго ребенка. Грѣшникъ пчелокрадъ—„пчоли краде“: изображено дерево, съ ульемъ наверху; вокругъ него летаютъ испуганныя пчелы; воръ въ кафтанѣ и лаптяхъ вынимаетъ изъ улья медъ, а стоящій сзади дьяволъ ободряетъ его. Кумъ и кума пируютъ на тележкѣ, которую

везетъ дьяволъ; у кума въ рукахъ фляжка, у кумы рюмка. „Безъ сомнѣнія, замѣчаетъ г. Покровскій, эти вѣдьма и закрутка, лихварь въ образѣ еврея, портной, сапожникъ и мельникъ, представители промышленности, съ которыми чаще всего приходится имѣть дѣло простолюдину, явились здѣсь не случайно, но отразили въ себѣ недуги данной мѣстности. Въ этихъ подробностяхъ нельзя не видѣть свободнаго отношенія художника къ своей задачѣ, стремленія замѣнить условную схему живыми образцами, взятыми съ натуры, и съ этой стороны указанныя картины суда, помимо своего художественнаго значенія, представляютъ нѣкоторый интересъ этнографическихъ характеристикъ“ (*Покровскій*, Труды одес. археол. съѣзда III, 327).

По свидѣтельству Ѳ. Г. Лебединцева, въ правобережной Украинѣ еще недавно на картинахъ страшнаго суда можно было видѣть, напримѣръ, позади всѣхъ грѣшниковъ изъ простолюдья, подъ охраной чертей пѣшкомъ направлявшихся въ адъ, съ комфортомъ ѣдущаго въ наточанкѣ, цугомъ—на четверкѣ или шестеркѣ чертей, пана эконома или поссесора, съ бичемъ у черта—кучера въ рукахъ, съ трубкой у самаго пана въ зубахъ и съ подписью choć do piekła, ale z fajką, или же на днѣ ада, въ образѣ сребролюбца Іуды, какого нибудь корчмаря, поссесора и даже столоначальника духовнаго правленія (*Лебед.*, въ Кіев. Стар. 1883, I, 4).

Картина страшнаго суда встрѣчается въ настоящее время въ монастыряхъ, напримѣръ, въ Куряжскомъ монастырѣ, при входѣ въ монастырь подъ колокольней, на одной стѣнкѣ изображены праведники—все монахи, на другой грѣшники, въ огнѣ, охваченные большой змѣей, имѣющей на своихъ кольцахъ надписи грѣховъ, что обычно на картинахъ страшнаго суда, начиная съ XVI вѣка.

Картина страшнаго суда съ бытовыми подробностями въ послѣднее время стала весьма распространенной среди лубочныхъ изданій. Въ разсказѣ Павла Шулики „Де найшовъ—де загубывъ“ отмѣчена, между прочимъ, слѣдующая лубочная картина въ крестьянской избѣ: „На здоровому лысту намалеваный змій... Повывся той змій высоко, высоко, а по ему йдутъ душы праведни до Господа мылосердного на вичну радисть, который у раи трапезуе зъ ангелами. Унызу жъ превелыкого змія рознята пасть съ зубамы, а въ пасти палае велыке поломья, а въ тимъ поломьи сыдыть самъ батько всихъ грихивъ

сатана, а у ёго на колинахъ Юда зъ гаманцемъ, що продавъ Хрыста и привытае тихъ, що йдутъ у те полумья превелыкымъ ланцугомъ зачеплени душы гришни по чынахъ, якъ и на симъ свити: попереду рушають архіереи, а тамъ попы, ченци, генералы, судди, купцы, шинкары, дали вже и наши братчыкы, и симъ то ланцюгомъ тягне цилый табунъ чортивъ, а позаду превелыкою ломакою намыряется буцимъ быты по потылыци, щобъ не зупынялысь" (*Основа* 1862, IV, 80).

Свѣдѣнія о старинныхъ малорусскихъ иконахъ разбросаны въ историко-статистическихъ описаніяхъ епархій харьковской и черниговской преосв. Филарета и въ Ист.-стат. опис. екатеринославской епархіи преосв. Ѳеодосія, но свѣдѣнія скудныя, малочисленныя. Можетъ быть, почтенные архипастыри, собиравшіе свѣдѣнія отъ сельскихъ священниковъ, находили неудобнымъ упоминать о существованіи нѣкоторыхъ иконъ съ чертами свѣтскаго характера, съ мелкими бытовыми подробностями. Изъ свѣдѣній о памятникахъ русскаго искусства и древностей, доставленныхъ въ 1887 г. въ харьк. губ. статист. комитетъ священниками харьковской епархіи, видно, что въ с. Водяномъ зміев. у. имѣется деревянная церковь съ замѣчательнымъ иконостасомъ XVII ст. Въ с. Ольшанѣ харьк. у. сохранились древнія иконы Спасителя, Богородицы, св. Николая и св. Варвары, принесенныя первыми поселянцами изъ за Днѣпра въ 1650 г. Въ соборной церкви г. Лебедина хранится образъ св. Николая весьма художественной отдѣлки и ликъ Спасителя, едва замѣтный, древней живописи, весьма искусно выполненный въ византійскомъ вкусѣ (*Багалѣй*, Археол. замѣтки о харьк. губ. 13).

У частныхъ лицъ, полагаю, немало еще хранится старинныхъ малорусскихъ иконъ. Такъ, въ слободѣ Боромлѣ въ моемъ домѣ находится большая икона Mater dolorosa прошлаго столѣтія, работы какого то мѣстнаго художника. Богородица стоитъ съ сложенными на груди руками, и къ сердцу ея направляются стрѣлы; съ правой стороны—стоитъ ангелъ и съ лѣвой—ангелъ; они держатъ въ рукахъ свитки, на которыхъ начертаны изреченія изъ св. Писанія.

Иконописаніе сохранилось въ с. Борисовкѣ грайворонскаго уѣзда, въ смыслѣ кустарнаго промысла. Изготовляемыя здѣсь иконы развозятся по всей южной Россіи и проникаютъ въ Сербію и Болгарію.

Извѣстный въ исторіи живописи Боровиковскій учился живописи въ с. Борисовкѣ. Квитка-Основьяненко въ одной своей повѣсти замѣчаетъ, что здѣсь, въ Борисовкѣ „найлучши богомазы, иконописцы и усяки маляры". Въ исторіи борисовской иконописи указываютъ еще на слѣдующее сѣверноруссное вліяніе: знаменитый сподвижникъ Петра Великаго Б. П. Шереметьевъ основалъ въ 1714 г. Борисовскій женскій монастырь и для исполненія иконописныхъ работъ въ монастырскихъ храмахъ вызвалъ изъ Петербурга мастера живописца Игнатьева, который и содѣйствовалъ обученію борисовскихъ жителей иконописному мастерству (*Доброт.*, Куст. пром. курск. губ.). Повидимому, трудъ Игнатьева упалъ на подготовленную уже почву, и успѣшное развитіе борисовскаго иконописанія обусловлено было художественными наклонностями мѣстнаго украинскаго населенія и существованіемъ среди него издавна искусныхъ маляровъ. И въ Харьковѣ еще недавно среди мѣстныхъ мѣщанъ малороссовъ встрѣчались искусные иконописцы, работавшіе дешево и хорошо, напримѣръ Баско.

Священникъ Никоновъ въ статьѣ о бытѣ и хозяйствѣ малороссовъ въ воронежской губерніи, напечатанной въ Трудахъ Вольно-Эконом. общества, говоритъ, что многіе малороссіяне въ воронеж. губ., начавъ малярствомъ, достигли потомъ значительныхъ успѣховъ въ живописи. Заѣзжіе и туземные иконописные мастера нерѣдко принимаютъ ихъ въ свои артели и даютъ хорошія цѣны; много есть также туземныхъ хорошихъ алфрейщиковъ; слобода Алексѣевка особенно богата такими художниками, какъ Бутурлиновка мастерами золотыхъ дѣлъ (стр. 330).

Живое религіозное чувство малоросса ищетъ выхода въ иконописи. По словамъ авторитетнаго въ данномъ случаѣ свидѣтеля свящ. Никонова: „малороссъ.... приверженъ ко всему священному и церковному; въ частности въ церквяхъ онъ любитъ видѣть какъ можно болѣе иконъ, особенно ярко написанныхъ, любитъ образное представленіе всей священной исторіи и евангельской нравственности; потому, чѣмъ болѣе стѣны церковныя (кромѣ иконописи) разукрашены всевозможными картинами, тѣмъ охотнѣе онъ входитъ въ такую церковь, тѣмъ теплѣе молится. Вслѣдствіе этого малороссъ—маляръ съ раннихъ поръ пускается въ живопись священно-историческую;

сначала копируетъ съ какихъ нибудь оригиналовъ, потомъ, желая пустить въ ходъ порожденія собственнаго воображенія, начинаетъ сочинять. Сперва онъ даритъ свои произведенія знакомымъ и жертвуетъ въ приходскую церковь; отъ дара и отъ жертвы, приносимой съ видимымъ усердіемъ, было бы грѣшно отказаться; а затѣмъ для этихъ самородныхъ произведеній находятся и покупатели"...

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

РУССКІЯ КОЛОНІИ ВЪ ДОБРУДЖѢ.[1]

(ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

(*Окончаніе*).

III.

Общественная организація.—Громада.—Церковь.—Монастыри въ Чиликѣ.—Школа, грамотность, народная словесность. — Новая эмиграція изъ Россіи. — Заключеніе.

Общественная организація украинскихъ переселенцевъ въ Добруджѣ складывалась прежде всего, разумѣется, по типамъ, перенесеннымъ изъ Украины. Первые переселенцы—запорожцы основались въ Добруджѣ, какъ извѣстно, на тѣхъ же началахъ, на которыхъ существовала и приднѣпровская Сѣчь, т. е. образовали собой группу совершенно самостоятельныхъ какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ смыслѣ рыболовныхъ общинъ, соединенныхъ вмѣстѣ на федеративныхъ, главнымъ образомъ военныхъ, основаніяхъ. Какъ въ административномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ, каждый курень представлялъ собою отдѣльную самоуправлявшуюся общину съ своимъ отдѣльнымъ общественнымъ хозяйствомъ, заключавшимся главнымъ образомъ въ общинныхъ рыболовныхъ заводахъ, и съ самостоятельно избиравшимся хозяиномъ и администраторомъ этой общины, куреннымъ атаманомъ, въ военное время предводительствовавшимъ своимъ куренемъ и подчинявшимся кошевому атаману только въ военномъ отношеніи. Союзная, т. е. кошевая

[1]) См. „Кіевск. Стар.“, 1889 г., февраль.

администрація, состоявшая изъ войсковой старшины, представляла собой всю Сѣчь во внѣшнихъ сношеніяхъ, въ зависимости отъ этого завѣдывала землями, отведенными турецкимъ правительствомъ, деньгами и провіантомъ, получавшимися отъ него же, завѣдывала внутренними сѣчевыми распорядками, преимущественно военными, а также обще-сѣчевыми доходами (напр., питейнымъ) и расходами, и была, наконецъ, второй инстанціей войсковаго суда, первой инстанціей котораго былъ курень, а послѣдней, равно какъ носителемъ всей высшей власти, была сѣчевая рада, т. е. собраніе всѣхъ лицъ, составлявшихъ Сѣчь. Послѣдовавшіе затѣмъ за запорожцами переселенцы, образовавшіе вокругъ Сѣчи земледѣльческія поселенія, такъ наз. райю,— явились уже въ Добруджу съ задатками частнаго хозяйства и основались на общей землѣ въ видѣ земледѣльческихъ общинъ, каждый членъ которыхъ велъ свое отдѣльное хозяйство. Внутренняя организація райи намъ недостаточно извѣстна, но мы знаемъ все таки, что общественные распорядки въ ней устанавливались сходами всѣхъ членовъ. Запорожскому же кошу райя подчинялась только какъ учрежденію, посредствовавшему между нею и турецкимъ правительствомъ. Наконецъ, послѣ уничтоженія Сѣчи, новѣйшіе, уже почти исключительно занимавшіеся только земледѣліемъ, украинскіе колонисты образовали собой сельскія и городскія общины, организованныя на тѣхъ же началахъ общиннаго самоуправленія, какъ и прежняя райя, но сносившіяся уже непосредственно съ турецкимъ правительствомъ посредствомъ выборныхъ изъ своей среды лицъ — мухтаровъ или *чорбаджіевъ*. Такимъ образомъ во время турецкаго господства въ Добруджѣ, украинскія поселенія представляли собой, въ смыслѣ организаціи, сельскія и городскія общества, въ которыхъ главная административная власть принадлежала сельскому сходу, или *громадѣ*, исполнительная же—чорбаджи и его помощнику—*осавулу* или *кихайѣ*. Эти должностныя лица, особенно чорбаджи, должны были непремѣнно знать по-турецки и выбирались на полгода или на годъ. „А добрый онъ для васъ человѣкъ?“ спрашивалъ обыкновенно паша депутатовъ, представлявшихъ ему отъ имени громады новаго чорбаджи.—„Добрый!“ „Ну такъ пусть и бу-

детъ!“ Громада завѣдывала всѣми общественными распорядками, разборомъ поземельныхъ отношеній, пользованіемъ лѣсами и пастбищами, сѣнокосами, церковными—а въ Тульчѣ—и училищными дѣлами и кромѣ того и находившимся (существующимъ и до сихъ поръ) при церкви шпиталемъ и проч. Ей же принадлежала раскладка и сборъ податей и опредѣленіе десятины, для чего при чорбаджи состояло 5—6 выборныхъ стариковъ, составлявшихъ нѣчто въ родѣ совѣта по части налоговъ и выбиравшихъ изъ своей среды сборщика податей. Собраніе чорбаджіевъ составляло такъ называв. *меджлисъ* или совѣтъ при пашѣ, жившемъ въ Тульчѣ, и занималось обсужденіемъ всѣхъ земскихъ дѣлъ, выходившихъ изъ компетенціи отдѣльныхъ общинъ, рѣшенія же меджлиса, одобренныя пашей, приводились въ исполненіе каждымъ изъ чорбаджіевъ въ границахъ его общины. Въ г. Тульчѣ, какъ и во всѣхъ городахъ восточныхъ, населеніе разныхъ національностей живетъ въ отдѣльныхъ частяхъ города, въ предмѣстьяхъ, называемыхъ *магалами* (такимъ образомъ въ Тульчѣ существуютъ: турецкая, жидовская, армянская, молоканская, двѣ руснацкихъ, болгарская, липованская и проч. магалы) и при туркахъ выборные отъ каждой магалы составляли городской совѣтъ—*билидіэ*,—нѣчто въ родѣ городской думы. Въ судебномъ отношеніи первой и почти всегда окончательной инстанціей былъ громадскій судъ, т. е. просто предъявленіе спорнаго дѣла громадѣ, въ воскресенье послѣ церковной службы. Только въ немногихъ болѣе важныхъ случаяхъ обращались къ турецкому суду. Въ настоящее время, послѣ присоединенія къ Румыніи, организація и самоуправленіе сельскихъ общинъ остаются болѣе или менѣе въ прежнемъ видѣ съ прибавкой новаго названія *нотаря*, т. е. писаря, который состоитъ при *примарѣ* (бывшемъ чорбаджи) и играетъ почти ту же роль, какъ волостные писаря при старшинахъ въ Россіи; что же касается меджлиса, то онъ теперь не существуетъ и замѣненъ казенной администраціей, во главѣ которой находится префектъ и администраторы для каждаго изъ округовъ. Въ городскомъ управленіи тоже уничтожилось представительство частей города (магалы) и замѣнилось городскимъ совѣтомъ, избираемымъ всѣми жителями города

вообще, и примаромъ, избираемымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ изъ нѣсколькихъ представляемыхъ городомъ кандидатовъ. Такимъ образомъ при румынскомъ режимѣ, областное и отчасти городское самоуправленіе, а вслѣдствіе этого до извѣстной степени и сельское, оказываются уже нѣсколько урѣзанными, но въ замѣнъ этого съ конца 1880 г. въ Добруджѣ начала уже дѣйствовать румынская конституція, впрочемъ пока еще не вполнѣ,—а именно Добруджа не имѣетъ еще своихъ депутатовъ въ румынскомъ парламентѣ, но въ ней учреждено нѣчто въ родѣ областнаго сейма, состоящаго изъ депутатовъ отъ всей страны, обсуждающихъ ея потребности и представляющихъ свои заключенія въ видѣ петицій парламенту.

Одному изъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Добруджу, приходилось разговаривать съ однимъ изъ этихъ депутатовъ—русакомъ—человѣкомъ неграмотнымъ, и до своего выбора въ депутаты врядъ ли имѣвшимъ даже понятіе о своихъ конституціонныхъ правахъ, и мы должны сказать, что онъ удивилъ насъ какъ относительно изученія за сравнительно короткое время своихъ новыхъ правъ, такъ и тою сознательностью, съ которою онъ очень настойчиво велъ оживленную агитацію между своими товарищами-депутатами о необходимости солидарности между всѣми народностями Добруджи, для совмѣстнаго и дружнаго отстаиванья своихъ конституціонныхъ правъ и самоуправленія противъ бюрократическихъ попытокъ префектуры. Эта оппозиція противъ администраціи была поведена депутатами съ большимъ тактомъ и не только представленія ихъ парламенту увѣнчались успѣхомъ, но имъ удалось добиться смѣны тогдашняго префекта.

Церковныя дѣла украинскихъ поселеній въ Добруджѣ находились и въ настоящее время находятся въ полномъ вѣдѣніи самихъ общинъ, которыя для ближайшаго управленія этими дѣлами избираютъ изъ своей среды такъ называемую „эпитропію“ или церковное попечительство. Нѣкоторая вѣротерпимость, допущенная турецкимъ правительствомъ въ сѣверной части Балканскаго полуострова и особенно въ Добруджѣ, была дѣломъ простой необходимости, въ виду возможно болѣе успѣшнаго заселенія страны, которое въ свою очередь было для турецкаго пра-

вительства чрезвычайно важно въ финансовомъ отношеніи. По этому поводу мы позволимъ себѣ привести разсказъ, связанный съ исторіей постройки руснацкой церкви въ Тульчѣ. Церковь эта, разсказывалъ намъ Сидоръ изъ Катирлеза, была построена еще первыми переселенцами въ то время, когда они еще выкорчевывали пни на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится городъ, и строили себѣ хаты. Старики выхлопотали фирманъ отъ паши, а *аянъ*, т. е. турецкій начальникъ полиціи указалъ и самое мѣсто постройки. Когда церковь была уже построена, пріѣхалъ паша, бывшій въ то время гдѣ то въ отлучкѣ, и когда увидѣлъ, что церковь стоитъ выше джаміи (мечети), очень разсердился и напалъ на аяна за то, что тотъ далъ разрѣшеніе: „какъ же ты позволилъ? вѣдь она выходитъ выше джаміи!“—„А такъ, отвѣчалъ аянъ, позволилъ... потому что, если бы не позволилъ, то и руснаки тутъ бы не жили, а теперь смотри, сколько народа идетъ и идетъ... какъ только ночь настанетъ, такъ и плывутъ съ русской стороны... Да пусть она себѣ хоть втрое будетъ выше—намъ что?.. Намъ лишь бы народа больше было!“ Въ настоящее время въ Тульчѣ существуютъ двѣ руснацкихъ церкви, въ Сулинѣ тоже двѣ, кромѣ того есть еще церкви въ Кара-Орманѣ, Лети, Нижнемъ Дунавцѣ, Катирлезѣ, Муругилѣ, Прославѣ, Махмудіэ, Телицѣ и др., всѣхъ, какъ говорятъ, больше 20-ти церквей. Нѣкоторыя изъ этихъ церквей довольно велики и хорошо обставлены, особенно напр. церковь въ Муругилѣ, новая церковь въ Катирлезѣ и проч., нѣкоторыя же очень малы и бѣдны. Въ Нижнемъ Дунавцѣ, строго говоря, даже церкви нѣтъ, а есть часовня, представляющая собой обыкновенную хату, въ одномъ изъ угловъ которой прибитъ къ стѣнѣ старый изорванный иконостасъ какой то, вѣроятно походной, церкви, рисованный на полотнѣ, да на столикѣ на обыкновенномъ чайномъ подносѣ лежатъ: маленькая жестяная дарохранительница, крестъ, кадило и нѣсколько церковныхъ книгъ, частью церковно-славянскихъ, частью же даже румынскихъ, такъ что священникъ нѣкоторыя части богослуженія читаетъ по румынски. Духовенство украинскихъ церквей въ Добруджѣ избиралось до сихъ поръ и въ настоящее время пока избирается самими прихожанами. Такимъ образомъ въ добрудж-

ской украинѣ и теперь держится еще старинный народный обычай. Вмѣстѣ съ этимъ сохранилась и еще старинная черта, имѣющая связь съ предыдущимъ—это избраніе въ священники иногда и свѣтскихъ лицъ, не принадлежащихъ къ духовному сословію. Въ Катирлезѣ и въ настоящее время священствуетъ о. Василій, „запорожскаго роду"—бывшій катирлезскій рыбалка, самоучкой выучившійся грамотѣ, избранный громадою и постриженный за 2,000 левовъ какимъ то греческимъ архіереемъ. Священникъ Нижняго Дунавца тоже былъ до посвященія служащимъ въ какой то канцеляріи въ Бессарабіи, священникъ чиликскаго монастыря о. Филиппъ получилъ посвященіе на Аѳонѣ и т. д. Въ послѣднее время, впрочемъ, одинъ изъ тульчанскихъ священниковъ, сынъ катирлезскаго о. Василія, учился уже въ русской семинаріи и, конечно, этотъ щеголеватый молодой батюшка совсѣмъ уже не напоминаетъ собою облеченнаго въ какую то истрепанную хламиду изъ толстаго крестьянскаго сукна, нижнедунавецкаго панотця Стефана Крушталева, живущаго въ развалившейся татарской саклѣ и въ потѣ лица своего воздѣлывающаго хлѣбъ свой собственными мозолистыми руками. Вообще же все добруджское руснацкое духовенство, начиная съ захудалаго о. Стефана и кончая веселымъ о. Филимономъ, много напоминающимъ безсмертные типы Рабле, живетъ еще въ той примитивной простотѣ, въ которой жили назадъ тому лѣтъ 30—40 и наши деревенскіе батюшки. Вознагражденіе за свою службу, кромѣ случайной и добровольной платы за требы, руснацкое духовенство получаетъ отъ громады по взаимному договору, обусловленному формальнымъ контрѳлемъ въ примаріи, деньгами или чаще натурой. Катирлезскій священникъ въ турецкое время получалъ 1500 левовъ въ годъ—теперь же получаетъ по 15 фр. въ мѣсяцъ отъ примаріи, т. е. отъ сельскаго общества, и по 10 фр. изъ церковныхъ суммъ—отъ эпитропіи; въ Телицѣ священникъ получаетъ содержаніе отъ каждаго двора по мѣркѣ пшеницы и по мѣркѣ ячменю; въ Нижнемъ Дунавцѣ содержаніе священнику тоже отпускается зерномъ.

Вообще нужно сказать, что церковныя дѣла занимаютъ если не первое, то во всякомъ случаѣ очень видное мѣсто въ

общественной жизни задунайскихъ руснаковъ и служатъ однимъ изъ самыхъ главныхъ связующихъ элементовъ ихъ „громады“. Но отдавая такую значительную долю вниманія своимъ церковнымъ и вообще религіознымъ интересамъ, добруджскіе украинцы очень далеки отъ всякой нетерпимости и даже отъ извѣстнаго консерватизма религіозныхъ воззрѣній и культа. Они относятся къ церковнымъ дѣламъ, какъ къ одной изъ самыхъ важныхъ общественныхъ потребностей, и устраиваютъ ихъ такъ, какъ находятъ для себя удобнымъ, не стѣсняясь, какъ мы видѣли, заключать съ своими священниками формальные контракты относительно ихъ содержанія. И личная, и общественная жизнь руснаковъ далеко не до такой степени проникнута религіознымъ ритуаломъ и каноническими обычаями и соображеніямъ, какъ напр., жизнь липованъ, и въ этомъ отношеніи особенно обращаетъ на себя вниманіе выработанная, очевидно, обстоятельствами и практикуемая въ довольно широкихъ размѣрахъ извѣстная свобода заключенія и особенно *расторженія* браковъ. Не говоря уже о томъ, что за Дунаемъ въ гораздо большей степени, чѣмъ въ Новороссіи (прозванной поэтому даже „невинчаною губерніею“) распространено сожительство вовсе безъ церковнаго брака, хотя очень часто съ совершеніемъ (за Дунаемъ) брака гражданскаго въ примаріи и почти *всегда* съ соблюденіемъ „весилья“ т. е. всѣхъ обычныхъ свадебныхъ обрядовъ [1]), не говоря уже объ этомъ, въ Добруджѣ и правильно совершенный церковный бракъ очень часто расторгается по желанію супруговъ, при чемъ обѣ разведшіяся стороны могутъ вступить совершенно свободно въ новый бракъ, даже церковный, не встрѣчая, сколько намъ извѣстно, почти никогда особенныхъ препятствій со стороны духовенства. Такимъ образомъ, и въ этой чертѣ мы видимъ продолженіе старыхъ традицій свободнаго развода, существовавшаго въ

[1]) Нужно замѣтить, что во всей Украинѣ санкціонирующимъ супружеское сожительство актомъ въ народномъ быту считается „весилья“, такъ что въ случаяхъ, когда почему нибудь послѣ церковнаго вѣнчанія, „весилья“ откладывается на нѣсколько дней или даже недѣль, сожительство супруговъ уже обвѣнчанныхъ въ церкви все таки не допускается, впредь до совершенія обычныхъ свадебныхъ церемоній.

югозападной Руси еще въ XVII ст., какъ это констатировано на основаніи актовъ въ любопытномъ изслѣдованіи г. Ореста Левицкаго [1]). Въ настоящее время въ Добруджѣ это расторженіе браковъ, впрочемъ, вполнѣ легально, такъ какъ по румынскимъ законамъ разводъ совершается безъ всякихъ затрудненій, по простому заявленію сторонъ или по признанному основательнымъ иску одной изъ нихъ. Очень нерѣдки также въ Добруджѣ примѣры супружескаго сожительства руснаковъ съ лицами другихъ вѣроисповѣданій и сектъ, разумѣется, также не освященнаго церковью. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда свадьбѣ подобныхъ лицъ желаютъ придать характеръ нѣкоторой религіозной церемоніи—чаще всего обращаются къ молоканскимъ „настоятелямъ“ или просто къ кому нибудь изъ болѣе грамотныхъ молоканъ (хотя бы вступающіе въ супружество даже и не принадлежали къ этой сектѣ), которые и исполняютъ во время свадебнаго пира нѣсколько религіозныхъ „стиховъ“, а иногда произносятъ и маленькую рѣчь. Послѣдняго рода случаи бываютъ, впрочемъ, главнымъ образомъ среди городскаго населенія, сельское же населеніе, замѣтно въ большей степени держится своихъ и этнографическихъ, и церковныхъ обычаевъ.

Кромѣ руснацкихъ церквей, въ Добруджѣ существуютъ еще два монастыря—мужской и женскій въ *Чиликѣ*, недалеко отъ *Телицы* (первый изъ нихъ, впрочемъ, переводится теперь на лиманъ *Сабунъ* между Исакчей и Сомовой), основанные украинскими переселенцами, изъ которыхъ и до сихъ поръ исключительно состоитъ вся ихъ братія. Монастыри эти, находящіеся въ разстояніи полу-версты другъ отъ друга, представляютъ собой чрезвычайно интересное явленіе. Основатель этихъ монастырей *Аѳанасій Лисовенко* принадлежалъ къ семьѣ бѣглыхъ крѣпостныхъ, жившей въ Бессарабіи въ г. Килія. Еще въ ранней молодости онъ отличался особеннымъ религіозно-мистическимъ настроеніемъ, сравнивалъ положеніе крѣпостныхъ и бѣглыхъ съ участью первыхъ христіанъ, подвергавшихся гоненіями со стороны язычни-

[1]) О. Левицкій. Семейныя отношенія югозападной Руси. (Рус. Стар. Ноябрь, 1880-й годъ).

ковъ, и много говорилъ о благочестивомъ общеніи имуществъ древней церкви. Такому мистическому направленію его характера много содѣйствовало, говорятъ, большое душевное потрясеніе, испытанное имъ еще семнадцати лѣтъ, вслѣдствіе неудачной любви къ одной дѣвушкѣ, вышедшей потомъ замужъ за его брата. Немедленно послѣ этого потрясенія, онъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ оставилъ Бессарабію и ушелъ на „Святу Гору“, т. е. Аѳонъ, гдѣ въ одномъ изъ монастырей постригся и потомъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, былъ возведенъ въ архимандриты. Тутъ, по всей вѣроятности, у него произошла реакція противъ обыкновенной монастырской жизни и возникла идея объ основаніи религіозной общины на новыхъ, болѣе широкихъ основаніяхъ. Съ этой цѣлью 24-хъ лѣтъ и въ званіи архимандрита онъ появился въ Добруджѣ и вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ монахомъ Паисіемъ построилъ себѣ въ Чиликѣ, немного выше нынѣшняго женскаго монастыря, небольшую келійку и часовеньку. Затѣмъ, черезъ нѣкоторое время, вслѣдствіе несогласій, происшедшихъ у него съ Паисіемъ, онъ оставилъ свой скитъ и удалился въ сосѣднюю деревню Телицу, бросивши, какъ говорятъ, на прощанье Паисію пророческое заклятіе: „щобъ воно оце усе тоби огнемъ узялося“. Дня черезъ два скитъ дѣйствительно сгорѣлъ и пораженный этимъ чудомъ Паисій явился къ Аѳанасію съ повинной. Между тѣмъ еще во время пребыванія своего въ скитѣ Аѳанасій успѣлъ склонить двухъ или трехъ женщинъ изъ Телицы къ монашеской жизни и потомъ, примирившись съ Паисіемъ, вмѣстѣ съ нимъ и этими тремя „черницами“—Еленой, Таисіей и Аполинаріей, поселился опять во вновь выстроенномъ ими скитѣ, состоявшемъ тогда изъ одной перегороженной на двое хаты съ маленькой часовней. Мало по малу къ нимъ начали присоединяться и другія женщины и довольно скоро община сдѣлалась достаточно многочисленной. Но въ это время началась крымская война, появились русскіе лазутчики и заподозрѣнному въ сношеніяхъ съ ними Аѳанасію пришлось уходить въ Измаилъ, почти со всей своей братіей. Въ этомъ городѣ Лисовенко началъ вести очень дѣятельную проповѣдь жизни на новыхъ началахъ религіознаго общинно-жительства; къ нему начали собираться для слушанія

богослуженія и проповѣдей цѣлыя толпы народа, при чемъ многіе, особенно опять таки женщины, принимали его идеи и выражали готовность къ практическому ихъ осуществленію. Кромѣ того, Лисовенко устроилъ у себя нѣчто въ родѣ школы, въ которой обучалъ грамотѣ не только дѣтей, но и взрослыхъ. Всѣ эти дѣйствія Аѳанасія, производя иногда семейныя несогласія, возбуждали противъ него многихъ изъ населенія, а кромѣ того и мѣстное духовенство относилось къ его проповѣди не особенно сочувственно; вслѣдствіе этого онъ, по прошествіи лѣтъ около десяти, рѣшился возвратиться опять въ Добруджу, отправился въ Константинополь и выхлопоталъ себѣ тамъ разрѣшеніе вернуться, перебрался со всей своей паствой опять въ Чиликъ, гдѣ и былъ построенъ новый, существующій и до сихъ поръ, монастырь. Сначала вся община, состоявшая тогда уже душъ изъ 200 (около 150 женщинъ и дѣвочекъ и 50 мужчинъ) занялась расчисткой лѣса, корчеваніемъ пней и т. п., затѣмъ былъ построенъ длинный „корпусъ“ (извѣстный теперь подъ именемъ стараго), состоящій изъ одной очень длинной избы, въ большей половинѣ которой, какъ говорятъ нынѣшнія монахини, помѣщались женщины, въ меньшей же мужчины. Между тѣмъ изъ Бессарабіи подходили постепенно новые переселенцы и въ непродолжительномъ времени численность общины достигла почти до 350 душъ. Вся эта масса народа, жившая, какъ говорятъ, по монастырскому уставу, хотя въ огромномъ большинствѣ и безъ постриженія, такъ какъ Аѳанасій постригалъ только людей совсѣмъ старыхъ, занималась главнымъ образомъ рубкой лѣса, расчисткой и обработкой полей, насажденіемъ огромныхъ садовъ и огородовъ, разведеніемъ виноградниковъ, регулированіемъ теченія ничтожной лѣтомъ, но грозящей большими наводненіями весной рѣченки Телицы и отведеніемъ ея въ сторону посредствомъ искусственнаго русла, такъ наз. *бента*, что тоже требовало многихъ земляныхъ работъ, устройствомъ мельницъ и т. п. И нужно сказать, что глядя на нынѣшнее нѣсколько уже запущенное состояніе монастырскаго хозяйства, его нельзя не признать образцовымъ, особенно, принимая во вниманіе, что почти все это сдѣлано женщинами и при томъ сравнительно въ очень

короткое время. Лисовенко, отличавшійся, кромѣ качествъ проповѣдника и организатора, большими техническими талантами, вездѣ и всегда лично руководилъ работами, будучи въ то же время и самъ неутомимымъ рабочимъ съ топоромъ или заступомъ въ рукахъ. Независимо отъ этого для всѣхъ бывшихъ въ общинѣ дѣтей, а частью и для взрослыхъ, онъ устроилъ школу, въ которой, особенно въ теченіи зимы, преподавалъ главнымъ образомъ самъ; по воскресеньямъ же и по праздникамъ, онъ собиралъ всю братію въ трапезѣ, занимался съ нею чтеніемъ и различными нравственно-религіозными и философскими бесѣдами. Любимыми его темами, кромѣ сюжетовъ чисто догматическихъ, которыхъ онъ касался очень рѣдко, были братская любовь къ ближнему, подчиненіе своей личности общимъ интересамъ, безусловное отреченіе отъ „своей воли“, необходимость общности труда и имуществъ и т. п. Нужно замѣтить, что судя по всѣмъ разсказамъ о немъ, онъ былъ не только способнымъ оказывать величайшее нравственное вліяніе проповѣдникомъ, но и человѣкомъ съ большимъ развитіемъ и даже съ нѣкоторымъ довольно значительнымъ количествомъ познаній, о чемъ свидѣтельствуетъ сохраняющаяся и теперь его библіотека, въ которой кромѣ спеціально-духовной литературы, есть и сочиненія научнаго, преимущественно историческаго содержанія, между прочимъ и одно большое по исторіи Малороссіи. Сюжеты его проповѣдей нерѣдко касались прошлой жизни переселенцевъ; слова его вызывали большое воодушевленіе, а часто и общія слезы присутствовавшихъ; да и вообще, вспоминая о немъ, чиликскія монахини говорятъ и теперь, что онъ такъ хорошо „поучавъ“, что не было никакой возможности не вѣрить ему и не подчиняться его вліянію. Въ практической жизни, кромѣ настойчивыхъ требованій, чтобы каждый непремѣнно и неустанно работалъ, онъ самымъ энергическимъ образомъ преслѣдовалъ малѣйшія попытки къ обзаведенію какою бы то ни было частною собственностью. Замѣтивши у кого нибудь лишнюю, по его мнѣнію, или сколько нибудь изысканную одежду или вообще какую нибудь вещь, онъ немедленно же отбиралъ ее и отправлялъ въ общинный складъ. Онъ настойчиво преслѣдовалъ даже выраженія въ родѣ *мой*, *мое*

и всегда, постукивая внушительно своей „патерицей“ повторялъ: „не кажы *мое*—кажы *наше!*“ Съ замѣчательнымъ постоянствомъ онъ преслѣдовалъ также всякое стремленіе говорить на чужомъ языкѣ, говорилъ всегда самъ и требовалъ, чтобы всѣ другіе говорили исключительно по руснацки. При этомъ онъ руководился не столько національными мотивами, сколько тѣмъ, что другіе языки въ его глазахъ были языками „паньскымы“. Вообще о панахъ и обо всемъ, что въ его представленіи связывалось съ понятіемъ о панствѣ, онъ никогда не могъ говорить равнодушно. Въ вопросахъ же религіозной догматики, въ соблюденіи монастырскихъ уставовъ и формальностей и т. п. онъ былъ не особенно строгъ, но, напротивъ, отличался значительною снисходительностью, такъ что религіознымъ фанатикомъ, судя по разсказамъ о немъ, онъ былъ, разумѣется, меньше всего. Онъ не особенно строго относился къ нарушеніямъ поста, къ непосѣщенію церкви, во время его управленія, рѣдко даже и по воскресеньямъ кто нибудь ходилъ въ монашескомъ платьѣ и т. п., и вообще можно думать, что монастырская форма общины была для него только *болѣе удобной* формой для осуществленія его религіозно-общиннаго идеала. Намъ неизвѣстно, какъ онъ относился вообще къ обѣтамъ монашескаго безбрачія и цѣломудрія. Неясные слухи, можетъ быть продуктъ недоброжелательства и интригъ противниковъ Аѳанасія, бросаютъ нѣкоторую тѣнь въ этомъ отношеніи на его личность. Между прочимъ, разсказываютъ о производствѣ нѣсколькихъ ревизій въ монастырѣ, предпринимавшихся турецкимъ правительствомъ не только, какъ говорятъ обыкновенно сами монахини, по „навѣтамъ“ греческихъ архіереевъ, но и по иниціативѣ самихъ свѣтскихъ властей. Между прочимъ, по поводу нѣкоторыхъ изъ этихъ ревизій намъ случалось слышать, что однажды Аѳанасію пришлось сразу постричь очень большое количество женщинъ въ монахини, такъ какъ его обвиняли въ томъ, что и монастырь то его вовсе не монастырь, а собраніе большею частью свѣтскихъ людей; другой же разъ всѣ молодыя монахини должны были представляться пашѣ въ свѣтскихъ платьяхъ, въ качествѣ ученицъ монастырской школы, чтобы выгородить о. Аѳанасія отъ обвиненія въ томъ, что онъ

началъ постригать чуть ли не дѣтей. Эти и еще болѣе рѣшительныя обвиненія были на столько настойчивы, что несмотря на совершенное отдѣленіе мужескаго монастыря отъ женскаго (при чемъ о. Аѳанасій жилъ въ особой келіи) и на всѣ, повидимому, благополучно сходившія съ рукъ ревизіи, о. Аѳанасію пришлось путешествовать для принесенія оправданій въ Константинополь и даже пробыть тамъ нѣкоторое время въ „заточеніи". Наконецъ, въ началѣ 1880 г. Лисовенко, передавши управленіе монастыремъ одной изъ наиболѣе приближенныхъ монахинь, умеръ и былъ похороненъ подъ плитою изъ бѣлаго мрамора въ новой монастырской церкви. Если многія изъ монахинь оплакиваютъ потерю его и до сихъ поръ, то другія нѣсколько утѣшились, вздохнувши, наконецъ, свободнѣе послѣ тяжелыхъ полевыхъ работъ, къ которымъ такъ энергически принуждалъ ихъ умершій архимандритъ. Вообще же Лисовенко оставилъ о себѣ память какъ о человѣкѣ во всякомъ случаѣ очень замѣчательномъ, и намъ кажется, что исторія его монастыря настолько оригинальна и характерна, что читатель врядъ ли поставитъ намъ въ вину это довольно длинное отступленіе. Въ настоящее время оба монастыря значительно уменьшились въ своемъ личномъ составѣ, такъ какъ еще при жизни Аѳанасія многія изъ монахинь начали удаляться изъ монастыря и выходить замужъ, а кромѣ того и внутренняя монастырская жизнь подверглась уже значительнымъ измѣненіямъ, главнымъ образомъ въ смыслѣ упадка братскаго общежитія. Причиною этого былъ подъ конецъ жизни отчасти и самъ Аѳанасій, какъ вслѣдствіе утраты прежней энергіи, такъ и потому, что онъ допустилъ выдѣленіе нѣкоторой части монахинь, особенно молодыхъ, составлявшихъ церковный хоръ, въ нѣсколько привилегированное положеніе, заключавшееся въ освобожденіи отъ полевыхъ работъ, въ болѣе комфортабельной и отдѣльной отъ прочей братіи обстановкѣ и т. п. Это повело къ образованію своего рода монастырской аристократіи, которая подъ конецъ начала обнаруживать чувствительное вліяніе и на самого настоятеля... но справедливость требуетъ, впрочемъ, при этомъ замѣтить, что эта аристократія монастыря составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе грамотную, развитую и способную

къ дальнѣйшему совершенствованію часть его нынѣшняго личнаго состава.

Выше было упомянуто объ устроенной въ Чиликскомъ монастырѣ школѣ. Школа эта существовала до тѣхъ поръ, пока въ монастырѣ были еще дѣти переселенцевъ, пришедшихъ изъ Бессарабіи и вступившихъ въ общину, и затѣмъ лѣтъ около 5—6 тому назадъ закрылась. Но это не была единственная руснацкая школа въ Добруджѣ, такъ какъ въ Тульчѣ еще съ самаго основанія тамъ церкви, при ней учреждена была школа, существующая съ небольшими перерывами и до настоящаго времени и составляющая и до сихъ поръ единственный источникъ грамотности для добруджскихъ руснаковъ. Въ послѣднее время, впрочемъ, жители Катирлеза также рѣшили завести школу, для чего и отвели довольно большую хату, въ которой прежде помѣщалась церковь, но учитель для этой школы до сихъ поръ еще, кажется, не найденъ. Перерывы въ существованіи тульчанской школы происходили главнымъ образомъ тоже вслѣдствіе отсутствія учителей, такъ какъ духовенство не всегда соглашалось, а можетъ быть и не всегда было въ состояніи брать на себя веденіе школьнаго дѣла, а учителей и теперь найти не такъ то легко. Одно время учителемъ въ этой школѣ былъ кто то изъ русскихъ эмигрантовъ, который, по словамъ разсказчиковъ, „у Россіи щось прошпетивсь бувъ, та втикъ,—то тутъ у насъ за вчытеля бувъ, а якъ мавъ сюды москаль прыйты—то винъ и отруивсь“. Въ настоящее время школа эта также сильно страдаетъ отъ частой перемѣны, а то и полнаго отсутствія учителей, происходящаго отчасти отъ дѣйствительной трудности отыскать ихъ, отчасти отъ крайне небрежнаго отношенія къ дѣламъ школы самой громады, или лучше сказать—ея нынѣшнихъ воротилъ. Такъ, одинъ очень способный и образованный учитель, которымъ дорожило бы и всякое земство въ Россіи, долженъ былъ совершенно противъ своей воли оставить школу, только благодаря тому, что ему буквально каждый день приходилось ходить къ эпитропамъ за полученіемъ одного франка, чтобы пообѣдать; на требованіе же сколько нибудь большей суммы ему отвѣчали обыкновенно отказомъ. Съ другой стороны, положеніе порядоч-

наго учителя въ тульчанской школѣ много стѣсняется еще и требованіями родителей, желающихъ, чтобы ихъ дѣти учились непремѣнно по церковно-славянски, съ цѣлью какъ можно скорѣе читать въ церкви псалтырь, а иногда даже непремѣнно по принесенной ими книгѣ, оказывающейся часословомъ... Напрасно было бы, впрочемъ, относить все это школьное неустройство къ небрежности или неразвитію всей тульчанской громады; оно вытекаетъ, также точно какъ и другія, не менѣе непріятныя стороны общественной жизни тульчанскихъ руснаковъ, изъ того фальшиваго положенія дѣлъ, которое создано совершенно внѣшними, но довольно сильными обстоятельствами... До какой же степени велика потребность въ руснацкихъ школахъ, видно изъ того, что многіе отдавали своихъ дѣтей въ американскую школу, устроенную миссіонерами методистами для молоканъ, гдѣ преподаваніе велось по русски, и теперь отдаютъ и въ молоканскую школу, и въ болгарскую, и даже въ румынскія и въ нѣмецкія школы, зная очень хорошо въ послѣднемъ случаѣ всѣ трудности ученія въ нихъ на незнакомомъ дѣтямъ языкѣ. Интересно при этомъ замѣтить, что нѣкоторыя сдѣланныя здѣсь попытки обученія на руснацкомъ языкѣ имѣли очень большой успѣхъ, но до сихъ поръ прививаются туго, отчасти вслѣдствіе отсутствія учебниковъ и учителей, знакомыхъ съ новѣйшими методами преподаванія, отчасти же, и главнымъ образомъ, вслѣдствіе вышеупомянутыхъ трудностей положенія учителя, не имѣющаго своихъ собственныхъ средствъ къ жизни.

Несмотря, впрочемъ, на такое сравнительно очень плохое положеніе тульчанской школы и на отсутствіе до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, школъ въ другихъ поселеніяхъ, общій уровень грамотности среди добруджскихъ руснаковъ все таки довольно высокъ, особенно въ молодомъ поколѣніи, выросшемъ уже за Дунаемъ. Руснаки-ремесленники въ Тульчѣ почти всѣ грамотны, охотно посѣщаютъ чайныя и читаютъ получаемыя тамъ русскія газеты, нѣкоторые выписываютъ газеты даже сами;— такъ, мы знаемъ одного рабочаго-сапожника, получающаго не только „Вечернюю газету“, но и толстый журналъ „Наблюдатель“. Въ селахъ также довольно часто попадаются люди, умѣю-

щіе читать и писать и интересующіеся чтеніемъ. Матеріалъ для чтенія въ Добруджѣ, конечно, очень не великъ; на всю страну существуетъ одна-единственная книжная лавочка, содержимая какимъ то евреемъ-переплетчикомъ, да и та, впрочемъ, снабжаетъ больше нѣмецкими дешевыми изданіями да русскими лубочными книжонками, пѣсенниками и картинками, заносимыми и сюда великорусскими офенями. Книги на руснацкомъ языкѣ, особенно мелкія народныя изданія, попадающія сюда случайно, встрѣчаются здѣсь съ большимъ удовольствіемъ, а произведенія Шевченка, о которыхъ здѣсь до недавняго времени только слышали и многія стихотворенія котораго проникли сюда только устнымъ путемъ въ видѣ пѣсенъ, читаются теперь съ неменьшимъ увлеченіемъ и энтузіазмомъ, какъ и на Украинѣ. Путешественники находили небольшія коллекціи руснацкихъ книжекъ не только въ кельяхъ чиликскихъ монастырей и у нѣкоторыхъ священниковъ, но даже и у крестьянъ. Такъ, напр., въ Нижнемъ Дунавцѣ, въ хатѣ Тимоша Коломійченка, путешественникъ замѣтилъ нѣсколько народныхъ изданій и узналъ, что книги эти попали къ Тимошу черезъ мѣстнаго священника, который въ свою очередь получилъ ихъ изъ Сулины отъ живущаго тамъ своего родственника. Къ сожалѣнію, подобныя книги, несмотря на всю необходимость ихъ, составляютъ еще въ Добруджѣ большую рѣдкость и очевидно попадаютъ туда только совершенно случайно. За неимѣніемъ же письменной литературы, въ Добруджѣ сохраняется еще въ замѣчательной свѣжести народная устная литература сказокъ, пословицъ, легендъ и въ особенности пѣсенъ. Несмотря на полное отсутствіе спеціалистовъ пѣнія, въ родѣ кобзарей или лирниковъ, вѣроятно вовсе не попадавшихъ въ эмиграцію, а если и попадавшихъ когда нибудь, то уже давно вымершихъ, отъ жителей Добруджи намъ пришлось слышать очень хорошо сохранившіеся варіанты старинныхъ историческихъ пѣсенъ, извѣстныхъ теперь на Украинѣ только по давно составленнымъ сборникамъ и, развѣ въ видѣ очень большой рѣдкости, встрѣчающихся въ устахъ совершенно исчезающихъ уже кобзарей, въ родѣ Андрея Шута или Остапа Вересая. Ограничиваясь записываніемъ однихъ только историческихъ пѣсенъ, одинъ изъ

этнографовъ собралъ въ самое короткое время больше 80 варіантовъ пѣсенъ о разореніяхъ Сѣчи (1703—1775), о козакѣ Софронѣ, о Байдѣ, о Нечаѣ, Савѣ Чаломъ, „Канальской" работѣ, Перебійносѣ, а также пѣсенъ запорожскихъ, гайдамацкихъ и черноморскихъ, легенды о Палiѣ и Мазепѣ, объ Екатеринѣ II и запорожцахъ, о запорожцахъ на Кубани и т. п.

Замѣчательно также хорошо и, разумѣется, больше всего, сохраняется у добруджскихъ руснаковъ ихъ главная этнографическая черта—родной языкъ. Среди смѣшенія различныхъ украинскихъ говоровъ, занесенныхъ въ Добруджу переселенцами изъ разныхъ мѣстъ Украины, больше всего выдѣляется и преобладаетъ чистый и мягкій новороссійскій говоръ съ произношеніемъ просю—вмѣсто прошу, заплатю—вм. заплачу и т. п. Преобладаніе это совершенно понятно, въ виду всего сказаннаго нами о той роли, которую играли Новороссія и Бессарабія въ переселеніи бѣглыхъ за Дунай; насколько же значительно это преобладаніе, можно судить потому, что встрѣчаются бывшіе жители кіевской, подольской или черниговской губерній, прожившіе лѣтъ по 20 или 30 въ Добруджѣ и говорящіе уже совсѣмъ по новороссійски—до такой степени чисто, что развѣ только очень хорошему знатоку удалось бы уловить въ ихъ говорѣ слѣдъ ихъ происхожденія. Само собою разумѣется, что пребываніе руснаковъ среди прочихъ народностей Добруджи не обошлось безъ отраженія на ихъ языкѣ сосѣднихъ элементовъ, въ видѣ привнесенія извѣстнаго, не особенно впрочемъ большаго, количества иностранныхъ словъ, преимущественно турецкихъ, румынскихъ и болгарскихъ. Такъ, вмѣсто слова *гроши* или деньги добруджскіе украинцы обыкновенно употребляютъ турецкое слово *пари*, *парички*, вмѣсто водка или горилка—*ракѣ*, вм. деготь—катранъ, вм. красное вино—*черное*, вмѣсто печь—*сóба*, вмѣсто черепицы—*карамиды*, вмѣсто буря—*фортуна*, вмѣсто ботинки—*чепицы*, вм. газеты—*въстники*, вм. пароходъ—очень часто—вапоръ, для обозначенія домашней рухляди, безпорядка и т. п. употребляется турецкое слово *калабалыкъ*, разсолъ называется *саламуръ* и т. д. Изрѣдка у добруджскихъ руснаковъ можно замѣтить даже барбаризмы въ оборотахъ, въ родѣ того, напр.,

что вмѣсто „дайте мени ложку“—скажутъ: *дайте мени одну ложку*, или вмѣсто стакана воды—попросятъ стаканъ *съ водою* и т. п. Всѣ эти барбаризмы, впрочемъ, ничуть не портятъ чистоты языка и развѣ слегка только придаютъ ему нѣчто въ родѣ мѣстнаго колорита. Значительныхъ же измѣненій въ языкѣ ожидать трудно даже въ довольно далекомъ будущемъ, такъ какъ руснацкій языкъ пріобрѣлъ очень прочное право гражданства въ Добруджѣ, до такой даже степени, что, напр., во всей Тульчѣ очень трудно отыскать кого бы то ни было, за исключеніемъ развѣ недавно прибывшихъ румынъ, кто бы не говорилъ или, по крайней мѣрѣ, не понималъ по руснацки. Мы упоминали уже о служащихъ въ европейской дунайской коммиссіи и о знакомствѣ даже ихъ съ руснацкимъ языкомъ, благодаря постояннымъ ихъ сношеніямъ съ рабочими руснаками.

Вотъ какъ сложилась и идетъ жизнь украинскихъ колонистовъ въ Добруджѣ. Мы должны признаться, что во все время составленія этой статьи, насъ постоянно безпокоила мысль—будетъ ли это кому нибудь интересно и не найдетъ ли читающая публика, что ей очень мало дѣла до какого нибудь десятка тысячъ руснаковъ, живущихъ гдѣ то далеко за Дунаемъ? Но соображенія, высказанныя нами въ началѣ статьи, заставляли насъ продолжать свою работу и теперь, по окончаніи ея, налагаютъ на насъ обязанность взглянуть на тѣ выводы, къ какимъ приводятъ изложенные нами факты. По всей вѣроятности, читатель согласится съ тѣмъ, что украинскіе переселенцы, придя въ Добруджу, нашли въ ней очень благопріятныя для себя и экономическія, и политическія условія жизни и воспользовались этими условіями, сколько у нихъ хватило умѣнія. Будучи свободны лично, они устроились въ новой странѣ приблизительно на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ жили на своей родинѣ прежде; они создали себѣ извѣстный уровень матеріальнаго довольства, внесли въ свою жизнь извѣстныя бытовыя улучшенія, въ родѣ уменьшенія пьянства и т. п., организовались въ правильно устроенныя общины, съ своимъ собственнымъ общиннымъ судомъ и самоуправленіемъ, устроили свою церковь съ избирательнымъ отъ всей общины духовенствомъ, представляющимъ одну изъ

функцій общественной службы, устроили, какую съумѣли, школу, пользуются и чужими школами, начиная съ болгарскихъ и кончая,—въ единичныхъ, конечно, случаяхъ, даже извѣстнымъ американскимъ колледжемъ въ Константинополѣ, кое какъ выучили своихъ дѣтей грамотѣ, начинаютъ помаленьку приближаться къ общеевропейской культурѣ, къ пониманію своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ и концѣ концовъ, не имѣютъ причинъ жаловаться на свое положеніе, принимаютъ въ свою среду вновь прибывающихъ переселенцевъ. Но было бы однако величайшей ошибкой или тенденціозной натяжкой выводить изъ всего этого заключеніе, что достаточно, дескать, предоставить народъ самому себѣ, дать полный просторъ его „самобытному“ развитію, уничтожить извѣстныя „средостѣнія“ или даже поводы къ образованію этихъ „средостѣній“,—и все пойдетъ какъ по маслу... Вполнѣ предоставленные самимъ себѣ, добруджскіе украинцы, несмотря на свой, сравнительно съ малороссійскими крестьянами, довольно высокій уровень и экономическаго благосостоянія, и умственнаго развитія, и даже грамотности, несмотря на всѣ преимущества своего положенія, обезпечивающаго полный просторъ ихъ самодѣятельности, оказываются все таки однимъ изъ самыхъ дезорганизованныхъ и наименѣе интеллигентныхъ народовъ Добруджи. Въ то время какъ живущіе рядомъ же съ ними и изъ Россіи же пришедшіе нѣмецкіе колонисты устраиваютъ общественный пивной заводъ, давно уже завели и очень хорошія школы, и разные шютцъ-и музикъ-ферейны, выписываютъ нѣсколько нѣмецкихъ газетъ, а скоро навѣрное заведутъ и свою собственную,—въ то время, какъ болгары имѣютъ у себя и библіотеку съ читальней, и потребительныя общества, торгово-промышленныя „дружества“, и ссудо-сберегательную общественную кассу, и политическіе клубы, и многочисленныя школы, и газеты,—въ то время какъ подобныя же вещи есть и у грековъ и даже у румынъ;—въ то самое время и въ томъ же мѣстѣ наши руснаки живутъ себѣ въ полной разобщенности, безъ всякаго сознанія и проявленія своей національной солидарности и вытекающихъ изъ нея потребностей; сельскія ихъ громады, да и тульчанское городское общество, не видятъ ничего дальше своихъ деревенскихъ

насущныхъ интересовъ, тульчанской же кое какъ держащейся школѣ, разумѣется, далеко еще даже до тѣхъ требованій, какія ставились южно-русскимъ обществомъ для народнаго образованія не только въ началѣ XVIII, но даже въ концѣ XVI столѣтія и т. д.

Все это зависитъ, разумѣется, не отъ національнаго ихъ характера и не отъ какихъ нибудь особенныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а *единственно* только отъ того, что украинскіе переселенцы пришли въ Добруджу въ то время, когда болѣе интеллигентные люди ихъ страны не имѣли надобности эмигрировать и вслѣдствіе этого украинскія колоніи въ Добруджѣ составились изъ народа исключительно простаго, рѣдко даже полуграмотнаго, имѣвшаго и имѣющаго теперь связи только съ подобными же себѣ земляками въ Украинѣ и стоящаго совершенно внѣ всякаго воздѣйствія интеллигентныхъ силъ и стремленій своей родины. Сказанное нами о руснакахъ еще болѣе относится къ живущимъ рядомъ же съ ними великоруссамъ-липованамъ, а также и къ молоканамъ.

Таковы существующія и неизбѣжныя послѣдствія отсутствія культуры и интеллигенціи среди всего этого „самобытно“ развивающагося русскаго населенія Добруджи и таковы выводы, какіе можно сдѣлать, глядя на это населеніе, относительно роли интеллигенціи въ народномъ развитіи вообще.

Лупулеску.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Изъ путешествія въ сѣверо-западный край [1].)

III.

27 іюля ночью я прибылъ въ Гродно и весь слѣдующій день употребилъ на осмотръ города и его достопримѣчательностей. Спутникомъ и руководителемъ моимъ былъ мѣстный протоіерей Оподкій.

Свѣдѣнія о Гродно и гродненской губерніи можно находить: въ Атласѣ Брауна 1576—1581 гг., гдѣ изданъ старинный планъ г. Гродна; въ Specimen ecclesiae Ruthenicae извѣстнаго уніатскаго писателя Игнатія Кульчинскаго, въ «Историко-статистическомъ описаніи гродненской губерніи» Бобровскаго, С.-Петербургъ, 1863 г.; въ «Памятныхъ книжкахъ гродненской губерніи» и въ изданіяхъ виленской археографической коммиссіи.

Судя по Вильнѣ, я думалъ, что чѣмъ дальше отъ нея на западъ, тѣмъ больше край ополяченъ. Но, къ удивленію и удовольствію моему, гродненская губернія оказалась гораздо менѣе ополяченною, чѣмъ виленская. Сельское населеніе гродненской губерніи по преимуществу бѣлорусское. Въ самомъ Гродно изъ 40,000 жителей евреевъ насчитывается до 28,000, православныхъ до 5,600 и около того же числа христіанъ другихъ исповѣданій; тогда какъ въ Вильнѣ изъ 96,000 населенія почти половина католиковъ. Въ XVI и XVII вв. въ Гродно насчитывалось до 5-ти православныхъ храмовъ; но изъ нихъ уцѣлѣли до настоящаго времени только развалины древнѣйшаго храма на Коложѣ, на берегу Нѣмана, тогда какъ теперешніе православные храмы—Софійскій соборъ, Александровская военная церковь и монастыри мужскій Борисоглѣбскій и женскій Рождественскій по-

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1888 г., № 2 февраль.

мѣщаются въ зданіяхъ упраздненныхъ католическихъ и базиліанскихъ монастырей и костеловъ.

Самую замѣчательную древность и, можно сказать, святыню Гродна составляютъ остатки древней Борисоглѣбской церкви на Коложѣ, на углу, при впаденіи Городенки въ Нѣманъ. Это—несомнѣнно одинъ изъ древнѣйшихъ храмовъ въ западной Россіи, относящихся къ великокняжеской эпохѣ, и представлялъ изъ себя одну изъ самыхъ крайнихъ твердынь и оплотовъ православія и русской народности въ западной Россіи, а потому заслуживаетъ полнаго вниманія и сохраненія на будущее время. Изъ Гродно видна уже сосѣдняя сувалкская губернія, считающаяся польскою, хотя по картамъ въ Geographia Blaviana второй половины XVII вѣка западная граница великаго княжества литовскаго захватывала собою Сувалки и Ломжу. Въ настоящее время отъ Борисоглѣбской церкви на Коложѣ уцѣлѣли: среднее и сѣверо-восточное алтарныя полукружія, вся длина сѣверной стѣны и часть западной, двѣ колонны внутри храма и полъ изъ квадратныхъ тесаныхъ камней. Юго-восточное же алтарное полукружіе, южная стѣна и часть западной рухнули въ Нѣманъ вмѣстѣ съ обвалившимся кускомъ берега. Это случилось въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Въ Вильнѣ я слышалъ слѣдующій разсказъ о причинѣ обвала берега и разрушенія церкви. По лѣвую сторону Нѣмана, немного повыше развалинъ Коложанской церкви, и доселѣ находятся бани, содержимыя однимъ евреемъ. Бани эти постоянно подмывало быстрымъ теченіемъ Нѣмана. Тогда еврей, содержатель бань, укрѣпилъ лѣвый берегъ Нѣмана, около бань, фашинникомъ и земляною насыпью, образовавъ противъ бань нѣчто въ родѣ полуострова. Вслѣдствіе этого теченіе Нѣмана направилось на правый берегъ и было причиною подмыва его и разрушенія коложанской церкви. Въ настоящее время она имѣетъ 28 аршинъ ширины и 16 аршинъ уцѣлѣвшей высоты, со включеніемъ и уцѣлѣвшихъ позднѣйшихъ надстроекъ. Древнія части храма сложены изъ квадратныхъ красной глины кирпичей и такой же толщины цемента. Снаружи стѣнъ вдѣланы, между кирпичами, обтесанные и отшлифованные большіе камни сѣраго и краснаго гранита и большіе и малые кресты изъ ценины или изразцевъ зеленаго и желтаго цвѣта. Такія украшенія даютъ понять, что наружныя стѣны церкви не предполагалось оштукатуривать. Внутри церкви сѣверная и часть уцѣлѣвшей западной стѣны усѣяны выходящими во внутрь церкви горлышками голосниковъ (продольныхъ глиняныхъ кувшиновъ), вдѣланныхъ поперегъ стѣны. Изъ

алтаря вверхъ по стѣнѣ идетъ каменная лѣстница съ колоннами, прерывающаяся на половинѣ высоты сѣверной стѣны, къ тому мѣсту, гдѣ, повидимому, были хоры. Можетъ быть, эта лѣстница вела на хоры, а можетъ быть выходила и наружу черезъ дверь на хорахъ, заложенную позднѣйшимъ кирпичемъ. На сѣверной и западной стѣнахъ по древней штукатуркѣ видѣнъ только желтоватый фонъ, и нѣтъ никакихъ слѣдовъ древней фресковой живописи. Была ли эта живопись въ алтарѣ,—неизвѣстно, такъ какъ изъ алтаря устроена въ 1873 году часовня во имя св. Бориса и Глѣба, внутри оштукатуренная.

По разрушеніи Коложанскаго храма, Борисоглѣбскій монастырь переведенъ былъ въ 1854 году съ Коложи въ зданія заштатнаго католическаго монастыря бернардинокъ, гдѣ находится и доселѣ. Изъ достопримѣчательностей монастыря обращаетъ на себя вниманіе древняя коложанская икона Богоматери, хорошо сохранившаяся, со слѣдами поновленія ея лика въ XVII вѣкѣ. Въ монастырѣ хранится также инвентарь Коложанскаго монастыря, составленный въ 1738 г. бывшимъ уніатскимъ настоятелемъ сего монастыря Игнатіемъ Кульчинскимъ. По мнѣнію Кульчинскаго, Коложанская церковь основана около 1200 года, что́ весьма правдоподобно, и будто бы по плану сходна съ полоцкимъ Софійскимъ соборомъ. Провѣрить послѣднее показаніе въ настоящее время невозможно, такъ какъ древній полоцкій Софійскій соборъ не сохранился до нашего времени. Но съ древними полоцкими церквами Спасскою Евфросиніевскою и Борисоглѣбскою, насколько можно судить о послѣдней по ея развалинамъ, Коложанская церковь имѣетъ нѣкоторое сходство. Изъ того же инвентаря Кульчинскаго видно, что еще въ 1738 году теченіемъ Нѣмана подмывало берегъ Коложи и грозило опасностью монастырю.

Затѣмъ, въ остальныхъ пунктахъ Гродно не представляетъ интереса въ историко-археологическомъ отношеніи. Можно отмѣтить развѣ то, что въ музеѣ при историко-статистическомъ комитетѣ хранятся кремневое долото и каменный топорикъ изъ окрестностей Другскеникъ и шлемъ и кольчуга. Въ городѣ до сихъ поръ видны мѣстами слѣды громаднаго пожара, истребившаго въ 1885 году до 630 домовъ.

Изъ Гродна я уѣзжалъ съ однимъ господиномъ, повидимому врачемъ, который пріѣзжалъ искать наслѣдства покойнаго брата своего, бывшаго гродненскаго городскаго головы. Этотъ русскій общественный дѣятель, стоя во главѣ городскаго управленія, женатъ былъ на полькѣ и своимъ авторитетомъ и вліяніемъ содѣйствовалъ проти-

возаконной покупкѣ поляками населенныхъ имѣній въ гродненской губерніи. Купчія обыкновенно совершались на имя городскаго головы, который дѣйствительнымъ покупщикамъ полякамъ выдавалъ векселя на сумму, равную стоимости имѣнія. Такимъ образомъ фиктивное имущество городскаго головы, заключавшееся въ помѣстьяхъ, возросло до 500,000 р. и на такую же сумму выдано имъ векселей дѣйствительнымъ владѣльцамъ имѣній. При такихъ обстоятельствахъ, внезапно умираетъ отъ разрыва сердца городской голова, не устроивши своихъ дѣлъ. Надъ имѣніями его учреждена опека, которая требуетъ отъ жены покойнаго отчетности въ доходахъ по имѣніямъ, а между тѣмъ имѣніями этими завѣдываютъ дѣйствительные ихъ владѣльцы и мнимые кредиторы бывшаго головы. Вѣроятно, вдовѣ бывшаго головы придется поплатиться и собственнымъ имуществомъ ея мужа за обходъ имъ закона.

IV.

Почти весь день 29 іюля я употребилъ на переѣздъ изъ Гродна въ Ковно, особенно благодаря продолжительной остановкѣ въ Ландваровѣ. Мѣстность по пути—возвышенная, волнистая; почва плодороднѣе, чѣмъ въ минской губерніи.

Въ 7-ми верстахъ передъ Ковно находится, въ прекрасной, лѣсистой мѣстности, Пожайскій монастырь, основанный во второй половинѣ XVII вѣка извѣстнымъ канцлеромъ литовскимъ Пацемъ для католическихъ монаховъ камальдуловъ. Тутъ же, въ виду монастыря, мнѣ привелось услышать отъ одного ковенскаго старожила и преданіе объ основателѣ монастыря. Этотъ Пацъ,—говоритъ преданіе,—былъ весьма гордый человѣкъ и большой чудакъ. Ни одной дѣвицы въ мірѣ онъ не находилъ достойною своей руки и потому женился на родной своей сестрѣ, какъ равной ему по происхожденію. За такое кровосмѣшеніе папа наложилъ на него полное отлученіе, такъ что никто не долженъ былъ услуживать ему, ни подавать хлѣба, ни воды. Отлученный отъ человѣческаго сообщества, гордый вельможа долженъ былъ смириться передъ папою, испросилъ у него въ Римѣ прощеніе своему грѣху и построилъ Пожайскій камальдульскій кляшторъ, стоившій ему до 8 милліоновъ злотыхъ. Въ 1840 году церковь обращена въ православную. Нынѣ здѣсь, въ прежнихъ зданіяхъ католическаго монастыря, находятся православный мужской Успенскій монастырь и резиденція ковенскаго епископа, викарія литовской епархіи, который и управляетъ монастыремъ.

Городъ Ковно расположенъ въ углу, образуемомъ сліяніемъ рѣкъ Нѣмана и Виліи, и со всѣхъ сторонъ окруженъ горами, идущими по берегамъ этихъ рѣкъ. Желѣзная дорога подходитъ къ Ковно черезъ тоннель, длиною въ 600 саженъ для двухъ путей. Въ настоящее время производятся работы по укрѣпленію Ковно.

Источниками для исторіи Ковно и ковенской губерніи служатъ: «Описаніе ковенской губерніи» полковника Аѳанасьева, С.-Петербургъ, 1861 г.; брошюра о Сурдегскомъ монастырѣ, вилькомирскаго уѣзда; третій томъ «Живописной Россіи»; памятныя книжки ковенской губерніи съ 1862 года. Къ сожалѣнію, послѣднія за нѣкоторые годы представляютъ библіографическую рѣдкость. Въ нихъ, между прочимъ, помѣщены были слѣдующія статьи: «Краткій взглядъ на исторію той части Литвы, которая нынѣ составляетъ ковенскую губернію» И. Прекера, за 1862 г., и «Указатель матеріаловъ для изученія сѣверо-западнаго края» П. Черневскаго, за 1882 годъ. Кромѣ того, въ настоящемъ году, къ проѣзду великаго князя Владиміра Александровича, составлена и издана была историческая записка о ковенской губерніи.

Въ Ковно въ настоящее время считается жителей до 50,000 человѣкъ, изъ коихъ евреевъ считается до 25,000 человѣкъ. Населеніе губерніи состоитъ преимущественно изъ литвы и жмуди, и только въ видѣ оазисовъ, преимущественно въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ губерніи, попадаются древнія русскія поселенія, храмы и монастыри. Это—или отдаленные отпрыски русской колонизаціи, или же, вѣрнѣе, остатки древняго русскаго поселенія въ странѣ, оттѣсненнаго потомъ жмудью и литвою. Кромѣ Сурдегскаго монастыря, существующаго и доселѣ, въ ковенской губерніи были древніе русскіе православные монастыри и храмы въ Крони, Оникштахъ, Подубисѣ и др. Свѣдѣнія о нихъ, по словамъ протоіерея виленскаго Пречистенскаго собора І. Котовича, находятся въ архивѣ литовской духовной консисторіи. Въ самомъ Ковно въ XVII вѣкѣ упоминается одинъ православный храмъ. Въ настоящее время здѣсь три православныхъ храма, но всѣ они обращены изъ католическихъ костеловъ и кляшторовъ.

Изъ достопримѣчательностей Ковна первое мѣсто занимаютъ остатки древняго ковенскаго замка, вѣроятно построеннаго литовскими князьями для защиты отъ ливонскихъ рыцарей. Замокъ расположенъ на лѣвомъ берегу Виліи, недалеко отъ впаденія ея въ Нѣманъ. Въ настоящее время уцѣлѣла отъ него часть круглой башни, съ выѣздными воротами и амбразурами, и двѣ примыкающія къ ней стѣны. Башня и стѣны сложены изъ дикихъ камней и крупнаго краснаго

кирпича. Другія части уцѣлѣвшаго замка застроены еврейскими хатами. Фотографическій видъ башни и примыкающихъ къ ней стѣнъ можно получить въ мѣстной фотографіи В. Е. Заторскаго, на улицѣ «Новый Планъ». Слѣдовало бы издать этотъ видъ. Лѣтъ 10 или больше тому назадъ, по разсказу старожиловъ, одинъ солдатъ изъ Риги выпросилъ у начальства разрѣшеніе произвесть въ замкѣ раскопки, съ цѣлію отысканія клада, и открылъ подъ замкомъ обширныя галлереи съ желѣзными дверями, спускающіяся къ Вилін.

Есть въ Ковнѣ и другая древняя крѣпость, о которой, кажется, не знаютъ и сами жители Ковно. Она почти цѣликомъ вошла въ составъ нынѣшняго городскаго сада, на берегу Нѣмана, и считается у мѣстныхъ жителей за упраздненное городское кладбище, но боевыя башни и амбразуры въ стѣнахъ ясно указываетъ на первоначальное стратегическое ея значеніе.

Кромѣ остатковъ старыхъ укрѣпленій, я осмотрѣлъ въ Ковно нынѣшній театръ, передѣланный будто бы изъ храма Перкуна, бывшую городскую ратушу, или большой дворецъ, и римско-католическіе костелы — Петропавловскій каѳедральный, основанный, какъ полагаютъ, въ началѣ XV вѣка, костелъ католической семинаріи, кармелитскій кляшторъ съ недавно открытыми въ немъ фресками и старую еврейскую синагогу.

Особенность старинныхъ ковенскихъ построекъ та, что онѣ большею частію не покрыты штукатуркою и даютъ возможность наблюдать величину и кладку кирпича. Поэтому только въ Ковнѣ явилась у меня мысль дѣлать измѣренія величины кирпичей въ старинныхъ зданіяхъ, чтобы вывести отсюда какое либо заключеніе о сравнительной ихъ древности и времени постройки. До сихъ поръ только квадратный тонкій кирпичъ, съ толстыми слоями извести или цемента, считался характеристическимъ признакомъ древнихъ построекъ византійскаго типа по XII вѣкъ включительно. Но хронологія удлиненныхъ кирпичей западно-европейскаго типа доселѣ неустановлена или, по крайней мѣрѣ, намъ неизвѣстна. Одну изъ древнѣйшихъ построекъ въ этомъ родѣ, т. е. съ удлиненными кирпичами, представляетъ башня въ Каменцѣ-Литовскомъ XIII вѣка, сложенная изъ дикаго камня и кирпичей. Къ сожалѣнію, величина послѣднихъ въ этой башнѣ намъ неизвѣстна. Въ ковенскихъ же древнихъ постройкахъ величина кирпича слѣдующая. Въ остаткахъ древняго литовскаго замка при сліяніи Вилін съ Нѣманомъ длина кирпича 5 вершковъ, а ширина и толщина около 2 вершковъ. Такой же приблизи-

тельно величины кирпичъ впослѣдствіи мы нашли въ витебской единовѣрческой Благовѣщенской церкви, основанной въ XIV вѣкѣ, но съ тѣмъ небольшимъ отличіемъ въ измѣреніи, что въ витебской церкви кирпичъ немного толще вершка. Поэтому постройку ковенскаго литовскаго замка при сліяніи Виліи съ Нѣманомъ приблизительно можно бы отнесть къ XIII—XIV вв. Нѣсколько меньше кирпичи въ другой ковенской крѣпости при Нѣманѣ и въ ковенскомъ каѳедральномъ римско-католическомъ костелѣ, именно длиною въ $4^1/_2$ вершка и толщиною около $1^1/_2$ вершка. А такъ какъ ковенскій каѳедральный римско-католическій костелъ относятъ къ началу XV столѣтія, то указанная величина его кирпича могла бы служить характеристическимъ признакомъ XV вѣка. Въ постройкахъ XVIII вѣка обыкновенно встрѣчается кирпичъ въ 4 вершка длиною и въ 1 вершокъ толщиною, какъ, напр., въ полоцкомъ Софійскомъ соборѣ половины XVIII вѣка. Такимъ образомъ общій, основной законъ постепеннаго видоизмѣненія формы удлиненныхъ кирпичей въ древнихъ зданіяхъ состоялъ бы въ постепенномъ уменьшеніи величины кирпичей, конечно, съ цѣлію сообщенія большей эластичности и легкости постройкамъ.

V.

Изъ Ковна я возвратился въ Вильну и, покончивъ здѣсь свои занятія, 1 августа отправился въ дальнѣйшій путь на Динабургъ. Здѣсь я не останавливался, но впослѣдствіи времени мнѣ привелось видѣть фотографическій видъ древняго динабургскаго нѣмецкаго замка, служившаго передовымъ постомъ въ наступательномъ движеніи нѣмецкихъ рыцарей на Русь и Литву. Изъ Динабурга—руксй подать до Риги, и мнѣ захотѣлось хоть однимъ глазкомъ взлянуть на страну нашихъ нѣмецкихъ культуртрегеровъ. Почва въ курляндской губерніи, по дорогѣ въ Ригу, сама по себѣ не представляется плодородною и немного развѣ лучше почвы минской губерніи, но воздѣлывается несравненно лучше: часто попадаются канавки и каналы для осушенія низменной, мокрой почвы; удобреніе земли—хорошее, раціональное; проселочныя дороги—исправныя. Въ вагонахъ преобладающимъ населеніемъ все болѣе и болѣе становятся нѣмцы, среди которыхъ невольно чувствуешь себя какъ бы случайнымъ, нежеланнымъ ихъ гостемъ. Даже мѣстные евреи, по закону приспособленія, принимаютъ здѣсь нѣмецкій оттѣнокъ и говорятъ довольно чистымъ нѣмецкимъ языкомъ, такъ что одну спутницу, цивилизованную еврейку, я при-

нялъ по ошибкѣ за нѣмку. Моя ошибка польстила спутницѣ и развязала у ней языкъ. Стоитъ объ этомъ разсказать.

Въ одномъ вагонѣ съ нами ѣхало трое пьяныхъ нѣмцевъ. Не смотря на безобразіе ихъ поведенія и приставанія къ другимъ пассажирамъ, пьяные нѣмцы все таки безпрепятственно доѣхали до мѣста своего назначенія, хотя на обратномъ пути изъ Риги, по просьбѣ пассажировъ, высаженъ былъ одинъ пьяненькій русскій мѣщанинъ на ближайшей станціи. На нелестное замѣчаніе моей спутницы о безобразіяхъ пьяныхъ нѣмцевъ, я отвѣтилъ ей, что, вѣдь, это—ея соотечественники. Но, къ удивленію моему, спутница отреклась отъ нѣмцевъ, какъ своихъ соотечественниковъ, и показала мнѣ выданный ей изъ полиціи видъ, въ которомъ значилось, что она—жена нѣмца протестанта, но сама *іудейскаго вѣроисповѣданія*. Первый мужъ ея былъ еврей, который далъ ей разводъ, послѣ чего она вышла замужъ за нѣмца провизора, удержавъ свое вѣроисповѣданіе, но обязавшись воспитывать дѣтей отъ новаго брака въ протестантскомъ исповѣданіи. Новый мужъ оказался ревнивцемъ, пьяницею и драчуномъ; а между тѣмъ прежній мужъ еврей снова приглашаетъ ее къ себѣ, обѣщая развестись съ наличной своей женой. Моя спутница, по ея собственному выраженію, думаетъ «возвратить прежнее свое счастіе», т. е. вернуться къ первому своему мужу, оставивъ втораго, и въ оправданіе свое ссылалась на то, что всякое животное, даже клопъ, хочетъ жить и не желаетъ умереть. «Попробуйте,—совѣтовала она мнѣ,—тронуть булавкою клопа: онъ непремѣнно побѣжитъ отъ булавки; слѣдовательно не хочетъ умирать, а хочетъ жить». Напрасно я старался увѣрить мою словоохотливую спутницу, что я лично не знакомъ съ клопами, такъ какъ въ моей квартирѣ ихъ нѣтъ: она не повѣрила мнѣ и настойчиво предлагала сдѣлать рекомендуемый ею опытъ.

Въ Ригѣ я съѣздилъ на взморье, осмотрѣлъ старый городъ съ его древнѣйшими постройками и хотѣлъ побывать въ мѣстномъ музеѣ; но онъ оказался закрытымъ, хотя я былъ въ положенное для осмотра музея время.

3-го августа изъ Риги я направился прямо въ Полоцкъ. Дорогою не представилось мнѣ ничего замѣчательнаго. Можно отмѣтить только разговоръ одного петербуржца съ полоцкимъ евреемъ по поводу мѣропріятій нижегородскаго биржеваго комитета къ ограниченію наплыва евреевъ на нижегородскую ярмарку. Прочитавъ газетную замѣтку объ этомъ, еврей грустно улыбнулся и замѣтилъ, что, хотя

между евреями дѣйствительно есть много нехорошихъ людей, но не всѣ же они—негодные люди, и что слѣдовало бы евреямъ дать извѣстныя права и возложность заработковъ. Если кошка стащитъ изъ горшка кусокъ мяса,—пояснилъ еврей,—то виновата въ томъ хозяйка, почему она не накормила кошки. На это петербуржецъ замѣтилъ, что бываютъ блудливыя кошки, которыхъ сколько ни корми, а не отучишь отъ блудливости.

День 4 августа я употребилъ на осмотръ Полоцка и его достопримѣчательностей. Въ Полоцкѣ два собора—Николаевскій изъ поіезуитскаго костела и приписной къ нему Софійскій, Богоявленскій мужской монастырь, женскій Спасскій Евфросиніевскій монастырь и приписной къ нему Борисоглѣбскій, и церкви Богословская на берегу Двины и единовѣрческая. Изъ учебныхъ заведеній въ городѣ находятся: кадетскій корпусъ, учительская семинарія и духовное училище. Всѣ они помѣщаются въ поіезуитскихъ зданіяхъ, составлявшихъ нѣкогда какъ бы особый городъ.

Отъ Николаевскаго поіезуитскаго собора не ожидалъ я никакихъ древностей и достопримѣчательностей и потому не былъ въ немъ. Впослѣдствіи времени я слышалъ, будто бы въ этомъ соборѣ сохранилось олицетворенное изображеніе Польши, благословляемой на мятежъ противъ Россіи. Трудно, впрочемъ, повѣрить, чтобы изображеніе было современно какому либо изъ польскихъ мятежей.

Софійскій полоцкій соборъ, находящійся въ верхнемъ замкѣ, при рѣкѣ, въ настоящемъ видѣ построенъ около половины XVIII в., и планъ его имѣетъ форму креста. Въ лѣвомъ отъ входа концѣ этого креста указываютъ мѣсто, гдѣ первоначально спасалась преп. Евфросинія Полоцкая. Говорятъ, что здѣсь сохранилась и вошла въ новую стѣну часть древней стѣны Софійскаго собора. Въ самомъ храмѣ обращаетъ на себя вниманіе только икона Богоматери съ Богомладенцемъ; но «лузги» въ глазахъ той и другаго показываютъ, что икона уже подновлена въ западно-европейскомъ стилѣ, въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII вѣка. Живущій при этомъ соборѣ псаломщикъ передавалъ мнѣ, что въ ризницѣ собора хранится рукописная лѣтопись его и рукописное евангеліе.

Въ полоцкомъ Богоявленскомъ мужскомъ монастырѣ, откуда приглашенъ былъ въ Москву извѣстный ученый XVII вѣка Симеонъ Полоцкій, въ настоящее время тоже нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ иконы Богородицы, которая, по внѣшнему виду, можетъ быть отнесена къ концу XVI или къ началу XVII вѣка.

Важнѣйшую же достопримѣчательность и святыню Полоцка составляетъ Спасо-Евфросиніевскій женскій монастырь Въ этомъ монастырѣ доселѣ сохранилась древняя церковь XII вѣка, за исключеніемъ купола и сводовъ, построенная преподобною Евфросиніей Полоцкою. Стѣны храма сложены изъ квадратныхъ кирпичей, помостъ передъ дверьми храма сдѣланъ изъ квадратныхъ тесаныхъ камней, составлявшихъ нѣкогда полъ самой церкви. Церковь весьма мала и можетъ вмѣщать въ себѣ только до 50 богомольцевъ. Восточная часть ея состоитъ изъ трехъ абсидовъ, изъ коихъ въ среднемъ только находится престолъ; боковые же абсиды, отдѣленные отъ средняго капитальными стѣнами, весьма узки и служатъ только предалтаріями. Своды храма поддерживаются четырьмя массивными кирпичными колоннами. Въ западной стѣнѣ церкви устроена лѣстница, ведущая на хоры. По обѣимъ сторонамъ хоръ помѣщаются двѣ небольшія крестообразныя келіи, изъ коихъ въ одной подвизалась преподобная Евфросинія, а въ другой—сестра ея Евдокія. Въ келіи преп. Евфросиніи въ настоящее время хранится устроенный ею въ 1161 году драгоцѣнный крестъ, съ заключающимися въ немъ святынями изъ Константинополя и Іерусалима. Онъ имѣетъ шестиконечную форму. Длина его $11^3/_8$ вершка, верхній поперечникъ (титло) 3 вершка, нижній $4^5/_8$ вершка. Содержащіяся въ немъ святыни обозначены славянскими надписями. Весь крестъ обложенъ золотыми и серебряными вызолоченными листами, на которыхъ находится множество украшеній и 20 маленькихъ медальоновъ съ изображеніями святыхъ, изъ коихъ одинъ утраченъ. На одной сторонѣ креста уцѣлѣли изображенія Іисуса Христа, Богоматери и Предтечи, архангеловъ Михаила и Гавріила, евангелистовъ Іоанна, Матѳея, Луки и Марка, св. Евфросиніи, великомученика Георгія и св. Софіи; на другой—Іоанна Хризостома, Василія (св. Григорія не сохранилось), апостоловъ Петра и Павла, первомученика Стефана, св. Димитрія и св. Пантелеимона. Въ боковой надписи, начертанной вокругъ всего креста на серебряныхъ вызолоченыхъ дощечкахъ, изображена воля св. Евфросиніи, чтобы крестъ сей, положенный ею въ монастырѣ въ церковь св. Спаса, оставался въ ней навсегда и никѣмъ не былъ отъ ней отчуждаемъ подъ опасеніемъ подвергнуться проклятію. Весь крестъ по краямъ унизанъ былъ жемчугомъ, который въ теченіе вѣковъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осыпался. На лицевой сторонѣ креста находится 8 большихъ дорогихъ камней и столько же меньшихъ, расположенныхъ по угламъ маленькихъ крестовъ, лежащихъ надъ частями чест-

наго древа. На оборотной сторонѣ креста, въ самомъ низу, подъ образомъ св. Пантелеймона и вокругъ части его мощей, вырѣзана еще слѣдующая надпись мелкими буквами: «Ги помози рабоу своему Лазорю нареченому Богъми съдѣлавшемоу крьстъ сии црькви стаго Спаса и Офросиньи».

Изъ печатныхъ описаній креста преп. Евфросиніи Полоцкой нельзя было опредѣлить способа производства сдѣланныхъ на немъ священныхъ изображеній въ медальонахъ. Но при взглядѣ на самый крестъ ясно открывается, что изображенія въ медальонахъ принадлежатъ къ такъ называемымъ византійскимъ перегородчатымъ эмалямъ. Сущность подобныхъ высокохудожественныхъ древневизантійскихъ издѣлій состояла въ томъ, что эскизъ изображаемаго святаго обозначался тонкими золотыми или серебряными перегородками или жилками, между которыми вставлялася стекловидная соотвѣтствующихъ цвѣтовъ композиція, замѣняющая краски. Крестъ преп. Евфросиніи несомнѣнно носитъ на себѣ печать XII вѣка и долженъ занять почетнѣйшее мѣсто между драгоцѣннѣйшими древневизантійскими перегородчатыми эмалями. Значеніе его еще болѣе возвышается отъ того, что онъ носитъ на себѣ всѣ признаки славяно-русскаго происхожденія своего и слѣдовательно служитъ свидѣтелемъ и показателемъ высоко-художественнаго развитія русскаго народа, какого онъ достигнулъ въ XII вѣкѣ подъ вліяніемъ Византіи. Что крестъ сдѣланъ русскимъ славяниномъ, это видно какъ изъ славянскихъ и неправильныхъ греческихъ надписаній надъ святынями и изображеніями его, такъ и изъ подписи мастера Лазаря Богши. По словамъ витебскаго ученаго А. Сапунова, фамилія Богши есть мѣстная бѣлорусская фамилія.

Кромѣ креста, въ полоцкой Спасо-Евфросиніевской церкви уцѣлѣли еще древнія фресковыя стѣнныя изображенія и сравнительно позднѣйшая икона преп. Евфросиніи Полоцкой. Къ сожалѣнію, фрески неумѣло реставрированы въ настоящемъ вѣкѣ. На западной стѣнѣ храма изображены отдѣльныя сцены страшнаго суда, а именно: Господь Вседержитель на престолѣ съ предстоящими Богоматерью и Предтечей, а по сторонамъ его—съ одной стороны родъ жидовскій съ Моисеемъ во главѣ, а съ другой—лики праведныхъ, предводимые, повидимому, апостоломъ Петромъ. На сводахъ противолежащихъ колоннъ видны трубящіе ангелы. Въ алтарѣ, надъ горнимъ мѣстомъ, изображенъ Господь Вседержитель, закрываемый отъ молящихся позднѣйшимъ иконостасомъ. Что же касается иконы преп. Евфросиніи

Полоцкой, то она, повидимому, тоже подновлена, и потому трудно судить о времени ея происхожденія. Внизу, на фонѣ иконы, какъ бы въ перспективномъ отдаленіи, изображенъ городъ Полоцкъ съ его древнѣйшими церквами, между которыми нужно предполагать Софійскій соборъ, Спасо-Евфросиніевскій и Борисоглѣбскій монастыри.

Въ полоцкомъ Спасо-Евфросиніевскомъ монастырѣ была еще одна замѣчательная святыня, это Ефесская икона Богоматери, по преданію писанная евангелистомъ Лукою и испрошенная преп. Евфросиніею у греческаго императора Мануила и константинопольскаго патріарха Луки Хрисоверга въ благословеніе своей полоцкой обители. Въ настоящее время икона эта находится въ г. Торопцѣ, псковской губерніи, въ соборной Воскресенской церкви, и извѣстна подъ именемъ Корсунской. Перенесена она изъ Спасо-Евфросиніевской обители въ Торопецъ въ 1239 году по случаю бракосочетанія благовѣрнаго князя Александра Невскаго съ дочерью полоцкаго князя Брячислава.

Къ Спасо-Евфросиніевскому монастырю приписанъ Борисоглѣбскій полоцкій женскій монастырь. Въ оградѣ его и до сихъ поръ сохраняются остатки древней Борисоглѣбской церкви, основанной въ XII вѣкѣ полоцкимъ княземъ Борисомъ Всеславичемъ († 1128 г.). Кирпичи—квадратные. Храмъ былъ небольшой, съ четырьмя массивными колоннами внутри и съ однимъ алтарнымъ полукруглемъ.

Н. Петровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Эпизодъ изъ исторіи обращенія кіевскихъ уніатовъ [1]).

По окончательномъ присоединеніи къ Россіи областей, входившихъ въ составъ бывшаго польскаго королевства, русское правительство начало принимать рядъ мѣръ для облегченія перехода уніатовъ въ православіе. Не прибѣгая къ рѣзкимъ мѣропріятіямъ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ и не поднимая вопроса о массовомъ возсоединеніи уніатовъ, правительство на первыхъ порахъ заботилось лишь о томъ, чтобы поддержать добровольно переходящихъ въ православіе и оградить ихъ «отъ мести, притѣсненій и обидъ» католиковъ и уніатовъ. Очевидно, случаи «мести» уніатамъ, переходившимъ «въ благочестіе», были не рѣдки, иначе нельзя объяснить мотивовъ появленія двухъ

[1]) См. въ москов. архивѣ М—ва Юстиціи—*тарищанскаго уѣзднаго суда* описи 6-й дѣло № 10.

Высочайшихъ именныхъ указовъ—отъ 22 апрѣля 1794 г. и 10 января 1795 г. Первый указъ предписываетъ помѣщикамъ, поссесорамъ и чиновникамъ «римскаго и уніатскаго закона не осмѣливаться дѣлать жителямъ ни малѣйшаго въ присоединеніи ихъ къ благочестію *препятствія*, а обращающимся—обидъ и *притѣсненія*, и что всякое подобное покушеніе, яко противу господствующей вѣры обращаемое и означающее преслушаніе воли нашей, долженствуетъ быть принято за уголовное преступленіе, суду подлежащее и влекущее за собою *секвестръ* имѣнія»... «Подтвердительный» указъ отъ 10 января 1795 г. прямо говоритъ, что русскія власти обязаны «предавшихся въ объятія православной нашей церкви *оберегать отъ мести*, притѣсненій и обидъ, а обидчиковъ и *наглецовъ* не оставлять безъ наказанія»...

Этотъ указъ былъ разосланъ, между прочимъ, при «опредѣленіи» *брацлавскаго* намѣстническаго правленія, помѣщикамъ, управителямъ и поссесорамъ *пятигорскаго* уѣзда, которымъ предписывалось, чтобы они возсоединившимся изъ уніи *священникамъ* «обидъ и притѣсненій ни подъ какимъ предлогомъ дѣлать не отваживалися, а имѣнія тѣ, кои до присоединенія къ церквамъ принадлежали, оставались бы всѣ безъ изъятія при нихъ навсегда, опасаясь за невыполненіе сего строгаго и неизбѣжнаго по законамъ сужденія и взысканія взятіемъ въ секвестръ имѣнія».

Несмотря, однако, и на эти указы, случаи «мести» бывшимъ уніатскимъ священникамъ со стороны католиковъ продолжались по прежнему. Одинъ такой случай дошелъ и до суда, въ 1796—7 гг.

Въ концѣ XVIII в. въ селѣ *Галайкахъ* (пятигорскаго уѣзда), принадлежавшемъ къ «тетіевскому ключу» владѣній «надворнаго коронаго подскарбія» пана Томаша *Островскаго*, болѣе 20 лѣтъ священствовалъ о. Гавріилъ *Буйницкій*. «Во время существованія Польши» о. Гавріилъ былъ уніатскимъ священникомъ, а «по присоединеніи сего края подъ Всероссійскую державу присоединился къ греко-россійской церкви». До этого перехода онъ свободно пользовался всѣми пахатными и сѣнокосными землями, данными прежними помѣщиками «на собственность его и церкви во вѣчность». «Отъ першихъ же дней по присоединеніи» галаецкій «прикажчикъ» Островскаго Янъ-Игнатій Бачинскій, «*въ отмщеніе*» за это присоединеніе, началъ дѣлать Буйницкому «несносныя обиды и притѣсненія». Такъ, въ 1796 г. онъ приказалъ «съорать» на помѣщика «грунтъ», данный священнику бывшею владѣлицею «тетіевскаго ключа» *кн. Санѣушковою* (права Буйницкаго на эту землю были подтверждены и наслѣдницею кн. Сан-

гушка «воеводзиною» Черняховскою). Когда Буйницкій выслалъ работниковъ на «оранку» остальныхъ церковныхъ земель, Бачинскій прогналъ ихъ съ поля. Во время сѣнокоса прикащикъ предупредилъ священника—скосилъ и забралъ сѣно на участкѣ Буйницкаго.

Положеніе священника еще болѣе ухудшилось, когда Бачинскій «подъ страхомъ наказанія и увѣчія» запретилъ галаецкимъ крестьянамъ идти къ Буйницкому не только въ годичные и полугодичные работники, но и на «подневныя работы». Всѣхъ бывшихъ у священника работниковъ изъ крестьянъ Островскаго Бачинскій отобралъ, не вернувши даже бывшихъ на нихъ «одѣяній» Буйницкаго.

Однажды былъ такой случай: наймичка батюшки Марія Мавчурова шла съ «криницы» съ «водоносомъ» на плечахъ. Бачинскій выслалъ крестьянина Пантелеймона Пачосу и приказалъ ему схватить «дѣвку» на панскій дворъ, а ведра отдать «дяку» для передачи батюшкѣ. Пачоса такъ и сдѣлалъ.

Бачинскій преслѣдовалъ бывшаго уніата и въ мелочахъ жизни. Такъ, онъ лишилъ священника прежняго права на даровой помолъ въ галаецкой мельницѣ, запретилъ въѣздъ въ помѣщичій лѣсъ для рубки дровъ, сталъ требовать съ пасѣки Буйницкаго «пчельной десятины» и пр., тогда какъ, состоя въ уніи, Буйницкій около 20 лѣтъ пользовался пожалованными—галаецкой церкви «въ вѣчное, а на мою особу до жизни» правами, освобождавшими отъ дачи помѣщику помольной «мѣрки», «пчельной десятины» и пр. Когда Бачинскій сталъ требовать «мѣрки» за помолъ, священникъ сначала отказался, но потомъ согласился давать. Тогда Бачинскій рѣшительно запретилъ молоть священническій хлѣбъ на галаецкой мельницѣ, такъ что Буйницкому пришлось возить его на далекія мельницы.

Въ іюлѣ 1796 г. Буйницкій принесъ пятигорскому нижнему земскому суду жалобу на всѣ эти дѣйствія Бачинскаго. Для изслѣдованія дѣла судъ отправилъ въ Галайки дворянскаго засѣдателя Станислава Иванскаго и уѣзднаго стряпчаго Турчанинова. Слѣдователи признали, что отнятыя у Буйницкаго пахатныя и сѣнокосныя земли дѣйствительно принадлежали прежде галаецкой церкви. Находя поступки Бачинскаго неправыми, они приказали ему вернуть священнику «пооранныя земли» и 143 копны скошеннаго сѣна.

Пользуясь этимъ постановленіемъ, Буйницкій попробовалъ вступить въ свои права—началъ орать возвращенныя ему земли. Но Бачинскій, не обращая вниманія на рѣшеніе суда,—снова выслалъ сво-

ихъ работниковъ, прогналъ священническихъ наймитовъ и самъ «переоралъ и осѣменилъ» спорную землю.

Послѣ новой жалобы Буйницкаго, нижній земскій судъ отправилъ въ Галайки пятигорскаго земскаго исправника Чижевскаго и уѣзднаго стряпчаго Турчанинова. Бачинскій объяснилъ исправнику, что онъ дѣйствовалъ не самовольно, но по приказанію пана Мартына Суловскаго, «коммиссара» тетіевской экономіи помѣщика Островскаго. Суловскій не отвергалъ, что спорный «хуторъ», отобранный Бачинскимъ у Буйницкаго, дѣйствительно принадлежалъ послѣднему, но что права священника на эту землю очень сомнительны. Буйницкій получилъ хуторъ во временное пользованіе отъ бывшей владѣлицы Тетіева пани *Ледуховской*, которая не имѣла правъ настоящей «дѣдички» на Тетіевъ, а потому и не могла раздавать земли на вѣчное владѣніе. Послѣ же Ледуховской «правнымъ дѣдичемъ» тетіевскаго ключа сдѣлался панъ Островскій, имѣющій всѣ права на спорный хуторъ, поля и сѣнокосъ. Когда Островскій началъ «генеральное размежеваніе» своихъ владѣній, то спорныя земли пришлось отдать крестьянамъ, а галаецкой церкви были отведены другія земли, но Буйницкій де отказывается принимать ихъ и требуетъ возврата прежнихъ своихъ земель.

Представляя все это брацлавскому намѣстническому правленію, нижній земскій судъ находитъ, что Суловскій является явнымъ ослушникомъ Высочайшаго указа отъ 10 генваря 1795 г. Тетіевская экономія—одна изъ самыхъ крупныхъ въ пятигорскомъ уѣздѣ, отобрала земли не только у галаецкаго священника, но и у другихъ новоприсоединившихся отъ уніи священниковъ въ подчиненныхъ экономіи селеніяхъ. Суловскій всячески преслѣдуетъ возсоединившихся: беретъ съ ихъ пасѣкъ «пчельную десятину», запрещаетъ молоть хлѣбъ на владѣльческихъ мельницахъ, не отпускаетъ священникамъ дровъ, не позволяетъ крестьянамъ наниматься въ работники къ священникамъ и пр. и пр. Жалобы бывшихъ уніатовъ на такія преслѣдованія Суловскаго постоянно доходятъ до суда. Судъ удовлетворяетъ просьбы священниковъ, но Суловскій не обращаетъ никакого вниманія на предписанія суда—«дѣлаетъ пренебреженіе и суду ослушаніе». Примѣру Суловскаго слѣдуютъ *и другіе помѣщики* пятигорскаго уѣзда, притѣсняющіе священниковъ—бывшихъ уніатовъ....

Генеральное межеваніе тетіевскаго ключа, затѣянное не Островскимъ, а именно Суловскимъ и созидающее большія неудобства для населенія (напр. многія старыя дороги закрыты, а проложены новыя

и неудобныя и пр.), предпринято главнымъ образомъ съ цѣлью преслѣдованія бывшихъ уніатскихъ, а нынѣ православныхъ священниковъ. Именно, межеваніе имѣетъ цѣлью отобрать у нихъ лучшіе «грунты» и «обратить въ раздѣлъ крестьянамъ», а священникамъ *дать худшіе земли*.... Но даже съ надѣломъ этихъ послѣднихъ Суловскій не торопится и священники остаются безъ всякихъ земель!...

Свое донесеніе намѣстническому правленію нижній земскій судъ заканчиваетъ соображеніями о томъ, что Ледуховская имѣла право распоряжаться землями тетіевскаго ключа.

Въ февралѣ 1797 г. намѣстническое правленіе послало указъ пятигорскому уѣздному суду, въ которомъ, на основаніи вышеупомянутыхъ указовъ 1794 и 1795 гг., предписываетъ суду «подвергнуть законному сужденію» поступки коммиссара Суловскаго, а обиженнымъ имъ Буйницкому и другимъ православнымъ священникамъ, бывшимъ уніатамъ, доставить полное и «справедливое удовольствіе».

Уѣздный судъ, однако, почему то медлилъ исполнить этотъ указъ и только въ апрѣлѣ отправилъ къ Суловскому «повѣстку» о явкѣ въ судъ на 16 апрѣля. Повѣстку повезъ столоначальникъ нижняго земскаго суда (уѣздный судъ предписывалъ послать «человѣка вѣжливаго, трезваго и вѣдающаго обхожденія благородныя»)... Посланный не засталъ Суловскаго и вручилъ повѣстку тетіевскому «генеральному эконому».

Въ то же время уѣздный судъ получилъ отъ нижняго земскаго суда производившееся въ послѣднемъ «дѣло» по жалобамъ Буйницкаго на притѣсненія Суловскаго и Бачинскаго. Извлекаю отсюда новыя подробности о взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ сторонъ.

Въ одномъ изъ своихъ «отвѣтовъ» нижнему земскому суду Суловскій говоритъ между прочимъ, что «подъ державою ея величества всѣ попы грунтовъ пахальныхъ не имѣютъ...., а только *приходами церковными* довольствуются». Если же въ здѣшнемъ краѣ попы получили земли, то единственно вслѣдствіе того, что «въ началѣ поселеній малые имѣли приходы, но напротивъ въ нынѣшнія времена с. Галайки гораздо отличествуетъ отъ прежняго своего поселенія, ибо въ себѣ душъ мужескаго полу 576, а женскаго 537 заключаетъ, то и попа своего приходами церковными довольствовать можетъ». Однако Островскій хотя и отобралъ при межеваніи у Буйницкаго земли, но взамѣнъ ихъ отвелъ другія. Буйницкій не пошелъ на эту сдѣлку: уничтоживши («попсовалъ») межевые знаки, сталъ орать на прежнихъ своихъ земляхъ, уже распредѣленныхъ экономіей между крестьянами.

Подтвердилось ли послѣднее обвиненіе Суловскаго—изъ производства нижняго земскаго суда не видно. За то въ немъ сохранилось не мало данныхъ едва ли не о самомъ крупномъ изъ безчинствъ Бачинскаго надъ Буйницкимъ—о *«наѣздѣ»* перваго на хуторъ галаецкой церкви (принадлежавшій ей—по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ—съ 1747 г.)... Вотъ подробности этого интереснаго эпизода.

Въ генварѣ 1797 г. Бачинскій приказалъ «побережнику» (объѣздчику) панскаго галаецкаго лѣса Василю Хлевненку строго слѣдить за хуторомъ Буйницкаго и, если кто станетъ вывозить оттуда лѣсъ или «форостъ», немедленно дать знать о томъ на панскій дворъ. Если Хлевненко прозѣваетъ такой случай, Бачинскій обѣщалъ «жестоко наказать» его. Хлевненко сталъ наблюдать за хуторомъ. Однажды, объѣзжая лѣсъ, онъ замѣтилъ, что съ хутора выѣхалъ на парѣ воловъ сторожъ Буйницкаго Дмитро Хуторный. На саняхъ у него было наложено срубленое на хуторѣ подсохшее вишневое дерево. Хлевненко немедленно полетѣлъ на панскій дворъ и далъ знать Бачинскому.

Подъѣзжая къ околицѣ Галаекъ, Хуторный увидѣлъ быстро шедшую къ нему на встрѣчу толпу панскихъ «козаковъ» (ихъ было 6 человѣкъ—Яковъ Еремичъ, Гнатъ Багрій, Лукьянъ Кирилюкъ и др.) Хуторный заподозрилъ что то недоброе и, бросивши воловъ, пустился бѣжать назадъ къ лѣсу. Но козаки его догнали и вмѣстѣ съ батюшкиною подводою представили на панскій дворъ, гдѣ Бачинскій велѣлъ Хуторнаго «забить въ колодки», а воловъ пустилъ въ господское стадо. На другой день Хуторнаго съ подводою отправили «за карауломъ» въ Тетіевъ, въ «главную экономію».

Въ ближайшее воскресенье Бачинскій отправилъ на хуторъ Хлевненка и еще 5 человѣкъ, на 3 подводахъ—забрать тамъ жену, дѣтей Хуторнаго и все его «имѣніе». Они пріѣхали на хуторъ незадолго передъ обѣдней. Жена Хуторнаго бросилась бѣжать въ Галайки, къ Буйницкому. Панская челядь пустилась догонять ее, но хорошо знакомая съ лѣсомъ, Хуторная ускользнула отъ нихъ и явилась прямо въ церковь. Буйницкій собирался уже приступить къ совершенію обѣдни, но во время остановленный, немедленно поѣхалъ на хуторъ. Здѣсь Хлевненко съ товарищами уже хозяйничали на полной волѣ—забирали все имущество Хуторныхъ и складывали на подводы. Но появленіе Буйницкаго остановило ихъ: онъ «не допустилъ чинить такова задору». Хлевненку ничего не оставалось дѣлать, какъ ни съ чѣмъ отъѣхать съ хутора.

Но Бачинскій поправился въ слѣдующее воскресенье. Когда шла обѣдня въ Галайкахъ и о. Буйницкій не могъ явиться на помощь къ семьѣ Хуторнаго, на хуторъ явилась посланная Бачинскимъ болѣе многочисленная партія—нѣсколько крестьянъ на 3 подводахъ и 5 верховыхъ (прикащикъ с. Черапина Пеньковскій, лѣсничій Яворскій и 3 «побережника»). Окруживши хуторъ, они схватили жену и дѣтей Хуторнаго, забрали всякую рухлядь, скотъ (4 тельныхъ коровы и 2 телятъ) и пр. Все это было отвезено въ Тетіевъ, гдѣ экономія отвела Хуторному хату и никуда не выпускала изъ села.

Бачинскій и Суловскій поступили такъ съ Хуторнымъ на томъ основаніи, будто онъ «подданный» Островскаго. На самомъ дѣлѣ этого не было. Дмитро Хуторный былъ родомъ изъ с. Замійцы (изъ подъ Кременца), имѣнія графа *Мнишка*. 12 лѣтъ тому назадъ онъ ушелъ оттуда съ женою и встрѣтилъ около Тетіева Буйницкаго, который и пригласилъ Дмитра поселиться у него на хуторѣ. Съ тѣхъ поръ онъ и проживалъ здѣсь «безотлучно». Буйницкій ежегодно платилъ за него «казенныя подати«.

Конечно, Буйницкій не оставилъ этого дѣла и немедленно обратился съ жалобою въ нижній земскій судъ, требуя отъ Бачинскаго возврата Хуторнаго, пары воловъ, стоившихъ 20 р., саней, и проч. Судъ предписалъ земскому исправнику Якову Чижевскому отобрать все у Бачинскаго и вернуть Буйницкому. Но исправникъ медлилъ даже послѣ того, какъ получилъ отъ брацлавскаго намѣстническаго правленія строгій выговоръ за то, что не оказываетъ Буйницкому должнаго по законамъ содѣйствія и потворствуетъ насиліямъ Бачинскаго. Правленіе предписало Чижевскому немедленно ѣхать въ Галайки, отобрать и вернуть Буйницкому все «заграбленное» на хуторѣ, произвести на мѣстѣ «изслѣдованіе», а виновныхъ «въ ограбленіи» («козаковъ» Островскаго и пр.) отослать въ судъ.

Этотъ указъ былъ данъ въ началѣ февраля 1797 г., но только въ мартѣ Чижевскій съѣздилъ на слѣдствіе въ Галайки (при депутатѣ съ духовной стороны) и затѣмъ донесъ намѣстническому правленію, что, несмотря на всѣ его «повелѣнія», тетіевская экономія не возвращаетъ Буйницкому «ограбленнаго», «для чего принужденъ я поставить той экономіи *экзекуцію* и, буде и за симъ» Суловскій не послушается, то исправникъ представитъ его «законному сужденію».

Испугала ли Суловскаго эта «экзекуція», или онъ понялъ, что въ своемъ преслѣдованіи Буйницкаго зашелъ такъ далеко, что вооружилъ противъ себя русскую администрацію, въ борьбѣ съ которою

мудрено было расчитывать на успѣхъ, но Суловскій сдѣлалъ крутой оборотъ и поспѣшилъ примириться съ Буйницкимъ. Однако и этимъ примиреніемъ онъ воспользовался, чтобы еще разъ хлеснуть ненавистнаго ему «схизматика» и ловкимъ маневромъ вывернуться изъ положенія обвиняемаго и стать въ положеніе обиженнаго...

Въ апрѣлѣ 1797 г. панъ Мартынъ, «по позыву пятигорскаго уѣзднаго суда являсь по дѣлу», объяснилъ присутствію суда нижеслѣдующее: панъ слагаетъ съ себя обвиненіе въ ослушаніи начальства, такъ какъ яко бы во все время производства дѣла онъ отсутствовалъ изъ Тетіева и при томъ нижній земскій судъ ни разу не вызывалъ его для объясненій. Никогда не думалъ онъ отнимать у Буйницкаго церковныхъ земель, но только вслѣдствіе общаго перемежеванія тетіевскаго ключа пришлось взять у священника для крестьянъ прежнія земли, а ему предложить другія. Буйницкій сначала было согласился на эту перемѣну, но потомъ отказался. Всѣ остальныя притѣсненія Буйницкому произведены Бачинскимъ, который дѣйствовалъ тутъ самостоятельно, безъ всякаго участія его, Суловскаго.

Въ заключеніе Суловскій торжественно заявилъ суду: «что все священникъ Буйницкій *на меня всклепалъ* невинно и напрасно, въ томъ засвидѣтельствуютъ прилагаемые у сего сочиненные между нами въ добровольномъ условіи *компликаціи!!*»...

Эти «компликаціи» (или «мировое прошеніе» Суловскаго и Буйницкаго, поданное суду 20 апрѣля 1797 г.) гласили слѣдующее: такъ какъ по дѣлу о земляхъ галаецкой церкви Буйницкій уже получилъ отъ Суловскаго *«удовлетвореніе»* (какое именно — не говорится), то донося о семъ суду, они просятъ «претензію» между ними «числить конченною миромъ», вслѣдствіе чего Буйницкій «получа единожды удовольствіе, никогда на Суловскаго и экономію тетіевскую искать не будетъ и предаетъ забвенію»...

Любопытно, что этотъ документъ подписанъ Буйницкимъ по польски, тогда какъ всѣ прежнія его бумаги въ судъ онъ подписывалъ по русски... Очевидно, что и въ этой мелочи онъ хотѣлъ сдѣлать любезность Суловскому...

22 апрѣля уѣздный судъ постановилъ свой приговоръ по дѣлу о. Буйницкаго. Прежде всего судъ дѣлаетъ «строжайшій выговоръ» нижнему земскому суду за то, что онъ, повѣривши показаніямъ Бачинскаго и Буйницкаго, привлекъ къ суду Суловскаго, ни разу не вызвавши его для личныхъ объясненій. Затѣмъ судъ дѣлаетъ внушеніе и Буйницкому: «яко самому изъявившему свою виновность (гдѣ

же?—этого нельзя найдти даже въ «мировомъ прошеніи»...) въ напрасномъ *оклеветаніи* Суловскаго—подтвердить, дабы не отважывался такъ на невинныхъ клеветъ наносить и дѣлать присутственнымъ мѣстамъ лишнія заботы и переписки»...

«Комисаръ» М. Суловскій освобожденъ судомъ отъ всякой отвѣтственности по дѣлу. Но и ему строго подтверждено, чтобы онъ во первыхъ «далъ всегдашній документъ» на земли галаецкой церкви, а затѣмъ чтобы онъ «отнюдь не покушался на отнятіе отъ церкви и священниковъ земель» и чтобы какъ Буйницкому, такъ и другимъ священникамъ тетіевскаго ключа «никакихъ обидъ не осмѣливался причинять подъ штрафомъ въ высочайшемъ именномъ указѣ отъ 22 апрѣля 1794 г. положеннымъ»...

Этимъ постановленіемъ дѣло и закончилось. Нельзя не пожалѣть, что уѣздный судъ не разъяснилъ—въ чемъ именно заключалось «удовлетвореніе», полученное Буйницкимъ отъ Суловскаго. Было ли это возвращеніе къ прежнимъ порядкамъ, какіе существовали до перехода Буйницкаго въ православіе? или это былъ новый компромиссъ, на какой вынужденъ былъ пойти Буйницкій, не желавшій почему либо продолжать борьбу съ Суловскимъ?—Трудно отвѣчать здѣсь рѣшительно, но думается, что Буйницкій былъ удовлетворенъ именно въ томъ смыслѣ, какъ онъ добивался передъ судомъ. Только этимъ и можно объяснить фактъ очень быстраго согласія Буйницкаго на примиреніе съ Суловскимъ. Если бы Суловскій не далъ полнаго и желаемаго удовлетворенія Буйницкому, послѣдній, повидимому, человѣкъ энергичный—врядъ ли бы оставилъ такъ скоро борьбу свою съ нимъ, въ которой и законъ, и высшая администрація края оказывались на сторонѣ священника, а не пана.

Какъ бы тамъ ни было—получилъ ли Буйницкій отъ Суловскаго полное «удовлетвореніе», или нѣтъ,—но исторія ихъ борьбы несомнѣнно распространилась по всему краю и должна была произвести дурное впечатлѣніе на тѣхъ уніатскихъ священниковъ, которые собирались переходить въ православіе. Они поняли, что при всемъ сочувствіи къ ихъ дѣлу высшей русской администраціи и при всемъ содѣйствіи закона, и низшая полупольская администрація съ судами, и тѣмъ болѣе мѣстное чисто польское общество оказываются далеко не на ихъ сторонѣ и готовы всячески препятствовать ихъ стремленіямъ къ православію. Не всякій могъ рѣшиться—подобно о. Буйницкому — принять на себя подвигъ нелегкой борьбы съ всесильными панами. Мнѣ кажется, что именно эту цѣль запугиванія

нерѣшительныхъ и имѣлъ въ виду Суловскій, вступая въ борьбу съ Буйницкимъ. И только тогда, вѣроятно, онъ прекратилъ эту борьбу, когда цѣль была достигнута, когда колебавшіеся мѣстные уніаты ослабѣли въ своемъ стремленіи къ возсоединенію съ православіемъ...

Н. Оглоблинъ.

Личный составъ и аттестація духовенства александровскаго уѣзда екатеринославской губерніи по архивнымъ даннымъ 1814 и 1824 годовъ.

Покровскій соборъ г. Александровска, благодаря бережливости духовенства, обладаетъ весьма цѣннымъ архивомъ какъ собственнымъ, такъ и бывшихъ духовныхъ правленій павлоградскаго, маріупольскаго и александровскаго, ведущимъ свое начало съ 1772 года. Въ дѣлахъ есть документы о возникновеніи церквей въ бывшемъ *дикомъ полѣ* Запорожья, о числѣ душъ въ томъ или другомъ году въ каждой вновь заведенной вольной или помѣщичьей деревнѣ, о рожденіи, бракахъ и смертности населенія и проч. Этотъ архивъ, между прочимъ, даетъ намъ также много матеріаловъ о судебныхъ процессахъ духовенства, возникавшихъ—рѣдко по разслѣдованію высшаго духовнаго начальства и очень часто по доносамъ другъ на друга священниковъ и причетниковъ, представляетъ также данныя о тогдашнемъ составѣ духовенства, его умственномъ и нравственномъ уровнѣ. Въ послѣднемъ случаѣ лучшимъ источникомъ служатъ формулярныя вѣдомости всѣхъ церквей уѣзда. При составленіи настоящей краткой замѣтки мы пользовались такими вѣдомостями за 1814 и 1824 годы, изъ которыхъ извлекаемъ слѣдующія цифры.

	Въ 1814 г.	Въ 1824 г.
Всѣхъ церквей въ уѣздѣ было	36	40
Составъ причта: Священниковъ	54	61
Діаконовъ	15	12
Дьячковъ	27	38
Пономарей	30	41

По образованію лица эти представляютъ слѣдующее дѣленіе:

	Въ 1814 г.	Въ 1824 г.
Священниковъ академиковъ (Кіевск.)	—	1
окончивш. дух. семинарію.	2	2
не окончившихъ	9	11
не учившихся въ семинаріи.	43	47
	54	61

	Въ 1814 г.	Въ 1824 г.
Діаконовъ: не окончившихъ семинаріи	—	5
не учивш. въ семинаріи	15	7
	15	12
Дьячковъ: не окончивш. семинар.	2	10
не учившихся въ семинар.	25	28
	27	38
Пономарей: не окончивш. семинар.	3	6
не учивш. въ семинар.	27	35
	30	41

Затѣмъ вѣдомости даютъ свѣдѣнія о нравственныхъ качествахъ каждаго лица, аттестуя словами «добраго» (поведенія), «хорошаго», «изряднаго», «нехудаго» или на оборотъ: «нехорошаго», «дурного», «зазорнаго». Въ послѣднемъ случаѣ приводятся качества или поступки, вызвавшіе дурные отзывы, размѣръ штрафа или мѣры взысканія, наказанія. Объ одобрительныхъ или неодобрительныхъ отзывахъ о каждомъ лицѣ лучше всего свидѣтельствуютъ цифры.

	Въ 1814 г.	Въ 1824 г.
Священниковъ: одобрительн.	38	40
неодобрит.	16	21
Діаконовъ: одобрит.	12	9
неодобрит.	3	3
Дьячковъ: одобрит.	23	30
неодобрит.	4	8
Пономар.: одобрит.	29	35
неодобрит.	1	6

Въ заключеніе считаемъ небезъинтереснымъ привесть здѣсь болѣе характерные *неодобрительные* отзывы духовнаго начальства.

1814 годъ.

1) *Село Благовѣщенское.* Священникъ Димитрій Васильевъ Крыжановскій, 36 лѣтъ, въ чтеніи и потномъ пѣніи искусенъ; въ семинаріи не обучался. За пьянство и противузаконные поступки сосланъ былъ въ 1813 году въ Георгіевскій Бизюковъ монастырь на епитемію на одинъ годъ.

Указный дьячокъ Мануилъ Даниловъ сынъ Кавуновъ, 43 лѣтъ. Не худаго, но за невоздержанную жизнь въ 1809 году посилаемъ былъ въ Самарскій Николаевскій монастырь для употребленія и послушанія на 1 годъ.

Благочинный свящ. Карпъ Чернявскій.

2) *Село Большая Михайловка.* Священникъ Василій Самуиловъ Рушенковъ, 61 года, въ чтеніи и пѣніи искусенъ; въ семинаріи не обучался. Состоянія худаго и къ исправленію безнадеженъ, ослушенъ и былъ штрафованъ въ 1807 году за ссоры и драки посылкою въ Самарскій монастырь чрезъ 2 мѣсяца, съ запрещеніемъ священнослуженія и рукоблагословенія, на епитемію. 1810 года генваря 10

за отдачу сына своего въ свѣтское училище и неприставленіе въ семинарію—5-тью рублями. 28 того же генваря за обвѣнчаніе въ непозволенное время брака—10-ю рублями и употребленіемъ въ Александровскомъ Покровскомъ Соборѣ чрезъ 1 мѣсяцъ въ ежедневное служеніе и 1811 г. за обвѣнчаніе незаконнаго брака, посылкою въ Бизюковъ Григорьевскій монастырь на одинъ годъ для употребленія въ послушаніе. Да и нынѣ состоитъ подъ слѣдствіемъ за питье въ приходской своей церкви горячаго вина, переносъ таковаго чрезъ святой алтарь.

Благочинный священникъ Іоаннъ Левитскій.

3) *С. Воскресенка.* Священникъ Андрей Матфеевъ Филоненковъ 49 лѣтъ, въ чтеніи и пѣніи искусенъ; въ семинаріи не обучался. Худаго (поведенія) и былъ штрафованъ въ 1807 году за худые поступки посылкою на годъ въ Самарскій монастырь въ чорную работу, а въ 1812 году за обвѣнчаніе брака не своего прихода употребленіемъ въ г. Александровскѣ 3 мѣсяца въ служеніи.

Благоч. свящ. Карпъ Чернявскій.

4) *С. Григорьевка*, графини Литто-Скавронской. Діаконъ Захарій Исаіевъ Голубовскій, 42 л. Состоянія хорошаго, но былъ штрафованъ 10-ю рублями за нерадѣніе въ ученіи сына своего.

Благочинный іерей Лука Голубицкій.

5) *С. Гавриловка.* 2-й священникъ Терентій Антоніевъ Харловъ 27 л., обучался въ екатеринославской семинаріи до поэзіи, которой слушалъ чрезъ годъ. Добраго, но за небытіе въ высокоторжественный день на всенощной и молебномъ пѣніи и за ослушности благочинному, штрафованъ былъ положеніемъ въ Николаевской (мѣстной) церкви до 200 земныхъ поклоновъ.

Благочинный свящ. Іоаннъ Левитскій.

6) *С. Гуляйполе.* Діаконъ Матѳей Григорьевъ Буряковъ 34 л. Добраго, но за обращеніе съ зазорною женщиною былъ штрафованъ посылкою въ Самарскій монастырь для употребленія въ послушаніи на 3 мѣсяца въ 1811 году.

Левитскій.

7) *С. Петриковка.* Священникъ Кирилъ Іоанновъ Срединскій, 41 г.; въ семинаріи не обучался. Добраго, но былъ штрафованъ за невоздержную жизнь лишеніемъ перваго прихода. Нынѣ ведетъ себя честно и отъ хмельныхъ напитковъ вовсе отсталъ.

Левитскій.

8) *С. Ивановка.* Стихарный дьячекъ Андрей Лукіановъ Чеховъ, 49 л. Дерзокъ, строптивъ и непослушенъ, но не штрафованъ.

Левитскій.

9) *С. Конскіе Раздоры.* 1-й священникъ Маркъ Гавріиловъ Андріевскій, 44 л.; въ семинаріи не обучался. Худаго и былъ штрафованъ въ 1812 году 1-е, за продажу женою его въ церковномъ притворѣ своихъ свѣчъ—10 рублями, а 2-е, за захватываніе доходовъ безъ раздѣлу и произведеніе ссоръ—положеніемъ съ приходской иного благочинія церкви 400 поклоновъ.

10) *С. Преображенка.* Священникъ Пантелеймонъ Федоровъ Чернявскій 58 л., въ семинаріи не обучался. Поведенія нехудаго, но былъ штрафованъ въ 1811 году за обвѣнчаніе не правильнаго брака взысканіемъ на вдовъ и сиротъ священно и церковно служительскихъ 20-ю рублями, и за сдѣланный предъ архіереемъ обманъ касательно изученія сына своего грамотѣ,—положеніемъ въ Екате-

рининскомъ катедральномъ соборѣ чрезъ недѣлю ежедневно по 25 поклоновъ земныхъ. И сего 1814 года, за передержаніе сына своего Константина семинаріи риторики ученика—10 рублями.

11) *С. Пологи.* Священникъ Прокопій Филипьевъ сынъ Филипповъ 46 лѣтъ; въ семинаріи не обучался. Добраго, но штрафованъ въ 1807 году за заграбленіе у ново-московскаго мѣщанина Шабелкина золотарскихъ инструментовъ 300-ми поклоновъ. Въ 1808 г. за нерадѣніе о изученіи сына своего—5-ю рублями.

Благоч. Карпъ Чернявскій.

12) *С. Покровскаго.* Свящ. Іаковъ Антоніевъ Хроловъ, 33 л.; въ семинаріи не обучался. Не худаго, но за побои въ пьяномъ образѣ отставного солдата Сасина въ 1810 году, по указу консисторіи находился въ Самарскомъ монастырѣ на ектиніи чрезъ 3 мѣсяца.

Благоч. Іоаннъ Левитскій.

13) *С. Цареконстантиновки.* 2-й священникъ Іоаннъ Кирилловъ Брылевъ, 42 л.; въ семинаріи не обучался. Зараженъ пьянственною страстію и склоненъ къ ссорамъ и дракамъ и былъ штрафованъ за пьянство и нерадѣніе къ своей должности въ 1809 г. посылкою въ Самарскій монастырь, на полугодовую епитемію, который и нынѣ подъ слѣдствіемъ находится за противузаконные поступки.

Благоч. Карпъ Чернявскій.

1824 годъ.

14. *С. Павловка-Камышевска.* Свящ. Матѳей Савинъ Мацюшинъ 43 л.; въ семинаріи не обучался. Состоянія не худаго, но за драку съ евреиномъ штрафованъ былъ посылкою въ Самарскій монастырь на 3 мѣсяца въ ежедневное служеніе.

Благоч. свящ. Павелъ Цегельниковъ.

15) *С. Свистуново-Петровское.* Свящ. Антоній Стефановъ Щипченковъ 50 лѣтъ; въ сем. не обучался. Состоянія посредственнаго, но зараженъ пьянственною страстію и за несоблюденіе и исполненіе начальническихъ предписаній штрафованъ въ 1810 году 5 руб., въ 1819—5 рублями и въ 1823—на сиротъ и вдовъ 10 рублями и ссылкою на епитемію.

Стихарный пономарь Василій Стефановъ Веселовскій 39 л. Состоянія добраго, но за несоблюденіе своей должности по случаю сгорѣвшей Старокадацкой церкви (екатериносл. уѣзда, откуда переведенъ) былъ штрафованъ 400 поклоновъ.

16) *Посада бывшей крѣпости Петровской.* Свящ. Николай Андреевъ Соловьевъ 45 л.; обучался въ семинаріи до богословіи. Націи турецкой. По принятіи христіанскаго закона, находился на воспитаніи покойнаго преосвящ. архіеп. Амвросія. По умертвіи его на жалованный изъ кабинета блаженной памяти Императрицы Екатерины II-я съ 1793 года обучался въ екатеринославской семинаріи съ низжихъ классовъ по богословіи. Въ поведеніи не одобряется за склонность къ пьянству. 1819 году взятъ былъ для воздержанія въ соборную церковь (Александровскую) въ ежедневное служеніе, въ какое время и отъ благочинническої должности отставленъ: потомъ хотя и отпущенъ былъ на приходъ къ исправленію должности, но паки за тую же страсть и послѣдовавшую болѣзнь устраненъ былъ на малое время отъ священнослуженія и посланъ былъ въ Георгіевскій Бизюковъ монастырь на епитемію.

И. д. благоч. Кондратъ Кривоузовъ.

17) *С. Новоспасовка.* Свящ. Павелъ Антоновъ Черняевъ, 47 л.; обучался въ курской семинаріи до синтаксиса. Поведенія не хорошаго, былъ штрафованъ въ 1822 году за недоставленіе сына своего въ семинарію 10-ю руб., а въ 1823 году за пьянство, ссору, драку и другіе противузаконные и соблазнительные поступки посиланъ былъ на полгода въ Георгіевскій Бизюковъ монастырь въ послушаніе, да и нынѣ находится подъ судомъ за похищеніе якобы чужихъ вещей.

И. д. благоч. Кривоузовъ.

18) *С. Благовѣщенки.* Указный дьячокъ Романъ Мануиловъ Кавуновъ, 20 л. Въ поведеніи не одобряется и находится подъ судомъ гражданскаго правительства за воровство лошадей.

Онъ же.

19) *С. Федоровки.* Діаконъ Тимоѳей Семеновъ Чернявскій, 25 лѣтъ. Часто упражнялся въ пьянствѣ и обращеніи съ неблагонадежными людьми, подаетъ, по вдовству своемъ, въ поведеніи зазрѣніе, а притомъ строптивъ и непокоренъ. 1818 г. за разные шалости и неблаговидные поступки былъ штрафованъ опредѣленіемъ въ екатеринославскую семинарію на одинъ годъ сторожемъ.

20) *С. Пологъ.* Свящ. Прокофій Филипьевъ Филипповъ, 56 л. (Изъ запорожскихъ козаковъ). См. 11. 1821 года за непредставленіе 2-хъ сыновъ своихъ въ семинарію штрафованъ посылкою въ архіерейскій загородній домъ на полгода, съ употребленіемъ 3-хъ мѣсяцевъ въ причетническую должность и 3-хъ въ священнослуженіе, а 1824 года за упущеніе въ приходскую его церковь принадлежащей ему собаки—6-ти недѣльнымъ священно-служеніемъ на собственномъ своемъ коштѣ.

И. д. благоч. тотъ же.

21) *С. Воскресенскаго.* Указный пономарь Федоръ Саввинъ Петровъ, 19 лѣтъ. Поведенія худаго и больше занимается бродяжничествомъ, нежели своею должностію.

И. д. благоч. свящ. Кривоузовъ.

22) *С. Захарьевки.* Свящ. Димитрій Васильевъ Дроковъ 40 л., въ семинаріи не обучался Поведенія не худаго. За ссору и драку былъ штрафованъ въ 1818 г. употребленіемъ въ причетническую должность при екатеринославской святодуховской церкви, съ положеніемъ каждой недѣли въ два дни по 50 поклоновъ земныхъ, съ 1824 года по указу Святѣйшаго Синода за обвѣнчаніе указнаго пономаря Михаила Золотова въ несовершенныхъ лѣтахъ (16 лѣтъ) посылкою въ Григорьевскій Бизюковъ монастырь на 2 годы и 7 мѣсяцевъ и нынѣ находится въ монастырѣ.

Кривоузовъ.

Просматривая исповѣдныя росписи церквей конца семисотыхъ годовъ, на каждой изъ нихъ встрѣчаемъ однообразныя, но интересныя подписи, свидѣтельствующія о вѣрности. Приведемъ засвидѣтельствованіе, учиненное причтомъ «Славенской епархіи Павловскаго духовнаго правленія азовской губерніи, александровскаго уѣзда, помѣщичьей слободы Андреевки (Иваненко нынѣ), церкви Успенія Пресвятыя Богородицы» за 1784 годъ.

„Сверхъ вышеписаннаго в томъ моемъ святоуспенскомъ приходѣ прописнихъ и утаенныхъ ничиихъ дворовъ неимеется и воозначенныхъ дворахъ, кромѣ вышеписаннихъ никого тутошнихъ жителей і прышлихъ никакого чына и возраста

людей подъ укрывательствомъ необрѣтается і противящихся святой церквѣ расколниковъ нынѣ, также которіе в сей росписѣ показани зисповѣдавшимыся зпрычастывшимыся, тѣ всѣ подлынно исповѣдалысь и святыхъ таинъ причастилысь, неисповѣданнихъ же и непрычастывшихся никого, кроме малолѣтнихъ не было, буде же изъ оного моего показанія по какому доносу явится хотя мало что ложное или какая утайка і прикрытіе, зато повыненъ я неточію въ верженію своего чина, но и жестокому в гражданскомъ судѣ истязанію, въ чемъ и подписуюсь.

Священникъ *Петръ Хуркаловъ* подписался.

Діаконъ *Григорій Савинъ* подписался.

Рукоположенной дячекъ *Максимъ Жилоудовъ* подписался.

Александровскъ. **Я. П. Новицкій.**

Къ біографіи Т. Г. Шевченка.

Когда изъ автобіографіи, написанной Шевченкомъ въ 1859 г. по просьбѣ редактора одного изъ тогдашнихъ повременныхъ изданій, сдѣлалось общеизвѣстнымъ, что ближайшіе родные поэта, братья и сестра съ ихъ дѣтьми, оставались *крѣпостными* еще и въ пору появленія этой скорбной автобіографіи, то освобожденіе, *немедленное же* освобожденіе ихъ, — не дожидаясь даже исхода разработывавшагося тогда правительствомъ вопроса «объ улучшеніи быта крестьянъ», — можно безъ преувеличенія сказать, стало моментально не только предметомъ платоническихъ пожеланій, но и сердечныхъ мѣропріятій какъ со стороны большинства литературныхъ, такъ и вообще интеллигентныхъ кружковъ тогдашняго петербургскаго общества. Важнѣйшимъ изъ такихъ мѣропріятій, несомнѣнно, были переговоры, начатые комитетомъ «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ», тогда только что возникшимъ, съ владѣльцемъ села Кириловки и его крѣпостныхъ душъ, въ числѣ которыхъ находились братья и сестра Шевченка. Въ переговорахъ этихъ пришлось, между прочимъ, по просьбѣ комитета, принять непосредственное участіе и пишущему эти строки... Привожу здѣсь въ подлинникѣ письмо, написанное ко мнѣ комитетомъ по этому поводу:

„Комитетъ
Общества для пособія.... и пр.
Мая 16 дня 1860 г. Мил. Г.,
№ 292. Н—й Д—чъ,
С.-Петербургъ".

«Комитетъ, узнавъ, что вы отправляетесь на службу въ г. Елисаветградъ и что по дорогѣ можете заѣхать къ г. Фліорковскому, обращается къ вамъ съ слѣдующей покорнѣйшей просьбою:

1) Члены Комитета, письмомъ къ г. Фліорковскому, просили его увѣдомить, согласится ли онъ отпустить на волю родныхъ г. Шевченка, и если согласится, то на какихъ условіяхъ?—До сихъ поръ отвѣта на это письмо не послѣдовало; почему Комитетъ проситъ васъ м. г., узнать отъ г. Фліорковскаго:

2) можетъ ли онъ исполнить желаніе Комитета, и если можетъ, то

3) на какихъ условіяхъ думаетъ онъ предоставить волю роднымъ г. Шевченко: если съ вознагражденіемъ, то какую цѣну полагаетъ онъ за выкупъ каждой души?

4) наконецъ, при предполагаемомъ выкупѣ, въ какомъ количествѣ, на тягло или на душу, надѣлитъ онъ землею получившихъ свободу?

5) Не можете ли увидать самихъ родныхъ Шевченко и вообще объясниться съ ними, желаютъ ли они быть приписаны къ землѣ, выдѣленной г. Фліорковскимъ, и вообще какія предположенія имѣютъ относительно устройства своей участи?

Прося васъ покорнѣйше увѣдомить меня о послѣдствіяхъ переговоровъ вашихъ съ г. Фліорковскимъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ прошу васъ принять увѣреніе, и пр.

Ег. Ковалевскій».

(Предсѣдатель общества).

Отъѣздъ мой изъ Петербурга, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, послѣдовалъ однако не въ маѣ, когда было получено мною вышеприведенное письмо, лично врученное мнѣ тогдашнимъ секретаремъ «Общества», Ал. Дм. Галаховымъ, а лишь въ началѣ іюля. За это послѣднее время моего пребыванія въ Петербургѣ мнѣ особенно часто приходилось видаться съ Тарасомъ Григорьевичемъ, съ которымъ, впрочемъ, я и до того уже былъ хорошо знакомъ. Заходилъ онъ ко мнѣ, заходилъ и я къ нему, на его тѣсную-тѣсную квартирку, въ академіи художествъ, встрѣчались мы и въ обществѣ... и, о чемъ бы и съ кѣмъ бы у насъ ни шелъ разговоръ, всякій разъ, въ концѣ концовъ, Тар. Гр. сводилъ, бывало, рѣчь на предстоявшую мнѣ на Украину поѣздку, а при прощаньи, крѣпко пожимая мнѣ руки, говаривалъ: «голубчику! поусердствуй же, похлопочи за этихъ *несчастныхъ!*»...---Наканунѣ моего отъѣзда я пробылъ у него съ 3 ч. пополудни до полуночи, и о чемъ, о чемъ только мы не переговорили съ нимъ въ эти памятные для меня часы!—Тар. Гр. все время нашей бесѣды былъ въ какомъ то особенно возбужденномъ состояніи

и такимъ говорливымъ и экспансивнымъ, какимъ я его не видывалъ до сего разу никогда. Показывалъ онъ мнѣ и свои опыты гравированія à l'eau forte, и рисунки, и свой портретъ, сдѣланный имъ самимъ. Водилъ онъ меня и по академическимъ заламъ, говоря о художествѣ и по долгу останавливаясь надъ разными, болѣе или менѣе, извѣстными картинами, а особенно надъ знаменитою картиною Иванова: «Явленіе Христа народу» и Брюлловскою: «Осада Пскова». Первая его восхищала своими деталями, а особенно отдѣльными фигурами, но въ цѣломъ онъ ею былъ недоволенъ: «страшно вымолвить,— говорилъ онъ,—а въ цѣломъ... ну, точно гоббеленъ!»... — «Осаду Пскова» онъ находилъ незаконченною, во многомъ слабою, но все таки хвалилъ и съ любовью смотрѣлъ на нее, любовно вспоминая ея творца, своего учителя и друга.—«А погляди, каково это-то?» — говорилъ онъ, указывая на сцену, изображающую русскихъ и поляковъ, со святыми хоругвями и крестами, идущихъ на смертный другъ съ другомъ бой,— «вѣдь, сколько тутъ мысли то!... во имя Христа и во славу его и тѣ, и другіе идутъ истреблять другъ друга!... и страхъ, и ужасъ беретъ, какъ подумаешь, сколько крови и слезъ людскихъ пролито, сколько золъ понадѣлано, и все это,—какъ думали, думаютъ да и теперь продолжаютъ увѣрять насъ,—во имя Христа!!... Боже жъ, ты мой, Боже!!»...—Читалъ мнѣ Тар. Гр. и нѣкоторыя изъ тѣхъ его произведеній, которыя тогда имъ только создавались и крайне неразборчиво набрасывались на лоскуткахъ бумаги, а то и прямо на стѣнахъ его квартиренки-кельи. «Это,—говорилъ онъ,—такъ себѣ... сижу, малюю да что въ голову взбредетъ, то, случается, и запишу... на чемъ попало»...—Разсказывалъ онъ мнѣ и про свое давно минувшее, и про свою службу, и про то, что переживалъ онъ, лишенный возможности даже писать и рисовать, и многое, многое еще... Но я никогда не забуду нашего прощанья,—оно было послѣднее, ибо болѣе я его уже въ жизни не встрѣчалъ,—когда Тарасъ, вновь повторяя свою просьбу похлопотать о его братьяхъ и сестрѣ, Оринѣ, съ судорожнымъ воплемъ: «о, Орина, Орина!»... упалъ на убогій диванчикъ, стоявшій въ углу его убогой квартиренки, и истерически, громко зарыдалъ, какъ ребенокъ...

По указанію и желанію самаго Шевченка, я, прежде чѣмъ видѣться и говорить съ г. Фліорковскимъ и его родными, долженъ былъ повидаться и поговорить въ Корсунѣ съ его нареченнымъ братомъ, Варѳоломеемъ Григорьевичемъ Шевченко, къ которому, вмѣстѣ съ чисто братскою привязанностью, поэтъ питалъ еще и безграничное

довѣріе, какъ къ человѣку честному, умному и практическому.—Какъ онъ желалъ, такъ все и было мною исполнено.

Желѣзныхъ дорогъ, кромѣ николаевской да кусочка петербургско-варшавской, отъ Петербурга до Пскова, по которой я и выѣхалъ, тогда еще не было. Тѣмъ не менѣе, на 7-й день пути я былъ уже въ Корсунѣ, у Варѳоломея Григорьевича, а на 8-й и въ Кириловкѣ.

Г. Фліорковскій, хотя и не изъ уваженія къ Т. Шевченку, за которымъ, по словамъ его, онъ никакого таланта не признавалъ, а изъ уваженія лишь къ комитету, изъявилъ мнѣ полную готовность свою—дать волю роднымъ Шевченка—даже безъ денежнаго вознагражденія, хоть сію же минуту, подъ однимъ лишь условіемъ, чтобы они немедленно же послѣ того уходили изъ Кириловки, куда имъ угодно!... Что же касается до ихъ надѣла землею, то въ этомъ онъ самымъ категорическимъ образомъ отказывалъ, говоря, что не согласится на это *ни за какія деньги!* Мотивами такого отказа имъ приводились: съ одной стороны—нежеланіе дѣлать исключеніе для Шевченковъ, которое могло послужить соблазномъ для другихъ ихъ односельчанъ, а съ другой—нежеланіе предрѣшать вопроса объ освобожденіи крестьянъ, который, быть можетъ, будетъ рѣшенъ правительствомъ и иначе, т. е. безъ земельнаго надѣла...—На томъ наши разговоры и покончились. Такъ о томъ было тогда же мною написано какъ Ег. П. Ковалевскому, такъ и поэту.

Позже я однако узналъ, что г. Фліорковскій, освободивъ родныхъ поэта, принялъ даже на себя уплату 900 р. банковаго за нихъ долгу, за что ему была выражена и признательность «Общества». Но когда это именно случилось и при какихъ обстоятельствахъ, того уже я не знаю.

Н. Д. Н.

Замѣтка о малорусскихъ „семилѣтнихъ богатыряхъ или близнецахъ".

Свѣдѣнія о малорусскихъ «семилѣтнихъ богатыряхъ», называемыхъ также «блызнятамы» или просто «семылиткамы» весьма скудны. Мы готовы объяснить это тѣмъ, что народъ не особенно податливъ на разсказы объ этихъ богатыряхъ, потому что они для него не сказки, не миѳы, въ которые онъ давно потерялъ вѣру, а нѣчто, хотя и чудесное, но реальное, чего нельзя обращать въ шутку, что не должно служить къ удовлетворенію празднаго любопытства.

Еще недавно въ 1878 или 1879 г., гласитъ молва, у крестьянина с. Богодуховки золотоношскаго уѣзда, по фамиліи Беця, былъ доморо слый жеребенокъ *съ крыльями* и всѣ сосѣди были убѣждены, что тутъ же гдѣ нибудь растетъ и хозяинъ этого коня, семилѣтній богатырь, и что въ одно прекрасное утро и конь, и всадникъ исчезнутъ, выкинувъ предварительно какое нибудь колѣно.

А возвращающіеся съ заработковъ съ юга, какихъ только чудесъ не передаютъ они о чудномъ островѣ, на которомъ живутъ эти богатыри, и объ ихъ подвигахъ на благо человѣчества.

И народъ не смѣется надъ этими разсказами, потому что насмѣшка можетъ оскорбить быть можетъ тутъ же присутствующаго богатыря, потому что онъ, повторяемъ, вѣритъ въ правдивость передаваемыхъ ему чудесъ, между тѣмъ какъ «кобыляча голова» для него только сказка для забавы дѣтей или самое большее игривый миѳъ о происхожденіи *панивъ* и *цыганъ*.

Что же такое эти малорусскіе семилѣтніе богатыри? Приведенные здѣсь разсказы объ нихъ убѣдятъ, надѣемся, читателя, что это тѣ же западно-европейскіе эльфы, но только нѣсколько ближе стоящіе къ человѣку, менѣе эгоистичные сами по себѣ и болѣе входящіе въ нужды человѣчества. На ряду съ услужливостью нѣмецкихъ вихтельменнеровъ и бретонскихъ тейцовъ, вы не встрѣчаете въ нихъ придирчивости, непониманія и незнанія жизни человѣческой, эгоизма и мелкаго тщеславія Рюбецаля. Далѣе, если въ подвигахъ младшихъ малорусскихъ богатырей и сквозитъ нерѣдко характеръ каприза, то ужъ въ подвигахъ старшихъ богатырей проявленія стихійной силы уступаютъ передъ безкорыстнымъ служеніемъ ихъ человѣчеству.

Общими чертами западно-европейскихъ и малорусскихъ эльфовъ является то, что какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ не существуютъ время и пространство, отличительными же чертами семилѣтнихъ богатырей слѣдуетъ признать, во первыхъ, совершенное отсутствіе женскаго элемента, но вѣдь и наши историческіе богатыри запорожцы исключали всякое участіе женщинъ въ своей жизни, и, во вторыхъ, то, что у нашихъ и младшихъ, и старшихъ эльфовъ есть неизвѣстный товарищъ ихъ подвиговъ—конь, ровесникъ богатыря.

Воздерживаясь покамѣсть отъ дальнѣйшихъ замѣчаній и заключеній въ виду относительной бѣдности имѣющагося матеріала, приводимъ записанные нами разсказы.

I.

Прывизъ чоловикъ до себе въ городъ дви здоровыхъ каменюкы, отобъ то на млынъ чы що, на млынъ же винъ не зибрався, а камени такъ соби и зосталысь въ городи. Одначе якъ чоловикъ той бувъ дуже добрый и працёвытый хазяинъ, то и не забуваввъ свого добра и инколы одвидуваввъ и тіи каменюкы; колы разъ и ставъ прымичать, шо воны не мовъ бы то на друге мисце перекочени,—прыходыть у друге—тажъ прытча. Подывився мій чоловикъ, подывився, повивъ плечыма, тай думае соби: „И що воно такее значыть, що мое каминне зъ одного мисця на друге нечиста сыла носыть. Почекай же, вражый сыну, пидглежу жъ я тебе, якъ ты моимъ добромъ граешься!“.

Тай вернувся до дому, а на думци у ёго все те каминне и хто ёго перекочуе. Тилькы винъ ни жинци, ни дитямъ и никому объ тій чудасіи не промовывъ ни словечка и не порадився зъ кымъ розумнишымъ, а якъ прыйшла ничъ, то зализъ соби у буръянъ биля тыхъ каменюкъ. тай сподиваеться, чы не прыйде той шо въ болоти. Оттакый то цикавый бувъ соби той чоловикъ, хочъ уже й немолоденькій.—Постривайте-жъ шо дальшъ буде!... Дывився винъ, дывився, ажъ обрыдло и очи позлыпались, а потимъ и зовсимъ заснувъ... Колы се прокынувся опивночы тай миркуе соби: „чого се я бисового батька у буръяни опынывся?“ а дали й чуе, шо щось по земли гуркотыть и якись тоненькы голоски прымовляють: кить, кить, кить, кить; кить, кить, кить! А въ мого сиромахы и на души похололо. Пропавъ, думае соби, а дали опамьятовався, тай мыркуе, шо колы вже пропадать къ бисовому батьку, то хочъ подывлюсь, шо воно тамъ діеться. Отъ и подывився, колы жъ бачыть, що двое чоловичкивъ, такихъ маленькыхъ, шо менчъ, чымъ наши диты, якъ вже зипнуться на ногы, сыдять соби доли кожный биля каменя и не мовъ бы сподиваються одынъ другого, шобъ почынать играшкы... А дали одынъ не диждавшысь товарыша, якъ ухопыть рученятамы каменюку, та геть, геть ии и покотыть, прымовляючы: „кить, кить, кить!...“ А каменюка не мовъ мерзлый кизякъ по лёду ажъ пидскокуе та летыть. Колы се другый чоловичокъ простягъ ниженьку и зупынывъ каминь, та потимъ въ свою чергу якъ хвысне другу каминюку, такъ шо ажъ пирье зъ неи летыть, та ще й прымовляе: „кить, кить, кить!“... А товарыщъ тилькы нижеькою налучае, якъ бы не дать маху.—Дывысь мій чоловикъ, та вже не сумно, а смишкы ёму стало, а дали й не вытерпивъ, та якъ схопыться: „Чого се вы, бисовы хлопьята, надъ моимъ каминнемъ глузуете? Ось я васъ, шобъ не дурилы!“—Не въ думци тее сиромаси, шо то не звычайни диты, бо й на дитей зовсимъ не схожи, а дуже кращи нашихъ дитей.—Отъ якъ почулы тіи чоловичкы людьскую мову, то немовъ змарнилы и рученьки опустылы, а облычче ихъ, неначе крейда, биле зробылось.—А у того чоловика якъ камень на серце налигъ, такъ ёму жалко, дуже жалко зробылось тыхъ хлопьятъ. А дали одынъ чоловичокъ и каже, та такъ гирко, ледве не плачучы: „Недобрый же ты, чоловиче, ворогъ ты нашъ лютый!... Нащо ты замовывъ зъ намы? Намъ ще тилькы три годы зоставалося жыть у вашому краи, а теперъ“... Та не домовывшы, якъ схопыть одно каминне та якъ улупыть объ друге, такъ тилькы прахъ одъ тыхъ каменюкъ посыпався, немовъ зъ писку булы злиплени. Жахнувся мій чоловикъ и тило все ёму задрижало, хотивъ шось промовыть, ажъ тыхъ хлопьятъ уже слидъ простывъ, неначе въ воду попадалы, тилькы каминне передъ нымъ прахомъ слалося. Оттака то пеня лучилась нашому сиромаси. Тилькы

шожъ бы вы думалы! Передъ тымъ уси года бувъ дуже гарный урожай, а писля того мовъ одризано: ни сина, ни жыта, ни ярыны не вродыло. И все чрезъ тыхъ чоловичкивъ, що такъ воны обиждены зосталысь мовою людьскою.

Отъ козака Н. К.

Въ с. Богодуховкѣ.

II.

Поблызу одъ нашого села мабудь такъ шо въ Иржавци (лубеньского повиту) у одного чоловика було два сыны—блызнята. Отъ якъ зибрався одынъ сусудъ на млынъ, то прывизъ два камени и звалывъ биля того мисця, де почавъ строиться. Колыжъ бачыть и разъ и въ друге, що тіи камени перекочени на друге мисце. „Постій же,—каже соби той чоловикъ,—пидглежужъ я, хто мои камени займае. Отъ винъ узявъ и засивъ у ночи. Ажъ ось опивночи бачыть, що тіи два хлопчыки одынъ блызче, а другый геть сажень на шистьдесятъ сыдять соби одынъ проты другого и и камени черезъ дирку на рученята понадивалы. А дали одынъ якъ шпурне свій каминь, другый же тилькы ниженькою налучае, тай соби зновъ кыда. Не втерпивъ чоловикъ та пиднявшысь и каже:

— Чого се вы тутъ пустуете?

— Такъ ты насъ оцце бачывъ?—пытають ти хлопчыкы.—„А вжежъ бачывъ!—Ну, такъ прощай же!—Тай зныклы.

Отъ крестьян. Порфирія

Ситника. Тамъ же.

III.

Семылиткы багатыры, або блызнята, до семы литъ жывуть у батька и матеры, а якъ прыходыть уже имъ часъ выряжаться на свій островъ, то воны перше що небудь таке подіють, або млынъ перевернуть, або що. А потимъ воны уже ніякои шкоды не роблять. А разъ бувъ соби й такый багатырь, шо побачывшы у день якъ люды турбуються зъ тымъ млыномъ, шо винъ самъ у ночи перевернувъ, узявъ на другу ничъ и налагодывъ ёго такъ, якъ винъ и перше бувъ. А налагодывшы, вже й пишовъ на свій островъ.

На острови тымъ усяки звиры и гады жывуть, а багатыры й стережуть ихъ, шобъ воны куды не выйшлы и не наробылы шкоды людямъ.

Кожный зъ ныхъ ма свою чергу,—заключилъ разскащикъ, крестьянинъ П. Ситникъ,—и за тѣмъ въ подтвержденіе своихъ словъ передалъ намъ слѣдующій разсказъ, слышанный имъ, по его словамъ, отъ крестьянина с. Деньги золотоношскаго уѣзда Софрона Р.

IV.

Ото разъ на заводи (се мени розсказувавъ денежскій Сахронъ) прыбигъ якійсь чоловикъ верхы. Скочывъ зъ коня, кынувъ поводъ на клячокъ и не прывьязувавъ, усыпавъ коню тры миры чистои пшеныци, а самъ війшовъ у хату и сивъ вечерять. А попоившы, зновъ на коня, та не пискомъ, а прямо на воду звернувъ. Тилькы й бачылы. Колы се черезъ тры дни вертаеться и везе языкъ шо одрубавъ змію. Се, значыть, змій зъ ихъ острова въ чергу сёго багатыря утикъ, такъ винъ наздогнавшы убывъ ёго, а своимъ языкъ повизъ, щобъ зналы, що винъ справди побидывъ того змія.

V.

А то ще Сахронъ таки мени розказувавъ, шо на заводахъ бувъ колысь такый чоловикъ, смырный, та тыхый—никого не зачепыть, а якъ ёму дадуть по потылыци, то винъ соби тилькы одступыться, мовъ не его было. Отъ разъ идуть люды на ричку до посуды, колы лежыть такый здоровый якоръ, пудивъ трыдцать. Якъ же взялысь ёго пидныматы, той трыдцять человикъ не зворохнулы. А той чоловикъ ишовъ соби ззаду, а дали, пидійшовшы, узявъ якоръ однею рукою, тай поставывъ ребромъ. Одійшлы ще трохы, винъ и каже: „Вернуться жъ, та подвернить ёго такъ, якъ винъ перше лежавъ!“ Отъ пьять чоловикъ вернулысь, та ледве ледве той якоръ повалылы.

Колы се въ ночи, якъ уже зибралысь люды на заводъ, у хату, блыснувъ огонь и летыть огненна колода. А дали щось почало гуркотить на двори и когось звать, кажучы: выходы! Такъ було тры дни зъ ряду, а на четвертый день той чоловикъ прызнався, що се за нымъ прыходыло, тай потребувавъ ращота.

Потымъ, прощаючись зъ усима, каже намъ: „Пидить лышень завтра на таке то мисце въ лисъ и якъ побачыте дохлу кошку, то погладьте мени дорогу, а якъ ничого не знайдете, то помьянить мене!“ Казавъ винъ и то, що ему ще годъ зосталося ждать свого коня. Отъ на другый день мы пишли у лисъ тай нашлы справди дохлу кошку на тымъ самимъ мисци, шо винъ намъ наказувавъ.

VI.

На вопросъ, какъ народъ узнаетъ семилѣтнихъ богатырей, разсказчикъ отвѣчалъ:

А отъ якъ зныкне изъ села якый небудь хлопчыкъ, то вже й знають, що винъ семылитнимъ багатыремъ ставъ. Теперъ народъ не той, шо колысь давнишъ бувъ. Перше и у пьять литъ ставалы багатырямы, а теперъ и въ сёмому году не стане.

На тотъ же вопросъ другой крестьянинъ того же села далъ слѣдующее объясненіе:

Якъ родыться оттакый багатырь, то до семы литъ жыве у батька и матери, а тамъ и зныкне. Торикъ я чувъ одъ людей, що въ нашій таки слободи кобыла лоша зъ крыламы прывела, а хазяинъ, по прозвыщу Бець, узявъ тай и прыкувавъ тее лоша въ комори на желизо, щобъ воно не полетило. Промижъ людьмы була на той случай така чутка, що мабудь тому лошаку и хазяинъ-багатырь десь росте.

А то я вамъ розкажу тожъ таки про багатыря.

VII.

Отто якъ ишовъ одынъ чоловикъ зъ заробиткивъ, вже не знаю зъ якои губерни, то и постричався ёму семылитній багатырь. Багатырь якъ роспытався, той и взнавъ, що воны обыдва зъ одного села. Отъ воны полягалы спаты, а якъ прокынувся у ранци той чоловикъ, той побачывъ, що винъ опынывся у своему сели.

Къ этимъ разсказамъ слѣдуетъ присовокупить тѣ свѣдѣнія о малорусскихъ богатыряхъ, которыя еще недавно сообщены намъ одной пожилой крестьянкой изъ той же мѣстности, отозвавшейся впрочемъ, что ею уже перезабыто все то, что она слышала о богатыряхъ отъ лицъ, возвращающихся отъ моря.

VIII.

Я чула такъ, що деякому багатырю росте и его кинь и змій, котрого винъ долженъ побидыть. И якъ часъ прыйде, то багатырь прыпалыть шерстынку и прыбижыть ёго кинь. Тоди воны выходятъ зъ зміемъ быться на якусь гору. Така у ныхъ гора есть и якъ богатырь не побидыть змія, то вже хочъ и останеться багатыремъ, та вже не такымъ, бо у багатыривъ такый духъ, що не тилькы простый чоловикъ, а и священныкъ не выдержыть того духу, якъ богатырь прыйде до прычастя,—хочъ винъ и вируе въ Бога.

Я не чула про те, щобъ межъ багатырями булы жинкы, а хоча-бъ багатырь и одружывся, то диты въ ёго не будуть таки, якъ винъ, бо не одъ ёго иде плодъ. Жывуть багатыри на якихсь горахъ.

Бувъ колысь хлопчыкъ и рисъ винъ соби дурнемъ. Усяке ёго обиждало, усяке ёго было, а винъ и не одбывався. Разъ заперся винъ у своій хаты, сыдыть и дванадцять кожъ перемынае, а сусидъ и пидгледивъ у виконце, такъ винъ ихъ одразу такъ и перервавъ, а потимъ и самъ зныкъ. Бильше всёго обиждаються багатыри, якъ родытели побачуть ихъ дила. Якъ спасавъ той самый багатырь царевну одъ змія, то матиръ пишла на ёго подывыться, такъ винъ обидывся и заразъ зныкъ. Винъ не оженывся на тій царевни, то о друга казка,—въ котрій багатырь женыться, а цёго багатыря просылы тилькы, щобъ винъ спасъ ту царевну. А то ще одынъ багатырь, чы той самый, чы другый, зустривъ у поли чумакивъ. Чумакы варылы кашу, такъ винъ зъ нымы, укутавъ цилисинькый казанъ и зъивъ велыкый хлибъ, а потимъ прыпалывъ шерстынку. Колы це де не взявся кинь и каже: Пане мій любый, пане мій мылый, чы тебе пидъ деревомъ, чы поверхъ дерева несты.—„Несы поверхъ дерева!“ Тай бувъ такый.

Про жинокъ-багатыривъ я зроду не чула, а розказувалы мени, що въ Кыеви, и це не брехня, а правда, була така дивка, що важыла пятьнадцять пудивъ и була соби дуже, дуже багата, такъ ій шукалы чоловика. Усихъ склыкалы, хоча-бъ москаля якого небудь, та нихто не одважився, а дуже усимъ хотилось побачыть якый одъ неи плодъ буде“...

Приведенный разсказъ убѣждаетъ, что наши богатыри живутъ не только на невѣдомомъ островѣ, но и на какихъ то горахъ. Это то обстоятельство и побудило насъ между прочимъ вывести то заключеніе, что есть, такъ сказать, два цикла, или два возраста богатырей. Мало того лѣтъ десять тому назадъ намъ пришлось слышать весьма туманный разсказъ о какихъ то богатыряхъ-старцахъ, живущихъ въ Кавказскихъ горахъ. Записать тогда же этотъ разсказъ было неудобно, а припоминать слышанное оказалось еще неудобнѣе, когда же разсказчику предложено было впослѣдствіи повторить разсказанное, то онъ не обнаружилъ никакой къ этому охоты. Вообще миѳы о богатыряхъ не могутъ быть записываемы такъ, какъ записываются сказки. Они должны быть схватываемы почти на лету въ тѣ минуты, когда

народъ разговорится по душѣ и въ вечерней, задушевной бесѣдѣ переносится въ міръ чудеснаго и таинственнаго, въ который онъ еще не переставъ вѣрить.

г. Лубны.

Сообщилъ **А. Савичъ.**

Посылка гетмана Апостола въ Москву за лекарствами.

Въ апрѣлѣ (28-го) 1733 г. гетманъ Апостолъ освящалъ въ Глуховѣ свои «новые будинки» и по этому случаю задалъ банкетъ, на которомъ, какъ говоритъ Марковичъ въ своихъ Запискахъ, «самъ гетманъ больше всѣхъ пьянъ былъ и такъ ослабѣлъ, что понесли его до постели съ кресломъ»... «Послѣ увѣдомились», добавляетъ Марковичъ, что «параличъ заразилъ у гетмана лѣвую руку и ногу и ротъ немного искривило. Докторъ Бокъ еще въ ночи давалъ больному клестирь, кровь изъ ноги пускалъ»... При дальнѣйшемъ леченіи семидесятипятилѣтняго старца (род. 1658 г.) пришлось посылать въ Москву за «рецептами», какъ показываетъ помѣщаемое здѣсь письмо гетмана, писанное имъ къ ассесору коллегіи иностранныхъ дѣлъ Семену Ивановичу Иванову [1]).

Благородній и достопочтенній господинъ ассесоръ.

Прошлого априля 28 д. Божіимъ посѣщеніемъ приключилася мнѣ болѣзнь паралѣжная, отъ которой рука и нога лѣвія отняти, а понеже отъ болѣзни той и по сіе времіа мало что въ здоровьи моемъ ощущаю полегченіе, того ради отправленъ служитель двору нашего Гаврило Позніаковъ въ Москву къ доктору господину Бидлову для привозу оттоль къ болѣзни моей (какіе по искусству его господина доктора дани будутъ) рецептовъ. Которому служителю благоволи ваше благородіе приказать видать на почтовіе двѣ подводи за указніе прогони съ Москвы въ Глуховъ пашпортъ, чтобъ онъ служитель, сюда въ Глуховъ съ данними ему дліа курацiи означенной моей болѣзни рецепти, скоро могъ прибыть, а оному служителю отъ насъ дани такъ въ Москву едучому якъ и оттоль сюда поворачаючомуся указніе прогонніе денги, а іа за сію вашего благородія благосклонную учинность вашему благородію возблагодарить и отслужить готовѣйшій. А впрочемъ пребываемъ вашему благородію вседоброжелательній Еіа Императорскаго Величества войска запорожскаго и обоихъ сторонъ Днѣпра Гетманъ Данiилъ Апостолъ. По приказу ясневельможного на сей часъ болѣзнуючого вмѣсто власной его вельможности рейментарской руки подписалъ войсковой енеральный писарь Михаилъ Турковскій. 1733 г., мая 27 д. Глуховъ.

---

[1]) За сообщеніе этого письма приносимъ нашу благодарность г. Неёлову.

Ред.

Запоздалая ревность Запорожья къ своему имени.

Хмельницкій, подписывая въ 1649 г. «реестры» 16-ти малороссійскихъ полковъ обоихъ береговъ Днѣпра [1]), подписался гетманомъ «войска запорожского», называя такимъ образомъ все тогдашнее подвластное ему козачество какъ жившее за «порогами», такъ и въ «городахъ», одинаково — «войскомъ запорожскимъ». Гетманами «войска запорожского» писались и всѣ преемники Хмельницкаго до Разумовскаго включительно. Подражая гетманамъ, такъ писалась и полковая козацкая старшина. Въ подписяхъ послѣдней читаемъ: Демко Игнатовичъ, полковникъ войска запорожского чернѣговскій, ихъ царскаго пресвѣтлаго величества войска запорожскаго прилуцкій полковникъ Дмитрій Лазаровичъ Горленко, войска запорожскаго судія полковый и наказный полковникъ черниговскій Василій Томара» и т. д. и т. д.

Если гетманы называли малороссійскіе козачьи полки «войскомъ запорожскимъ», то естественно, что и старшина этихъ полковъ должна была именоваться старшиною «войска запорожского». Такъ оно и было, какъ видно изъ приведенныхъ подписей, пока Запорожье не вздумало заднимъ числомъ заявить претензію на такое якобы самозванство «городовыхъ» полковниковъ и пожаловалось въ 1751 г. только что поставленному гетману Разумовскому. Совѣтники послѣдняго нашли возможнымъ удовлетворить запоздалую жалобу Запорожья, не желавшаго уже, какъ видно, въ это время единенія съ народомъ, изъ котораго и составлялся запорожскій контингентъ... Разумовскимъ былъ выданъ слѣдующій универсалъ:

„Графъ Кириллъ Разумовскій гетманъ и кавалеръ.

Полковнику Переяславскому господину Сулимѣ.

Представлялъ намъ доношеніемъ Войска Запорожского Низового атаманъ кошовій Якимъ Ігнатовичъ, что многіе малороссійскихъ полковъ полковники называютъ себе и въ писмахъ разныхъ подписываются Войска Запорожского и малороссійского полковниками, что де Войску Запорожскому въ противность и обиду слѣдуетъ затѣмъ, что де они, малороссійскіе полковники, къ Войску Запорожскому не приключены и въ прежние, давние времена того не было и полковники де малороссійскіе Запорожского Войска не писались. И просилъ онъ, атаманъ кошовій, въ томъ онимъ малороссійскимъ полковникамъ запрещенія. Чего ради ежели подлѣнно такъ есть, то повелѣваемъ всѣмъ господамъ полковникамъ малороссійскихъ полковъ въ томъ числѣ

[1]) „Реестры всего войска запорожского“, изд. Бодянскаго. М. 1875.

и вамъ впредь Войска Запорожского низового полковниками не подъписиватся, а къ кошовому атаману Войска Запорожского низового изъ старшиною и товариствомъ о семъ за извѣстіе нашъ ордеръ посланъ. Данъ въ Глуховѣ. 1751 году, сентября 9 дня. Гетманъ графъ К. Разумовскій".

(*Съ подлинника*).

А. Л.

Пѣснь о свѣтѣ.

Подъ такимъ заглавіемъ находимъ въ рукописномъ сборникѣ, хранящемся въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ, № 2189, интересную виршу, до сихъ поръ нигдѣ еще не напечатанную, но стоющую печати, какъ одинъ изъ малочисленныхъ образчиковъ литературной обработки нарѣчія галицко-русскихъ горцевъ въ половинѣ XVIII столѣтія. Сборникъ, въ которомъ въ числѣ другихъ статей помѣщается упомянутая вирша, принадлежалъ Ѳедору Поповичу, священнику горскаго села Тухли, и помѣченъ 20 авг. 1751 года. Была ли нижеслѣдующая вирша произведеніемъ самого Поповича, или какого нибудь другаго неизвѣстнаго намъ автора, судить объ этомъ нѣтъ никакого основанія. Не лишнимъ будетъ замѣтить, что на самый сборникъ, въ которомъ записана эта вирша, еще въ 1881 г. обращено было вниманіе г. Макушевымъ въ «Журналѣ Министерства Народн. Просвѣщенія», послѣ чего въ 1884 году д-ръ Калитовскій перепечаталъ значительную часть его содержанія, а именно апокрифическія сказанія въ «Библіотекѣ Зори», а «Книгу звѣздочетства» въ «Зорѣ». «Пѣснь о свѣтѣ» такъ и осталась неизданной, хотя и отличается отъ этихъ сказаній большимъ литературнымъ достоинствомъ и почти совсѣмъ чистымъ языкомъ народнымъ, съ незначительною примѣсью полонизмовъ и формъ церковныхъ. Многіе стихи этой вирши почти цѣликомъ взяты изъ пѣсенъ народныхъ, что главнымъ образомъ и свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ вирши былъ человѣкъ близко знакомый съ жизнью народа, живущій вмѣстѣ съ народомъ, и хотя довольно для тѣхъ временъ грамотный, но все же далекій отъ свойственнаго тогдашнимъ грамотѣямъ презрительнаго отношенія къ простому народу. Искренняя грусть, которая сквозитъ во всѣхъ стихахъ его вирши и проявляется просто, естественно и безъ вычурныхъ фразъ, свойственныхъ напр. польской поэзіи того времени, указываетъ намъ въ авторѣ человѣка несчастнаго, обиженнаго судьбой, какимъ именно могъ быть бѣдный русскій священникъ въ далекомъ

горскомъ селѣ, «на овсяныхъ хлѣбахъ», чувствующій въ душѣ влеченіе къ высшей умственной жизни и не находящій въ своей средѣ никакой поддержки, а напротивъ, долженствующій тратить весь запасъ своей энергіи на мелочную борьбу за существованіе. Въ прилагаемомъ текстѣ этой интересной вирши соблюдаю правописаніе подлинника.

Миронъ.

Пѣснь о свѣтѣ.

А хтож на сем свѣтѣ без долѣ вродился,
Тому свѣтъ марне як колом точился,
Лѣта плинут марне як бистрие рѣки,
Часи молодие як з дожджу потоки,
Все то марне минаетъ.
Луче бися било в свѣтѣ не родити,
Нѣжели на свѣтѣ бездолному жити,
Албо вродившися скоро в землю гнити,
Жеби не долго в свѣтѣ бездолному жити,
Нехай жалю не буде.
Ой доле моя, где ти втойчасъ била,
Коли моя мати мене породила,
Же ма тепер в свѣтѣ нѣ в чѣм не ратуеш,
А ти гуляеш, кому но ти служиш,
А я бѣдний на свѣтѣ.
Куди повернуся не маю радости,
Тилько во очах слези, а в серцу жалости;
Вийду межи люди, стану та думаю,
Що люде гуляют як риби в дунаю,
Ох тяжкий мой жалю.
Сам же я не знаю, що маю чинити,
Як мѣнѣ на свѣтѣ бездолному жити.
Коли би мнѣ крила орловие мати,
Полетѣлби я где своей долѣ шукати
А в чужие сторони.
Ахъ свѣте ж мой ти щастом (sic!) голдуеш,
Однаго минаеш другому даруеш;
Иніхъ людей садиш в дорогие шати,
А иніхъ садиш в пошерпанѣ лати,
Рани сердцу завдаешъ.
Нѣхто чівка в нещастю незнае,
Якъ на собѣ сукней богатих не мае,
Хотяй би й онъ билъ и чесного рода,
Як немаш в кишени, то певна незгода,
Хоч би бил намудрѣшний.

Где ся члвку в нещастю подѣти,
До кого он мает главу приклонiти?
Хто собѣ панует а не поратует,
Не тилко чужина але и родина
В нещасной годинѣ.

Сут такии люде, що нендзи не знают,
Вродившися в щастю, в щасцю умирают,
А иншiй зроду фортуни не мають,
Хоч найбольше жиют, роскошей незнают
Ажъ до смерти своеи.

Рожние люде мови о мѣзернѣмъ мают,
Которие они нендзи на свѣтѣ не знают.
Коли прийде убогий где меже богатѣ,
Зараз еден з другим почнут ся зглядати,
В кождом словѣ осуждати.

Пишов бим мѣзерний фортуни шукати,
А в якой она сторонѣ коли би ей знати.
Ачей же коли у мене фортуна буде,
Втой час мене знати всюгда будут люде,
Где тилко ся поверну.

Ах долеж моя доле чем мя ти минаеш,
А иніхъ людей в свѣтѣ спомагаеш,
Тилко мене мѣзерного в свѣтѣ не ратуеш,
Мѣсяца едного не послужиш,
За вѣк би мѣнѣ стало.

Да вшиткож тое фортуна справует,
Кому она служит, той завше пануетъ;
Кто фортуну мает, в каждого бивает,
А на мѣзерного як звѣр поглядает,
В каждом словѣ осуждаетъ.

A szczoż za uticha w switi czelowiku,
Коли марне тратит лѣта сего свѣта.
Ачей же коли сам Богъ що ударует,
Же ся надомною коли измилуетъ
В нещасной годинѣ.

Ласка то все Бога усѣм тим керуе,
Же ся надо мною коли так змилуе,
Коли мѣнѣ схоче и сам Богъ що дати,
Не даст надо мною такъ барзо згаржати
В нещастливой годинѣ.

Смутне мое сердце нѣгди ся не втѣшит,
Тилко нѣби все жал тяжкий барзо зносит,
Немаш жадной хвилѣ жеби мнѣ послужило,
Жеби ся мое сердце хоч на часъ втѣшило,
За вѣк би мѣнѣ стало.

Кирвавие слези з очий моих текут,
Хоч би на еденъ часъ, [и] то не престанут;
Плачутъ мои очи сердцем моимъ тужу,
Же я нѣвѣдкого щирости не вижу,
Як мѣнѣ не тужити.
Едного немаш жеби бил мнѣ щирий,
Жеби мя потѣшил в нещасной годинѣ;
Сам же я не знаю що чинити маю,
Жаль свой износити, би мя могл втѣшити
В нещасливой годинѣ.
Змилуй ся Боже до тебе волаю,
Тилко в тобѣ едном всю надѣю маю.
Боже з високости недай..... жалости
Мѣнѣ мѣзерному в свѣтѣ нещасному,
На вѣкъ тя будем хвалити.
Амен.

Изъ школьнаго міра.

(*Нѣсколько словъ объ общежитіяхъ при сельскихъ училищахъ*).

При нѣкоторыхъ училищахъ югозападнаго края существуютъ общежитія, въ которыхъ въ теченіе учебнаго года помѣщаются на всемъ готовомъ дѣти изъ селеній, удаленныхъ отъ училища. Обыкновенно это бываетъ при училищахъ, устроенныхъ средствами цѣлой волости. Мы приведемъ въ примѣръ описаніе одного изъ такихъ общежитій, которое можно считать типическимъ.

Въ общежитіи при перерословскомъ училищѣ (острожскаго у.) содержится, по приговору сельскихъ обществъ, не болѣе 35 учащихся изъ поселянъ перерословской волости, участвующихъ въ содержаніи общежитій, для которыхъ отпускается ежегодно 350 р. Для закупки и доставки съѣстныхъ припасовъ и вообще для наблюденія за правильнымъ ходомъ хозяйства общежитія имѣется особый «попечитель», получающій за свои труды три руб. въ мѣсяцъ. При общежитіи имѣется отдѣльный отъ училища сторожъ и стряпуха. Пріобрѣтаемыя попечителемъ общежитія запасы, по надлежащемъ взвѣшиваніи и изслѣдованіи ихъ доброкачественности, вносятся въ присутствіи учителя, волостнаго старшины и очереднаго ученика въ кладовую, гдѣ и записываются въ приходную книгу.

Ежедневно при взвѣшиваніи и выдачѣ стряпухѣ припасовъ присутствуютъ очередные воспитанники старшаго отдѣленія. Пища выдается ежедневно трижды; обѣдъ состоитъ изъ двухъ блюдъ (обыкнов.

борща и каши), а утренняя и вечерняя ѣда изъ одного. Воспитанники живутъ въ общежитіи съ 21 сент. по 1 мая. Отчетность по расходамъ общежитія ведется мѣстнымъ волостнымъ правленіемъ. Отпускаемыхъ на общежитіе денегъ—350 р., собственно говоря, хватаетъ только въ обрѣзъ, да и то потому лишь, что, наприм., вовсе не существуетъ, расхода на хлѣбъ; пекарни при общежитіи не имѣется, и хлѣбъ доставляется воспитанникамъ ихъ родителями изъ дому.

Кромѣ подобнаго, наиболѣе распространеннаго вида общежитій, бываютъ и другіе способы ихъ устройства. Такъ, состоящее при теслуговскомъ училищѣ дубенск. у. общежитіе, разсчитанное человѣкъ на 35, помѣщается въ зданіи мѣстнаго волостнаго правленія, гдѣ подъ общежитіе отведены двѣ большія комнаты и кухня; хозяйства общаго здѣсь уже нѣтъ, а воспитанники приносятъ каждый необходимые для приготовленія горячей пищи припасы изъ дому; отъ общества нанимается только стряпуха, которая и приготовляетъ изъ доставленныхъ ей припасовъ горячую пищу. Кромѣ содержанія стряпухи, общество отпускаетъ еще необходимыя деньги на ремонтъ общежитія, посуду, освѣщеніе, что вмѣстѣ составитъ рублей 50 въ годъ.

Вопросъ объ общежитіяхъ при сельскихъ училищахъ югозападнаго края имѣетъ особенное, выдающееся значеніе. Дѣло въ томъ, что при немногочисленности училищъ въ этомъ краѣ, эти послѣднія нерѣдко являются единственными разсадниками просвѣщенія для цѣлой волости (о церковноприходскихъ школахъ мы пока умалчиваемъ въ виду кратковременности ихъ дѣятельнаго существованія и отсутствія данныхъ для сужденія). Вотъ почему къ училищу тяготѣетъ обыкновенно нѣсколько, а иногда даже и значительное количество селъ, болѣе или менѣе удаленныхъ; ясно, что школьныя общежитія, къ которымъ сама собою привела нашихъ селянъ практика жизни, являются на помощь весьма кстати, такъ какъ избавляютъ бѣдныхъ дѣтей отъ ежедневнаго далекаго двукратнаго странствованія или даже пропуска уроковъ по случаю холодовъ, распутицы и другихъ прелестей нашего климата. Изъ вышеприведеннаго примѣра видно, до какой степени дешевы эти учрежденія: каждый воспитанникъ въ теченіе 7 мѣсяцевъ стоитъ только 10 р., т. е. столько же, сколько онъ, вѣроятно, стоилъ бы и дома, или немного болѣе, пожалуй. Правда, онъ, находясь дома, могъ бы быть въ хозяйствѣ извѣстнымъ подспорьемъ своимъ родителямъ; но, во первыхъ, зимою услуги дѣтей въ селахъ далеко не такъ важны въ хозяйствѣ и значительны, какъ лѣтомъ, а во вторыхъ, за то дѣти болѣе могутъ

успѣвать въ наукахъ, находясь постоянно въ школьной средѣ и не будучи отвлекаемы отъ ученія разными мелкими домашними послугами; кромѣ того, сберегается и то время, иногда довольно значительное, которое имъ пришлось бы употребить на двукратное ежедневное путешествіе. Наконецъ, нельзя не принять въ разсчетъ и тѣхъ выгодъ, которыя получаются для общества отъ чисто воспитательной стороны дѣла; дѣти, находясь въ болѣе высокой, съ духовной точки зрѣнія, средѣ, конечно, очень выиграютъ сравнительно съ тѣмъ, какъ если бы они оставались дома. Тутъ, въ общежитіи, возможны: болѣе или менѣе правильный надзоръ за ними, устройство внѣклассныхъ бесѣдъ, чтеній, разныхъ художественныхъ развлеченій, какъ хоровое пѣніе, рисованіе и пр., въ тѣхъ же училищахъ, гдѣ существуютъ ремесленныя отдѣленія (столярное, сапожное и другія) воспитанники общежитій могли бы быстрѣе совершенствоваться въ ремеслѣ.

Вообще, по нашему мнѣнію, сельскія школьныя общежитія представляютъ столько выгодъ, что можно пожалѣть о сравнительно маломъ количествѣ ихъ и пожелать развитія и умноженія ихъ въ краѣ. Отъ гг. мировыхъ посредниковъ можно въ особенности желать дѣятельнаго содѣйствія въ данномъ случаѣ, такъ какъ они пользуются въ селѣ наибольшею долею вліянія и власти сравнительно съ прочими мѣстными дѣятелями. **А. С—чъ.**

Для справокъ.

Столбцы, принадлежащіе гр. М. М. Толстому (въ Одессѣ). (*Окончаніе* [1]).

LXXIII. Черновая жалоба государямъ въ 7203 г. курченъ Луки и Акима Андр. д. Авдѣевыхъ на Андр. Федос. с. Молютина въ томъ, что онъ мѣшаетъ дѣлу межеванія ихъ помѣстья; см. выше № LXVII.

LXIX. Наказъ 7203 г. окт. 30 межевщикамъ объ исполненіи грамоты 7202 г. апрѣля т. е. объ отмежеваніи земли Каменева отъ земель его сосѣдей; см. выше №№ LXV и LXVI.

LXX. Донесеніе 7203 г. ноября 10 межевщиковъ, что приказаніе, означенное въ предыдущемъ номерѣ, ими не выполнено изъ за противодѣйствія сосѣднихъ помѣщиковъ

LXXI. Продажная запись, данная 1695 г. апр. 10 бывшимъ сотникамъ с. Высшей Сыроватки сумскаго уѣзда Степ. Гр. Вдовиченкомъ на проданную имъ грязнянскому сотнику Петру Ивановичу землю, на которой поселены крестьяне.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1889 г., № 2, февраль.

LXXII. Продажная запись 1695 г. мая 8, данная этимъ сотникомъ Петромъ Ивановичемъ, на означенную въ предыдущемъ номерѣ землю (купленную у Вдовиченка, отцовскую), на которой живутъ вольные гулящіе черкасы, стольн. и полк. сумск. Андрею Герасимовичу Кондратьеву. Петръ Ивановичъ купилъ землю за 40 талеровъ, продалъ за литовской личбы 200 злотыхъ. При продажѣ упоминается въ свидѣтеляхъ сумская старшина: обозный Василій Бакай и есаулы Грицко Даценко и Трофимъ Яковлевичъ. За Петра Ивановича подписался зять его сумскій писарь Гаврило Григорьевъ. За разныхъ сотниковъ подписался, какъ грамотный, сотникъ миропольскій Кондратъ Марковичъ.

LXXIII. Продажная запись, данная 1695 г. въ маѣ жителями с. Высшей Сыроватки Ив. Буткомъ да Погорѣленкомъ на земли, проданныя тому же Кондратьеву.

LXXIV. Продажная запись 1695 іюня 8, данная жителями села Высшей Сыроватки Павл. да Степаномъ Побочіенками на земли, проданныя тамошнему сотнику Максиму Неродѣ.

LXXV. Мѣновая запись 7204 г. дек. 1 курчен. Ив. Емел. с. Тураева и новгор. сѣв. Силы Кузьм. с. Арсеньева на помѣстья; при чемъ первый далъ земли въ рыльск. у. въ свапс. ст. въ с. Плотовѣ, второй въ томъ же уѣздѣ въ омонск. ст. на р. Воегощѣ.

LXXVI. Вводная во владѣніе по этой мѣнѣ 7204 г. декабря 8.

LXXVII. Продажная запись 7204 г. генваря 10, данная Федорою, вдовою, бывшаго сотника с. Нижней Сыроватки Афан. Гребельниченка съ сыномъ Михаиломъ на землю по р. Бобрику, продан. Андр. Гер. Кондратьеву.

LXXVIII. Выпись съ межевыхъ книгъ 7204 г. іюня 12 о земляхъ Андр. Гер. Кондратьева въ с. Высшей Сыроваткѣ по р. Бобрику вдоль Сагайдачнаго шляха.

LXXIX. Выпись съ отказа 7205 г. окт. 19 новг. сѣв. Кузьм. с. Арсеньеву на помѣстье въ рыльск. у., сваиск. ст., въ косожск. вол., на р. Котлевѣ, что было Ив. Мелехова.

LXXX. Мѣновая запись 7205 г. ноября рылян. Мирона Вас. с. Тураева и нов. сѣв. Силы Кузьм. Арсеньева на помѣстья; при чемъ первый далъ землю въ рыльскомъ у., въ свапск. ст., въ косожск. вол., по р. Севенкѣ, о второй въ томъ же уѣздѣ въ подгородн. ст. по р. Омони.

LXXXI. Продажная запись 7205 г. февр. 27, данная дѣвкою Марьей, дочерью Ильи Игнатова, на помѣстье (отцовское) въ рыльск. у., въ свапск. ст., дер. Севенкѣ, проданное Силѣ Кузьм. Арсеньеву за 15 р., которыя она взяла на приданное.

LXXXII. Мѣновая запись 7205 года марта 8 новг. сѣв. С. К. Арсеньева да рылянъ Афан. и Ив. Михайл. д. Тураевыхъ на помѣстья; при чемъ первый далъ землю въ рыльск. у. въ подгородн. ст., въ пустоши Савкахъ, а второй въ томъ же у. въ свапск. ст. въ сницкой волости въ дер. Черемошкахъ.

LXXXIII. Вводная во владѣніе по этой мѣнѣ, 7205 марта 8.

LXXXIV. Вводная во владѣніе по мѣнѣ, обозначенной въ № LXXX, 7205 мая 8.

LXXXV. Выпись съ отказа 7205 г. мая 8 Арсеньеву на помѣстье Тураева согласно предшествующему номеру.

LXXXVI. Такая же 7205 г. мая 8 къ тому же Арсеньеву на вымѣнянное имъ помѣстье того же Тураева на р. Котлевѣ.

LXXXVII. Выпись съ отказа 7205 г. мая 20 рылян. Якиму Ив. с. Шустову

на помѣстье въ рыльск. у, въ сванск. ст. въ дер. Вабли, что было прежде имъ уступлено Афан. Расцопову.

LXXXVIII. Духовное завѣщаніе 7205 г. мая 27 Петра Алексѣев. Большаго Исакова при отправленіи его въ походъ, на случай смерти. Очень подробное со многими бытовыми частностями. Видно, что жена Исакова Ксенія была дочь Петра Каменева и въ первомъ бракѣ была за Курасовымъ.

LXXXIX. Запись 7207 г. мая 6 Никиты Ив. Люшина на нѣсколько крестьянскихъ семействъ, отдаваемыхъ имъ курчен. Ив. Сем. с. Мальцеву взамѣнъ того, что у Люшина жили нѣсколько лѣтъ бѣглые крестьяне Мальцева (убѣжавшіе и отъ Люшина).

XC. Выпись съ отказа 7207 г. дек. 5 Андр. Гер. Кондратьеву на помѣстье въ недригайловск. у. на р. Сулѣ на Пещаномъ бродѣ.

Упоминается братъ Кондратьева Романъ, здѣшній же помѣщикъ.

XCI. Копія съ продажной записи 7207 г. генв. 20, данной П. Ал. Больш. Исаковымъ и женою его Ксеніей Федос. и Макс. Петр. д. Каменевымъ на имѣніе въ курск. у. въ обмяцк. и усожск. станахъ въ различныхъ деревняхъ. Дана для смертнаго часу.

XCII. Запись 7207 г. генв. 26. Фед. и Макс. Петр. Каменевыхъ П. Ал. Больш. Исакову и женѣ его Ксеніи о владѣніи ими, Исаковыми, своимъ проданнымъ по предшествующему номеру имѣніемъ до ихъ смерти.

XCIII. Грамота 7207 г. февраля 10 о согласіи на мѣну помѣстьями нов. сѣв. С. К. с. Арсеньева и рылян. Тимоф. Фотіева с. Воротынцова, изъ которыхъ первый далъ помѣстье въ рыльск. у., въ подгородн. ст. часть деревни Жтовича (?), а второй въ томъ же уѣздѣ, въ сванск. ст. косожск. вол., въ дер. Дремовой по р. Пруту.

XCIV. Грамота 7207 г. февр. 10 о согласіи на мѣну помѣстьями того же Арсеньева и рылян. Иги. Парфент. с. Якшина, изъ которыхъ первый далъ помѣстье въ рыльск. у., въ подгородн. ст., часть деревни Жтовича, а второй въ томъ же у., въ сванск. ст., косожск. вол., въ дер. Севенкахъ.

XCV. Сказка. 7207 г. начала марта лицъ, мѣнявшихся помѣстьями подъ предъидущимъ номеромъ, о ихъ согласіи на мѣну эту.

XCVI. Выпись съ отказа 7207 г. марта 6 Арсеньеву на помѣстье Якшина согласно съ двумя предъидущими номерами.

XCVII. Отказъ на то же помѣстье, данный на мѣстѣ, 7207 г. марта 7.

XCVIII. Грамота 7207 г. марта 15 объ удовлетвореніи челобитья дочерей умершаго Сидора Петр. с. Каменева Авдотьи, жены Ак. Андр. с. Авдѣева, и Даріи, жены Гр. Матв. с. Онуфріева, опровергающихъ духовную своего отца, которою его вотчины и помѣстья оставлены по смерть его вдовѣ, а ихъ матери Принѣ, а затѣмъ его роднымъ братьямъ Федос. и Макс. П. Каменевымъ. Имѣнія С. П. Каменева исчислены подробно.

XCIX. Запись 7207 г. марта 30 курч. Ос. Тимоф. с. Ескова о промѣнѣ имъ помѣстья въ курск. у., въ курицкомъ ст., въ дер. Сасковой Ак. Андр. с. Авдѣеву, давшему за то помѣстье въ томъ же у., въ подгородн. ст. на р. Боршнѣ и 20 руб.

C. Выпись съ отказа 7207 г. апр. 5 Серг. Макс. с. Каменеву на помѣстье въ курск. у., въ курецк. ст. въ дер. Дроняевой, вымѣнянное имъ у курч. Алфера Артем. с. Мишустина.

CI. Сказки 7207 г. начала мая лицъ, мѣнявшихся помѣстьями, указанными выше въ № XCII, о согласіи ихъ на мѣну.

CII. Отказъ 7207 г. мая 13 Арсеньеву помѣстья Воротыщева, указаннаго въ № XCII.

CIII. Такой же отказъ на помѣстье 7207 г. мая 13.

CIV. Копія (безъ начала) съ письма къ государю отъ 7207 г. іюля 8, бѣлогородскаго воеводы о рѣшеніи имъ спора за земли въ вольнинскомъ уѣздѣ въ с. Сидоровкѣ, населенныя черкасами, и въ дер. Добрынской, между вольновцемъ Троф. Куряновымъ (кажется уступившимъ эти земли ахтырскому полковнику Ив. Ив. с. Перекрестову) и вальновскимъ воеводою стольникомъ Федос. Петр. Каменевымъ въ пользу перваго изъ нихъ.

Интересенъ разсказъ, какъ Каменевъ различными неправыми путями добивался получить эти земли.

CV. Отпускная на волю 1700 г. февр. 4 бывшаго крѣпостнаго человѣка стольн. Ив. Андр. Пущина Сем. Макс. с. Шабанова съ семьею, согласно съ духовнымъ завѣщаніемъ Пущина.

CVI. Отказъ 1700 г. апрѣля 20 Силѣ Кузьм. Арсеньеву помѣстья Николая Шустова рыльск. у., въ свапск. ст., на устьи р. Вабли.

CVII. Сказка 1700 г. іюля 21 С. К. с. Арсеньева съ Ив. Ермол. с. Дуровымъ и Федор. Никит. с. Пушкаревымъ о согласіи ихъ на мѣну помѣстьями, причемъ Арсеньевъ даетъ имъ землю въ рыльск. у., подгородн. ст., въ пустоши Савкахъ; Ив. Дуровъ даетъ Арсеньеву помѣстье въ томъ же уѣздѣ въ свапск. ст. въ с. Плотавѣ, а Фед. Пушкаревъ въ томъ же уѣздѣ и тоже въ свапск. ст. въ дер. Черемошкахъ.

CVIII. Отказъ 1700 г. 18 окт. сумск. полковнику стольн. Андр. Герас. Кондратьеву на земли въ сумск. уѣздѣ, около с. Сыроватки, купленныя имъ у разныхъ лицъ, преимущественно у родственниковъ.

Упоминается бѣлгородскій воевода генер. маіоръ Христофоръ Андр. Ригимонъ (Ригельмонъ) и сумской судья Сем. Андр. с. Юнокъ.

CIX. Жалоба государю въ 1701 г., не раньше марта, крестьян. с. Курасова, владѣнія П. Ал. Больш. Исакова, Федьки Иванова на курчен. Павла Курасова, обвиняемаго Ивановымъ въ поджогѣ сарая.

CX. Отказъ 1702 г. іюня 6 новг. сѣв. Игн. Ив. с. Ушакову на помѣстье въ рыльск. у., въ свапск. ст., что было сухорученское помѣстье Коморицкого солдатскаго строя Константинова с. Смирного Гранкина.

CXI. Запись 1702 г. ноября 22 новг. сѣв. Март. Сем. с. Курасова на землю въ рыльск. у., въ свапск. ст., въ дер. Севенкѣ, мѣняемую имъ нов. сѣв. С. К. с. Арсеньеву, дающему за то землю, въ рыльск. у., но болѣе точно необозначаемую.

CXII. Отказъ 1703 г. апр. 18 Арсеньеву на это помѣстье Курасова.

CXIII. Отказъ 1703 г. апрѣля Арсеньеву же на землю въ рыльск. у., въ свапск. ст., на р. Вабле, вымѣнянную имъ у Ив. Яким. с. Меньшаго Чубарова.

CXIV. Кабальная запись 1703 г. мая 7, данная крестьян. Сем. Макс. с. Шабановымъ на себя Григ. Ив. с. Ушакову.

CXV. Сказка 1703 мая 7 того же крестьянина о согласіи поступить въ холопство.

CXVI. Запись 1703 г. авг. 2 рылян. Козьмы Федор. с. Елянского на помѣстье въ рыльск. у., въ свапск. ст., въ дер. Черемошкахъ, промѣнянное имъ С. К.

с. Арсеньеву, взамѣнъ чего Арсеньевъ даетъ землю въ рыльск. у., необозначенную, и 20 рублей.

CXVII. Отказъ 1703 г. іюня 18 Арсеньеву на это имѣніе Елянскаго.

CXVIII. Отказъ 1704 дек. 7 Арсеньеву же на помѣстье въ рыльск. у. въ свапск. ст., въ косожск. вол., въ дер. Дремовой и Черемошкахъ, купленное имъ у Маріи, вдовы Констант. Дремова, за 25 рублей.

CXIX. Запись 1705 г. генв. 5 курчанъ Савелія и Любима Денис. д. да Вас. и Макс. Афон. д. Михайловыхъ на ихъ помѣстье въ курск. у., въ подгорск. ст., въ д. Дичкѣ, отданное С. К. Арсеньеву, давшему имъ за то землю въ томъ же уѣздѣ и стану по р. Реуту и 40 рублей.

CXX. Запись 1705 г. марта 24 новг. сѣв. Аввак. Алексѣева с. Ряженцева съ пасынками Михаил. и Григ. Алексѣев. д. Телѣгиными на уступку крестьянской семьи Гр. Ив. с. Ушакову взамѣнъ того, что у нихъ жила бѣглая крестьянская семья, принадлежавшая Ушакову.

CXXI. Сказка 1706 г. мая 5 Ирины, Дѣевой дочери, вдовы Фед. Филипп. с. Мишустина, и Макс. П. с. Каменева о ихъ согласіи на мѣну ихъ помѣстій; при чемъ первая даетъ помѣстье въ курск. у., въ куриц. ст., въ дер. Дроняевой, вторая въ томъ же у., въ подгородн. ст. на р. Реутѣ.

CXXII. Отказъ 1706 г. мая 8 на указанныя въ предыдущемъ номерѣ помѣстья.

CXXIII. Отписка государю 1706 г. мая 30 курскаго воеводы о согласіи на мѣну помѣстій со стороны лицъ, указанныхъ въ номерѣ CXXI.

CXXIV. Сказка 1706 г. Гликеріи Михайловой, вдовы Фед. Петр. с. Исакова, о принадлежности ей имѣнія, даннаго ея мужу въ 7191 г., въ курск. у., въ подгородн. ст., на р. Роцутинѣ, на которое притязаютъ разные рыльскіе помѣщики.

CXXV. Отказъ 1709 г. мая 20 С. К. с. Арсеньеву на имѣніе въ рыльск. у., свапск. ст., на р. Вабли, что было Ив. Ханина.

CXXVI. Отказъ 1709 г. мая 29 тому же Арсеньеву на мѣновное помѣстье Кузьмы Фед. с. Елянскаго въ рыльск. у., въ свапск. ст. въ дер. Черемошкахъ.

CXXVII. Запись 1710 г. декабря 30, данная курчен. Павл. Демент. с. Капустинымъ въ томъ, что жить ему у Ак. Андр. с. Авдѣева до уплаты денегъ за его крѣпостную дѣвку, на которой Капустинъ женился, и 20-ти рублей долга.

CXXVIII. Утвержденіе 1711 г. мая 15 поступки С. К. с. Арсеньевымъ части своихъ имѣній, по р. Котлевѣ и въ другихъ мѣстахъ, на церкви въ с. Тураевѣ и въ с. Верхнемъ Выдерцѣ.

CXXIX. Копія съ записи, данной 1714 г. іюля 24 курск. помѣщиками Макс. Петр. с., и Федор. и Прохор. Федос. д. Каменевыми П. Ал. Исакову и внуку его Ив. Фед. Исакову, которою уничтожается бывшая запись П. Ал. Исакова и жены его Ксеніи о переходѣ ихъ имѣнія с. Курасова послѣ ихъ смерти во владѣніе Макс. и Федос. П. д. Каменевымъ (см. выше №№ XCI и XCII), такъ какъ у П. Ал. Исакова родился внукъ Иванъ.

Изъ № LXXXVIII видно, что сынъ П. Ал. Исакова Фед. П. Исаковъ не ладилъ со своимъ отцомъ.

CXXX. Продажная запись 1716 г. іюля 28 курск. помѣщ. Андр. Мих. с. Авдѣева, данная на помѣстье въ курск. у., подгор. ст., въ дер. Каняевой, проданное имъ Ак. Андр. с. Авдѣеву.

CXXXI. Продажная запись 1719 г. жителя с. Грязнаго Михаила Мартынова, на лѣсъ, проданный имъ судженскому козаку Як. Роман. с. Подольскому.

CXXXII. Продажная запись 1722 жителя с. Грязнаго Ив. Карп. с. Попова на жилой дворъ въ этомъ селѣ, проданный тому же Подольскому.

CXXXIII. Продажная запись 1724 г. генваря жителя с. Грязнаго Исаи Семенова сына на грунтъ въ томъ же селѣ, проданный Подольскому же.

CXXXIV. Продажная запись 1724 г. генваря Фец. Григ. Храпченка на лѣсъ, проданный тому же Подольскому.

CXXXV. Продажная запись 1730 г. февр. 23 сумск. полка подпрапорнаго козака с. Грязнаго Ив. Петрова на лѣсъ, проданный подпрапорному козаку, тому же Подольскому.

А. Маркевичъ.

Библіографія.

Русская народная музыка, великорусская и малорусская, въ ея строеніи мелодическомъ и ритмическомъ и отличія ея отъ основъ современной гармонической музыки. Изслѣдованіе П. П. Сокальскаго. Харьковъ. 1888 г. 368. ц. 3 р.

Все чаще и чаще раздаются въ послѣднее время голоса, заявляющіе о настоятельной необходимости записывать и издавать въ свѣтъ остатки нашего народнаго пѣсеннаго творчества, съ такою поражающею быстротою исчезающаго на нашихъ глазахъ и замѣняемаго городскою или заводскою, либо солдатскою пѣснею весьма низкопробнаго культурнаго характера и вообще сомнительнаго достоинства. Явленіе это, конечно, вполнѣ естественно, объяснимо и неизбѣжно въ извѣстное время жизни народа, но важность сохраненія для потомства произведеній подлинной и свѣжей народной музы отъ этого нисколько не умаляется. Помнится, на страницахъ «Кіевской Старины» такое заявленіе было сдѣлано г. Ив. Новицкимъ, который особенно настаиваетъ на сбереженіи подлинно народныхъ украинскихъ напѣвовъ. Въ примѣненіи болѣе широкомъ, ко всѣмъ славянскимъ племенамъ, особенно южнымъ и восточнымъ, та же мысль была высказана и мною на страницахъ кіевскаго «Славянскаго Ежегодника»[1]) (стр. 228—246). Сколь многіе изъ насъ, думается мнѣ иногда, могли бы, усвоивъ себѣ немного чудныхъ образцовъ народнаго творчества, позаботиться объ обнародованіи этихъ сокровищъ, но... насъ одолѣваетъ доморощенная наша лѣнь, косность и отсутствіе спеціальныхъ знаній, сопровождаемое вообще умственною неподвижностью. Вотъ причина, отчего такъ мало является въ свѣтъ памятниковъ народ-

[1]) См. также брошюру: Кухачъ и его сборникъ южнославянскихъ пѣсенъ. Кіевъ. 1884 г.

наго пѣснетворчества, записанныхъ досужими и всякими иными любителями и цѣнителями подлинной народной пѣсни. Не хотѣлось бы, по крайней мѣрѣ, думать, что здѣсь кроется, можетъ быть, другая причина, лежащая въ равнодушіи нашего современнаго поколѣнія къ идеалу, въ неумѣньи и нежеланіи его пить изъ родника чистой, могучей, роскошной народной музыки и поэзіи. Не хотѣлось бы, повторяю, вѣрить этому; съ природною косностью, съ отсутствіемъ подходящихъ знаній, легче бороться, чѣмъ съ матеріалистическимъ настроеніемъ общества, граничащимъ съ презрѣніемъ ко всему, что не блеститъ брилліантами, не разукрашено шелками и золотомъ...

А между тѣмъ народная муза зоветъ къ себѣ съ отчаяніемъ существа, обреченнаго на погибель; ею въ предсмертномъ трепетѣ извлекаются еще изъ глуби народной души чарующіе звуки не только старой козацкой и чумацкой пѣсни, но и пѣсни современной, на которой, очевидно, лежитъ еще рука недавняго, быть можетъ, даже вчерашняго творчества... Народное пѣснетворчество, хотя и замѣтно изсякаетъ, но по временамъ продолжаетъ еще обнаруживать признаки своей живучести и силы, проблески не совсѣмъ еще угасшаго генія. Этотъ геній либо видоизмѣняетъ плоды прежняго своего творчества сообразно новымъ потребностямъ и вкусамъ, либо усваиваетъ себѣ нѣкоторыя, вполнѣ подходящія къ его характеру произведенія книжной словесности (напримѣръ, Шевченка; его извѣстную пѣсню «На що мени кари очы» намъ неразъ случалось слышать въ подлинно народной средѣ; очевидно эта заносная пѣсня подверглась извѣстному процессу ународненія), либо, наконецъ, даже творить и кое что новое. Вотъ почему, не взирая на огромное количество собраннаго уже и преданнаго тисненію достоянія нашего народнаго пѣснетворчества, еще очень далеко то время, когда можно будетъ подвести ему итоги.

Но одного желанія взяться за дѣло записыванія народныхъ пѣсенъ еще мало: необходимо умѣнье, чутье, основательное знакомство съ прежде исполненными работами, а при записываніи напѣвовъ нужны и спеціальныя познанія, музыкально-теоретическая подготовка. Для этой то послѣдней стороны дѣла и представляетъ чрезвычайную важность разсматриваемая нами книга, являющаяся послѣднимъ капитальнымъ трудомъ безвременно погибшаго даровитаго музыканта. Авторъ этой прекрасной книги, въ которой онъ свелъ итоги всѣмъ своимъ знаніямъ по народной музыкѣ, былъ человѣкъ весьма разносторонне образованный и откликавшійся на самые разнообразные запросы жизни; но особенно любовно относился онъ къ музыкальному

искусству, и въ этой области отъ него осталось нѣсколько какъ весьма дѣльныхъ теорическихъ работъ, такъ и съ несомнѣннымъ дарованіемъ исполненныхъ композиторскихъ произведеній. Будучи естествовѣдомъ по образованію (магистръ химіи), онъ вносилъ въ свои музыкальныя изслѣдованія точный аналитическій методъ, придающій имъ замѣчательную дѣльность и строгость въ исполненіи. Особенно это слѣдуетъ сказать о разсматриваемой нами книгѣ: множество основательныхъ и внимательныхъ разборовъ пѣсенъ со стороны ихъ напѣвовъ и вообще музыкальнаго построенія, масса пѣсенныхъ примѣровъ, которыми изслѣдователь обставляетъ и обосновываетъ свои мнѣнія, придаютъ его работѣ характеръ огромной лабораторіи, гдѣ изслѣдователь имѣетъ постоянно подъ руками богатый фактическій и опытный матеріалъ, подлежащій объясненію и объединенію [1]).

Предоставивъ спеціалистамъ критическое разсмотрѣніе подробностей книги и мнѣній автора съ чисто музыкальной точки зрѣнія (что, разумѣется, не можетъ входить въ задачу общаго историческаго изданія), мы остановимся только на нѣкоторыхъ мысляхъ изслѣдователя, которыя намъ кажутся особенно замѣчательными либо интересуютъ насъ съ точки зрѣнія мыслей, высказанныхъ нами въ началѣ настоящей замѣтки.

Изъ глубокаго и внимательнаго изученія русскихъ народныхъ пѣсенъ (въ широкомъ смыслѣ, т. е. великорусскихъ и малорусскихъ; бѣлорусская пѣсня, по ея малоизвѣстности, не вошла въ кругъ изслѣдованій автора) изслѣдователь вывелъ то заключеніе, что «русская народная музыка создалась внѣ всякаго вліянія эллиноримской цивилизаціи, легшей въ основу западноевропейской культуры высшихъ классовъ. Она—самостоятельный стволъ отъ общаго корня, колыбели человѣчества въ Азіи, отъ котораго другой стволъ пошелъ въ южную Европу (Грецію и Римъ)». Сдѣлавъ пересмотръ мнѣній всѣхъ прежнихъ изслѣдователей русской музыки (Сѣрова, положившаго начало научной разработкѣ русской народной пѣсни [2]), Арнольда, Вестфаля,

---

[1]) Таковы, напримѣръ, превосходные разборы пѣсенъ: „По-узъ мій двиръ воритечка голубка летила“ и однородной съ нею по мелодическому строенію, но отличной въ ритмическомъ отношеніи „Матушка, да и что жé во полѣ пыльно?“ (Стр. 137—142 и 324—326). См. также разсмотрѣнія пѣсенъ „Какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ“, „Ой не пугай, пугаченьку“, „Червоная калинонька въ саду повылася“, „Максымъ козакъ Зализнякъ“ и мн. др.

[2]) Русская народная пѣсня, какъ предметъ науки. См. Музыкальный Сезонъ 1870 годъ.

Мельгунова и др.), нашъ авторъ вполнѣ остновательно и научно, на нашъ взглядъ, замѣчаетъ, что не о родствѣ русской народной музыки съ древнегреческою должна идти рѣчь, когда хотятъ опредѣлить характеръ ея, а о той либо другой степени развитія музыкальнаго искусства. Тогда окажется — и это замѣчаніе, по нашему мнѣнію, глубоко справедливо,—что русская народная музыка просто еще находится въ томъ историческомъ фазисѣ «развитія въ музыкѣ понятій объ интервалахъ и ихъ родствѣ между собою, о мелодіи и о роли ритма въ вокальной музыкѣ», въ какомъ находилась въ свое время и древнегреческая музыка, равно какъ и музыка многихъ другихъ арійскихъ народовъ, у которыхъ сплошь и рядомъ попадаются сходныя черты (такъ еще Сѣровъ указалъ на замѣчательное сходство русской пѣсни «Во полѣ березонька стояла» съ одною индусскою мелодіею, приведенною у Амброса [1]), а французъ Больe замѣтилъ много общаго въ одной индусской пѣснѣ съ напѣвомъ оды Пиндара).

Любопытно мнѣніе нашего изслѣдователя, съ которымъ приходится поневолѣ считаться нашимъ записывателямъ народныхъ напѣвовъ, о томъ, какъ слѣдовало бы укладывать эти напѣвы въ ноты; ему кажется, что «такъ какъ народный тактъ есть полустишіе, то самое правильное было бы укладывать пѣсню въ ноты и тактъ, отдѣляя *тактовыми черточками* одно полустишіе отъ другаго. Никогда не слѣдуетъ забывать, что, *внося въ русскую пѣсню и наши тактовыя черточки*, мы вносимъ въ народную пѣсню и наши чуждые ей акценты». Мнѣніе это подтверждено обстоятельнымъ разборомъ пѣсенъ, записанныхъ Прокунинымъ (ред. Чайковскаго) и Балакиревымъ, при чемъ приведены и опыты надлежащей записи этихъ же пѣсенъ (т. е. не по обычнымъ нашимъ тактовымъ дѣленіямъ, а по полустишіямъ). И это мнѣніе, хотя и не новое, кажется намъ глубоко вѣрнымъ и во всякомъ случаѣ заслуживающимъ вниманія.

Вообще тѣ своеобразныя, отмѣченныя глубокою древностію особенности, благодаря которымъ русская народная музыка представляетъ собою своеобразный и самостоятельный міръ, побудили автора настоятельно высказаться въ томъ смыслѣ, чтобы въ русскихъ консерваторіяхъ и музыкальныхъ училищахъ «на ряду съ ученіями о гармоніи и контрапунктѣ устроены были и спеціальныя каѳедры «русской народной музыки». Это не только возбудило бы живой интересъ русскихъ музыкантовъ къ этому особому музыкальному стилю, про-

[1]) Geschichte der Musik. т. I. стр. 58.

дукту народнаго русскаго генія въ областяхъ языка, мелодіи и ритма, но и *подготовило бы лицъ для осмысленнаго, систематическаго и точнаго собиранія и записыванія* памятниковъ русской народной музыки, еще не исчезнувшихъ изъ устнаго оборота массы». И съ этимъ мнѣніемъ невозможно не согласиться, по его очевидной цѣлесообразности и разумности. Въ заключеніе мы должны сказать, что книга Сокальскаго является въ такой мѣрѣ выдающимся произведеніемъ русской научной мысли, что навѣрное составила бы украшеніе и всякой другой, болѣе богатой, чѣмъ наша, литературѣ. По отзывамъ знатоковъ, она представляетъ собою за послѣднее время единственное въ цѣлой европейской литературѣ явленіе, замѣчательное какъ по строгости метода, такъ и по основательной глубинѣ исполненія. Изданъ этотъ трудъ прекрасно, такъ что цѣна книги вовсе не можетъ быть названа высокою въ виду, во первыхъ, той роскоши, съ какою выпущена она въ свѣтъ, а во вторыхъ того множества нотныхъ примѣровъ, какимъ она просто изпещрена. Нельзя не отдать чести и харьковской типографіи Дарре, исполнившей почти безукоризненно такую сложную работу.

А. Степовичъ.

Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1888 г. кн. I (144-я). Издана подъ завѣдываніемъ д. чл. Н. А. Попова. Москва. 1888 г.

Недавно вышедшая 144-я книга «Чтеній» заключаетъ въ себѣ не мало матеріаловъ по южнорусской исторіи. Такъ, между прочимъ, третья часть ея удѣлена редакціей для весьма интереснаго изслѣдованія А. С. Архангельскаго: «*Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв.—Борьба съ католичествомъ и западно-русская литература конца XVI и первой половины XVII в. I—II*». Это сочиненіе задумано широко и выполняется тщательно; пока напечатаны двѣ первыя главы его, онѣ хотя и носятъ компилятивный характеръ, служа введеніемъ и поясненіямъ имѣющаго появиться позже изслѣдованія автора, но тѣмъ не менѣе представляютъ живую картину избраннаго авторомъ времени, времени перелома въ народной жизни, произведеннаго люблинской уніей 1569 года, которая имѣла послѣдствіемъ борьбу вошедшихъ въ соединеніе элементовъ. Авторъ и поставилъ себѣ задачей—изобразить наиболѣе интересный моментъ этой борьбы—ея начало и при томъ въ одной только сферѣ—

литературной; съ этою цѣлью, онъ останавливается на результатахъ люблинской уніи, на измѣненіяхъ, происходившихъ съ 1569 г. въ обычаяхъ и нравахъ русскаго общества, но изображаетъ ихъ лишь съ тѣми подробностями, которыя необходимы для дальнѣйшихъ главъ, заключающихъ самое изслѣдованіе. Г. Архангельскій слѣдитъ за этой борьбой въ сферѣ религіозной и, кстати сказать, слишкомъ преувеличиваетъ вліяніе польскихъ королей на упадокъ нравственности православныхъ іерарховъ, разсматривая его безотносительно, безъ сравненія съ состояніемъ католическаго духовенства, низкій нравственный уровень котораго порождаетъ быстрое распространеніе протестантизма въ Польшѣ. Неправъ, намъ кажется, авторъ, когда говоритъ о дѣятельности іезуитовъ, призванныхъ будто бы исключительно и съ самаго начала для борьбы съ православіемъ, а не съ протестантствомъ и социніанствомъ. Изображая состояніе образованія и количество школъ у православнаго населенія, заботы церковныхъ братствъ о распространеніи просвѣщенія, дѣятельность на этомъ же поприщѣ многихъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, обладавшихъ для того достаточными средствами, авторъ безъ провѣрки принялъ извѣстныя въ южнорусской исторической наукѣ положенія объ отсутствіи въ этотъ періодъ школъ и типографій, тогда какъ многіе факты противорѣчатъ этимъ положеніямъ, въ особенности по отношенію къ Кіеву. Какъ не былъ Кіевъ и его земля въ запустѣніи въ періодъ литовскаго вліянія, такъ же точно и образованность не была здѣсь въ упадкѣ; школы не имѣли лишь повода заявлять о своемъ существованіи и потому остались въ неизвѣстности; о нихъ заговорили только тогда, когда они реформировались и приспособлялись для борьбы съ католичествомъ въ началѣ XVII в.

Во второй главѣ авторъ разсматриваетъ литературу XVI и XVII вв., возникшую подъ вліяніемъ религіозной борьбы и являющуюся потому исключительно духовной; наиболѣе обширный отдѣлъ ея составляли всякаго рода богослужебныя книги, потомъ книги свящ. писанія, составъ котораго въ это время окончательно опредѣляется, а текстъ тщательно исправляется; въ это же время дѣлаются попытки передачи св. писанія на мѣстномъ нарѣчіи; за книгами св. писанія и богослужебными шли переводы твореній отцевъ церкви, вмѣстѣ съ тѣмъ было издано нѣсколько сочиненій обще-моральнаго содержанія, печатались также учебники для школъ; полемическія сочиненія были по преимуществу содержанія богословскаго, церковно-историческаго и обрядоваго; подъ вліяніемъ полемики быстро развивается строго науч-

ное, серьезное содержаніе книгъ; серьезность и эрудиція сказывалась и въ области катехизическаго богословія, церковной и гражданской исторіи и въ области канонической. Рядомъ съ этимъ развивается быстро и широко церковная проповѣдь; подъ покровомъ могилянской коллегіи возникаетъ и развивается драма; наконецъ, появляются изданія панегирическаго и риторическаго содержанія. Въ заключеніе авторъ отмѣчаетъ вліяніе южно-русской литературы и образованности на сѣверо-восточную; онъ видитъ въ этомъ вліяніи связующее звено между западно-европейской и московской образованностью и считаетъ его подготовкой къ послѣдовавшимъ за тѣмъ реформамъ.

Говоря о каждомъ родѣ печатныхъ или рукописныхъ книгъ, дошедшихъ до нашего времени, авторъ приводитъ въ примѣчаніяхъ ихъ полные списки, которые обнаруживаютъ въ немъ большое трудолюбіе и глубокую эрудицію; вмѣстѣ съ тѣмъ эти списки какъ бы противорѣчатъ положенію автора объ упадкѣ образованія въ южной Руси въ концѣ XVI в.; не слѣдуетъ забывать, что г. Архангельскій перечисляетъ только то, что сохранилось до нашего времени, а не то, что существовало въ дѣйствительности и что повѣркѣ не доступно, но широкіе размѣры чего мы тѣмъ не менѣе можемъ предполагать по сохранившимся весьма многочисленнымъ памятникамъ письменности.

Въ «*Приложеніи*» помѣщены переводы нѣкоторыхъ твореній отцевъ церкви, сдѣланные княземъ А. М. Курбскимъ: 1) «*Новый Маргаритъ*», подробно описывается авторомъ; изъ него сдѣлано извлеченіе житія св. Іоанна Златоустаго и переписки папы Иннокентія съ Іоанномъ, а также приведенъ каталогъ книгъ Іоанна; 2) «*Примѣчанія кн. Курбскаго къ переводу твореній Іоанна Дамаскина*», а равно многочисленныя толкованія или поясненія отдѣльныхъ словъ и выраженій; 3) «*Діалектика Іоанна Дамаскина въ переводѣ князя Курбскаго*» также лишь описывается авторомъ. Таково содержаніе разсмотрѣнной нами части труда г. Архангельскаго; въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ обѣщаетъ перейти къ подробностямъ и частнымъ, спеціальнымъ изслѣдованіямъ нѣкоторыхъ сторонъ указанной имъ литературы и въ особенности подробно поговорить о литературныхъ трудахъ князя А. М. Курбскаго; этимъ, вѣроятно, слѣдуетъ объяснить и выборъ авторомъ приложеній.

Другой любопытной статьей въ настоящей книгѣ «Чтеній» является «*Дѣло объ еретичествѣ Стефана Прибыловича (1717—1718 г.)*», сообщенное Н. Я. Токаревымъ. Прибыловичъ, уроженецъ г. Ярославля въ Галиціи, постригся въ монахи Кіево-Печерскаго монастыря; потомъ

преподавалъ философію въ московской академіи и даже былъ въ ней префектомъ; посвященный въ іеромонахи, онъ говорилъ проповѣди, «казанія», и жилъ въ Москвѣ до 1711 г.; въ этомъ году опять возвратился въ Кіевъ и жилъ въ Лаврѣ; отсюда онъ былъ посланъ на игуменство въ приписной Кіево-Печерскій-Змѣевскій монастырь; въ 1716 г. онъ былъ обвиненъ змѣевскими монахами въ ереси и отрѣшенъ отъ игуменства; но вскорѣ его потребовали въ Петербургъ и это требованіе послужило поводомъ къ обвиненію его въ ереси. Ересь же Прибыловича состояла въ томъ, что онъ не считалъ патріарховъ Авраама, Исаака и Іакова безгрѣшными, въ измѣненіи нѣкоторыхъ словъ въ акаѳистѣ Пр. Богородицы и проч.; за это Прибыловичъ былъ сосланъ «до указу» въ свирскій Александровъ монастырь, а потомъ переведенъ на житье въ Троицко-Невскій монастырь; въ ссылкѣ онъ пробылъ менѣе года. Свидѣтельскими показаніями установленъ фактъ сношенія Прибыловича въ 1714 г. съ извѣстнымъ еретикомъ Дмитріемъ Тверитиновымъ; ученіе послѣдняго въ сильной степени отразилось на ереси Прибыловича. Какъ писатель, Прибыловичъ извѣстенъ 5-ю сочиненіями богословскаго и философскаго характера; изъ нихъ два написаны на латинскомъ языкѣ.

Въ *«Замѣчаніяхъ на книгу: «Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII ст.», историко-критич. изслѣдованіе В. Н. Латкина, ч. I»*. А. Н. Зерцаловъ сообщаетъ новыя данныя о малороссійской коммиссіи по сочиненію правъ (1728—1759 гг.); эти данныя кромѣ указанія на число ея членовъ, вообще рисуютъ ея внѣшнюю обстановку за послѣдній годъ пребыванія ея въ Москвѣ передъ переводомъ въ 1736 г. въ Глуховъ. Изъ приводимыхъ г. Зерцаловымъ документовъ видно, что малороссійская коммиссія въ 1735 году состояла изъ 27 духовныхъ и свѣтскихъ членовъ, находилась въ Москвѣ въ особо отведенномъ для нея помѣщеніи Нижегородскаго подворья, канцелярскіе матеріалы и мебель, а также дрова и сторожа для топленія печей требовала отъ московской Сенатской конторы, а отпускались означенные матеріалы изъ штатсъ-конторы.

Наконецъ, любопытны также новыя данныя, извлеченныя г. А. А. Газдово-Голомбіевскимъ изъ сибирскихъ актовъ «о Демьянѣ Многогрѣшномъ и дикихъ людяхъ Чюлюгдеяхъ». Трактуется въ этихъ «сибирскихъ актахъ» о судьбѣ малороссійскаго гетмана Демьяна Игнатовича Многогрѣшнаго и о какихъ то сибирскихъ инородцахъ; изъ этого видно, что ничего не имѣющіе сходнаго въ содержаніи документы соединены вмѣстѣ лишь потому, что лежали въ одномъ

мѣстѣ и сообщаются однимъ и тѣмъ же лицемъ,—связь, по нашему мнѣнію, слишкомъ недостаточная.

Къ тремъ документамъ «о пребываніи въ Сибири гетмана Д. Многогрѣшнаго» авторъ дѣлаетъ короткое предисловіе, излагающее сущность ихъ содержанія. Изъ нихъ мы узнаемъ, что жившій въ 1682 г. на свободѣ Многогрѣшный, по проискамъ гетмана Самойловича, былъ заключенъ въ Селенгинскую тюрьму въ 1684 году для предупрежденія побѣга, такъ какъ одинъ изъ сосланныхъ вмѣстѣ съ нимъ въ Сибирь, дѣйствительно бѣжалъ оттуда и «объявился въ Запорогахъ». Исключительно объ этомъ заключеніи Многогрѣшнаго и идетъ переписка въ трехъ документахъ.

Но сдѣлавши замѣтку о Многогрѣшномъ, авторъ не удостоилъ вниманія «дикихъ людей Чюлюгдеевъ», оставивъ имъ дикое заглавіе, а между тѣмъ они то и требовали поясненія, такъ какъ настоящій документъ свидѣтельствуетъ, что и въ 1685 году наши свѣдѣнія о сибирскихъ инородцахъ мало разнились отъ тѣхъ, какія существовали въ эпоху Ермака Тимофѣевича, несмотря на то, что русскіе владѣли Сибирью уже болѣе столѣтія.

И. Каманинъ.

Русская Правда, текстъ, изданный по тремъ спискамъ, съ предисловіемъ и краткимъ объяснительнымъ словаремъ, составленными кандидатомъ правъ А. Б. Гинцбургомъ. Спб. 1888 г.

«Русская Правда» издана здѣсь по тремъ спискамъ—Академическому, Синодальному и Мусина—Пушкина. Въ началѣ брошюрки помѣщено обращеніе издателя ad lectorem, затѣмъ введеніе, принадлежащее г. Гинцбургу, а въ самомъ концѣ приложенъ «Краткій объяснительный словарь», составленный также г. Гинцбургомъ. По нашему мнѣнію, самый текстъ «Русской Правды» изданъ вполнѣ удовлетворительно. Съ этой стороны, задача, поставленная издателемъ,—дать студентамъ-юристамъ доступное и удобное пособіе—достигнута. Но нельзя того же сказать о цѣломъ изданіи, во всемъ его объемѣ. У насъ нѣтъ изданій, подобныхъ тѣмъ, какія мы находимъ за границей, ad usum scholarum, и, конечно, они весьма желательны. При этомъ изданія могутъ быть двухъ родовъ: 1) или они будутъ заключать въ себѣ только одинъ текстъ памятника, или 2) сверхъ текста будутъ имѣть такія къ нему примѣчанія, которыя дадутъ возможность

учащемуся самостоятельно работать. Первый видъ изданій годенъ болѣе для учениковъ средне-учебныхъ заведеній, хотя не безполезенъ и для студента; второй — главнымъ образомъ имѣетъ значеніе для послѣдняго. Разсматривая изданіе г. Гаршина и примѣняя къ нему только что сказанное, должно сказать, что оно не соотвѣтствуетъ ни тому, ни другому виду подобныхъ изданій. «Въ настоящемъ изданіи, говорятъ издатели, «Русская Правда» впервые является съ краткимъ объяснительнымъ словаремъ, что отличаетъ его отъ всѣхъ предшествующихъ изданій, независимо отъ ихъ высокихъ достоинствъ». Ясно, кажется, что издатели придаютъ особенное значеніе краткому объяснительному словарю. Но онъ то, къ сожалѣнію, и составляетъ слабую сторону изданія. Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе объясненія, которыя говорятъ о томъ, что ясно изъ самаго текста памятника и не требуетъ никакихъ толкованій. Напр. въ уставѣ Ярослава «о мостѣхъ» стоитъ: «а пидьбляномъ (поплата) до *чюдинцевои улицъ*»... Въ «Объяснительномъ словарѣ» стр. 48: «Чюдинцева улица въ Новгородѣ». Точно такъ же объяснены имена: Острая улица, Софьяне, Пидбляне и т. д. Мы не думаемъ, чтобы подобныя разъясненія имѣли какое нибудь важное значеніе. Гораздо проще было сдѣлать общее объясненіе, что такія то имена, находящіяся въ уставѣ Ярослава «о мостѣхъ», относятся къ Великому Новгороду и обознаютъ его части или жителей этихъ частей. Нельзя, по нашему мнѣнію, считать необходимымъ и такое объясненіе, какъ на стр. 42: «Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, великій князь кіевскій», такъ какъ оно предполагаетъ у студента-юриста крупное невѣжество въ русской исторіи. Что касается объясненій терминовъ, встрѣчающихся въ «Русской Правдѣ», то и про нихъ, про нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, приходится сказать то же, что мы говорили раньше. Едва ли напр. надо было объяснять, что такое «конецъ», «пятина» и т. д. Не можемъ не указать также на невѣрность нѣкоторыхъ объясненій. Напр. на стр. 44 въ «Объяснительномъ словарѣ» стоитъ: «Конюшій—званіе, учрежденное Іоанномъ III...» Но если это такъ, то какимъ же образомъ оно попало въ «Русскую Правду?» Званіе конюшаго существовало еще и въ до татарскій періодъ. Такъ, Лаворъ былъ конюшимъ Игоря Святославича Новгородсѣверскаго. Лѣтопись знаетъ и конюховъ, и конюшихъ и не смѣшиваетъ этихъ званій. Нельзя также, по нашему мнѣнію, дѣлать объясненій въ такомъ категорическомъ тонѣ, какъ это мы находимъ въ «Объяснительномъ словарѣ». Не говоря о колбягахъ, которыхъ никоимъ образомъ нельзя пріурочивать къ области Колбен-

сиціи, даже вопросы о нашихъ мѣрахъ, должностныхъ лицахъ древней Руси и т. п., далеко еще не могутъ считаться рѣшенными въ русской исторической наукѣ. Поэтому при всякомъ объясненіи необходимо было бы тутъ же въ скобкахъ сдѣлать ссылку на автора, откуда берется данное объясненіе, а еще полезнѣе было бы указать главнѣйшія ученыя работы по тому или иному вопросу. Мы думаемъ, что это нисколько не увеличило бы объема «Объяснительнаго словаря», особенно съ изъятіемъ изъ него многихъ лишнихъ и ненужныхъ объясненій. Не можемъ не обратить вниманія еще на одно странное обстоятельство.

Мы указывали уже, что въ разбираемомъ изданіи находится цѣлый рядъ объясненій, относящихся къ уставу Ярослава «о мостѣхъ». Этотъ уставъ не есть неразрывная часть «Русской Правды», а представляетъ собою нѣчто совершенно самостоятельное. Такъ можно думать на основаніи отсутствія этого устава во многихъ спискахъ «Русской Правды» и содержанія его, имѣющаго чисто мѣстное значеніе. Извѣстно, что принадлежность этого устава Ярославу Мудрому оспаривалась въ русской наукѣ. Поэтому издатель не сдѣлалъ важнаго промаха, опустивъ совершенно этотъ памятникъ въ своемъ изданіи. Спрашивается: зачѣмъ же было объяснять то, чего нѣтъ въ самомъ изданіи? Такимъ образомъ, приходится выбросить изъ «Объяснительнаго словаря» еще значительную его часть, какъ къ дѣлу совершенно не относящуюся. Вообще, если бы издатели ограничились только напечатаніемъ текста «Русской Правды», то ихъ изданіе было бы еще дешевле, а, стало быть, и еще доступнѣе, чѣмъ теперь, и нисколько не потеряло бы въ качественномъ отношеніи, но несомнѣнно выиграло бы въ пользѣ.

П. Голубовскій.

Вторая учебная экскурсія симферопольскай мужской гимназіи въ Бахчисарай и его окрестности... Отчетъ составилъ инспекторъ А. Н. Поповъ. Симферополь. 1888 г.

Въ послѣднее время русское общество все болѣе и болѣе сталъ занимать вопросъ о нецѣлесообразности нашего воспитанія, о томъ чрезмѣрномъ перевѣсѣ умственныхъ занятій въ ущербъ физическимъ, результатомъ котораго является переутомленіе учащихся. При отсутствіи физическаго воспитанія, поставленнаго на раціональныя начала

и долженствующаго идти параллельно съ образованіемъ умственнымъ, въ молодомъ организмѣ постепенно притупляется природная способность воспринятія, развиваются различныя спеціальныя болѣзни и, въ концѣ концовъ, молодой человѣкъ вступаетъ въ жизнь усталымъ, безъ всякихъ стремленій, энергіи и желанія дѣятельности. Статистическія изслѣдованія подтверждаютъ этотъ печальный фактъ. Не входя въ разборъ различныхъ мѣръ, которыя заполнили бы этотъ существенный пробѣлъ въ нашемъ образованіи, нужно сказать, что и при настоящихъ средствахъ, данныхъ учебной программой, можно многое сдѣлать въ этомъ направленіи; вся суть заключается только въ томъ, какъ смотрятъ на это лица, на которыхъ лежитъ обязанность руководить и слѣдить за воспитаніемъ. Поэтому нельзя не отнестись съ чувствомъ признательности къ директору симферопольской мужской гимназіи г. Тимошевскому, по иниціативѣ котораго были устроены экскурсіи для обозрѣнія памятниковъ старины и другихъ достопримѣчательностей Крыма. Такія экскурсіи имѣютъ еще и то значеніе, что знакомятъ юношей съ роднымъ краемъ, памятниками его старины, бытомъ его населенія, а это, при нашемъ почти поголовномъ незнакомствѣ со своей родиной, является очень и очень небезполезнымъ. Отчетъ о второй такой экскурсіи, совершенной воспитанниками VI, VII и VIII классовъ 27, 28, 29 и 30 апрѣля 1888 г., и составляетъ предметъ настоящей замѣтки. Экскурсіи такого рода, организованныя и обставленныя надлежащимъ образомъ, имѣютъ громадное воспитательное значеніе; онѣ, «служа и къ обогащенію познаній учениковъ, и къ возбужденію въ нихъ любознательности, служатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и къ сближенію ихъ съ ихъ наставниками и къ укрѣпленію благотворнаго на нихъ нравственнаго вліянія сихъ послѣднихъ» (Отчетъ, стр. 2). Во время экскурсіи были осмотрѣны: Бахчисарай, Салачакъ, Успенскій скитъ, Чуфутъ-Кале, Тепе-Керменъ, Качи-Кальенъ, Эски-Керменъ, Черкесъ-Керменъ, Мангупъ-Кале и Сюренъ. Преподавателями, сообразно съ осматриваемыми мѣстностями, были читаемы заранѣе составленныя сообщенія; приводимый одинъ перечень ихъ уже достаточно указываетъ на то, что прошлая и настоящая жизнь Крыма и его обитателей были вполнѣ очерчены и не было пропущено ничего, мало мальски заслуживавшаго вниманія. Сообщенія были слѣд.: 1) Д. И. Шебедева—«Исторія крымскаго ханства»; 2) Ѳ. Ѳ. Лашкова—а) «О законодательствѣ и судопроизводствѣ въ крымскомъ ханствѣ», б) «О пещерныхъ постройкахъ (городахъ) въ Крыму»; 3) Х. П. Ящуржинскаго—а) «Семейная жизнь; свадебные и погре-

бальные обряды татаръ», б) «Объясненіе надписей во дворцѣ и ханской усыпальницѣ», в) «Легенды, связанныя съ замѣчательнѣйшими мѣстами, которыя будутъ посѣщены въ время экскурсіи»; 4) А. О. Кашпара—«Объ архитектурномъ искусствѣ татаръ по остаткамъ въ ханскомъ дворцѣ и мечети»; 5) В. И. Жирнова—«Татарскія училища: мектебе и медрессе»; 6) протоіерея А. Е. Назарьевскаго—«Успенскій скитъ и его значеніе въ періодъ татарскаго владычества въ Крыму»; 7) А. И. Маркевича: «Чуфутъ-Кале (Кыркоръ) и караимы»; 8) М. А. Волошенко—«Геологическій очеркъ исторіи земнаго шара и происхожденіе крымскихъ горъ»; 9) Ф. Я. Ребеца—«Готы въ Крыму и Мангупъ»; 10) Н. А. Святскаго—«О цыганахъ въ Россіи и въ Крыму».

Оставляя въ сторонѣ разборъ каждаго изъ этихъ сообщеній, изъ которыхъ нѣкоторыя ограничивались болѣе общими положеніями, другія же разработали въ деталяхъ извѣстный отдѣлъ, проходя мимо нѣкоторыхъ промаховъ (напр. въ сообщеніи г. Лашкова «О пещерныхъ постройкахъ въ Крыму», гдѣ авторъ, дѣлая очеркъ доисторической жизни человѣка, говоритъ: «Переходя къ первоначальной исторіи пещерныхъ построекъ въ Крыму, приходится, за неимѣніемъ данныхъ, ограничиться лишь постановкою вопроса, по сравненію съ тѣмъ, что даетъ намъ доисторическая археологія другихъ странъ»... когда, напротивъ, еще въ 1879 г. г. Мережковскимъ открыты слѣды обитанія первобытнаго человѣка въ пещерахъ Крыма)[1]), все таки нельзя не признать, что онѣ оказались вполнѣ пригодными и удовлетворяющими своему назначенію. Отчетъ снабженъ многочисленными, недурно исполненными рисунками, изображающими различные виды и памятники старины; рисунки исполнены препод. А. А. Архиповымъ.

Въ заключеніе можно только пожелать, чтобы и другія учебныя заведенія послѣдовали благому примѣру симферопольской гимназіи.

Н. Б.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1888—89 г.

Въ настоящей книжкѣ редакція помѣщаетъ списокъ всѣхъ изданій, просматриваемыхъ ею для обозрѣнія; по мѣрѣ увеличенія числа изданій, названія ихъ будутъ приведены въ началѣ обозрѣнія.

1) Журн. Мин. Нар. Просв. 2) Вѣстн. Евр. 3) Рус. Мысль. 4) Правосл. Обозр. 5) Филолог. Зап. 6) Рус. Филол. Вѣстн. 7) Славян. Изв. 8) Сѣв. Вѣстникъ,

[1]) Гр. Уваровъ, Археологія Россіи, каменный періодъ, стр. 281 и слѣд.

9) Пантеонъ Лит. 10) Русск. Вѣстн. 11) Колосья. 12) Русск. Богатство. 13) Русск. Старина. 14) Русск. Архивъ. 15) Истор. Вѣст. 16) Юрид. Вѣст. 17) Журн. Гражд. и Угол. Права. 18) Природа и Охота. 19) Библіографъ. 20) Военный Сборникъ 21) Морск. Сб. 22) Восходъ и Нед. Хрон. Восхода. 23) Странникъ. 24) Чтен. въ Общ. Люб. Дух. Просв. 25) Христ. Чт. 26) Труды кіев. дух. акад. 27) Кіев. Унив. Извѣстія. 28) Экономъ. Журн. 29) Новь. 30) Правосл. Собесѣдн. 31) Kwart. Hist. 32) Ateneum. 33) Wisła. 34) Bibl. Warszaw. 35) Revue polit. et litter. 36) Недѣля. 37) Нива. 38) Сѣверъ. 39) Всемірная Иллюстр. 40) Живоп. Обозр. 41) Рус. Дѣло. 42) Рус. Судох. 43) Церк. Вѣст. 44) Рус. Лѣсопр. 45) Газета Гатцука. 46) Зоря. 47) Kłosy. 48) Kraj. 49) Przegl. Tygodn. 50) Gaz. Polska. 51) Кіевл. 52) Кіевск. Слово. 53) Кіевскія Еп. Вѣд. 54) Волынь. 55) Вол. Еп. Вѣд. 56) Вол. Губ. Вѣд. 57) Подол. Губ. Вѣд. 58) Подол. Еп. Вѣд. 59) Бессар. Губ. Вѣд. 60) Кишин. Еп. Вѣд. 61) Полт. Еп. Вѣд. 62) Черн. Губ. Вѣд. 63) Черн. Еп. Изв. 64) Сборникъ Черн. Земства. 65) Харьк. Губ. Вѣд. 66) Южн. Край. 67) Екатериносл. Губ. Вѣд. 68) Елисаветгр. Вѣстн. 69) Сборн. Херс. Земства. 70) Южанинъ. 71) Одес. Вѣст. 72) Одес. Лист. 73) Новор. Телегр. 74) Крымъ. 75) Таврич. Еп. Вѣд. 76) Таврич. Губ. Вѣд. 77) Воронежск. Еп Вѣд. 78) Донъ. 79) Донская Рѣчь. 80) Куб. Обл. Вѣд. 81) Варш. Дневн. 82) Литов. Еп. Вѣд. 83) Минск. Листокъ. 84) Курск. Листокъ. 85) Смол. Вѣстн. 86) Червоная Русь.

Журналъ Мин. Нар. Просв. 1888 г. №№ 11—12; 1889 г. № 1. *Паденіе Польши въ исторической литературѣ. Н. И. Карѣева* (№ 11, стр. 1—86; № 12, стр. 232—251; окончаніе). 7-ая глава этого обширнаго изслѣдованія знакомитъ съ новѣйшими польскими историческими трудами объ эпохѣ паденія Рѣчи Посполитой, а именно съ трудами Крашевскаго «Польша въ эпоху трехъ раздѣловъ», Валеріана Калинки и Корзана (№ 11). 8-ая и послѣдняя глава даетъ самые общіе выводы изъ изученія литературы по исторіи паденія Польши (№ 12).

Въ статьѣ А. Н. Веселовскаго «Нерѣшенные, нерѣшительные и безразличные Дантовскаго ада» помѣщено извлеченіе изъ старопечатныхъ Чудесъ Пресвятой Богородицы (17 вѣка) по дефектному экземпляру библіот. Кіево-Печерской Лавры: чудо о Виргиліи и чудо объ Овидіи (№ 11, стр. 93).

Въ «Отчетѣ о тридцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова» (№ 11, стр. 1—19) помѣщены разборы слѣдующихъ трудовъ, касающихся юга Россіи: 1) *С. Голубева* «Исторія Кіевской Духовной Академіи»; вып. 1-й—разборъ *И. Чистовича*. 2) *Д. Багалѣя* «Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства», Т. I, и «Матеріалы для исторіи колонизаціи» —разборъ *Д. Корсакова*. 3) *А. Будиловича* «Русская православная старина въ Замостьѣ» —разборъ *Еф. Крыжановскаго*.

Вновь открытое сочиненіе Юрія Крижанича. Вл. Колосова (№ 12, стр. 179—207). Сочиненіе Крижанича носитъ заглавіе: «Обіасньеніе виводно о писмѣ Словѣнскомъ»; сохранилось оно въ рукописи въ библіотекѣ тверской

духовной семинаріи. Авторъ статьи, доказавъ вначалѣ, что этотъ трудъ несомнѣнно принадлежитъ Крижаничу, знакомитъ далѣе съ содержаніемъ самого труда, состоящаго изъ 17 раздѣловъ, исчерпывающихъ вопросы славянской грамматики.

Литовская Русь при Ягеллонахъ. Д. Иловайскаго (1889 г. № 1, стр. 1—35). Статья эта представляетъ одинъ отдѣлъ изъ обширнаго труда автора по исторіи Россіи. Слѣдующіе тезисы, поставленные въ началѣ статьи, вполнѣ опредѣляютъ содержаніе ея: польское вліяніе на политическій строй литовской Руси; земскіе привилеи, общіе и мѣстные; господство вельможъ; низшіе слои населенія; водвореніе крѣпостнаго права; волочная система; введеніе магдебургіи; столкновенія городскаго самоуправленія съ королевскими намѣстниками; судебникъ Казиміра IV; первый литовскій статутъ и характеръ судоустройства; жалобы на неправосудіе; второй статутъ; уставъ о земской оборонѣ; страшные крымскіе полоны; черты шляхетскихъ нравовъ по Курбскому и Михалону.

Въ отдѣлѣ критики помѣщены статьи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края, собранные и приведенные въ порядокъ *П. Шейномъ*. Т. I, ч. 1-я; — рецензія *Ѳ. Истомина* (№ 11, стр. 132—147). 2) *П. Морозовъ* «Очерки изъ исторіи русской драмы XVII—XVIII стол.» — рецензія *Алексан. Веселовскаго* (№ 12, стр. 252—266). 3) *Aet. Kaluźniacki* «Monumenta linguae palaeoslovenicae». Tom. I: Evangeliarum Putnanum (Путенское Евангеліе въ Буковинѣ конца XIII или начала XIV в. съ явными слѣдами малорусскаго нарѣчія) — рецензія *А. Петрова* (№ 12, стр. 280—283). 4) *В. Смирновъ* «Крымское ханство подъ верховенствомъ Отоманской Порты до начала XVIII вѣка» — рецензія *Н. Веселовскаго* (№ 1, стр. 168—203).

Вѣстникъ Европы 1888 г. № 12; 1889 г. №№ 1—2. *Изъ исторіи литературы двадцатыхъ годовъ. Новые матеріалы для біографіи К. Ѳ. Рылѣева — стат. В. Якушкина* (№ 12, стр. 581—596; окончаніе). Подобно тому, какъ и въ первой статьѣ (№ 11), здѣсь помѣщены матеріалы для опредѣленія характера творчества поэта въ произведеніяхъ изъ малорусскаго историческаго прошлаго, а именно: въ думѣ «Мазепа», въ наброскахъ поэмы «Наливайко».

Въ литературномъ обозрѣніи помѣщены рецензіи на слѣдующія книги, касающіяся юга Россіи: 1) *М. Бобржинскій* «Очеркъ исторіи Польши». Переводъ съ 3-го польскаго изданія подъ редакц. *Н. Карѣева*. Т. I. (№ 12, стр. 868—873). 2) Гомельскія народныя пѣсни (бѣлорусскія и малорусскія), записанныя въ дятловицкой волости гомельскаго уѣзда *Зинаидой Радченко* (№ 12, стр. 877—879). 3) *Д. Эварницкій* «Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа» — рецензія *А. П.* (№ 1, стр. 447—450).

Русская Мысль 1888 г. №№ 11—12; 1889 г. № 1. *Гетманъ (психологическій очеркъ). Н. Златовратскаго* (№ 11, стр. 39—59). Героемъ разсказа является студентъ Подопригора, малороссъ по происхожденію. Въ разговорахъ преобладающею является малорусская рѣчь.

Вольныя крестьянскія школы. А. Пругавина (№ 1, стр. 33—57). Вторая глава этой статьи посвящена вопросу о вольныхъ школахъ въ Малороссіи и о причинахъ исчезновенія ихъ.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *Е Шмурло* «Митрополитъ Евгеній, какъ ученый. Ранніе годы жизни» (№ 11, стр. 526—528). 2) Богданъ Хмельницкій—историческая повѣсть для юношества *О. Роговой* (№ 12, стр. 600—601). 3) «Очеркъ исторіи Польши» *М. Бобржинскаго*. Переводъ подъ редакціей *Н. Карѣева* (№ 1, стр. 10—11).

Филологическія Записки 1888 г. вып. IV—VI. *Въ библіографическихъ замѣткахъ* помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *Е. Барсовъ* «Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кіевской дружинной Руси» (вып. V, стр. 1—5). 2) *П. Владимировъ* «Докторъ Франциск Скорина. Его переводы, печатныя изданія и языкъ» (вып. V, стр. 10—13).

Русскій Филологическій Вѣстникъ 1888 г. №№ 3—4. *А. Смирновъ «По поводу изданія Сборника 1076 г.»*. Статья эта написана въ видѣ возраженія на отвѣтъ критику г. Шимановскаго, издателя Сборника; научнаго интереса статья почти не имѣетъ, такъ какъ носитъ характеръ частной полемики (стр. 303—310).

Въ библіографическихъ замѣткахъ находится маленькая рецензія о книгѣ *Морозова* «Очерки изъ исторіи русской драмы» (стр. 311—312).

Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества 1888 г. №№ 9—12. *Угорская Русь. Ир. Пол—нъ* (№ 10, стр. 526—543). Статья представляетъ этнографическія, статистическія и нѣкоторыя историческія данныя о русскомъ населеніи въ Венгріи.

По поводу *письма польскаго священника епископу Штроссмайеру* редакція помѣщаетъ замѣтку, въ которой идетъ рѣчь о польско-русскихъ отношеніяхъ въ Галиціи и между прочимъ приводится выдержка изъ газеты «Дѣло» (№ 10, стр. 561—567).

Славянскія Извѣстія редак. В. В. Комаровъ. Спб. №№ 1—4. № 1, 2. Начало «Славянскихъ Извѣстій».

1, 2, 3, 4. Чехи на Волыни—В. И. Шемякина. Статья излагаетъ историческія данныя о поселеніи ихъ на Волыни.

1, 2. Въ отдѣлѣ «Заграничная Русь» Червоннорусскіе. «Состояніе перемышльскаго округа».

— Архимандритъ д-ръ Владиміръ Терлецкій.

— Угроруссы.—Языкъ угроруссовъ, книга Фесрчака «Очеркъ литерат. движенія угорскихъ русскихъ» Об. и «Листокъ» единственное изданіе русскихъ, живущихъ въ Угорщинѣ на 1889 г. подъ изд. и ред. Евгенія Фенцако.—Аѳ. Васильева.

— Очерки народнаго быта изъ галицкой жизни—по сочиненіямъ прот. Наумовича.

— Отъ редакціи. «Славянскія Извѣстія», поставивъ себѣ задачею служить дѣлу взаимнаго ознакомленія всѣхъ славянъ между собою, обращаются съ искреннѣйшею просьбою къ своимъ почтеннымъ читателямъ помочь редакціи въ осуществленіи ея намѣренія доставленіями статей и всякаго рода свѣдѣній, касающихся настоящей и прошлой жизни славянскихъ странъ.—Авторы и издатели, желающіе имѣть о своихъ сочиненіяхъ отзывы и объявленія въ Слав. Изв., благоволятъ присылать въ редакцію по экземпляру ихъ книгъ.

3, 4. Извѣстіе, что собиратель ю.-р. древностей Г. П. Алексѣевъ приступаетъ въ текущемъ году къ изданію своей богатой коллекціи древностей, вмѣщающихъ въ себѣ: а) древности доисторическія, б) древности греческой культуры, в) древности скиѳскія и г) древности запорожскихъ и малорусскихъ козаковъ,—въ изданіи принимаетъ участіе Д. И. Эварницкій.

Православное Обозрѣніе 1888 г. №№ 11—12. *Въ извѣстіяхъ и замѣткахъ* приведена рѣчь прот. *І. Наумовича* въ торжественномъ собраніи с.-петербур. славянскаго благотворительнаго комитета (№ 12, стр. 797—804).

Сѣверный Вѣстникъ 1888 № 12, 1889 № 1. № 12. Ночью (очеркъ) Вл. Короленка. Дѣйствіе на югѣ Россіи.

12. Изъ исторіи нашего общественнаго развитія. В. В. (В. И. Семевскій «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и въ первой половинѣ XIX в.» Томъ I-й и II-й).

— Будущая сила, покоющаяся на берегахъ Донца. VI. Мѣстное промышленное примѣненіе донецкаго каменнаго угля.—проф. Д. Менделѣева.

— Замѣтки въ областномъ отдѣлѣ.

1. Сябры и сябриное землевладѣніе въ Малороссіи. Главы I, II и III.—Ив. Лучицкаго.

— Двадцатипятилѣтіе земскихъ учрежденій 1864—1889 г. Очеркъ изъ исторіи земскаго самоуправленія, И. Скалона. Замѣтки въ областномъ отдѣлѣ.—Деревенскія письма. Крестьянскія преступленія—Берендѣева.

Пантеонъ Литературы №№ 12—1. № 12. Въ отд. «новыя книги» сообщенія о книгахъ а) І. Стенгеліуса, Владиміръ Великій, поэма въ 3 пѣсняхъ,

пер. Головина гитрогр. № 88, б) Гр. Ѳ. Квитка-Основьяненко. Панъ Халявскій 2 ч. в) Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, томъ I-й.

10—1. Засѣданія общества романо-германской филологіи.

Русскій Вѣстникъ №№ 12—1. № 12. Историко-критическія замѣтки. (Интересная для исторіи юга Россіи замѣтка на книгу архим. Леонида «Откуда была родомъ св. княгиня. Ольга». Ѳ. И. Успенскій «Русь и Византія въ X в.» В. Г. Васильевскій «Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ». И. И. Малышевскій «Кириллъ и Меѳодій, первоучители славянскіе)—Д. И. Иловайскаго.

12. Въ отд. новости литературы. Рецензіи: а) Воронежскіе акты, изд. вор. губ. ст. ком. т. I. б) Архивъ юз. Россіи ч. 2. т. II, в) М. Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. т. I.

1. Въ сообщеніяхъ и извѣстіяхъ: Акты о присоединеніи Бѣлоруссіи (XIV томъ Акт. ю. и з. Россіи—еще не вышедшій)—Н. Н. Иванова.

Русская Старина №№ 11—1. № 11—12 (8, 9, 10). Повѣсть о самомъ себѣ. Посмертныя записки академика проф. А. В. Никитенка.—Чрезвычайно интересная автобіографическая записка, о которой мы надѣемся дать отчетъ нашимъ читателямъ въ отдѣльной статьѣ.

11, 12. Къ литературной и общественной исторіи 1820—1830. Сооб. В. Е. Якушкинъ. Въ числѣ писемъ есть относящіяся къ лицамъ и событіямъ въ ю. Россіи.

— Императоръ Александръ I на югѣ Россіи. Письма К. К. Гирсъ 1818—1825 гг.

— О. М. Бодянскій въ его дневникѣ 1849—50 г. Сооб. И. Ф. Павловскій.

— М. С. Щепкинъ.

— Д. Н. Бантышъ-Каменскій 1788 †1850—1886. (Съ портр.).

— Въ матер. и зап. Н. В. Гоголь.

12. Ученыя архивныя коммисіи въ 1887 г.—И. Е. Андреевскаго.

— Русская Старина въ 1888 г.

1. Проф. хирургіи Х. Я. Гюббенетъ и его воспоминанія объ оборонѣ Севастополя 1854—56. Сообщ. А. и О. Гюббенеты.

— Шенрокъ и Гатцукъ. Н. В. Гоголь. 12 писемъ Гоголя къ разнымъ лицамъ и обратно.

— Въ матеріалахъ. В. Н. Каразинъ. М. С. Щепкина.

Русскій Архивъ №№ 12—2. № 12. П. Х. Граббе. Изъ дневника и записной книжки (венгерскій походъ).

Историческій Вѣстникъ №№ 12—2. № 12. Сторія о Господѣ и о землѣ (къ воспоминаніямъ о Гоголѣ), Г. П. Данилевскаго.

12. Запорожское гнѣздо. П. П. (по поводу книги г. Эварницкаго «Запорожье») съ иллюстраціями.

— Въ критикѣ и библіографіи кратк. рецензія на книгу Теодоровича «Историко-статистическое описаніе церкв. и приход. волынской епархіи».

11—12. Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Вып. V. Русскіе писатели, умершіе въ 1885 г. (въ приложеніи). Здѣсь мы находимъ свѣдѣнія о А. А. Котляревскомъ, Н. И. Пироговѣ, (добавоч. къ 1 вып.), М. Н. Александровичѣ, Н. Н. Аристовѣ, А. К. Деллевѣ, А. П. Матвѣевѣ, А. І. Смирновой, М. А. Туловѣ (добавоч. ко 2 вып.), Н. В. Гербелѣ, Дмитріѣ (Муретовѣ), баронѣ Н. А. Корфѣ, А. В. Куницынѣ, Н. Н. Мурзакевичѣ, В. И. Нордовѣ (добавоч. къ 3 вып.); С. П. Алферьевѣ, О. М. Новицкомъ, С. Д. Полторацкомъ, М. Ѳ. Раевскомъ, Ф. А. Терновскомъ, гр. А. С. Уваровѣ, П. П. Чубинскомъ, Н. И. Щеголевѣ (добавоч. въ 4 вып.), кр. біографію съ указ. сочиненій *Аполосса* (Бѣляева) еписк. Вятскій—воспит. кіев. дух. академіи, И. М. Бобровницкомъ (воспит., а потомъ и проф. кіев. дух. академіи), *П. Е. Ваденюкъ*, *П. А. Вышневскомъ*, *Г. П. Гельмефонъ* (между трудами его есть нѣкоторые, относящіяся къ югу Россіи) *Н. Я. Данилевскомъ*, *П. П. Демидовѣ—князѣ Сань-Донато*, *М. Ѳ. Де-Пуле*. *В. А. Догмерѣ*, *А. А. Евецкомъ*, *А А. Зарудномъ*, *Н. К. Захаровѣ*, *К. Д. Кавелинѣ*, *Н. В Калачовѣ*, *Е. П. Карновичѣ*, *А. Ѳ. Кистяковскомъ*, *Я. И Костенецкомъ*, *Н. И. Костомаровѣ*, *Н. Ѳ. Левицкомъ*, *В. И. Мазараки*, *И Д. Монсветовѣ*, *А. М. Матушинскомъ*, *Ю. И. Мацонѣ*, *К. А. Митюковѣ*, *І. Г. Мицкевичѣ*, *Еп. Порфиріѣ* (К. Успенскій), *С. П. Стеблинъ-Каминскомъ*, *Е. С. Струменскомъ*, *Н. А. Съверцевѣ*, *М. Б. Чистяковѣ*, *Ѳеодосіѣ* (А. Н. Мадоревскій).

1—2. А Шенрокъ. Родители Гоголя, (нѣсколько новыхъ свѣдѣній о семьѣ Н. В.) съ портретомъ Н. В. Гоголя.

1. Въ критикѣ и библіографіи краткія рецензіи на книги Е Шмурло «Митр. Евгвній», «Холмскій народ. календарь», «Историч. записка о ставропольской гимназіи».

Въ замѣткахъ К. Горбунова: По поводу «Сторіи о Господѣ и землѣ»..

2. Критика и библіографія. Кр. рецензія на книгу О. Роговой «Богданъ Хмельницкій».

— Нѣсколько замѣтокъ въ смѣси.

Природа и Охота №№ 1—12. № 1. Охота не по перу, не на звѣря. (Записки моего дѣда) Н. Туркина. Изъ быта донскихъ козаковъ конца XVIII в.

1. Н. И—ко. Воспоминанія охотника. Мѣстность разсказа—въ Полтавщинѣ подъ Кіевомъ лѣтъ 25—30 тому назадъ.

— Н. Дублянскій. Объ уженьи рыбы въ окрестностяхъ Харькова.

— С. Д—вичъ. Охота подъ Кишиневомъ.

— Д. П. Пронинъ. Изъ Таганрога.

4. А. Телятниковъ. Охота въ купянскомъ уѣздѣ (прежде и теперь).

— М. Суручанъ. Очерки охоты въ средней Бессарабіи.

7, 8. Поповъ. Мелкія воспоминанія мелкаго охотника въ Симферополѣ.

— Д. Велинскій. Изъ Семеновки (Семіоновки) черн. губ.

8. Александръ Гор. Охота вблизи Екатеринодара.

— Двѣ охоты на волковъ по р. Кубани. Козака.

1, 4. Дмитріевскій уѣздъ курской губ. (Охотничьи очерки) Н. Анофреевъ.

9. В. Шершеневичъ. Два мѣсяца въ деревнѣ (подъ Одессою).

— Г. Смаковскій. Въ наѣздку (охот. сцены орлов. губ. вблизи Болхова).

10. Н. А. Вербицкій. По Деснѣ

12. На волковъ съ поросенкомъ. (Изъ воспоминаній охотника) Г. Ползунова.

— Объ уженьѣ карповъ на р. Айдозѣ харьковской губ.—В. Гуткова.

Юридическій Вѣстникъ №№ 12—1. № 12. *Земскія начинанія въ области сельскаго кредита.* Евгенія Максимова. Авторъ касается и дѣятельности въ этомъ отношеніи земствъ южно-русскихъ губерній.

12. *Изъ исторіи экономическаго быта.* А. Евреиновой. Очеркъ экономическаго состоянія кролевецкаго у. черниг. губ., составленный по XV тому «Матеріаловъ для оцѣнки земел. угодій, собран. черниг. статист. отдѣл. при губ. земск. управѣ».

Библіографъ №№ 7—12. № 7—8. *Критика и библіографія.* Рецензіи на: «Письма гр. Е. М. Румянцевой къ ея мужу фельдмаршалу гр. П. А. Румянцеву-Задунайскому». Е. Ш. «Русская правда», изд. А. Б. Гинцбурга. Д. Замѣтки о № 5 извѣстій таврич. ученой архивн. коммиссіи и о музеѣ г. Поля въ Екатеринославѣ.

9—10. *Длугошъ, польскій историкъ XV ст.* Библіограф. замѣтка Ст. Пташицкаго.

Новый трудъ проф. В. С. Иконникова. Е. Шмурло. Изложеніе содержанія имѣющаго въ скоромъ времени выйти въ свѣтъ соч. В. С. Иконникова: «Опытъ русской исторіографіи».

По поводу рецензіи на книгу г. Багалѣя («Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства»). Письмо въ редакцію проф. Д. И. Багалѣя и отвѣтъ на это письмо г. Чечулина.

11. *Симеонъ Полоцкій о русскомъ иконописаніи* Л. Майкова.

Военный Сборникъ №№ 11—12. № 11, 12. Н. Красновъ. Донское войско, какъ главный членъ козачьей семьи (стр. 3).

Восходъ №№ 11—2. № 11—12. *П. М. Лакуба.* Къ исторіи евреевъ въ Россіи. По поводу втораго изданія изслѣдованія Градовскаго «Торговля

и другія права евреевъ въ Россіи въ историческомъ ходѣ законодательныхъ мѣръ».

11—12. *І. Берхинъ.* Древнѣйшія извѣстія о евреяхъ въ Кіевѣ (до XII в.).

Недѣльная Хроника Восхода №№ 46—52 17 № 48. Передовая статья по поводу закона 9 іюня 1886 г. о поземельномъ устройствѣ сельскихъ вѣчныхъ чиншевиковъ въ губерніяхъ западныхъ и бѣлорусскихъ. Авторъ разбираетъ этотъ вопросъ по отношенію его къ еврейскому населенію означенныхъ губерній.

50. Некрологъ Р. И. Рабиновича, извѣстнаго въ ученомъ мірѣ спеціалиста-библіографа, который посвятилъ всю свою жизнь возстановленію первоначальнаго подлинника и полнаго текста Талмуда. По происхожденію—литовскій еврей; умеръ въ Кіевѣ.

51. Передовая статья по поводу отказа евреямъ (въ Кіевѣ и Одессѣ) въ пріемѣ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ при окружныхъ судахъ.

1—2. *С. А. Бершадскій.* Еврей король польскій Шауль Юдитъ-Валъ изъ Бреста Литовскаго, преемникъ Стеф. Баторія (истор. легенда) не оконч.

2. Станиславовка острожск. у (корресп.) объ образовавшейся здѣсь лѣтъ 12 тому назадъ еврейской арендаторской земледѣльческой колоніи.

3. Библіогр. замѣтка о новой книгѣ Г. В. Фридмана (польско-еврейскій писатель, авторъ романа Piękna Zydowka) Zydziak. Skic psychologiczno-społeczny. Lwów 1889, заключающей въ себѣ галиційско-еврейскіе типы въ связи съ тѣми бытовыми условіями, въ которыхъ они вырабатываются.

4. Корресп. изъ м. Семіоновки (черн. губ. новоз. уѣзда) о смерти и значеніи для всего населенія земскаго врача П. С. Евсѣенка.

Странникъ №№ 11—12. №№ 11—12. *Святый равноапостольный князь Владиміръ—просвѣтитель Руси.* Владиміръ христіанинъ. І. Крещеніе Руси, И. П. Матченка.

11—12. *Романъ Кузьмина.* Разсказъ изъ галицко-русской жизни. Протоіерея И. Г. Наумовича.

11. *Новыя книги.* Творенія отцовъ церкви и апокрифы въ церковно-учительной литературѣ (А. С. Архангельскій. Отцы церкви въ древне-русской письменности. Спб. 1888.—Матеріалы и замѣтки по старинной литературѣ. Мат. Соколова. Вып. І. I—V. М. 1888.—Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ. В. Мочульскаго. Варш. 1888.—Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ. Кіевъ. 1887.—Разборъ апокрифическихъ сказаній о Пресвятой Дѣвѣ Маріи, особенно распространенныхъ въ древней Руси. Вл. Сахарова—въ «Христ. Чт.» 1888.). А. И. Пономарева.

Извѣстія и замѣтки. Ко дню празднованія 900-лѣтія крещенія Руси.

11. *Церковная жизнь у славянъ.* Юбилейное праздненство у русскихъ галичанъ.

1. И. П. Матченко. Святый равноапостольный князь Владиміръ—просвѣтитель Руси.

— Никодимъ Милашъ архим. Римская пропаганда, ея исторія и современное состояніе (V. провинція пропаганды: греко-уніаты въ разныхъ странахъ свѣта и отношеніе къ нимъ римской пропаганды).

— И. Гр. Наумовича. Романъ Кузьмина. Разск. изъ гал.-рус. жизни.

Экономическій Журналъ №№ 10—12. № 10. *И. Тарасовъ.* Описаніе кустарныхъ отдѣловъ на екатеринбургской и харьковской выставкахъ 1887 г. съ указаніемъ на мѣры поддержанія и развитія кустарныхъ промысловъ вообще.

— *И. Золотницкій.* Ростовъ на Дону (Общая характеристика города. Его географическое положеніе. Исторія Ростова. Общій видъ города, его панорама, улицы, площади, сады, вода, пристань. Населенность Ростова и Нахичевани. Городское общественное хозяйство. Торговля и промышленность. Увеселительная часть. Летучія замѣтки объ общественной и частной жизни ростовцевъ.

— Результаты дѣятельности желѣзныхъ дорогъ за 1888 г.

— Замѣтки въ торгов. обозр. о торговлѣ хлѣбомъ, шерстью и пр.

11. И. Золотницкій. Лозово-севастопольская дорога (Нынѣшнее хозяйство дороги. Быстрое увеличеніе доходности при одновременномъ сокращеніи расходовъ. Причины этихъ отрадныхъ явленій. Состояніе пути и всего желѣзнодорожнаго инвентаря. Степень безопасности движенія. Конкурренція съ другими путями. Экскурсія по лозово-севастопольской линіи. Общіе выводы).

— И. Тарасовъ. Всероссійская сельско-хозяйственная выставка въ г. Харьковѣ въ 1887 г.

— Замѣтка въ хроникѣ.

12. М. Веллеръ. Промыслы полтавс. губ. Плетеніе «плахтъ» (лохвицкій у.).

— Замѣтки въ хроникѣ.

Новь №№ 1—6. №№ 1, 2, 3. Ольгердъ и Свѣтозара (кіевское преданіе) поэма Александры Львовой.

2. Церковь въ Ливадіи (рисунокъ) съ фотографіи.

3. Ярмарка въ Малороссіи (рисунокъ)—картина Юмудзскаго.

— Видъ большаго каскада въ Софіевкѣ (Умань) рисунокъ съ гравюры прошл. столѣтія Шлоттербека.

Кіевскія Университетскія Извѣстія №№ 5—12. №№ 7—9. Исторія уставныхъ земскихъ грамотъ литовско-русскаго государства, М. Ясинскаго.

12. Вступительная лекція по исторіи древней русской литературы, проф. Владимірова.

Матеріалы для русской исторіи въ V т. Monumenta Polon. Hist., проф. Дашкевича.

Труды Кіевск. Духовной Академіи №№ 11—12, 1. № 11. Д. Протасовъ. Разборъ вѣроученія русскихъ штундистовъ (прод.).

— Л. М. Къ матеріаламъ для исторіи кіев. дух. академіи.

— Извѣстія церковно-археол. общ. при кіевской дух. академіи (іюнь и іюль 1888.) Н. И. Петрова.

12. Письма кіев. митроп. Евгенію Болохвитинову.

— Извѣстія церковно-археолог. общества при кіев. дух. академіи (авг., сент. и окт. 1888 г.) Н. И. Петрова.

— Указатель статей, помѣщ. въ Тр. К. Д. А. за 1888 г.

1. Д. Протасовъ. Разборъ вѣроученія русскихъ штундистовъ (прод.).

— В. З. Завитневичъ. Крестъ, которымъ преп. игуменъ Сергій благословилъ в. к. Дм. Ив. Донскаго на борьбу съ Мамаемъ.

— Н. И. Корольковъ. Отчетъ кіев. дух. ак. за 1887—88 учеб. годъ.

— Извѣстія церк.-арх. общества при кіев. дух. ак. (ноябрь 1888 г.) Н. И. Петрова.

Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія №№ 9—12. № 12. *Изъ неизданныхъ сочиненій святителя Димитрія Ростовскаго.* Сообщ. Амфилохіемъ, еп. угличскимъ. Память духовному отцу. Како у правити ставленика. Краесогласніи Пятерострочіи. Изъявленіе вопросовъ Богословскихъ.

Христіанское Чтеніе Январь, Декабрь 1888 г. Январь—Февраль. Матеріалы для біографіи Иннокентія, архіепископа херсонскаго. Письма разныхъ лицъ къ преосвященному Иннокентію.

Май, Іюнь, Іюль, Августъ. Къ вопросу о времени крещенія св. Владиміра и Руси. По поводу предстоявшаго 900-лѣтняго юбилея.

Іюль, Августъ. Рецензія сочиненія Ив. Малышевскаго: «Святый Кириллъ и Меѳодій, первоучители славянскіе».

Ноябрь, Декабрь. Матеріалы для біографіи Иннокентія, архіепископа херсонскаго. Письма разныхъ лицъ къ преосвященному (начало этой статьи см. въ кн. Январь—Февраль).

Kwartalnik historyczny 1880. № I. Помѣщены рецензіи на слѣдующія сочиненія: 1) *Szaraniewicz.* Die franciskaner Kirche in Halitch. 2) *Przochazka*—Z przeszłości Brzozowa. 3) *Венеровъ*—Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ; вып. 1—10. 4) *Хойнацкій*—Православіе на зап. Россіи или Патерикъ волынско-почаевскій. 5) *Батюшковъ*—Волынь. 6) *Житецкій*—Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія.

Ateneum 1889 г. Январь. *Меѣ.*—Омаджариваніе славянъ.

Весьма живой и фактическій очеркъ мѣръ, предпринятыхъ венгерскимъ правительствомъ и обществомъ для насильственнаго обращенія славаковъ, закарпатскихъ русиновъ и другихъ венгерскихъ славянъ въ маджарскую народность. Указаны репрессивныя мѣры венгерскаго правительства, дѣйствія многочисленныхъ венгерскихъ обществъ, основанныхъ спеціально съ этою цѣлью, омаджариваніе школъ, духовенства и т д. Затѣмъ обращено вниманіе на постоянно усиливающееся выселеніе венгерскихъ славянъ въ Америку и указаны безплодныя усилія немногихъ венгерскихъ публицистовъ и государственныхъ людей (Деакъ, Сечени, Мочари), направленныя къ тому, чтобы удержать своихъ соотечественниковъ отъ національнаго насилія надъ славянами.

— Рецензія исторической драмы Урбанскаго «Watażka»,—содержаніе драмы заимствовано изъ исторіи гайдамачества.

Wisła 1888 г. Октябрь—Декабрь. *Янчукъ.*—Вертепъ въ Корницѣ (село константиновскаго уѣзда, сѣдлецкой губерніи). Мальчики въ этомъ селѣ устраиваютъ вертепъ во время рождественскихъ праздниковъ и показываютъ его въ своемъ и въ сосѣднихъ селахъ. Описано устройство самаго вертепа, приведенъ текстъ мистеріи и присоединенъ разборъ его и сличеніе съ вертепомъ, устраиваемымъ въ другихъ мѣстностяхъ.

Русскій Паломникъ №№ 47—52, 1—6. 47, 48. *Высокопр. Парѳеній, архіеп. иркутскій* (съ портр.), ученикъ кіевской дух. академіи, затѣмъ ректоръ харьковской и херсонской дух. семинарій.

47. *Важное открытіе.* Замѣтка о недавно открытой въ Кіевѣ, на Звѣринцѣ, пещерѣ.

48. *Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь.*

48—50. *Кіево-печерская Лавра.*

— *Святыни кіевскаго края.* XXVI. С. Хрещатый Яръ, м. Животовъ. XXVII. Г. Василь ковъ, м. Бѣлая-Церковь, с. Мытница. XXVIII. Г. Умань, с. Ягубецъ XXIX. М. Ружинъ, м. Паволочь.

51—52. *Поѣздка въ Почаевъ.* (Изъ воспоминаній холмскаго паломника).

1. Въ еженедѣльн лѣтописи сообщено, что въ Св. Синодѣ вырабатываются правила для реставрацій старинныхъ образовъ, чтобы положить конецъ тѣмъ варварскимъ искаженіямъ, которымъ они теперь нерѣдко подвергаются. Съ этою цѣлью предполагается всякое обновленіе древней иконописи производить не иначе, какъ подъ руководствомъ и строгимъ контролемъ знатоковъ церковн. палеографіи.

5. Преосвящ. Сергій, епископъ могилевскій—воспитанникъ кіев. дух. академіи (краткая біографія съ портретомъ его).

6. Дубенская икона Божіей матери съ изображеніемъ.

Недѣля 42—52, 1—6. 42. *Новыя книги.* Рецензія на «Очерки изъ исторіи русской драмы XVII—XVIII ст.» П. О. Морозова.

1. Передовая статья: «1864 — 1889 гг.» (О 25-лѣтнемъ юбилеѣ земскихъ учрежденій).

— «Земскій Юбилей».

— *Новыя книги.* Замѣтка о «Путеводителѣ по Одессѣ», издан. В. В. Скидана. Одесса. 1889 г.

2. «Школьные контрасты» (изъ жизни южной Руси).

— «Огромный сбытъ безъ пользы».

3. Въ отдѣлѣ «Замѣтки» весьма интересны воспоминанія о графѣ Лорисъ Меликовѣ.

6. Некрологъ Александра Ивановича Стронина, воспитанника кіевскаго университета. Ему принадлежатъ труды: 1) «Исторія и методъ» и 2) «Политика какъ наука».

Сѣверъ №№ 45—52. 50. Полѣсскія охоты (два рисунка).

51. Памятникъ Александру II въ Ростовѣ на Дону.

5. Гибель парохода «Диръ» на Черномъ морѣ 13 дек. 1888 г. ориг. рисун. Э. Магдесіанца.

6. Св. Владимірское братство въ г. Владимірѣ-Волынскомъ.

Нива №№ 42—6. 1. Тризна воиновъ Святослава подъ стѣнами Доростола (Силистріи) картина г. Семирадскаго (въ московск. истор. музеѣ) грав. Голевинскій.

2. Іордань въ Малороссіи ориг. рис. Ижакевича.

Всемірная Иллюстрація №№ 1—5. 4. *Д. Н. Бантышъ-Каменскій* (съ портретомъ). *П. Б.* Краткій біографическій очеркъ автора «Исторіи Малороссіи».

6. *Р. Э. Траутфеттеръ.* Некрологъ (съ портретомъ). Траутфеттеръ былъ профессоромъ (1838—1850 г.) и ректоромъ (1847—1859 г.) университета св. Владиміра, а также вице-президентомъ коммиссіи для описанія губерній кіевскаго учебнаго округа (съ 1850 г.). По его ходатайству состоялось основаніе ботаническаго сада въ Кіевѣ; онъ же былъ и первымъ устроителемъ этого сада.

Русское Дѣло 1889. №№ 1—4. 1. *Чего мы въ правѣ требовать отъ театра.* Авторъ указываетъ, между прочимъ, на то, что малорусскій театръ носитъ характеръ народности, котораго недостаетъ русскому театру вообще.

2, 4. *Съ нижняго Дуная. К. Красильникова.* I—II. Впечатлѣнія автора въ г. Рени и нѣсколько замѣчаній о нашемъ пароходствѣ и торговлѣ на нижнемъ Дунаѣ.

Русское Судоходство №№ 41—44. 44. Изъ Ростова на Дону.

Церковный Вѣстникъ №№ 43—52. 48. *Нѣсколько любопытныхъ особенностей въ современномъ штундизмѣ.* Очеркъ штундизма на югѣ Россіи.

49. *Корресп. изъ Кіева.* Пастырское посланіе кіевскаго митрополита Платона чехамъ и его отвѣтъ архіепископу кентерберійскому.

51. Къ вопросу о языкѣ преподаванія въ польскихъ гимназіяхъ.

3. О—ч—нъ, «Марьяновская секта».

4. Корресп. изъ Кіева между прочимъ о магистерскомъ коллоквіумѣ въ кіев. дух. акад. преподавателя вол. дух. сем. Г. Я. Крыжановскаго, представившаго на степень магистра сочиненіе „Рукописныя евангелія кіевскихъ книгохранилищъ", причемъ оппонентами были проф. кіев. дух. акад. Н. И. Петровъ и В. Н. Малининъ.

Христіанское чтеніе 1, 2.

1, 2. Состояніе отечественной церкви по всеподданнѣйшему отчету оберъ прокурора св. Синода за 1886 г.

Зоря 22—2. 22—24. *Старосвѣтски батюшки и матушки.* Ив. Левицкаго.

22. *Ворогамъ*, стих. В. Чайченка.

22—23. *На досвѣткахъ*, водевиль З. Петруся.

Проти хвилѣ. оповѣдане З. Петруся.

22—2. *Исторія литературы рускои*, Омеляна Огоновскаго. 4) К. Устіяновичъ. 5) Михайло Старицкій. 6) Марко Кропивницкій. 7) Иванъ Тобилевичъ Карпенко-Карый.

23 *Зъ теки песимиста*, стих. О. Филяретова.

Мачоха й пасынокъ, байка В. Чайченка.

22—24. *Рускій театръ у Львовѣ.*

23. *Одповѣдь выдавництву «Правди».*

1. *Соловьовый спѣвъ*, Олены Пчôлки.

Наука, стих. З. Петруся.

1—2. *До лиха да ще лихо*, опов. Олекс. Катренка.

Нови украиньски книжки, З. Петруся.

Збирнякъ драматичныхъ творивъ Г. М. Бораковскаго.

2. *Щасливый*, опов. И. Спôлки.

Зъ поезій Олексы Мотыля.

Такъ ей доля, Леси Украинки.

Завѣтане, ея же.

Покликъ, стих. К.

Листы про украиньскій театръ, Я. Клена.

Иванъ Гриневицкій (некр.) В. Коцовскаго.

Причинокъ до біографіѣ Тараса Шевченка.

Przegląd Tygodniowy №№ 1—6. 1. Корреспонденція изъ Умани. Сообщается, между прочимъ, что расходъ города на народное образованіе въ 1889 составляетъ 7035 руб. при общемъ расходѣ въ 56600 руб. т. е. около $^1/_8$ всего бюджета, нѣсколько лѣтъ тому назадъ для поддержки мѣстной прогимназіи городомъ ассигновано единовременно около 30000 руб. Вообще % денегъ, расходуемыхъ Уманью на образованіе, сравнительно съ другими, очень великъ.

Въ библіографіи сообщается о выходѣ слѣд. книгъ: Карѣева «Паденіе Польши» и Луговаго «Богданъ Хмѣльницкій и неблагодарная исторія».

3 и 4. Статья посвященная оцѣнкѣ научной дѣятельности проф. А. Ковалевскаго—знаменитаго біолога, бывшаго профессора кіевскаго университета по случаю 25-ти лѣтняго юбилея.

5. Перепечатка изъ «Новаго Времени» о торжествѣ, происходившемъ у В. Комарова, новаго редактора журнала «Славянскія Извѣстія». Приводятся рѣчи, произнесенныя присутствовавшими тамъ представителями разныхъ славянскихъ народностей.

Сообщается, что въ 1889 г. будетъ праздноваться 50-лѣтній юбилей присоединенія уніятовъ въ западномъ краѣ къ православію и что къ этому времени предполагается открытіе въ Вильнѣ православной духовной академіи.

6. Въ библіографіи сообщается о выходѣ книги П. Житецкаго «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вѣкѣ».

Gazeta Polska 262—296. 1888 г. 1—33. 264—265. Изъ Ростова на Дону въ Новороссійскъ. Авторъ описываетъ путешествіе по новооткрытой новороссійской жел. дорогѣ, указываетъ на ея значеніе для развитія торговли цѣлаго края и останавливается затѣмъ на описаніи города Новороссійска, который въ недалекомъ будущемъ, благодаря желѣзной дорогѣ и прекрасной гавани, обѣщаетъ сдѣлаться однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ центровъ.

25. Рецензія на книгу Карѣева «Историческій очеркъ польскаго сейма». Указывая на нѣкоторые недостатки книги, рецензентъ признаетъ за авторомъ большое знакомство съ польской литературой и безпристрастное отношеніе къ излагаемымъ событіямъ, и считаетъ книгу весьма полезной популяризаціей.

27. Выдержка изъ «Новаго Времени», указывающая на важное значеніе новой правительственной мѣры—именно, назначенія предводителями дворянства въ западномъ краѣ исключительно лицъ русскаго происхожденія.

Газета А. Гатцука №№ 6—12. 1888 г. и 1—4 1889 г. № 6. Сергѣй Кр—въ. Памяти М. С. Щепкина.

(Засѣданіе общества любителей россійской словесности). Краткое описаніе засѣданія, бывшаго 6-го ноября въ актовой залѣ московскаго университета, по случаю столѣтней годовщины рожденія Мих. Сем. Щепкина. Между разнообразными сообщеніями, касавшимися продолжительной и плодотворной артистической

дѣятельности Мих. С. и характеризовавшими его, какъ общественнаго дѣятеля и симпатичнѣйшаго человѣка, г-мъ Якушкинымъ, между прочимъ, были сообщены интересныя и новыя свѣдѣнія о провинціальной артистической дѣятельности М. С., предшествовавшей его появленію на московской сценѣ. «Въ 1808 г. М. С. вступилъ на сцену курскаго театра, который содержался братьями Барсовыми. Прекрасная игра М. С. обратила на себя всеобщее вниманіе и у губернатора, князя Репнина, родилась мысль основать театръ въ Харьковѣ. Здѣсь мы видимъ М. С. въ 1816 году. Затѣмъ мы находимъ его въ Полтавѣ помощникомъ директора полтавскаго театра П. Е. Барсова, вмѣстѣ съ Городецкимъ. Полтавская труппа была немногочисленна: она состояла изъ 15 человѣкъ. Въ числѣ актеровъ здѣсь были—Павловъ и Угаровъ. Репертуаръ полт. труппы, какъ и всякаго провинціальнаго театра, долженъ былъ быть разнообразнымъ. У М. С. не было своего амплуа; ему приходилось играть все безъ разбору. Это было время подготовки. Въ это время по преимуществу сложился тотъ «Гарпагонъ», который былъ воплощенъ М. С. въ 1830 г. 31 янв. на московской сценѣ. Какъ до сихъ поръ на неизвѣстное, г. Якушкинъ указываетъ на то, что директоромъ полтавс. театра (можетъ быть и недолго) былъ Котляревскій, извѣстный авторъ «Наталки Полтавки» и «Москаля Чаривныка». Въ 1821 г. полтавская труппа разстроилась... Считаемъ не лишнимъ привести эпизодъ изъ театральной жизни Щепкина въ Полтавѣ. На театрѣ у нихъ съ большимъ успѣхомъ шла пьеса подъ заглавіемъ: «Жидовская корчма». Жида игралъ М. С. и игралъ неподражаемо. Въ Полтавѣ городскимъ головой былъ нѣкто Зеленскій—изъ евреевъ. М. С., играя жида, незамѣтно подражалъ ему; но выходило такъ похоже, что публика не могла удержаться, чтобы не воскликнуть: «Да вѣдь это нашъ Иванъ Васильевичъ (т. е. Зеленскій)». Зеленскій обязался платить артистамъ по 2000 р. въ годъ, только бы они не играли этой пьесы. И «Жид. корчма» была снята со сцены. Кн. Репнинъ, узнавъ причину, почему снята со сцены любимая публикою пьеса, приказалъ какъ можно чаще ее играть, и Зеленскій, чтобы не навлечь на себя губернаторскаго гнѣва, долженъ былъ присутствовать на представленіяхъ».

Проф. Тихонравовъ въ своемъ сообщеніи «Щепкинъ и Гоголь въ ихъ взаимномъ вліяніи другъ на друга» указалъ на ту связь, которая существовала между великимъ артистомъ, достигшимъ вполнѣ прочнаго положенія, и великимъ писателемъ, склоннымъ къ меланхоліи. Щепкинъ оказалъ нѣкоторое вліяніе на произведенія Гоголя, комедіи же послѣдняго оживили и возродили Щепкина.

Н. Стороженко. Щепкинъ и Шевченко (Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи общ. любителей россійской слов. въ день столѣтней годовщины рожденія М. С. Щепкина). Прочувствованная рѣчь почтеннаго профессора даетъ намъ полную характеристику отношеній, существовавшихъ между

М. С. Щепкинымъ и Т. Шевченкомъ. Поставленный судьбой въ гораздо лучшія условія жизни, добродушный по природѣ, обладавшій спокойнымъ и ровнымъ характеромъ, Щепкинъ, во все время знакомства съ Шевченкомъ, служилъ ему надежной опорой въ жизненныхъ невзгодахъ и заботился о немъ, какъ о близкомъ человѣкѣ.

Знакомство и затѣмъ дружба между ними завязалась уже послѣ выхода въ свѣтъ «Кобзаря»;— «Щепкинъ былъ одинъ изъ первыхъ угадавшій въ молодомъ авторѣ Кобзаря великаго поэта. Онъ былъ до того очарованъ глубиною чувства и чудной мелодіей стиха Шевченка, что сразу и безповоротно сдѣлался его восторженнымъ поклонникомъ и глашатаемъ его славы». Съ другой стороны, «гораздо старшій лѣтами и болѣе богатый житейскимъ опытомъ, Щепкинъ сдерживаетъ пылъ своего друга, журитъ его за всякое уклоненіе съ истиннаго пути, убѣждаетъ его беречь себя для родины и поэзіи».

Десятилѣтняя томительная ссылка оторвала Шевченка отъ всего остальнаго міра, но и тутъ онъ не прерываетъ сношеній съ Щепкинымъ, который въ свою очередь даже помогаетъ ему въ матеріальномъ отношеніи. Наконецъ, желанная свобода наступила и Шевченко получилъ возможность видѣться съ своими друзьями. 25 декабря 1857 г. послѣдовала встрѣча Шевченка съ Щепкинымъ въ Нижнемъ Новгородѣ, т. к. Шевченку былъ запрещенъ въѣздъ въ столицы. Щепкинъ спеціально пріѣхалъ въ Нижній ради Шевченка, но тамъ же далъ нѣсколько спектаклей, такъ что расходы на поѣздку окупились. Интересно письмо Шевченка къ Н. О. Осипову по поводу этого пріѣзда; въ каждой строчкѣ его видно чувство неподдѣльной горячей любви къ великому артисту, уже старику, но сохранившему, по словамъ письма,—«всю юношескую свѣжесть нравственную». Такой же любовью и энтузіазмомъ проникнуто то мѣсто дневника Шевченка, гдѣ онъ пишетъ объ этомъ же пріѣздѣ Щепкина: «Я все еще не могу прійти въ нормальное состояніе отъ волшебнаго очаровательнаго видѣнія. У меня все еще стоятъ передъ глазами городничій, матросъ, Михайло Чупрунъ и Любимъ Торцовъ. Но ярче и лучезарнѣе великаго артиста стоитъ великій человѣкъ, кротко улыбающійся, другъ мой единый, искренній мой, незабвенный М. С. Щепкинъ. Шесть дней, шесть дней полной радостно-торжественной жизни! И чѣмъ я заплачу тебѣ за это счастіе? За эти радостныя слезы? Любовью? Но я люблю тебя давно, да и кто, зная тебя, не любитъ? Чѣмъ же? Кромѣ молитвы о тебѣ самой искренней, я ничего не имѣю».

Какъ примѣръ заботливости Щепкина, служитъ письмо его къ Шевченку, въ которомъ онъ упрекаетъ послѣдняго за невоздержанность, именно, за то что тотъ кутилъ послѣ его отъѣзда изъ Нижняго.

Забота Щепкина о томъ, чтобы Шевченко берегъ себя и свой талантъ, проявляется также и позже, во время пребыванія Шевченка въ Москвѣ, куда

ему былъ позволенъ доступъ въ 1858 г. благодаря ходатайству графа Ѳ. П. Толстаго, хлопотавшаго и о возвратѣ Шевченка изъ ссылки. Здѣсь, въ Москвѣ, Шевченко жилъ у Щепкина, который старался доставить другу все возможное; свелъ его съ хорошими людьми и, во время неопасной болѣзни Шевченка, заботился о немъ и развлекалъ его. Изъ Москвы Шевченко уѣхалъ въ Петербургъ и тамъ въ первое время не занимался дѣломъ, тогда Щепкинъ шлетъ ему письмо, въ которомъ видна все та же дружеская и вмѣстѣ съ тѣмъ строгая заботливость о поэтѣ: «Теперь два слова старика: за дѣло и за дѣло! Не давай овладѣвать собою бездѣйствію! Поклонись отъ меня всѣмъ моимъ знакомымъ, которыхъ ты знаешь. Да еще разъ: за дѣло и за дѣло! Твой старый другъ Михайло Щепкинъ».

Письмо это есть послѣдній документъ, касающійся взаимныхъ отношеній Щепкина и Шевченка. «Но и то немногое, что издано, говоритъ проф. Стороженко, проливаетъ яркій свѣтъ на Щепкина, какъ человѣка, и на характеръ его отношеній къ украинскому поэту. Тайна взаимнаго притяженія Щепкина и Шевченка объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что эти избранныя поэтическія натуры во многомъ дополняли одна другую».

8. Въ отдѣлѣ «научныя и хозяйственныя замѣтки» помѣщены два извѣстія о раскопкахъ кургановъ въ кіев. губ. Первое—о сообщеніи въ моск. арх. общ. г. Оссовскаго, которымъ былъ раскопанъ курганъ въ звенигородскомъ у. возлѣ м. Рыжановки. Раскопка дала богатые результаты:—былъ найденъ скелетъ женщины съ массой различныхъ драгоцѣнныхъ украшеній греческой работы; тамъ же находилось много посуды и другой домашней утвари. Всѣ предметы поступили въ краковскій музей.

Другое извѣстіе — о раскопкахъ г. Хайновскаго, произведенныхъ возлѣ м. Ржищева. Были найдены два рыцаря (О послѣднихъ раскопкахъ см. статья г. Хайновскаго въ Кіевск. Словѣ №№ 505, 506 и 507 и замѣтку на нихъ въ Библіогр. Листкѣ «Кіевск. Стар.» 1888 г. м. Ноябрь, стр. 16).

1. А. Гатцукъ. Крещеніе Руси (историческій набросокъ). Посвященъ Ѳ. И. Буслаеву. Упоминая о бѣдности у насъ работъ, касающихся этого событія, авторъ рядомъ подобранныхъ фактовъ старается доказать, что христіанство имѣло большое распространеніе между жителями Кіева и до Владиміра и что этотъ послѣдній явился какъ бы выразителемъ идеи, жившей въ народѣ.

3. Извѣстіе о празднованіи харьковск. университетомъ 85-й годовщины. Лестный отзывъ о январьской книжкѣ «Кіевской Старины».

Кіевлянинъ №№ 15—35. № 15. *Некрологъ* Рудольфа Эрнестовича Траутфеттера † 15 янв. 1889 г. въ Спб. Покойный род. въ 1809 г. Образованіе получилъ въ дерптскомъ у—тѣ. Съ 1838 г. состоялъ профессоромъ

ботаники въ унив. св. Владиміра и въ теченіи 12 лѣтъ былъ его ректоромъ до 1860 года.

О передѣлкахъ въ соборной церкви кіевскаго Златоверхо-Михайловскаго монастыря.

Малороссы за Волгой. Извлеченіе изъ «Матеріаловъ по исторіи заселенія саратов. губ.» напечатанныхъ въ III вып. «Трудовъ саратов. архив. коммиссіи». Пока помѣщены свѣдѣнія только по 11 волостямъ балашевск. у. «4 волости въ южн. части уѣзда (песчанская, самойловская, красовская и словатская) заселились выходцами изъ малорусскихъ губ. въ концѣ прошлаго вѣка. Все это были бѣглецы отъ власти помѣщиковъ какъ польскихъ, такъ и русскихъ; сюда заходили и съ Украины, и съ Волыни, и, по словамъ одного старожила, изъ подъ Кіева и изъ губ. чернигов, харьков. и курской. Землями завладѣвали они по праву заимки, а съ зачисленіемъ ихъ въ 1795 году въ казенное вѣдомство, имъ было надѣлено по 15 дес на душу и по стольку же на пару воловъ. Такой пріемъ надѣла объясняется родомъ возложенной на бѣглецовъ единственной повинности: они обязаны были чумацкой службой — возить соль съ Эльтонскаго озера въ Саратовъ (по 13 к. мѣди съ пуда) и въ Камышинъ (по 7 к.). У кого воловъ не было, тѣ работали при добычѣ соли на озерѣ (по 3 к. за пудъ). Такой порядокъ вещей продолжался до 20-хъ годовъ, когда возка соли была прекращена, поселенцы уравнены съ прочими каз. крестьянами, а земли, на которыхъ стали селиться рядомъ и великороссы, приказано разверстать только по душамъ».

16. Перепечатка изъ помѣщенныхъ въ «Моск. Вѣд.» очерковъ привислянскаго края К. Случевскаго нѣкоторыхъ свѣдѣній, относящихся къ исторіи возсоединенія уніатовъ и къ современному положенію возсоединенныхъ.

21. *Вотчинныя монополіи во владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ.* Ив. Новицкаго.

Столѣтіе Одессы. Замѣтка.

22. Перепечатка изъ «Моск. Вѣд.» преданія объ основанія Хаджи-Бея (нынѣ Одесса).

25. *Некрологъ Ю. Д. Сидоренка.* Покойный родился въ Нѣжинѣ въ 1832 г., образованіе получилъ въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, кіевской 2-й гимназіи и университетѣ св. Владиміра. Въ 1858 г. получилъ степень магистра, а съ 1861 г. читалъ въ унив. св. Владиміра финансовое право, кромѣ того покойный принималъ участіе въ кіевскомъ городскомъ самоуправленіи.

Засѣданіе историческаго общества 29 января.

27. *Похороны Ю. Д. Сидоренка.*

35. *Художественныя работы во Владимірскомъ соборѣ.*

Некрологъ І. А. Самчевскаго, бывшаго инспектора новгородъ-сѣверской гимназіи, скончавшагося на 90 году отъ рожденія.

Кіевское Слово №№ 584—601. № 584. Корреспонденція изъ Харькова «На Основѣ, близъ семинаріи, 17 янв. найденъ огромный, вдвое больше обыкновеннаго, человѣческій черепъ, наполненный старинными серебряными монетами».

589. Отчетъ о годичномъ собраніи кіевскаго общества естествоиспытателей.

589—590. О садоводствѣ въ г. Екатеринославѣ.

592. *Библіографія.* Акинфіевъ Ив. Як. Растительность Екатеринослава въ концѣ перваго столѣтія его существованія. Н. В—цкаго.

593. *Иноземная колонизація въ юго-западномъ краѣ.*

Церковно-археологическое общество и музей въ 1888 г.

594. *Некрологъ проф. Г. Д. Сидоренка.*

595. Передовая статья, посвященная памяти Г. Д. Сидоренка.

Столѣтній юбилей гимназіи. Замѣтка о 100-лѣтіи основанія новгородъ-сѣверск. гимназіи.

Отчетъ о засѣданіи историч. общества Нестора-Лѣтописца 29 января.

Перепечатка изъ «Нов. Врем.» о соблюдаемомъ въ юго-зап. краѣ обычаѣ переводить невѣсту чрезъ огонь, прежде чѣмъ вести ее къ вѣнцу, что служитъ доказательствомъ ея цѣломудрія.

599. *Иноземная колонизація въ юго-западномъ краѣ.*

Волынь №№ 11—25. № 13. Изъ Овруча сообщаютъ о постепенномъ уничтоженіи двухъ памятниковъ нашей старины: стариннаго, княжеской эпохи, храма въ Овручѣ, и кургана, принимаемаго за могилу Игоря, у м. Искорестеня.

16. *Поляки—сарматы и русскіе—скиѳы.* Въ статейкѣ подъ такимъ заглавіемъ В. Бернацкій опровергаетъ ходячее среди поляковъ западнаго края воззрѣніе, что будто бы русскіе—потомки скиѳовъ-монголовъ, а поляки происходятъ отъ сарматовъ-аріевъ, и потому только они, поляки, чистые славяне. Авторъ приводитъ свидѣтельства, доказывающія, что сарматы есть частъ скиѳовъ, и что скиѳы не монголы.

19. *Некрологъ архимандрита Владиміра Терлецкаго.*

20—23. Историческій разсказъ изъ прошлаго столѣтія д—ра Антонія (переводъ съ польскаго). Изображена несчастная судьба одного бѣлорусса, бѣжавшаго въ началѣ прошлаго столѣтія на обѣтованный югъ и нашедшаго себѣ смерть отъ руки палача въ Дубно.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости 1889. №№ 3—5. № 3—4. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи (продолж.) с. Тапкуры, с. Хоровъ. 4 благоч. округа острожскаго у. с. Боложовка, с. Степановка, с. Борисовъ, с. Боровица, с. Бѣлашевъ, с. Гродовъ, с. Точи-

вики, с. Бѣльчинъ, с. Вилья, с. Гнойница, с. Добрынъ, м. Куневъ, с. Ляховъ, с. Новородчицы, м. Межиричь, с. Лючинъ.

4. П. П. Максимовичъ (некрологъ) перепеч. изъ «Нов. Врем.».

5. Архим. Владиміръ Терлецкій (некрол.) перепеч. изъ «Слав. Изв.».

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости 1889 №№ 1—3. № 1. Отъ прошедшаго къ будущему—обозрѣніе содержанія подольск. епархіальныхъ вѣдомостей за 1888 г.

2—3. Древнѣйшія православныя церкви въ Подоліи. I Церковь—замокъ въ с. Сутковцахъ, летичевскаго уѣзда, Е. Сѣцинскаго.

Въ подольской землѣ очень мало древнихъ православныхъ церквей. Причины этому заключаются прежде всего въ томъ географическомъ положеніи, въ которомъ находилась страна: съ ней соприкасались многія враждовавшія между собой государства, затѣмъ, главная причина—господство въ искони русской православной землѣ поляковъ.

Оригинальностью и сравнительной древностью отличается церковь въ с. Сутковцахъ летич. у., расположенная по берегу р. Ушицы. По внѣшнему виду она похожа на замокъ: толстыя стѣны сложены изъ камня известняка, верхній карнизъ снабженъ прорѣзами, откуда производились выстрѣлы, многочисленныя амбразуры находятся какъ въ капитальныхъ стѣнахъ, такъ и въ верхнихъ частяхъ церкви, въ т. н. «маточникахъ». Планъ церкви—четвероконечный равносторонній крестъ, поперечная линія котораго внутри стѣнъ равна 8 саж.

Внутренность церкви мрачна—каменный столбъ поддерживаетъ низкіе, тяжелые своды; надъ сводами помѣщается второй этажъ туда сходились во время нападеній и оттуда защищались, пользуясь амбразурами. Надъ западной частью церкви устроена двухъ ярусная деревянная колокольня. Время основанія этой замѣчательной церкви точно неизвѣстно; данныя, служащія для его опредѣленія—это находящійся на колокольнѣ сутковской церкви небольшой колоколъ съ датой: «року Божія АУОS»—1476 г. и найденная въ церкви надгробная плита Ивана Сутковскаго 1593 г.

Въ статьѣ г. Е. Сѣцинскаго приведены также родословныя владѣльцевъ с. Сутковецъ, одинъ изъ которыхъ былъ строителемъ церкви.

Бессарабскія Губернскія Вѣдомости №№ 6—8. № 8. Актъ унив. св. Владиміра 8 января 1889 г.

Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости № 1. № 1. *Отчетъ о состояніи кишиневскаго епархіальнаго женскаго училища за 188$^{7}/_{8}$ учебный годъ.*

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости № 3. № 3. Мѣстечко Константиновъ (ромен. уѣзда) В. Е. Бучневича. Нѣсколько историческихъ данныхъ о прошломъ этого мѣстечка.

Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1889. №№ 6—11. № 6. Земскій врачъ новозыбковскаго у. *П. С. Евсѣенко* (некрологъ).

6. *Изъ мѣстной этнографіи.* Замѣтка г. Тищинскаго о колядкѣ, записанной имъ въ городницкомъ уѣздѣ.

8. *Къ исторіи края. Списокъ черниговскихъ дворянъ 1783 г.* (продолженіе). 27. Костенецкая Анна, 28. Костенецкая Марья, 29. Костенецкій Ѳедоръ, 30, Коропчевскій Емельянъ, 31. Кузюра Данило, 32. Кузюра Петръ, 33. Лащинскій Петръ, 34. Лазкевичъ Кириллъ, 35. Левченко Иванъ, 36. Лобода Андрей, 37. Макаренко Александръ, 38. Мартышко Иванъ, 39. Мисковскій Ѳедоръ, 40. Мовчанъ Яковъ, 41. Мацкевичъ Иванъ, 42. Нестеревичъ Аѳанасій, 43. Нестеревичъ Григорій, 44. Овсѣйко Власъ, 45. Омеляненко Ѳедоръ, 46. Омеляненко Козьма, 47. Острожскій Ѳедоръ, 48. Парпура Леонтій, 49. Парпура Степанъ, 50. Парпура Яковъ.

9. Къ исторіи края. О полковникахъ: Носѣ, «Кгалакганѣ» и Жураковскомъ, Ст. Носа. Приведено письмо нѣж. полков. Жураковскаго къ гетм. Скоропадскому 24 іюня 1768 г. съ жалобою на прилуцк. полковника Галагана за захватъ земель.

11. Къ исторіи края. Сообщенъ г. Бахиромъ указъ 17 февр. 1743 г. полковой чернѣговской канцеляріи значковому товар. Зенкевичу быть готовымъ къ походу.

Харьковскія Губернскія Вѣдомости 1889. №№ 14—41. № 16. *Торжественный актъ въ харьков. университетѣ 17 янв. 1889 г.*

17. *Заселеніе харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. Извлеченіе изъ актовой рѣчи проф. Д. И. Багалѣя.* Указавъ на неразработанность исторіи открытія харьков. университета, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію причинъ, почему возникновеніе въ глухомъ городѣ степной полосы Россіи университета встрѣтило сочувствіе и матеріальную поддержку со стороны мѣстныхъ жителей. Причины эти коренятся въ общемъ ходѣ культурнаго развитія мѣстнаго общества. Слободская Украина заселилась выходцами южноруссами изъ Польши и великоруссами съ сѣвера, принесшими съ собою извѣстные зачатки культуры. Но культурное развитіе края сильно тормозилось татарскими набѣгами, такъ что населеніе въ теченіе цѣлаго вѣка должно было затрачивать всѣ свои силы не на созиданіе культуры, а на защиту ея отъ кочевниковъ. Въ 1-й пол. XVII в. постояннаго населенія въ слоб. Украинѣ, кромѣ г. Чугуева, не было, только разъѣзжали сторожа и станичники, наблюдая за татарами; укрѣплена страна за москов. государствомъ была только осѣдлыми поселенцами. Прежде стали переселяться сюда малороссіяне (черкасы) изъ Польши, на помощь имъ для борьбы съ татарами центральное правительство присылало отряды служилыхъ людей

(однодворцевъ), образовавшихъ великорусскія селенія въ нын. харьков. губ. Энергія новыхъ поселенцевъ должна была уходить на защиту края отъ татаръ, для защиты отъ которыхъ была выстроена масса укрѣпленій. При такихъ условіяхъ матеріальное благосостояніе поселенцевъ не могло быть прочно. Въ 1-й пол. XVIII в. положеніе края измѣняется, а во 2-й пол. онъ совсѣмъ переходитъ на мирное положеніе; въ 1765 г. слоб. Украина получаетъ общее гражданское губернское устройство. Въ краѣ начинаютъ развиваться кустарно-ремесленныя занятія, а въ концѣ XVIII в. въ городахъ появляется значительное число великорусскихъ и иностранныхъ ремесленниковъ. Въ торговлѣ великоруссы играли главную роль, въ 1799 г. въ Харьковѣ малоруссы составляли только 25% купечества. Будучи матеріально обезпечено, мѣстное общество, даже низшій классъ его, обнаружило склонность къ просвѣщенію. Во главѣ просвѣщенія стояло духовенство, вынесшее любовь къ нему изъ заднѣпровской Украины. Оно заводило школы при церквахъ; въ 1723 г. такихъ школъ было 129, т. е. 1 школа на 2373 души (въ 1884 г. 1 школа на 4270 душъ). Главный элементъ среди учащихся составляли дѣти духовенства, но были также дѣти козаковъ и крестьянъ. Изъ этихъ школъ иные поступали въ харьковскій коллегіумъ, иные прямо въ учителя—дьячки, изъ послѣднихъ и выработался типъ мандрованнаго (странствующаго) дьячка-учителя. Высшимъ учебнымъ заведеніемъ въ краѣ былъ харьковскій коллегіумъ, возникшій изъ духовной архіерейской школы. Онъ былъ доступенъ для всѣхъ классовъ общества и пользовался общимъ сочувствіемъ. Для приготовленія хорошихъ учителей молодые люди командировались за границу. Программа коллегіума съ теченіемъ времени все болѣе расширялась, увеличивалось и число учащихся (доходя иногда до 700—800 чел.). Въ коллегіумѣ учились не только люди достаточные, но и бѣдняки, которые потомъ въ качествѣ домашнихъ учителей разносили просвѣщеніе по краю. Изъ коллегіума вышли многіе замѣчательные дѣятели (напр. Гнѣдичъ и Каченовскій). Связь между общ. и школой была крѣпка. Крѣпка была и связь общества съ церковью. Міряне принимали участіе въ церковныхъ дѣлахъ, строили монастыри, обогащали ихъ пожертвованіями и нерѣдко сами поступали въ монашеское званіе. Міряне же устраивали братства и шпитали. Такимъ образомъ, матеріальное, умственное и нравственное состояніе харьковскаго общества къ концу XVIII и нач. XIX в. было выше, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

17. Извлеченіе изъ отчета харьковскаго университета, читаннаго на актѣ 17 января.

18. Замѣтки объ обществахъ историко-филологическомъ (предсѣд. А. А. Потебня, секретарь Н. Ѳ. Сумцовъ, завѣд. архивомъ Д. И. Багалѣй) и математическомъ (предсѣд. Андреевъ, секр. Грузинцевъ) при харьковскомъ у—тѣ.

19. Замѣтка объ обществѣ испытателей природы (предсѣд. И. Ф. Левашовскій, секр. В. А. Ярошевичъ) при харьковскомъ университетѣ, а также медицинской его секціи.

— Въ засѣданіи истор.-филол. общ. 11 янв. проф. Д. К. Овсяникo-Куликовскій сдѣлалъ сообщеніе: «Къ вопросу о нѣкоторыхъ религіозно-космогоническихъ идеяхъ древности».

21. Библіографическая замѣтка о 1 кн. «Кіев. Стар.» за 1889 г.

22. Краткій отчетъ о защитѣ диссертаціи В. Мочульскимъ «Историко-литературный анализъ стиха о голубиной книгѣ» на степень магистра въ харьков. унив. 22 янв. 1889 г.

23. Замѣтка объ общемъ собраніи харьковскаго общества ядл пособія недостаточнымъ студентамъ.

25. Народныя чтенія въ Харьковѣ въ 1887—88 г.

26. Харьковское фармацевтическое общество.

27. Въ засѣданіи истор.-филолог. общ. 25 янв. М. Е. Халанскій сдѣлалъ сообщеніе «Къ вопросу объ отраженія сказанія о Бовѣ въ сербск. языкѣ», а Г. Ѳ. Шульцъ о печатаніи во II т. «Трудовъ и Матеріаловъ» указателя книгамъ музея изящныхъ искусствъ, что и принято.

23. Бюро харьковскаго общества сельскаго хозяйства.

29. Н. П. Петровъ (некрологъ).

— Русскій художникъ Николай Ипполитовичъ Семирадскій и его выставка картинъ въ императорской академіи художествъ. Изъ краткой біографіи мы узнаемъ, что Семирадскій родился вблизи Харькова, воспитывался во 2-ой харьковской гимназіи, гдѣ подъ вліяніемъ учителя рисованія, ученика Брюлова, Д. И. Безперчія развивался его талантъ къ живописи, и окончилъ курсъ наукъ въ харьков. университетѣ въ 1864 г. со степенью кандидата физ.-мат. факультета, послѣ чего онъ уже поступилъ въ академію художествъ въ Спб.

— Н. С. Стружкинъ (Кислочевскій) краткій некрологъ.

Южный Край № 2766. Передовая статья о 85-ти лѣтней годовщинѣ основанія харьковскаго университета, открытаго 17 января 1805 г. въ захолустномъ тогда Харьковѣ, насчитывавшемъ всего шесть тысячъ жителей. Открытіемъ своимъ университетъ обязанъ главнымъ образомъ усиліямъ одного человѣка В. Н. Каразина, посвятившаго на это дѣло значительную часть своей жизни. Память о такомъ человѣкѣ, казалось бы, должна быть священна для потомства, а между тѣмъ не только нѣтъ ни слуха ни духа о давно задуманной постановкѣ памятника ему въ Харьковѣ, но и самая могила его въ г. Николаевѣ близка къ разрушенію. Богатѣйшій, ворочающій милліонами Харьковъ не въ состояніи удѣлить нѣсколько сотень рублей на поддержку могилы Каразина.

2767. Въ хроникѣ сообщеніе о празднованіи торжественнымъ актомъ въ университетѣ восьмидесятипятилѣтія его основанія. На актѣ профессоромъ русской исторіи Д. И. Багалѣемъ прочитана рѣчь «О культурномъ развитіи Харькова и его нынѣшняго учебнаго округа въ XVII и XVIII столѣтіяхъ до открытія харьковскаго университета».

2768. Свѣдѣнія о состояніи императорскаго харьковскаго университета. Изъ числа ученыхъ обществъ, состоящихъ при университетѣ въ 1888 году историко-филологическое общество имѣло 37 членовъ; предсѣдателемъ состоялъ проф. Потебня. Въ теченіи года общество имѣло 5 засѣданій, въ которыхъ сдѣлано 7 сообщеній и собранъ матеріалъ для втораго тома издаваемаго сборника. При обществѣ состоитъ историческій архивъ. Въ истекшемъ году архивъ обогатился нѣкоторыми документами, пожертвованными многими лицами; кромѣ того, нѣкоторые изъ представителей старинныхъ мѣстныхъ родовъ, какъ князь Д. Ф. Голицынъ, П. Н. Флота, Гр. Милорадовичъ отдали свои фамильные архивы.

2778. Сообщеніе о томъ, что предстоящею весною предположено открыть въ Полтавѣ естественно-историческій музей для мѣстныхъ коллекцій по почвовѣдѣнію, геологическому строенію почвъ и по произрастающимъ на нихъ злакамъ. Починъ положенъ проф. с.-петербургскаго университета Докучаевымъ, и тѣ естественно-историческія коллекціи, которыя были собраны имъ въ полтавской губерніи лѣтомъ 1888 года, уже подарены будущему музею. Средства на это сооруженіе ассигнуетъ полтавское земство.

2789. Некрологъ Александра Ивановича Стронина, скончавшагося 29 января текущаго года въ Ялтѣ. Покойный, уроженецъ прилукскаго уѣзда полтавской губерніи, былъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ учителемъ исторіи въ полтавской гимназіи и оставилъ въ своихъ ученикахъ незабываемую память. Онъ много способствовалъ возникновенію тогда въ Полтавѣ воскресныхъ школъ для народа. Позже онъ сталъ издавать популярныя книги подъ псевдонимомъ Александра Иванова и, наконецъ, издалъ послѣдовательно въ свѣтъ три большихъ труда: «Исторія и методъ», «Политика какъ наука» и «Исторія общественности», замѣтныхъ въ небогатой оригинальной русской литературѣ по философіи, исторіи и соціологіи.

Екатеринослав. Губ. Вѣдомости №№ 1—9, 1, 3, 4, 6, 8, 9. *Статистическое описаніе александровскаго уѣзда и маріупольскаго округа по архивнымъ даннымъ 1836 г. Я. П. Новицкаго.*

Описаніе составлено на основаніи оффиціальныхъ бумагъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ и заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, небезъинтересныя свѣдѣнія о тогдашнихъ путяхъ сообщенія.

2, 7. *Пѣсни козацкаго вѣка.* Подъ этимъ заглавіемъ мѣстный изслѣдователь Я. П. Новицкій началъ помѣщать болѣе или менѣе интересныя раз-

ночтенія малороссійскихъ думъ и пѣсенъ. Напечатаны: 1) *Перебыйнисъ* (№ 2), 2) *Супрунъ* (№ 7).

3. *Собираніе мѣстныхъ разсказовъ.* По поводу замѣтки, напечатанной въ Екат. Губ. Вѣд. 1888 г. О «Могилахъ Близнюкахъ», высказывается желаніе о болѣе серьезномъ отношеніи къ собиранію и запискѣ разнаго рода мѣстныхъ преданій.

8, 9. И. М. Синельниковъ, первый екатеринославскій правитель, 1784—1788 г. Очеркъ Д. И. Эварницкаго, составленный на основаніи свѣдѣній о Синельниковѣ, записанныхъ шуриномъ послѣдняго Страховымъ и служащій дополненіемъ къ статьѣ о Синельниковѣ, напечатанной г. Эварницкимъ въ Историческомъ Вѣстникѣ 1887 г., № 6.

8. *Страничка изъ жизни екатеринослав. семинаристовъ сороковыхъ годовъ. Г. А. Соколова.* Коротенькая замѣтка о плохомъ отопленіи семинаріи, съ прибавленіемъ стиховъ одного изъ семинаристовъ того времени—«къ тулупу».

Елисаветградскій Вѣстникъ №№ 13—32. № 13. М. Л. Кропивницкій и его молодая труппа.—Яна. О новой труппѣ, съ которой Кропивницкій подвизается на сценѣ театра въ Александріи.

25. О новыхъ пожертвованіяхъ въ археологическую коллекцію при елисаветградскомъ земскомъ реальномъ училищѣ. Въ означенной коллекціи числится свыше 900 предметовъ древности: оружія, посуды, украшеній къ одеждѣ, каменныхъ бабъ, документовъ и т. п. Въ послѣднее время коллекція обогатилась новыми пожертвованіями Падалки, Маріановича и другихъ. Въ числѣ пожертвованій находятся предметы скиѳской эпохи, византійскіе и одинъ египетскій скарабеумъ—изваяніе жука съ іероглифами на нижней сторонѣ.

26, 28, 30, 31. *«Истощена ли наша почва?» А. Умисса.* Авторъ доказываетъ на основаніи личныхъ наблюденій и замѣтокъ другихъ землевладѣльцевъ елисаветградскаго уѣзда, что жалобы на истощеніе почвы въ этомъ уѣздѣ неосновательны — почва не истощена, а засорена разными сорными травами, привитыми на югѣ вмѣстѣ съ культурой степей. При этомъ г. Улиссъ отмѣчаетъ, что по наблюденіямъ уменьшилась урожайность только тѣхъ хлѣбовъ, которые не выдерживаютъ соперничества съ сорными травами, какъ то: пшеницы, овса, ячменя и др., урожаи же ржи увеличились. По его мнѣнію, естественные процессы, постоянно образующіе на поверхности почвы новыя питательныя вещества, благопріятный климатъ и богатый черноземъ избавляютъ пока югъ отъ необходимости химическихъ и всякихъ другихъ удобреній.

28. Елисаветградъ въ 1774 году. Переводъ съ нѣкоторыми сокращеніями изъ сочиненія I. A. Гильденштедта «Reisen durch Russland», изданнаго П. С. Палласомъ въ 1787 г. II т.

Сборникъ Херсон. Земства №№ 11—1. № 11. Бюллетень о состояніи сел. хоз. въ александр. у. за лѣтн. періодъ 1888 г.

Тоже по елисаветгр. уѣзду.

Тоже по одесскому уѣзду.

II—I. Статистическое описаніе херсонскаго уѣзда.

— Статистическое описаніе тираспольскаго уѣзда.

12. Бюллетени о состояніи сельск. хозяйства въ тираспольск. и херсонскомъ уѣздахъ за лѣтній періодъ 1888 г.

I. Прилож. къ бюллетеню о состояніи зем. раз. въ александрійскомъ у. за осенній періодъ 1888 г.

— Столѣтній юбилей взятія крѣпости Очакова (6 дек. 1788—1888 г. съ картою) А. Браунера.

— Экспортъ г. Одессы въ 1888 г.

Южанинъ №№ 13—39. №№ 13—14. Мѣщане-земледѣльцы. Разсматривается несчастное экономическое положеніе мѣщанъ-десятинщиковъ, составляющихъ значительный процентъ земледѣльческаго населенія херсон. и др. южныхъ губ. Они образовались изъ дворовыхъ крестьянъ и «бурлакъ», которые должны были приписаться къ мѣщанск. обществамъ разныхъ городовъ, не имѣютъ земли и чаще всего живутъ въ чужихъ хатахъ.

19. По поводу памятника В. Н. Каразина. Письмо въ редакцію о плачевномъ состояніи каплицы и надгробнаго памятника надъ прахомъ основателя харьковскаго университета Каразина, похороненнаго на городскомъ кладбищѣ въ г. Николаевѣ.

20. Корреспонденція изъ Екатеринослава о спектакляхъ малор. труппы М. Кропивницкаго, прибывшей изъ Харькова.

Одес. Вѣстникъ №№ 15—40. № 22. *О судостроеніи на югѣ Россіи.*

24. *Какъ возникла Одесса.* Записанный въ 1850 г. отъ 80 лѣтняго татарина разсказъ о возникновеніи деревушки Хаджибей. Заимствовано изъ статьи *Овцына,* напечатанной въ «Московск. Вѣдомостяхъ».

— *Памяти В. Н. Каразина* (основателя харьковскаго университета). Заимствовано изъ статьи *Бартенева,* напечатанной въ «Южанинѣ».

34. О сооруженіи желѣзно-дорожной линіи черезъ Вознесенскъ на Одессу.

36. Нужды одесскаго порта.

Одесскій Листокъ №№ 16—47. № 16. Корреспонденція изъ Елисаветграда съ описаніемъ празднованія 25-лѣтія земскихъ учрежденій и съ рѣчью предсѣдателя управы г. Марнеца

17. О труппѣ малорусской М. Кропивницкаго (перепечатка изъ «Елисаветградскаго Вѣстника»).

22. Стоимость производства хлѣба на югѣ Россіи.

24. Еще объ юбилеѣ Одессы.

25. О малорусскомъ спектаклѣ и постановкѣ пьесы «Безталанна» г. Караго.

28. Въ фельетонѣ отзывъ о «Кіевской Старинѣ» 1889 г. № 1.

31. О малорусской пьесѣ г. Старицкаго «Не такъ склалося, якъ жадалося», поставленной въ бенефисъ г-жи Заньковецкой.

45. Корреспонденція изъ Кишинева о переселенческомъ вопросѣ.

Новороссійскій Телеграфъ №№ 4305—4337. № 4305. *И. Потапенко.* Критическій разборъ драмы г. Карпенка-Караго «*Безталанна*», по поводу постановки ея въ Одессѣ на сценѣ городскаго театра труппою г. Садовскаго.

4307. Стихотвореніе Ю. Доппельмайера, произнесенное имъ на обѣдѣ, данномъ въ Москвѣ драматическимъ обществомъ малор. труппѣ г. Старицкаго.

4313. Корреспонденція изъ г. Александріи, херс. губ. о малорусскихъ спектакляхъ, данныхъ здѣсь труппой М. Л. Кропивницкаго проѣздомъ въ Екатеринославъ.

Крымъ № 10. Приглашеніе высочайше утвержденной таврической архивной коммиссіи жертвовать рукописи, документы и вообще предметы древности въ симферопольскій губернскій музей.

13. Отчетъ о состоявшемся 26-го января очередномъ засѣданіи членовъ таврической ученой архивной коммиссіи: нѣкоторые изъ членовъ приняли на себя разработку нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ имѣющихъ громадное мѣстное значеніе (о поземельныхъ отношеніяхъ татаръ, о крымскихъ боярахъ и друг.).

— Перепечатка изъ «Москов. Вѣд.» записаннаго г. Овцынымъ преданія объ основаніи г. Одессы.

15. Перепечатка изъ декабрьской книги «Кіев. Старины» за 1888 г. документа, касающагося фамиліи Куликовскихъ въ Крыму.

Таврическія Епархіальныя Вѣдомости № 1—2. № 1—2. Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности въ таврической епархіи за 1887—88 г. 1. Число такихъ школъ (таблица съ подраздѣленіями: названіе и время открытія школы, помѣщеніе, источники содержанія, учителя въ ней, вознагражденіе ихъ, число учениковъ (м. д.), число окончившихъ изъ нихъ и продолжительность учеб. года). 2. Управленіе и наблюденіе за ними. 3. Попечители ихъ. 4. Составъ завѣдующихъ и учащихъ въ сихъ школахъ. 5. Количество учившихся въ нихъ и выпускные экзамены. 6. Источники ихъ содержанія. 7. Помѣщенія ихъ. 8. Вознагражденіе учителей. 9. Снабженіе школъ книгами. 10. Состояніе обученія и религіозно-нравственнаго воспитанія въ нихъ. Списокъ школъ, получившихъ пособіе отъ земства и городскихъ думъ.

Таврическія Губ. Вѣдомости № 1—17. №№ 1—17 *Учебная экскурсія симферопольской гимназіи для обозрѣнія достопримѣчательностей въ г. Севастополѣ и его окрестностяхъ* II. Второй день. Херсонесъ: исто-

рія его, частная и общественная жизнь, архитектура, храмъ св. Владиміра, военный музей въ Севастополѣ, топографія древняго Херсонеса, государственное устройство, религія древнихъ херсонесцевъ, погребальные обычаи и обряды древнихъ херсонесцевъ, гимнастическія игры, исторія монастыря Балажова, исторія генуэзцевъ въ Крыму, Георгіевскій монастырь, его исторія. «Ифигенія въ Тавридѣ».

Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости № 1—9. № 2—3. Общественное служеніе церкви въ удѣльно-вѣчевой періодъ русской исторіи.—Д. Т.

9. Извлеченіе изъ отчета воронежскаго епарх. учил. совѣта о состояніи церк.-приход. школъ ворон. епархіи за 1887—88 учеб. годъ (1) о школахъ, 2) о школахъ грамотности, 3) о числѣ учениковъ въ церк.-прих. школахъ и школахъ грамотности, 4) помѣщенія школъ, 5) составъ учащихъ въ школахъ, 6) объ обученіи въ церков.-приход. школахъ, 7) религіозно-нравственное состояніе ихъ, 8) матеріальное ихъ обезпеченіе, 9) о наблюдателяхъ, 10) епархіал. училищ. совѣтъ).

Кубанскія Областныя Вѣдомости 1889. № 1—5. № 1—5. Баталпашинскія горько-соленія озера и закубанскія нефтяныя мѣсторожденія, изслѣдованіе горнаго инженера Коншина.

1, 3, 4, 5. Обзоръ кубанской области за 1888 г. (прод.). Промыслы городскаго и сельскаго населенія.

3. «Кубанское козачье войско» 1696—1888. Библіогр. зам. о книгѣ, изд. куб. обл. стат. ком. подъ редакц. Е. Д. Фелицына (цѣна съ перес. 5 р.), главный интересъ которой заключается въ статьѣ Щербины, обнимающей собою всѣ стороны жизни кубанскаго войска отъ его возникновенія до современнаго его положенія, и Фелицына, давшаго въ своихъ статьяхъ біографическія свѣдѣнія о кошевыхъ, войсковыхъ, наказныхъ атаманахъ этого войска. Къ сборнику приложено 42 фототипныхъ рисунка, между которыми нѣкоторые относятся къ Запорожью.

Варшавскій Дневникъ № 1—30. № 13. Корреспонденція изъ Люблина о большомъ успѣхѣ П. Н. Гордовскаго и его капеллы, давшихъ малорусскій концертъ, при чемъ хоръ, а равно и самъ г. Гордовскій были одѣты въ костюмы запорожскихъ козаковъ XVII и XVIII вв., произведшіе сильное впечатлѣніе на публику.

16. Выдержка изъ газеты «Кіев. Слово» наиболѣе интересныхъ подробностей объ актѣ 8 января, происходившемъ въ университетѣ св. Владиміра.

21. Объ успѣхахъ малорусскихъ концертовъ Гордовскаго въ Варшавѣ.

24. Отзывъ о картинѣ Н. К. Бодаревскаго: «Свадьба въ Малороссіи».

25. Извѣстіе о предполагающемся открытіи въ Полтавѣ на средства земства естественно-историческаго музея для мѣстныхъ коллекцій по почвовѣдѣнію, геологическому строенію и по произрастающимъ на нихъ злакамъ.

26. Отчетъ о диспутѣ Г. К. Ульянова, представившаго въ московскій университетъ диссертацію: «Основы настоящаго времени въ старославянскомъ и литовскомъ языкахъ» для полученія степени магистра сравнительнаго языкознанія.

Отзывъ о картинахъ XVI передвижной выставки, въ числѣ которыхъ находятся многіе, касающіеся фактовъ или мѣстностей южно-русскаго края.

29. Небольшая статья г. П. Исаевича «по поводу предстоящаго 25-лѣт. крестьянской реформы въ привислянскомъ краѣ» (19 февр. 1865 г.—19 февр. 1889) авторъ вспоминаетъ объ условіяхъ проведенія на дѣлѣ этой реформы.

30. Корреспонденція изъ волын. губ. о состояніи губерніи до поселенія въ ней нѣмцевъ 30 лѣтъ тому назадъ и теперь.

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 51—53. 1—7. № 51. Польскій католицизмъ въ Литвѣ,—Теобалодъ (перепеч. изъ «Правды»).

53, 1—5, Противодѣйствіе базиліанскаго ордена. Стремленіе бѣлаго духовенства къ реформамъ русской греко-уніатской церкви.—П. І. Б.

1—3. Образованіе русскаго духовенства и такъ называемаго реколлекція въ Польшѣ не задолго до ея раздѣла (1751—1764) свящ. Л. Гаевскаго.

4—5. О. В. Шолковичъ († 30 дек. 1888) директоръ шавельвской гимназіи—б. воспитанникъ университета св. Владиміра (некрологъ).

Минскій Листокъ №№ 1—10 1. Корреспонденія изъ Вильны о начавшемся въ вилен. окружн. судѣ разборѣ дѣла о подлогахъ Адамковича и Равлушкевича въ древнихъ актовыхъ книгахъ вилен. централ. архива на милліонное имѣніе Хвалойно.

2. Въ «Библіографич. замѣткѣ» о «Памятной книжкѣ Минской губерніи на 1889 годъ» упоминается о помѣщенныхъ въ книжкѣ историч. статьяхъ: «Пребываніе вел. кн. Владиміра Александровича въ Минскѣ» «По поводу 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ съ православ. церковью» и «Осушенія Полѣсья».

3. Продолженіе «Историко-юридическаго очерка городскихъ общинъ въ Западной Руси»; въ этой части «очерка» авторъ, г. К—чъ, излогаетъ отношеніе шляхты и духовенства, имѣвшихъ собственность или жившихъ въ городахъ, къ мѣщанамъ и городской магдебургской юрисдикціи.

4. Продолженіе того же «Очерка»; въ этой части разсказываестя о взаимныхъ отношеніяхъ купечества, ремесленниковъ и еврейства въ городахъ.

5. Подробное изложеніе дѣла Адамковича и Равлушкевича.

Продолженіе «Очерка» по исторіи западно-русскихъ городовъ; авторъ разсматриваетъ мотивы пожалованія городамъ самоуправленія по магдебургскому праву.

6. Продолженіе «Очерка по исторіи западнорусскихъ городовъ»; авторъ разсматриваетъ церковное устройство и соціальное положеніе купечества.

7. Оконч. «Очерка» о городахъ; авторъ указываетъ напаралізовавшее дѣятельность городовъ вліяніе старостинскаго суда, привилегированныхъ сословій и евреевъ.

Курскій Листокъ № № 1—17 *А. Н. Стояновъ.* По поводу 35-лѣтія его научной дѣятельности.

4. *Обозрѣніе 1888 года относительно курской губ.*

9. *Свѣчной промыселъ въ курской губ.*

10. *Городское хозяйство уѣздныхъ городовъ курской губ., П. Дворжецкаго.*

16. Число учебныхъ заведеній въ Курскѣ 30 лѣтъ назадъ и въ настоящее время.

16. Ростиславъ Марковъ. Съ какого времени и почему курская сторона такъ называется (истор. очеркъ).

Червоная Русь № № 3—96 3. *О выставкѣ древностей Ставропигійскаго Института.*

5. *Архимандритъ д—ръ Владиміръ Терлецкій.* О. Терлецкій происходилъ изъ дворянской уніатской семьи староконстантин. у. волын. г. Образованіе получилъ въ кременецкомъ лицеѣ и виленскомъ у—тѣ. Какъ участникъ польскаго мятежа 1831 г., Т—ій долженъ былъ уѣхать заграницу и изучалъ въ Краковѣ медицину, гдѣ получилъ степень д-ра медицины. Овдовѣвъ, Т. изучалъ медицину въ Монпелье и богословіе въ Римѣ, получилъ степень доктора богословія и отправился въ качествѣ миссіонера на Востокъ, а потомъ былъ посланъ въ Галицію и Венгрію. Въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ гг. Т. жилъ въ Парижѣ, гдѣ возобновилъ восточное общество, основанное имъ вмѣстѣ съ еп. Люке еще въ 1846 г. въ Римѣ. Въ 1885 г. Т. принялъ монашество въ Муначевскомъ м-рѣ въ Венгріи. Въ 1872 г. Т. возвратился въ Россію, принялъ православіе и вступилъ въ число братіи Кіево Михайлов. м-ря, исполняя въ то же время должность секретаря слав. благотворит. общества. Въ послѣдніе годы о. Владиміръ жилъ въ Одессѣ.

— Замѣтка о выставкѣ Ставропигійскаго Института.

6. Библіограф. замѣтка о брошюрѣ П. Феерчака «Очеркъ литературнаго движенія угорскихъ русскихъ».

10. *СтефанъЛабашъ*(некр), галицкій журналистъ и общественный дѣятель.

12 *Своеобразная статистика.* По поводу исчисленія населенія въ перемышльской епархіи въ 1888.

13. *Графъ Войтѣхъ Дѣдушицкій о русскомъ вопросѣ.*

14. *Monumenta lingae paleoslovenicae* (*Evangeliarium Putnanum*), *А. Петрова.* Замѣтка по поводу изд. проф. Э. Калужняцкого подъ такимъ же заглавіемъ.

Корреспонденція изъ Лемковщины, Лемка Дудича. О возвращеніи эмигрантовъ изъ Америки и о жизни ихъ на родинѣ.

15—20. Евреи въ южной Руси въ X—XII вв.

Литерат. прилож. къ Черв. Руси· № 1, 2, 3 Нѣсколько писемъ Я. Ѳ. Головацкаго къ редактору «Червоной Руси». *Обозрѣніе славяно-русской письменности и народнаго образованія въ Червоной Руси до занятія Галиціи и Лодомеріи австрійскимъ кордономъ, Я. Головацкаго.*

17. Корреспонденція изъ Устрикъ о журналѣ «Новый Галичанинъ».

20. *Некрологъ.* Іосифъ Барвинскій, галицкій писатель.

Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи:

Адресъ—календарь г. Кіева на 1889-й годъ. Изд. *Э. Мазуркевичъ.* Кіевъ 1888 г., 8 д., 124+CXX+ненум. 10 стр.

Акинфіевъ И. Растительность Екатеринослава въ концѣ перваго столѣтія его существованія. Екатеринославъ 1889 г., 8 д., 116+IV+238 стр. +2 рис.+3 плана+1 чертежъ.

Антипенко М. Молодой черноморецъ. Малороссійскія писни знаменитыхъ писателей Котляревскаго, Шевченка и др. Москва. 1889 г., 12 д. 128 стр.

Бершадскій С. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады Великаго Княжества Литовскаго. (Оттискъ изъ «Кіевск. Стар.»). Кіевъ. 1888 г., 8 д., 157 стр.

Бычковъ И. Замѣтки о нѣкоторыхъ церковно-славянскихъ старопечатныхъ книгахъ. I—V. (Изъ отчета импер. публ. библіотеки за 1886 годъ) Спб. 1888 г., 8 д, 32 стр.

Волынскій календарь на 1889 г. Житомиръ 1889 г., 8 д., 132 стр.

Житецкій П. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ 17—18 в. Ч. 1-я. (Оттискъ изъ «Кіевск. Стар.»). Кіевъ 1889 г., 8 д., II+102+1 стр.

Запольскій М. Гапонъ, повѣсть въ стихахъ на бѣлорусскомъ языкѣ В. Дунина-Марцинкевича. (Очеркъ изъ исторіи бѣлорусской письменности). Москва 1889 г., 16 д. 40 стр.

Извѣковъ Н. Высокопреосвященный Іосифъ Сѣмашко, митрополитъ литовскій и виленскій. Вильно 1888 г., 8 д., 236 стр.

Кіевскій семейный календарь на 1889 годъ. Редакторъ-издатель Г. Карантъ. Кіевъ. 1889 г. 8 д., 216 стр.

Котляревскій И. Москаль-Чаривникъ. Малорос. водевиль. Одесса 1888 г., 16 д., 63 стр.

Котляревскій И. Наталка Полтавка. Украинская опера. Одесса 1888 г., 16 д., 64 стр.

Мищенко. Г. П. Галаганъ (некрологъ) (Отт. изъ «Кіевск. Стар.»). Кіевъ 1888 г., 8 д., 22 стр.+1 портретъ.

Описаніе поѣздки въ гор. Кіевъ депутаціи отъ Высочайше утвержденнаго общества хоругвеносцевъ храма Христа Спасителя въ Москвѣ—на празднованіе 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси 15 Іюня 1888 г., Москва. 8 д, 27 стр.

Памятная книжка виленской губерніи на 1889 г., 8 д. Ч. I. Адресъ-календарь. Вильна. 1889. X+III+36 нен. +15+352 стр.

Пономаревъ И. Живой товаръ (Изъ бердичевскихъ тайнъ). Романъ въ въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1889 г., 8 д., 160 стр.

Русовъ А. Осада и взятіе Очакова (отт. изъ «Кіевской Старины.»). Кіевъ 1888 г., 8 д., 56 стр.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-Лѣтописца за первую половину 1888 г., Кіевъ 1888 г. (Отт. изъ «Кіев. Стар.»). 8 д., 10 стр.

Склабовскій Д. Штунда. Подробный разборъ и опроверженія ученія штундистовъ. Изд. 2-е. Москва, 8 д., 55 стр.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мартъ, 1889 г.

		стр.
I.	Памяти Ѳ. Г. Лебединцева. **Н. Ѳ. Сумцова**	I—VI
II.	На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н.**	561—581
III.	Особенности статистическаго изслѣдованія курской губерніи. **Сф. Кр.**	582—612
IV.	Воспоминанія **М. К. Чалаго**	613—644
V.	Сельскія недоразумѣнія. (Переводъ съ польскаго). (Окончаніе.) VI—V. **К. М.**	645—664
VI.	Культурныя переживанія. VIII—XIV. **Н. Ѳ. Сумцова.**	665—684
VII.	Русскія колоніи въ Добруджѣ. (Историко-этнографическій очеркъ). (Окончаніе). III. **Лупулеску.**	685—704
VIII.	Документы, Извѣстія и Замѣтки. Изъ путешествія въ сѣверо-западный край. III.—V. **Н. Петрова.** Эпизодъ изъ исторіи обращенія кіевскихъ уніатовъ. **Н. Оглоблина.** Личный составъ и аттестація духовенства александровскаго уѣзда екатеринославской губерніи по архивнымъ даннымъ 1814 и 1824 годовъ. **Я. П. Новицкаго.** Къ біографіи Т. Г. Шевченка. **Н. Д. Н.** Замѣтка о малорусскихъ «семилѣтнихъ богатыряхъ или близнецахъ». Сообщилъ **А. Савичъ.** Посылка гетмана Апостола въ Москву за лекарствами. Запоздалая ревность Запорожья къ своему имени. **А. Л.** Пѣснь о свѣтѣ. **Мирона.** Изъ школьнаго міра. (Нѣсколько словъ объ общежитіяхъ при сельскихъ училищахъ). **А. С--чъ.**	705—751
IX.	Для справокъ.	746—751

СТР

X. Библіографія. Русская народная музыка, великорусская и малорусская, въ ея строеніи мелодическомъ и ритмическомъ и отличія ея отъ основъ современной гармонической музаки. Изслѣдованіе П. П. Сокальскаго. **А. Степовича.** Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1888 г. кн. I (144-я). Издана подъ завѣдываніемъ д. чл. Н. А. Попова. **И. Каманина.** Русская Правда, текстъ, изданный по тремъ спискамъ, съ предисловіемъ и краткимъ объяснительнымъ словаваремъ, составленными кандидатомъ правъ А. Б. Гинцбургомъ. **П. Голубовскаго.** Вторая учебная экскурсія симферопольской мужской гимназіи въ Бахчисарай и его окрестности... Отчетъ составилъ инспекторъ А. Н. Поповъ. **Н. Б.** Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1888—89 г. Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи . 752—796

Приложенія: 1) Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года. (Окончаніе).

2) Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.

СОДЕРЖАНІЕ.

Тома XXIV 1889 г. Январь, Февраль и Мартъ.

стр.

I. Воспоминанія **М. К. Чалаго**. 1, 388, 613

II. Судъ и казнь Григорія Самойловича. **А. А. Востокова**.

III. Культурныя переживанія. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова**. . 64, 403, 665

IV. Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неудавш. поэта). **Г. А. Мачтета** 90, 337

V. Русскія колоніи въ Добруджѣ. **Лупулеску**. . . . 117, 314, 685

VI. Сельскія недоразумѣнія, пов. **Петкевича**, пер. съ польскаго. **К. М.**. 155, 645

VII. Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. **И. А. Линниченка** 187

VIII. Воспоминанія Н. И. Усковой о Т. Шевченкѣ, съ прим. М. К. Чалаго, **Н. Зарянки** 297

IX. Прошлое переяславскаго духовнаго училища. **П. Левицкаго** 424

X. Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенка** 445

XI. На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н.** 561

XII. Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. **Сф. Кр.** 582

XIII. Памяти Ѳ. Г. Лебединцева. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова**. . I—VI

СТР.

XIV. Документы, извѣстія и замѣтки. 1) Остатки древняго храма въ г. Переславѣ. Проф. **П. А. Лашкарева.** 2) Церковище возлѣ дер. Монастырекъ, каневск. у. кіевск. губ. **Н. Ѳ. Бѣляшевскаго.** 3) Къ статьѣ г. Бѣляшевскаго. **П. Л.** 4) Князь Н. Г. Репнинъ и его представленіе Государю Николаю Павловичу. **И. С. Листовскаго.** 5) Псевдо-Желѣзнякъ. **А. Л.** Дейнеки. **В. А.** 7) Учитель графа П. А. Румянцева-Задунайскаго Т. М. Сенютовичъ. **А. Л.** 8) Запорожцы посылаютъ изъ Петербурга въ Сѣчь за водкой. Сообщ. **А. Л.** 9) Березенская Вознесенская церковь. **П. Т.** 10) Замѣчательная колядка. **Мирона.** 11) Малорусскія рождественскія колядки. Сообщ. **К. В. Болсуновскій.** 12) Рождественская «вечеря». **Ив. Манжуры.** 13) Рождественскія святки на Волыни. **И. Бѣньковскаго.** 14) Рождественскія вирши въ спискѣ XVIII ст. **О. Л.** 15) П. А. Лукашевичъ. **W.** 16) А. И. Гавриловъ. **Н. М.** (204—247). 17) Посѣщеніе Т. Г. Шевченкомъ сахарнаго завода Яхненка и Симиренка. **М. Чалаго.** 18) Изъ путешествія въ сѣверо-западный край. Проф. **Н. И. Петрова.** 19) Бѣлорусскія колядки. **Хр. П. Ящуржинскаго.** 20) Народные разсказы объ О. М. Гладкомъ. Сообщ. **А. Савичъ.** 21) Рукописный альбомъ А. Ищенка 1780—82 гг. **В. П. Науменка.** 22) Къ исторіи зарожденія кіевскаго дворянскаго собранія. **В. П. Науменка.** 23) Изъ воспоминаній о П. П. Артемовскомъ-Гулакѣ. **А. Ш.** 24) Стефанъ Качала (некр.). **К Х.** (458—512). 25) Эпизодъ изъ исторіи обращенія кіев. уніатовъ. **Н. Н. Оглоблина.** 26) Личный составъ и аттестація духовенства александр. у. екатериносл. г. по архивн. даннымъ 1814 и 1824 гг. **Я. П. Новицкаго.** 27) Къ біографіи Т. Г. Шевченка. **Н. Д. Н.** 28) Замѣтка о малорусскихъ, «семилѣтнихъ богатыряхъ или близнецахъ». **А. Н. Савича.** 29) Посылка гетм. Апостола въ Москву за лекарствомъ **А. Л.** 30) Запоздалая ревность Запорожья къ своему имени. **А. Л.** 31) Пѣсня о свѣтѣ. **Мирона.** 32) Изъ школьнаго міра. **А. С—ча.** 690—751

СТР.

XV. Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ**. 248, 506, 741

XVI. Библіографія. 1) Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства. Изсл. Д. И. Багалѣя. **И. М. Каманина**. 2) Харьковскій Сборникъ. **И. М. Каманина**. 3) 25-лѣтіе изданія Подольск. Епарх. Вѣдом. (1862—86). Указатель неофф. части Волын. Епарх. Вѣд. за 20 лѣтъ ихъ существованія (1867—87), сост. Ю. Тиховскій. Указатель статей, помѣщ. въ неоф. части Полт. Еп. Вѣд. за 25 лѣтъ изд. ихъ 1863—88 г. сост. прот. П. Мазановъ. **А. Л.** 4) Pulaski K. Szkice i poszukiwania historyczne. **В. А.** 5) 900-лѣтіе русской іерархіи, сост. Н. Д. **П. Л.** 6) Календарь на 1889 г. изд. М. Запольскаго. **Н. Т.** 7) Кіев. нар. календарь на 1889 г. изд. Андріяшева. Кіев. календарь на 1889 г. изд. Іогансона. Кіев. календарь на 1889 г. изд. Фабриціуса. Волынскій календарь на 1889 г. изд. Досинчука. **Амартола**. 8) П. В. Владиміровъ. Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. **А. Степовича**. 9) Богданъ Хмельницкій. Историческая повѣсть для юношества, О. И. Роговой. **О. Л.** 10) Юліанъ Солтыкъ-Романскій. Вѣнецъ славянскихъ поэтовъ. Т. I. Слово о Полку Игоревѣ. **А. Степовича**. 11) Ilgowski.—Ostatnia starościna Zwinogrodzka. **В. А.** 12) Deux voyages en Asie au XIII siècle par Guillaume de Rubruquis, envoyé de Saint Louis et Marco Polo, publiée sous la direction de E. Muller. Проф. **П. В. Голубовскаго**. 13) Краткое описаніе изслѣдованія р. Днѣпра. **А. Л.** 14) Путеводитель по Одессѣ и ея окрестностямъ Изданіе В. В. Скидана. **Н. Т.** 15) Виленскій Календарь на 1889 г. **Н. Т.** 16) Русская народная музыка П. Сокальскаго. **А. С—ча** 17) Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древностей Россійскихъ. 1888 г. кн, I. **И. М. Каманина**. 19) Русская Правда, изд. Гаршина. **В. В. Голубовскаго**. 19) Вторая учебная экскурсія симферопол. гимназіи. **Н. Б.**—Обозрѣніе журналовъ и

стр.

и газетъ за 1887—88 г. Указатель книгъ, вышедшихъ съ конца 1887 года, касающихся южной Россіи. 249, 513, 746

Приложенія: 1) Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г.

2) Предисловіе В. Тяпинскаго къ печатн. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**

3) Южнорусское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**

4) Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.

5) Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.

VII.

Выборы въ г. Погарѣ.

1) Донесеніе о составленіи наказовъ.

Сіятелнѣйшому Графу (*и проч.*) Петру Александровичу Его Сіятелству Румянцову

Нижайшій Репортъ.

Вашему Графскому Сіятелству нижайше доношу, что предписано въ Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества манѣфестѣ и обрадѣ о депутатѣ, то въ повитѣ Погарскомъ челобитьте и наказы выбранному въ повитѣ Погарскомъ депутату, Бунчуковому Товаришу Василію Губчицу сочиненны, и по колко дневныхъ слушаніяхъ и справленіяхъ окончены, и бывшимъ въ собраніи дворянствомъ повѣта Погарскаго сотень: Погарской, Бакланской, Шептаковской, Новгородской и Почеповской, сего априля 5 числа предписаны, а другіе, а паче сотень: Почеповскихъ и Новгородской сами собою завременно зъ Погару и протчіе за болѣзнми отлучились, и по призыву моемъ по нынѣ не явились и не являются.

Предводитель Дворянства повѣта Погарского, Бунчуковій Товаришъ *Стефанъ Косачъ.*

1767 году,
Априля 10 дня.
Стародубъ.

---

2) Донесеніе о городскихъ выборахъ.

Сіятелнѣйшому Графу, (*и проч.*) Петру Александровичу Румянцову.

Репортъ.

Состоявшимся въ прошломъ 1766 году декабря 14 дня Высочаишимъ имяннымъ Ея Императорскаго Величества манѣфестомъ всемилостивѣйше повелѣно прислать отъ Ея Императорскаго Величества Високоправителствующаго Сената и Святѣйшаго Сенода изъ трехъ первыхъ и изо всѣхъ протчихъ какъ коллегій, такъ и кан-

целярій, коимъ отъ Сената особо предписано, кроме губернскихъ и воеводскихъ, также изо всѣхъ уѣздовъ и городовъ всей Ея Императорскаго Величества Имперіи въ первостоличный городъ Москву депутатовъ для сочиненія проэкта новаго уложенія въ полъ-года послѣ обнародованія въ каждомъ мѣстѣ имянного манѣфеста, выбравъ каждое мѣсто депутатовъ, дастъ имъ отъ себя наставленіе и полномочіе, какъ во приложенныхъ обрядахъ выбора написано, и всѣмъ выбраннымъ въ сіе достоинство явится по пріѣздѣ ихъ въ Ея Императорскаго Величества Сенатъ. Въ силѣ котораго Ея Императорскаго Величества имянного манѣфеста, въ присудствіи, по порученіи отъ Вашего Высокографскаго Сіятелства, начальника, судіи генералного, его велможности Иліи Василіевича господина Журмана, выбора въ городѣ Погарѣ головы жителми города Погару, выбранъ я головою на два года; и учиня здешнего города Погара жители полномочіе подписанное, представили мене началнику и поднесли оное, которое мнѣ съ печатнымъ манифестомъ и имяннымъ спискомъ вручено и оставлено далнѣишое распоряженіе. И я, слѣдуя положеннымъ въ обрядѣ повелѣніямъ, выбралъ по полномочію съ будущими наличными города Погара жителми депутата, райца магистрата Погарского Ивана Грабара, по окончаніи выбора депутатского, отрепортовалъ Его Вельможности судіи генералному Иліи Василіевичу Журману о выборѣ депутата, и на полномочіи депутатскомъ зъ подписавшимись наличными хозяевами, пять человѣкъ выбравъ городскихъ жителей къ сочиненію наказа, кои челобитную и наказъ о всѣхъ нашихъ нуждахъ и недостаткахъ подъ смотрѣніемъ моихъ сочиня, подписавъ всѣми наличными хозяевами, и мною врученъ депутату для поднесенія Ея Императорскому Величеству во освященнійшіи Высокомонаршіи руки; а копію челобитной и наказа отданно въ церковъ живоначалной Тройцы, первому священику Никифору Кибалчичу сего 767 года, іюня „ дня, о чемъ всемъ Вашему Сіятелству всенижайше репортую.

Города Погару голова *Денисъ Привaловъ.*

1767 года,
іюня 6 дня.

3) Жалоба Погарцевъ на дѣйствія своего головы.

Сіятелнѣйшему Графу (и проч.) Петру Александровичу Румянцову.

Нижайшое доношеніе.

Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества манифестомъ прошлого 1766 году, декабря 14 дня, за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки состоявшимся и напечатаннымъ, по Высокоматернему Ея Величества попеченію о благосостояніи вѣрныхъ подданныхъ всего государства и о возстановленіи и утвержденіи правосудія, Всемилостивѣйше повелѣно: выбравъ по приложенному при ономъ обрядѣ въ городахъ отъ всего гражданства голову и депутата, прислать депутатовъ въ столичный городъ Москву въ коммисію о сочиненіи проэкта новаго уложенія, и чрезъ тѣхъ депутатовъ о общественныхъ отягощеніяхъ, нуждахъ и недостаткахъ, въ чемъ бы оныя ни состояли, кроме партикулярныхъ дѣлъ, кои всегда судебными мѣстами разобраны быть должны,—Ея Императорскому Величеству принесть челобитныя и прошенія, наблюдая городскому головѣ порядокъ, въ обрядѣ предписанный, сохранить точно со всякою тихостію и безмолвіемъ, дабы Высочаишему Ея Императорского Величества соизволенію соотвѣтствовало общое согласіе. Однако города Погару голова Денисъ Привалъ, которой по болшой части мещанами самими простыми и неграмотными и силы выбора а паче дѣла, зависящаго отъ недостаточного къ тому головы, отнюдъ незнающими людми,—поступилъ и поступаетъ во всемъ оному Ея Императорскаго Величества высочайшему манифесту, обряду и своей присяжной должности противно: 1) Какъ скоро городской депутатъ выбранъ, не приступая онъ заразъ въ назначенные шесть дней вибрать сочинителей прошенія и забрать къ тому отъ гражданства подлежащія разсужденія, но оставя все то, уѣхалъ изъ города за своимъ партикуляритетомъ въ разные великороссійскіе города, где медлилъ болѣе мѣсяца, а возвратясь въ домъ 1 уже числа маія, самъ собою, безъ всякого сограждан знанія, принялся къ сочиненію наказовъ, въ чемъ ему нетолко отъ насъ, но и отъ мещан-

ства оспоривано и объявлено было, что онъ то дѣлаетъ въ отмѣнность обряда, и тѣмъ наводить всѣмъ гражданамъ конфузію. 2) Какъ по его головы оповестки 22, 23, 24 и 25 чиселъ маія, шляхетство, жителствующіи въ городѣ, кои случились быть на лицо, приходили въ магистратъ къ собранію, где урядники, такъ и мѣщанства доволно было, онъ голова, не сохраняя благопристойности, напечатанной въ обряде, и не почитая въ магистратской конторѣ, въ коей онъ съ гражданствомъ имѣлъ собраніе, на столѣ предстоящаго зерцала, дѣлалъ многіе споры и разнымъ изъ насъ неучтивими словами приключилъ досады и изключилъ многихъ изъ насъ съ общества, и не принимая ни отъ кого подлежащихъ разсужденій, вибралъ сего уже маія 25 къ сочиненію изъ мѣщанства таковыхъ, которые и простого письма совершенно зделать не могуть, съ чего мы и другіе граждане въ немалой обиде и сумненіи находимся, дабы иногда онъ голова, къ произведенію такого великого дела вовся будучи недостаточенъ и безпорядоченъ, въ техъ своихъ сочиненіяхъ предосудителныхъ каковыхъ недѣлностей не повносилъ и тѣмъ гражданскей общой прямой ползѣ вреда не приключилъ. Для того Вашего Высокографского Сіятелства всенижаише просимъ: прописанного голову Привала высокомилостиво повелѣть оставить, а на его место дозволить достойного изъ гражданства головою выбрать; дабы въ семъ обще гражданамъ ко исполненію Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія благоноспѣшествовать могло.

Подлинное подписали: Писарь земскій повета Погарского Иванъ Песоцкій, Сотникъ Погарскій Владимиръ Соболевскій, Войсковій Товарищъ Григорій Соболевскій, Войсковой Товарищъ Григорей Понасъ, Значковый Товарищъ Василей Лепунъ, Значковой Товарищъ Григорей Сорока, Атаманъ Сотенный Погарскій Филимонъ Джура, Писарь Сотенный Погарскій Максимъ Гетунъ, Хоружій Сотеный Погарскій Алексѣй Семека, Атаманъ куреня градского Максимъ Певликъ, а вместо ево неграмотного и самъ за себя козакъ Стефанъ Кошуба подписался, Козакъ Иванъ Пушкаревъ, Квартермистръ Сотенный Прокопъ Андріевскій, Козакъ Иванъ Гречановскій, Мещанинъ Игнатъ Стебленскій, Мещанинъ Данило Сильченокъ.

4) Отвѣтъ Погарскаго головы и донос на войта.

Сіятельнѣйшему Графу... (и проч.) Петру Александровичу Румянцову.

Всенижайшое доношеніе.

Состоявшимся 1766 году, декабря 14, Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества манифестомъ для изготовленія проэкта на сочиненіе новаго уложенія повелѣно: по приложенному обряду прислать отъ всей Ея Императорскаго Величества Имперіи со всѣхъ мѣстъ депутатовъ; а для выбора депутатовъ—дворянамъ предводителей, а городскимъ жителемъ—выбрать головъ. По силѣ оного Высочайшого манифеста, поручено отъ Вашего Высокографского Сіятелства господину судіи генералному Иліи Василіевичу Журману по обряду въ городѣ Погарѣ шляхетству въ повѣтѣ предводителя, а городскимъ жителямъ отъ города голову (выбрать). Почему, въ присудствіи его велможности г. судіи, выбранъ отъ городскихъ жителей я нижайшій головою городскимъ; а по выборѣ, за учрежденіемъ подлежащаго порядка, далшое распоряженіе мнѣ отъ его велможности оставлено. Я же, по вступленіи моемъ въ должность, для устроенія распорядка по обряду написанному, первіе велѣлъ собратся всѣмъ въ назначенное мѣсто городскимъ жителямъ тѣмъ, кои по списку состоять; то и зъ воинского званія и многіе разночинцы въ означенное мною мѣсто и въ церковъ къ молебствію и присягѣ о выборѣ депутата и выбирать того тогда не пошли и полномочія не подписали, и ничего принадлежащого къ тому по обряду не исполня, здѣлались во всемъ противны, какъ бы сами сильны сдѣлать отъ себе напротивъ того что другое, послушать поупрямились. Когдажъ и къ слушанію челобитной и наказа призывано, то войтъ Погарскій, равно съ вишенаписаннимъ шляхетствомъ держа едино согласіе между собою, для обиды моей выслалъ мене зъ магистрата, не дая мнѣ по должности моей въ магистратѣ ни малѣйшаго производства повесть, отъколь я зъ пятю членами, сочинявшими наказъ, отойшолъ; а въ другое когда пошелъ при собраніи всего города мѣщанъ для прочоту наказа, то онъ войтъ Понасъ, не точію самъ не хотя слушать

наказу, но чтобъ и всѣ мѣщане порозошлись—замкнулъ магистратъ и въ оный мене и всего гражданства не пустилъ, и тѣмъ оказалъ явную высокому въ обрядѣ Ея Императорскаго Величества повелѣнію противность, а мнѣ нижайшему съ протчими крайне вторычно безчестіе. Зъ чего принужденъ я бурмистра послать къ нему войту впросится въ кантору, и оной вошедши, отворилъ мнѣ магистратскую кантору, зо всѣми собраними куда войшелъ я и протестовалъ о недопущеніи мене имъ войтомъ двома разы въ магистратъ. Когда жъ заслышалъ онъ войтъ, что и воинскимъ разного званія людемъ посланно отъ мене оповѣстить, чтобъ къ слушанію наказа прибыли въ магистратъ, то онъ Понасъ, не ожидая времени слушать наказъ, пошолъ зъ магистрата. Наказы жъ читанно наличнымъ хозяямъ два раза въ два дни, а какъ на третій день собрались еще единожды выслушать всего города жители; то онъ войтъ Понасъ, по звиклости своей во многихъ указныхъ дѣлахъ дѣлая свои толки, (кои Ваше Высокографское Сіятелство изъ сообщенного при семъ въ копіи писанного имъ къ г. Косачу письма—уговаривая новины не слушать ни къ оной не склонятся и не смотреть ни на какіе сторонніе страхи, сказуя, что новинѣ передъ старыною во многомъ стыдно и показатся: новина до того, что въ старину сдѣлано, не точію поправить, но и здержать не можетъ, и о прочемъ; зъ чего видно, что онъ Понасъ противъ нынѣ вновъ состоявшагось высочайшаго манѣфеста о выборахъ депутатовъ и о дачи наказовъ для проэкта на сочиненіе новаго уложенія противорѣчитъ, свои толки неполезные отечеству Престола Всероссійскаго поставляя полезнѣйшими народу, усмотрѣть соблагоизволите) и наустилъ вышедшаго зъ подмѣщанства прежде бывшаго войта магистратового Погарского Климентія Пѣсоцкаго сына его Ивана Пѣсоцкаго, кой нынѣ писаремъ земскимъ, да войскового товариша Григорія Соболевскаго, умершаго священника Погарскаго Сороки сына Григорія Сороку, бывшаго мещанина Матвѣя Джури сыновъ и протчихъ чиповниковъ, бывшихъ прежде мещанами, и козаковъ урядниковъ и мѣщанъ учинить замешателство къ пресѣченію наказовъ, сочиненныхъ и оконченныхъ, къ врученію депутату въ тѣ порѣ принадлежащому, кои учинили великіе зъ его подустителства мнѣ

ругателства, и не почитая стоящаго на столѣ указного зерцала, произвели споры и противорѣчіе о пяточисленныхъ, хотя сами выбраны къ сочиненію наказа (не бывши при выборахъ депутата наличными) быть всѣ тѣ, кои мещанамъ всекрайнѣйшіи обиды, разоренія, утѣсненія отнятіемъ торговъ, шинковыхъ корыстей, ремеслъ разныхъ и чрезъ завладѣніе почти до послѣдняго дворами, огородами, пахатными землями мещанскими, покосами и всякого угодія отнятіемъ и противно-законными куплями; для прикрытія въ наказахъ нашихъ въ томъ нуждъ и утѣсненій сочинителми, белотированіемъ выбрать въ другое сочинителей довели, отъ чего и выбраны балотированіемъ— но не оны, но тѣжъ мещане, кои прежде были выбраны, да писарь сотенный абшитованный Іосифъ Турокъ. Когда жъ о сочиненіи наказа данно знать для слушанія и подписовъ всѣмъ гражданамъ, коимъ по обряду должно быть, то зъ военныхъ и войтъ Погарскій уже, кроме двохъ—Григорія Соболевского да возного повѣтового Белея, ни одинъ не пришолъ въ магистратъ слушать и на онихъ наказахъ подписатся, а обявили, что мы де послали куда надлежитъ прошеніе, прося, чтобъ голову было велено намъ выбрать, а мене оставить, и до полученія резолюціи не слушаемъ. То я, по отказѣ онихъ, подписавъ написанную къ поднесенію Ея Императорскому Величеству челобитную и наказъ, допустилъ всѣхъ на тѣхъ подписатся, и каковы наказы о нуждахъ, недостаткахъ и утѣсненіяхъ гражданскихъ сочинены и депутату вручены, оныхъ копію при семъ Вашему Высокографскому Сіятелству подъ высокое усмотрѣніе сообщаю, и зъ высше писаннымъ представляя, Вашего Высокографского Сіятелства всенижайше прошу: поданному отъ войта съ товарыщи доношенію не вѣрить, а за оказанное ими преслушаніе и мнѣ приключенное безчестіе, чтобъ впредъ отъ нихъ никакихъ затѣй, противоуказныхъ повелѣній не могло происходить, поступить въ силѣ Ея Императорскаго Величества указовъ, и о томъ учинить высокомилостивое благоразсмотрѣніе и опредѣленіе.

Города Погару голова *Денисъ Приваловъ*.

1767 года,
іюня 7 дня.

5) Донесеніе объ отпускѣ депутату прогонныхъ денегъ.

Сіятельнѣйшему Графу... (*и проч.*) Петру Александровичу Его Сіятелству Румянцову.

Всенижайшее доношеніе.

Пущенное съ Чернѣгова отъ вашего Сіятелства циркулярно повелѣніе съ приложеніемъ высокоправителствующаго Сената копіи указа о выдачи выбранному отъ города Погару депутату на двѣ почтовіе лошадѣ прогонныхъ денегъ въ щетъ опредѣленной суммы, мною апрѣля 11 дня получено; и во исполненіе оного вашего высокографского сіятелства повелѣнія къ дачи выбранному отъ здешнего города депутату денегъ хотя я съ наличного числа доходовъ магистратовыхъ отъ войта магистрата Погарского Григорія Понаса и требовалъ, точію онъ съ тѣхъ доходовъ ничего не видалъ, а расположить на гражданъ я безъ повелѣнія вышшей команды дерзосты не имѣя, принужденъ изъ собственныхъ своихъ денегъ потребное число выдать, но отъколь мнѣ возвращеніе онихъ получить, на то ожидаю особливѣйшаго въ резолюцію повелѣнія.

Города Погару голова *Денисъ Привалов.*

1767 года,
іюня 6 дня.

VIII.

Выборы въ прилуцкомъ полку.

1) Донесеніе о городскихъ выборахъ.

Сіятельнѣйшому Графу. *(и проч.)* Петру Александровичу Румянцову.

Борисовского драгунского полку премієръ-маіора Стремоухова.

Покорный Рапортъ.

Вашего Сіятельства ордеръ, отъ 7 марта пущенный, мною сего числа полученъ, коимъ Ваше Сіятельство, въ чемъ мнѣ предосто-

рожность взять повелѣвать изволите, то самое, да еще и хуже, со мною уже и случилось: ибо, хотя я, по пріѣздѣ въ Прилуку сего марта 8 числа, представленной отъ городовой ратуши однѣмъ мѣщанамъ списокъ, призвавъ судью полкового, оной исправить и на основаніи пріобщенного къ манифесту подъ литерою Г. о выборѣ городскихъ головы и депутата обряда, исключа однихъ владѣльческихъ подсусѣдковъ, а впротчемъ всѣхъ и всякого званія, домы свои въ городѣ имѣющихъ, внесть и приказалъ, но получа оной отъ полковой канцеляріи, которая до того сочинять онаго и не начинала, уже 9 числа ввечеру, и по учиненіи о собраніи къ выбору головы повѣстки, отъ всего шляхетства, чиновниковъ и козаковъ— какъ въ поднесенной у сего съ списка копіи усмотрѣть изволите— въ отвѣтъ получилъ, что они къ выбору головы, разсуждая, что оной принадлежитъ до однихъ только гражданъ, не будутъ; и хотя я, приглася къ себѣ нѣсколькихъ изъ лутшаго въ городѣ пребывающаго шляхетства и присудствующихъ въ полковой канцеляріи старшинъ, какъ то, что въ манифестѣ и при ономъ приложенномъ обрядѣ не однѣмъ мѣщанамъ, но всѣмъ въ городѣ жительствующимъ голову и депутата избрать повелѣно, при доказательствѣ о происходившемъ въ Санктъ-Петербургѣ, при таковомъ же выборѣ подъ предводительствомъ господина генералъ-полицеймейстера и кавалера Николая Ивановича Чечерина, порядкѣ, гдѣ между всякаго званія гражданами и знатныя особы находились, печатного при Санктпетербурскихъ Вѣдомостяхъ прибавленія, а притомъ и изъ собственныхъ устъ Вашего Сіятельства слышанного мною о томъ разсужденія всевозможно изъяснить старался, но они всего того уразумѣть или не хотѣли, или не могли, и только единогласно объявили, что безъ особливаго отъ Вашего Сіятельства о томъ повелѣнія къ выбору, вмѣстѣ съ протчими гражданами, головы и депутата не согласятся, о чемъ всемъ отъ меня и рапортъ къ Вашему Сіятельству былъ отправленъ. Между же тѣмъ продолжался выборъ, въ силу даннаго шляхетству отъ Вашего Сіятельства повелѣнія, съ каждого повѣту по одному предводителямъ, и выбраны: въ прилуцкомъ повѣтѣ городской судія господинъ Иванъ Александровичъ, а въ Ива-

ницкомъ подсудокъ земской господинъ Петръ Максимовичъ. Нынѣжъ, хотя о соединеніи къ выбору головы всякаго званія городскихъ жителей повелѣніе и получилъ; но, чтобъ не здѣлать въ выборѣ отъ шляхетства депутатовъ препятствія, принужденъ послать ко всѣмъ господамъ здѣшнимъ жителямъ съ прописаніемъ помянутого сегодня полученнаго отъ Вашего Сіятельства повелѣнія однѣ только объявленія, а выборы отложить сего мѣсяца на 17 число. Какой же впредь во всемъ успѣхъ происходить будетъ, о томъ покорнѣйше Вашему Сіятельству донести долженствую.

Премьеръ-Маіоръ *Михаилъ Стремоуховъ.*

Числа 15 марта
1767 году,
Г. Прилуки.

---

2) Донесеніе о томъ же.

Его Сіятельству... (*и проч.*) Графу Петру Александровичу Румянцову

Рапортъ.

Въ силѣ Вашего Сіятельства ордера всѣмъ гражданамъ города Прилуки, чтобъ они всѣ имѣющіе въ томъ городѣ домы свои собрались для выбора отъ того города, по силѣ Всевисочайшаго Ея Императорскаго Величества манифеста, головы, я объявленія дѣлалъ; но не видѣлъ однакожъ по тому я ни одного при томъ собраніи изъ лутчихъ господъ, но всѣ они, отговорясь разными невозможностьми при томъ быть, прислали свои отзывы. Почему я съ одними только мѣщанами и нѣкоторыми самими нижними чиновниками долженъ былъ учинить выборъ городскаго головы, и по преимуществу голосовъ досталось быть онымъ Значковому Товарищу Михайлѣ Грудининѣ. О чемъ Вашему Сіятельству рапортую.

Премьеръ-Маіоръ *Михайло Стремоуховъ.*

Числа 10 апрѣля
1767 году,
Село Парафѣевка.

3) Заявленіе капитана Терлецкаго объ отказѣ его высказать свое мнѣніе и о мотивахъ къ тому.

Полку Прилуцкого въ собранное шляхетство для выбору въ силѣ Высочайшого Ея Императорскаго Величества манифеста депутата и для отправленія онаго къ сочиненію новаго проэкта положенія

Сообщеніе.

Что Высочайшій Ея Императорскаго Величества манифестъ о учиненіи онаго новаго проэкта положенія сеизволяетъ объявленный, хто какой-либо голосъ преподастъ о полезныхъ ихъ Малороссіи потребностяхъ, то о томъ, какое отъ Ея Императорскаго Величества Высочайшее на пользу той Малороссіи благоволеніе будетъ, того я всеподданнѣйше и просить долженъ; а иного чего, какъ въ челобитной, составленной полку Прилуцкого господъ Шляхты, во многихъ терминахъ показано, онаго просить и подписаться на ней не въ состояніи.

Капѣтанъ *Василій Терлецкій.*

1767 году,
апрѣля 16 дня.

---

4) Подобное же заявленіе отъ двухъ грузинъ.

Господамъ Шляхетству, избраннымъ къ сочиненію выбранному отъ Малороссійскаго Прилуцкаго полку въ коммисію сочиненія проэкта новаго уложенія депутату наказа.

Голосъ.

Какъ изъ публикованнаго Высочайшаго Ея Императорскаго Величества, декабря 14 числа 1766 года состоявшагося, манифеста ясно видно, сколь великіе и безпримѣрные труды и попеченіе Ея Императорское Величество о учиненіи вѣрноподданныхъ своихъ прямо счастливыми прилагать изволитъ; почему я на всѣ тѣ пункты, кои шляхетство отправляющомуся депутату въ наказѣ написало, согласиться и оные подписать не могу, а всеподданически предаюсь всему

тому, что милосердіе Ея Императорскаго Величества опредѣлить изволитъ. Числа 18 апрѣля, 1767 года.

Подлинные подписали:

По грузинску: Отставной Грузинского гусарского полку секундъ-маіоръ князь *Миръвельтумановъ.*

По русску:—Отставной Новосербскихъ гусарскихъ экскадроновъ капитанъ *Иванъ Бедауровъ.*

---

5) Донесеніе о выбранныхъ депутатахъ.

Сіятельнѣйшему Графу... (*и прочъ.*) Петру Александровичу Румянцову

Рапортъ.

Во исполненіе полученныхъ мною отъ 1 и 11-го числъ сего апрѣля отъ Вашего Сіятельства повелѣній: по первому — прежде избранные отъ обоихъ Прилуцкого полку повѣтовъ предводители наличнымъ всего полку шляхетствомъ перебалотированы, и по большинству голосовъ избранъ отъ всего полку предводителемъ подсудокъ земскій повѣту Иваницкого господинъ Петръ Максимовичъ, а депутатомъ господинъ асаулъ генеральной Скоропадской, а о наказѣ отъ господина предводителя мнѣ объявлено, что оной, какъ скоро сочиненіемъ окончится, то къ депутату и отправленъ быть имѣетъ; по второму—городской голова и депутатъ, какъ избраны не всѣми наличными города Прилуки жительми, дабы должность свою оставили и ни въ какое производство не вступались, а граждане о всѣхъ своихъ нуждахъ, какіе имѣютъ, чтобъ прямо къ Вашему Сіятельству отзывались, отъ меня объявлено. Изъ присланныхъ съ вѣрющими письмами по расположенію Прилуцкой полковой канцеляріи отъ каждой сотни по два, всего двадцати двухъ человѣкъ козаковъ, сотенныхъ повѣренныхъ, выбранъ большинствомъ одобрительныхъ шариковъ отъ полку депутатомъ Ичанской сотни козакъ и житель мѣ-

стечка Ични Петръ Романовичъ. О чемъ всемъ Вашему Сіятельству симъ покорнѣйше доношу.

Премьеръ-маіоръ *Михаилъ Стремоуховъ.*

Числа 17 Апрѣля,
1767 году,
Городъ Прилуки.

---

6) Прошеніе мѣщанъ г. Прилуки по поводу дѣйствій Стремоухова при выборахъ.

Его Сіятельству... Графу Петру Александровичу Румянцову.

Всенижайшее прошеніе.

По Высочайшему Ея Императорскаго Величества манифесту обнародованному и по приложенному при оном обряду, въ знакъ нашего всеподданнѣйшого послушанія, при бытности отъ Вашего Высокографского Сіятельства опредѣленного начальника его высокоблагородія господина премієръ-маіора Михайла Андреевича Стремоухова, отъ жительствующихъ въ городѣ Прилукѣ шляхетства вобще съ нами избранъ городскимъ головою значковый полку Прилуцкого Товаришъ Михайло Груднѣцкій, а отъ избранныхъ обществомъ ста человѣкъ повѣренныхъ подписанное полномочіе, а при томъ о всѣхъ въ городѣ жительствующихъ именной списокъ, такожъ протчіихъ, кто при томъ выборѣ не могли быть, присланные голосы и тѣмъ повѣреннымъ данныя полномочія оному городскому головѣ отъ помянутого господина маіора Стремоухова поручены были, и тѣми повѣренными и протчими наличными гражданами, за учиненіемъ присяги по обряду, депутатомъ городовымъ писаръ полковый Иванъ Ягельнѣцкій выбранъ, и оному депутату полномочіе подписано. А нынѣ помянутый начальникъ господинъ маіоръ Стремоуховъ отъ городского головы тѣ полномочія, списокъ и присылаемые голоса отобралъ, а по высокому Вашего Высокографского Сіятельства ордеру объявилъ имъ, головѣ и депутату, оставаться при прежнихъ своихъ должностяхъ. Зъ чего мы сумнѣваемся, что нашихъ нуждъ и желаемыхъ по жительству нашему въ городѣ прежде обыкновенныхъ

свободностей въ Коммисіи о сочиненіи нового уложенія, въ первостоличномъ городѣ Москвѣ учрежденной, представить будетъ уже нѣкому. Для того Вашего Высокографского Сіятельства всенижайше просимъ: повелѣть онымъ чинамъ по выборамъ быть въ городѣ Прилукѣ со уравненіемъ противъ другихъ полковыхъ городовъ жителей.

О семъ просятъ Полкового города Прилуки:
Бурмистръ Прилуцкій *Филипъ Даценко.*
Бурмистръ Прилуцкій *Максимъ Гета.*

Мѣщане: Сава Яремовъ, Иванъ Фоменко, Федоръ Якимовъ, Иванъ Тарасовичъ, Кирило Маценко, Мусѣй Соломаха, Семенъ Хитринъ, Иванъ Глоба, Василь Губскій, Тимошъ Губскій, Федоръ Котляръ, Григорій Гета; а вмѣсто ихъ неграмотныхъ, по ихъ прошенію, житель Прилуцкій Семенъ Тищенко руку приложилъ.

Цехмистры: Цеху кравецкого Олексѣй Онисимовъ, цеху шевского Василь Козинскій, цеху ковальского Юско Юрченко, цеху калачницкого Зѣнко Джигель, цеху рѣзницкого Сава Яременко, цеху ткацкого Семенъ Кривенко; а вмѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію житель Прилуцкій Григорій Охрѣменко руку приложилъ.

Райцы: Алексѣй Колесникъ, Антонъ Нефедъ; а подписалъ ихъ неграмотныхъ, по ихъ прошенію, житель Прилуцкій Семенъ Тищенко.

Мѣщане: Самойло Губскій, Иванъ Губскій, Федоръ Товстопятъ, Андрей Горощенко, Степанъ Лушпунъ, Иванъ Назаренко, Илько Власенко, Федоръ Терентенко, Антонъ Моренецъ, Харко Причина, Федоръ Чаленко, Максимъ Чуйко, Федоръ Мишура, Ничипоръ Котеленецъ, Григорій Рижный, Тарасъ Баско, Василь Палюха, Иванъ Куцъ, Федоръ Дроботко, Павло Шаповалъ, Ничипоръ Стороженко, Романъ Денисенко, Федоръ Денисенко, Сидоръ Нидинъ, Данило Бутенко, Петро Дудка, Грицко Хвененко, Иванъ Лепеха, Иванъ Косенко, Пилипъ Лодошный, Мусѣй Терентѣй, Грицко Лобода, Данило Музыка, Федоръ Векличъ, Денисъ Семко, Василь Вовкъ, Иванъ Семко, Лазаръ Бережненко, Иванъ Коржъ, Федоръ Мосцѣпанъ, Иванъ Грона, Алексѣй Харченко, Сидоръ Балѣй, Антонъ Ярмакъ, Кирило

Охрѣменко, Павло Клеха, Лукянъ Ярмаченко, Артемъ Котеленецъ, Кузма Дудка, Грицко Дудка, Прокопъ Маценко, Якимъ Батло, Павло Опанасенко, Грицко Яременко, Игнатъ Мироненко, Илія Глоба, Іосифъ Глоба, Кирило Дроботко, Иванъ Чорноморецъ, Иванъ Цѣпакъ, Павло Коляденко, Григорій Коляденко, Авраамъ Васильевъ, Иванъ Грона, Миронъ Джигѣль, Сава Станько, Степанъ Вакуленко, Максимъ Тищенко, Грицко Тищенко, Никифоръ Тарасовичъ, Семенъ Шарко, Данило Шарко, Дмитро Струль, Гаврило Струленко, Лукянъ Горощенко, Артемъ Горощенко, Игнатъ Палюха, Процко Харченко, Демянъ Нефедъ, Грицко Нефедъ; а вмѣсто ихъ неграмотныхъ, по ихъ прошенію, житель Прилуцкій Григорій Охрѣменко руку приложилъ.

1767 года,
апреля 20 дня.

---

7) *Донесеніе о кассированіи городскихъ и козачьихъ выборовъ.*

Малой Россіи въ Генералъ-губернаторскую Канцелярію Борисоглѣбовского драгунского полку Премiеръ-Маіора Стремоухова

Рапортъ.

Во исполненіе присланныхъ ко мнѣ отъ 15 и 26 числъ сего апреля Его Сіятельства, высокопревосходительнаго господина генералъ-аншефа, Малой Россіи генералъ-губернатора, Малороссійской Коллегіи президента, Украинского и Малороссійского корпусовъ главного командира и разныхъ орденовъ кавалера, графа Петра Александровича Румянцова, ордеровъ, выбранные не по обряду города Прилукъ голова и депутатъ, да отъ козаковъ Прилуцкого полку въ Коммиссію сочиненія проэкта новаго уложенія депутатъ же, уничтожены; учиненные жъ имъ полномочій 3, присягъ 2, присланныхъ отъ городскихъ жителей голосовъ 16, козачій наказъ и челобитная оригинально, да разныхъ къ балотированію списковъ 5 и вѣрющихъ отъ городскихъ жителей повѣренныхъ писемъ 4, при семъ въ генералъ-губернаторскую канцелярію представляются.

Премiеръ-Маіоръ *Михаилъ Стремоуховъ.*

Числа 23 апрiля,
1767 году.

---

8) Списокъ избранныхъ жителями города Прилукъ повѣренныхъ для выбора городского головы и депутата и для сочиненія наказа депутату и челобитной о городскихъ нуждахъ и недостаткахъ.

№			Число шаровъ. избир.	неизб.
1.	Марта 20:	Значковый Товарищъ Никола Соломаха.	17.	92.
2.	—	Значковый Товарищъ Михайло Груднѣцкій	92.	17.
3.	—	Возный Яковъ Джевяга	22.	87.
4.	—	Козакъ Василь Назаренко	20.	89.
5.	—	— Яковъ Чичикало.	23.	86.
6.	—	— Никита Денисенко	23.	86.
7.	—	— Тимофей Рожченко	22.	87.
8.	—	— Илья Цинбалистый	25.	84.
9.	—	Армашъ Григорій Холодъ	22.	87.
10.	—	Мѣщанинъ Кирило Маценко . . .	25.	84.
11.	—	— Иванъ Носенко	21.	88.
12.	—	— Федоръ Горленко . . .	20.	89.
13.	—	— Прохоръ Степуренко . .	26.	83.
14.	—	— Федоръ Гетинъ зять . .	20.	89.
15.	—	— Павелъ Галѣберъ . . .	22.	87.
16.	—	— Якимъ Слива	24.	85.
17.	—	— Прокофій Маценко . . .	23.	86.
18.	—	— Василь Шепелявый. . .	20.	89.
19.	—	— Иванъ Чорномурецъ. . .	22.	87.
20.	—	— Алексѣй Колесникъ. . .	27.	82.
21.	—	— Павелъ Клеха	26.	83.
22.	—	— Федоръ Котляръ . . .	31.	78.
23.	—	— Григорій Дудка. . . .	28.	81.
24.	—	— Артемъ Горощенко . . .	24.	85.
25.	—	— Денисъ Тарабаненко . .	21.	88.
26.	Марта 21:	— Демянъ Божко	64.	26.
27.	—	— Алексѣй Харченко . ..	53.	37.

№				Число шаровъ избир.	неизб.
28.	Марта 21:	Мѣщанинъ	Сава Бринзоха	63.	27.
29.	—	—	Иванъ Грона	56.	34.
30.	—	—	Иванъ Грона.	56.	34.
31.	—	—	Павелъ Шаповалъ . . .	53.	37.
32.	—	—	Иванъ Губскій	50.	40.
33.	—	—	Тимофей Губскій. . . .	58.	32.
34.	—	—	Федоръ Якимовъ. . . .	50.	40.
35.	—	—	Степанъ Лапшукъ . . .	53.	37.
36.	—	—	Данило Бутейко. . . .	52.	38.
37.	—	—	Григорій Журавль . . .	52.	38.
38.	—	—	Григорій Гета	59.	31.
39.	—	—	Максимъ Гета	60.	30.
40.	—	—	Сава Станко.	51.	39.
41.	—	—	Семенъ Шарко	47.	43.
42.	—	—	Филипъ Даценко . . .	79.	11.
43.	—	—	Алексѣй Онисимовъ. . .	63.	27.
44.	—	—	Мойсѣй Соломаха . . .	53.	37.
45.	—	—	Аврамъ Музыка. . . .	54.	36.
46.	—	—	Иванъ Цѣпакъ	50.	40.
47.	—	—	Прокофій Харченко. . .	61.	29.
48.	—	—	Иванъ Тарасевичъ . . .	57.	33.
49.	—	—	Сава Яремовъ	77.	13.
50.	—	—	Самойло Губскій. . . .	60.	30.
51.	Марта 22:	—	Антонъ Нехведь. . . .	70.	15.
52.	—	—	Демянъ Нехведь . . .	59.	26.
53.	—	—	Григорій Нехведь . . .	60.	25.
54.	—	—	Иванъ Хоменко. . . .	70.	15.
55.	—	—	Иванъ Глоба.	56.	29.
56.	—	—	Григорій Рыжій. . . .	60.	25.
57.	—	—	Алексѣй Погорѣлый . .	64.	21.
58.	—	—	Григорій Черномурецъ. .	60.	25.
59.	—	—	Фома Власѣка	64.	21.

№				Число шаровъ. избир.	неизб.
60.	Марта 22:	Мѣщанинъ:	Тарасъ Баско	63.	26.
61.	—	—	Григорій Харченко. . .	57.	32.
62.	—	—	Иванъ Коржъ	63.	26.
63.	—	—	Федоръ Ярмакъ. . . .	64.	25.
64.	—	—	Федоръ Охрѣменко . . .	66.	23.
65.	—	—	Максимъ Чуйко. . . .	56.	33.
66.	—	—	Григорій Борщъ . . .	63.	26.
67.	—	—	Илья Власенко	56.	33.
68.	—	—	Артемъ Котеленецъ. . .	57.	32.
69.	—	—	Павло Онищенко . . .	59.	30.
70.	—	—	Федоръ Терентѣй . . .	60.	29.
71.	—	—	Денисъ Семко	58.	31.
72.	—	—	Лазарь Бережный . . .	60.	29.
73.	—	—	Кондратъ Приступенко. .	59.	30.
74.	—	Козакъ	Павло Лепецъ	55.	34.
75.	—	Канцеляристъ	Антонъ Сергіенко . . .	56.	33.
76.	Марта 23:	Мѣщанинъ	Андрей Нетребенко. . .	75.	23.
77.	—	—	Филипъ Одердоша . . .	76.	22.
78.	—	—	Давидъ Стороженко . .	68.	30
79.	—	—	Никифоръ Стороженко. .	68.	30.
80.	—	—	Григорій Павленко. . .	68.	30.
81.	—	—	Семенъ Хитрикъ . . .	75.	23.
82.	—	—	Григорій Вакуленко . .	68.	30.
83.	—	—	Семенъ Скиба	75.	23.
84.	—	—	Антонъ Безуглый . . .	79.	19.
85.	—	—	Дмитро Глинскій . . .	70.	28.
86.	—	—	Филипъ Рекало. . . .	68.	30.
87.	—	—	Константинъ Шапочникъ .	70.	28.
88.	—	—	Иванъ Сучакъ	79.	19.
89.	—	—	Степанъ Меняйленко . .	71.	27.
90.	—	—	Иванъ Полешукъ . . .	73.	25.
91.	—	—	Николай Швецъ . . .	68.	30.

№				Число шаровъ. избир.	неизб.
92.	Марта 23:	Мѣщанинъ:	Сидоръ Куценко . . .	69.	29.
93.	—	—	Кирило Кондратенко . .	69.	29.
94.	—	—	Павелъ Дудка	78.	20.
95.	—	—	Романъ Шиленко . . .	70.	28.
96.	—	—	Иванъ Демененко . . .	70.	28.
97.	—	—	Григорій Музыка . . .	72.	26.
98.	—	—	Осипъ Ничипоренко. . .	71.	27.
99.	—	—	Федоръ Оджа	77.	21.
100.	—	Козакъ	Кирило Коніовскій . . .	68.	30.

---

9) Донесеніе полковой прилуцкой канцеляріи съ представленіемъ вѣдомости о неявившихся на выборы.

Сіятельнѣйшому Графу... (*и проч.*) Петру Александровичу.

Отъ Полковой Прилуцкой Канцеляріи

Репортъ.

Высокимъ Вашего Высокографского Сіятельства ордеромъ, въ полковой прилуцкой канцеляріи полученнымъ, велѣно отъ всѣхъ таковыхъ, которые въ городѣ Прилукахъ имѣютъ домы, а сами при выборѣ городскомъ не присутствовали, взять отвѣты, почему то ими учинено, и прислать оные къ Вашему Высокографскому Сіятельству. И во исполненіе онаго Вашего Высокографского Сіятельства ордера, каковы въ небывшихъ при вышеписанномъ городскомъ выборѣ, по показанію господина примеръ-маіора Стремоухова, взяты отвѣты, оные при семъ къ Вашему Высокографскому Сіятельству подъ высокое благоразсмотрѣніе полковая прилуцкая канцелярія представляетъ; въ другихъ же не бывшихъ при ономъ выборѣ еще отвѣтовъ не взято, за отлучкою ихъ съ домовъ въ нѣкоторые отдаленные мѣста и за другими обстоятельствами, о коихъ и за чѣмъ

въ кого таковыхъ отвѣтовъ не взято, прилагается при семъ же вѣдомость.

Бунчуковый Товаришъ Петръ Горленко. Полковый Судія Иванъ Александровичъ. Полковый Писарь Иванъ Ягельнецкій. Полковый Хоружій Никита Умѣнь.

1767 года,
апрѣля 25 дня.

---

10) Вѣдомость о неявившихся съ объясненіемъ причинъ неявки.

1) Выписка изъ поданныхъ отвѣтовъ живущихъ въ городѣ Прилукахъ чиновниковъ, за чѣмъ кто имянно въ собраніе для выбору отъ города головы и депутата, по сдѣланному отъ начальника примеръ-маіора Стремоухова объявленію, не пришелъ.

№	ЧИНЪ и ИМЯНА.	За чимъ имянно по объявленію въ собраніе не пришли.
1.	Бунчуковый Товарищъ Иванъ Галаганъ.	За состояніемъ, по протесту его на полкового писара Шнурчевского, а отъ того по таковому жъ на него, подъ слѣдствіемъ и за отъѣздомъ къ Малороссійскому Генералу-Губернатору.
2.	Полковый асаулъ Яковъ Книлъ (sic!).	За состояніемъ по протесту полкового писара Шнурчевского подъ слѣдствіемъ.
3.	Полковый хоружій Федоръ Марковскій.	
4.	Полковый асаулъ Никифоръ Бѣлецкій-Носенко.	За приключившеюся въ то время болѣзнію.
5.	Полковый обозный Яковъ Огроновичъ.	За болѣзнію, въ то время приключившеюся.
6.	Подкоморій повѣту Прилуцкого Андрей Маркевичъ.	За сочиненіемъ выбранному отъ Прилуцкого шляхетства депутату наказа.

№	ЧИНЪ и ИМЯНА.	За чимъ имянно по объявленію въ собраніе не пришли.
7.	Полковый писарь Иванъ Ягельнецкій.	За приключившеюся болѣзнію.
8.	Судья земскій повѣту Прилуцкого Яковъ Величко.	За сочиненіемъ выбранному отъ шляхетства депутату наказа.
9.	Подсудокъ земскій Василій Ограновичъ.	За разными его недосугами.
10.	Судья гродскій Иванъ Александровичъ.	За сочиненіемъ депутату, отъ шляхетства выбранному, наказа.
11.	Абшитованный полковый обозный Степанъ Лукомскій.	За сочиненіемъ наказа дворянскому депутату.
12.	Писарь земскій Семенъ Каневскій.	За отъѣздомъ въ Глуховъ къ генеральному асаулу Скоропадскому съ объявленіемъ, что онъ выбранъ отъ шляхетства депутатомъ.
13.	Бунчуковый товарищъ Константинъ Маркевичъ.	За отлучкой изъ дому.
14.	Бунчуковый товарищъ Иванъ Марковичъ.	За отъѣздомъ для своихъ нуждъ въ Нѣжинъ.
15.	Бунчуковый товарищъ Петръ Горленко.	За отправленіемъ въ то время по умершемъ сынѣ его поминовенія.
16.	Бунчуковый товарищъ Григорій Горленко.	За отъѣздомъ для исправленія законныхъ нуждъ въ Глуховъ.
17.	Полковой артилеріи асаулъ Иванъ Пархомовъ.	За приключившеюся болѣзнію.
18.	Гродского суда писарь Степанъ Карпичъ.	За болѣзнію.
19.	Полковый канцеляр. Петръ Пятигорскій.	

№	ЧИНЪ и ИМЯНА.	За чимъ имянно по объявленію въ собраніе не пришли.
20.	Обозный повѣту Иваницкого Бакланъ.	За отъѣздомъ для законныхъ нуждъ въ Лубенскій полкъ.
21.	Значковый товаришъ Антонъ Соломаха.	За отъѣздомъ въ Глуховъ къ генеральному асаулу Скоропадскому, съ объявленіемъ о выборѣ его въ депутаты.
22.	Абшитованный значковый товарищъ Корней Носовскій.	За болѣзнію.
23.	Абшитованный сотенный атаманъ Федоръ Стаховскій	
24.	Атаманъ городовой Тимофей Стаховскій.	
25.	Почмейстеръ, войсковый товарищъ Степанъ Прокоповичъ.	За отправленіемъ почты.
26.	Войсковый товарищъ Антонъ Юркевичъ.	За слабостію здоровья.
27.	Войсковый товарищъ Никита Шлякъ.	За отлучкою отъ дому.
28.	Отставной прапорщикъ Андрей Грекосъ.	За отъѣздомъ въ Кіевъ и Ахтирку по обѣщанію, для богомолья.
29.	Прапорщикъ Алексѣй Алексѣевъ.	
30.	Войсковый товарищъ Михайло Корсунъ.	За отъѣздомъ въ Глуховъ.
31.	Значковый товарищъ Михайло Чернявскій.	За болѣзнію.
32.	Полковой артилеріи хоружій Петръ Бѣлоусъ.	За отъѣздомъ для промысловъ на ярмарку.
33.	Значковый товаришъ Меховецкій.	
34.	Войсковый канцеляр. Иванъ Гуленко.	За отъѣздомъ въ Глуховъ.

2) Вѣдомость, въ кого именно за небытность при выборахъ городскихъ и зачѣмъ не взято отвѣтовъ.

У войскового товарища Михайла Корсуна за отлучкою въ Глуховъ.

Въ значкового товарища Михайла Чернявскаго, который нарочно посыланнымъ объявилъ, что при томъ выборѣ головы и депутата за болѣзнію быть не могль, за которою и письменного отвѣта дать не можетъ.

Въ хоружого полковой прилуцкой артилеріи Бѣлоуса за отлучкою съ Прилуки на ярмонки по промыслу его.

Въ значкового абшитованного товарища Лиховецкого за отлучкою по томужъ на ярмонки по промысламъ.

Въ войскового канцелярісты Ивана Гуленицкого за отлучкою въ Глуховъ.

Бунчуковый товаришъ Петръ Горленко. Полковый судія Иванъ Александровичъ. Полковый писарь Иванъ Ягельницкій. Полковый хоружій Никита Умѣнь.

Справилъ полковый канцеляристъ Демянъ Бабичъ.

---

11) Списокъ присланнымъ отъ сотенъ Прилуцкого полку повѣреннымъ, имѣющимъ быть при выборѣ въ Коммисію сочиненія проэкта новаго уложенія отъ Прилуцкого полку депутата.

Сочиненъ числа 5 апрѣля, 1767 года.

№			Число баловъ избир.	неизб.
1.	Сотни Иваницкой:	Куренный атаманъ Иванъ Лисенко	3.	18.
2.	Сребрянской:	Андрей Василенко . .	1.	20.
3.	—	Федоръ Харченко. . .	3.	18.
4.	Второварвинской:	Иванъ Мошикъ . . .	4.	17.
5.	—	Иванъ Потапенко. . .	3.	18.
6.	Иченской:	Петръ Романовичъ . .	17.	4.
7.	—	Иванъ Тарара . . .	3.	18.

№			Число баловъ избир.	неизб.
8.	Полковой:	Алексѣй Козаковъ . .	11.	10.
9.	—	Матвѣй Петруша . . .	6.	15.
10.	Переволочанской:	Омельянъ Тернѣцкій . .	2.	19.
11.	—	Алексѣй Сорока . . .	2.	19.
12.	Монастырискої:	Осипъ Головко . . .	5.	16.
13.	—	Василь Плиска . . .	6.	15.
14.	Варвинской:	Трофимъ Андрущенко .	8.	13.
15.	—	Иванъ Рубанъ . . .	13.	8.
16.	Журавской:	Климъ Дараганъ . . .	4.	17.
17.	—	Максимъ Якименко . .	1.	20.
18.	Иваницкой:	Осипъ Сакунъ	1.	20.
19.	Корыбутовской:	Григорій Спицкій . .	4.	17.
20.	—	Лука Чернышевъ . . .	7.	14.
21.	Красноколядинской:	Мойсей Тетухъ . . .	7.	14.
22.	—	Стефанъ Ивановъ . . .	10.	11.

---

12) Донесеніе сотеннаго повѣреннаго Ив. Лисенка о противозаконной покупкѣ старшиною козачьихъ грунтовъ и уподій и о противодѣйствіи ея внесенію жалобы объ этомъ въ депутатскій наказъ.

Его Высокографскому Сіятельству... *(и проч.)* Петру Александровичу Румянцову.

Доношеніе.

По силѣ манифеста Е. И. Величества, выбранъ я въ числѣ протчихъ сотни Иваницкой отъ села Ступаковки погостнымъ повѣреннымъ, и за собраніемъ въ сотенное Иваницкое правленіе всѣхъ погостныхъ повѣренныхъ, выбрали мене въ сотенные повѣренные и съ козакомъ сотни Иваницкой Юскомъ Сакуномъ, и поручили мнѣ замѣтку о своихъ нуждахъ для сочиненія генерального наказа, въ коей между протчимъ показали о скупленныхъ въ сотнѣ Иваницкой

козачихъ грунтахъ, при вѣрющемъ письмѣ. А когда, за собраніемъ всѣхъ сотенныхъ повѣренныхъ въ городъ Прилуку, въ силѣ обряда, по присягѣ, начали между собою согласіе чинить, то другихъ сотенъ повѣреные, товарищи мои, о скуплѣ козачихъ добръ разными чиновниками и владѣльцами, съ наущенія ли чіего, или сами отъ себе, въ наказѣ купли той поставить не похотѣли; но нѣкоторые изъ нихъ, повѣренныхъ, ходили просить къ полковому канцеляристѣ Петру Пятигорскому для учиненія генерального наказа, которые, отъ него возвратясь, и мнѣ зъ своими товарищами къ нему для того итти велѣли. На что я съ товарищами своими къ показанному Пятигорскому и ходили просить, чтобъ учинилъ наказъ; но оной насъ послалъ просить выписки о состояніи дворянского наказа къ предводителю дворянскому, подсудку повѣту Иваницкого Петру Максимовичу, которой стоялъ въ домѣ судіи земского повѣту Прилуцкого Якова Величка. Но оной дать отказался; а вышедъ оный судія Величко, невѣдомо съ чего, объявилъ намъ, чтобъ просить о сочиненіи наказа означенного Пятигорского и для наставленія въ сочиненіи наказа его, Пятигорского, прислать къ нему. Но я для присылки къ нему жъ канцеляриста Пятигорского не ходилъ, а товарищи мои ходили ли, того, такъ и у судіи Величка жъ былъ онъ—не знаю; а только товарищи наши принесли въ собраніе сочиненной имъ, Пятигорскимъ, пропустя о скупленныхъ во всемъ полку Прилуцкомъ козацкихъ грунтахъ пунктъ, наказъ, который переписавши, и подписали всѣ въ томъ собраніи бывшіе повѣренные. И о всемъ вышеписанномъ я Вашему графскому Сіятельству въ разсмотрѣніе нижайше представляя, доношу:

Въ прошедшихъ годѣхъ наданъ намъ сотникъ въ сотню Иваницкую неосѣдлый Федоръ Свѣрскій, кой нынѣ въ повѣтъ Иваницкій земскимъ судіею выбранъ, и никакихъ грунтовъ и земель въ сотнѣ Иваницкой не имѣющій. И когда завелъ себѣ при сотнѣ Иваницкой жилище, многихъ козаковъ поскуплялъ грунта знатные, мельницы почти всиловне поскуплялъ же, сѣнокосы, пахатные поля, гаи и лѣсные угодія, а кромѣ того и многихъ въ подданство подъ видомъ скупли попривлекалъ. А когда онъ, бывшой сотникъ Свѣр-

ской и нынѣшній судія земскій, козачими грунтами чрезъ всю бытность свого сотничества, после запретительныхъ Высочайшихъ указовъ, удоволился, то дозволилъ тестю своему, бывшому сотнику Монастырискому, а нынѣшнему абшитованному судіи полковому, Ивану Романовичу, въ той же сотнѣ Иваницкой при селѣ Ступаковцѣ грунта искуплять первѣе почти всиловно, мельницы, зъ землями жилые дворы, сѣнокосы и пахатные поля, а иные пахатные поля и всиловно, подвергнувши первѣе козака подъ видомъ скупли въ подданство, деньги вбрасывалъ и себѣ оные поля позавдаривалъ. И хотя то козаки сотни Иваницкой Ступаковскіе, чувствуя свою обиду, таскаясь за оными съ нимъ, Романовичемъ, по судамъ, яко то: до учрежденія еще въ Малой Россіи земскихъ судовъ, по полковой Прилуцкой Канцеляріи, а за учрежденіемъ земскихъ судовъ—по суду земскому Иваницкомъ и по генеральному суду, и по онымъ дѣламъ неоднократные отъ суда генерального въ судъ земской Иваницкой указы выправляли за свои по суду земскому волокиты, то не точію ничего того себѣ въ довольство не получили, но только пришли въ такое бѣдство, что часъ отъ часу службы государевой нести въ несостояніи, но и пропитать себе заледво чимъ могутъ; и ежели уже оныхъ грунтовъ и подлинно намъ доходить по судамъ, то неточію оныхъ не получимъ, но и послѣдняго своего препитанія лишимся. И ежели Вашему Графскому Сіятельству на моемъ одномъ показаніи увѣриться не возможно, то я изсылаюсь въ доказательство на сотенное Иваницкое Правленіе и на прошлогодніе ревизіи; и которыми именно какъ онъ, бывшій сотникъ Свѣрскій, такъ и тесть его, абшитованный судія полковый Романовичъ, козаками завладѣли, и нынѣ они во владѣніи ихъ находятся.

Того ради, Вашего Графского Сіятельства всенижайше прошу: въ вышеозначенныхъ скупляхъ какъ бывшимъ сотникомъ Иваницкимъ Свѣрскимъ, такъ и тестемъ его, нынѣшнимъ абшитованнымъ судіею полковымъ Романовичемъ, въ противность указовъ, какъ жи-

лыхъ дворовъ, такъ и разными случаями убылыхъ имѣній, учинить милостивую резолюцію.

Къ сему доношенію полку Прилуцкого сотнѣ Иваницкой куренный атаманъ Ступаковскій Иванъ Лисенко подписался.

1767 году,
апрѣля 29 дня.

---

13) Донесеніе Стремоухова объ отправленіи козачьяго депутата отъ Ичанской сотни.

Сіятельнѣйшему Графу... (*и проч.*) Петру Александровичу Румянцову.

Борисоглѣбского драгунского полку премiеръ-маіора Стремоухова

Рапортъ.

Во исполненіе полученного мною сего мая " дня Вашего Сіятельства циркулярного ордера, выбранной Прилуцкого полку съ козаковъ депутатъ козакъ сотни Ичанской, житель мѣстечка Ични, Петръ Романовичъ съ написанными отъ козаковъ прошеніями отъ мене отправленъ. Данное жъ ему отъ сотенныхъ повѣренныхъ полномочіе и балотированій списокъ и присяга повѣренныхъ еще минувшаго апрѣля 28 числа при рапортѣ моемъ въ канцелярію Вашего Сіятельства отправлены. О чемъ симъ покорнѣйше доношу.

Премiеръ-Маіоръ *Михаилъ Стремоуховъ.*

Числа 17 Мая,
1767 году.

1767.

IX.

Выборы въ переяславскомъ полку.

1) Донесеніе предводителя шляхетства переяславскаго о выборѣ предводителей и головы.

Его Сіятельству... (*и проч.*) Графу Петру Александровичу Румянцову

Репортъ.

Отъ 7 числа сего марта отпущенный Вашего Сіятельства ко мнѣ ордеръ, которымъ изволите предлагать подаваемые мнѣ о гражданахъ списки отъ городовъ, въ которыхъ повелѣно въ присудствіи моемъ выбрать по силѣ Высочайшаго Е. И. В. манѣфеста и приложенныхъ обрядовъ голову, разсматривать, дабы во оные вносимы были всѣ жителѣ тѣхъ городовъ изъ шляхетства и козаковъ зъ протчими гражданами, выключая однихъ владѣльческихъ людей и крестянъ, и чтобъ въ собраніи всякъ по состоянію своему имѣлъ мѣсто,—получилъ я сего жъ марта 15 дня; а какъ я о семъ имѣлъ и словесное Вашего Сіятельства приказаніе, то и не упустилъ наблюсти того дѣйствительнымъ исполненіемъ, и уже въ городахъ Кіевского полку Козельцѣ и Острѣ въ присудствіи моемъ выборы окончены, и гражданскимъ головою въ Козельцѣ избранъ судія полковый Степанъ Барановскій, а депутатомъ писарь полковій Кіевскій Семенъ Катериничъ; въ Острѣ жъ головою—сотникъ Остерскій Иванъ Солонина, отъ шляхетства Кіевского полку выбранъ предводителемъ подкоморій Козелецкого повѣта Александеръ Солонина, а депутатомъ подкоморій повѣта Остерского Андрей Миткевичъ. Сего жъ числа въ городѣ Переясловлѣ избранъ отъ живущихъ здѣсь шляхетства, козаковъ и мѣщанъ градскимъ головою войсковій канцелярістъ Иванъ Бахчевскій. По окончаніи жъ протчихъ повелѣнныхъ выборовъ репортовать къ Вашему Сіятельству зъ приложеніемъ о всемъ журнала долженствую.

Василій Туманскій.

767 году, марта 16,
Переяславъ.

2) Отказъ Андрея Безбородка отъ званія депутата переяславского шляхетства.

Высокоблагородный господинъ бунчуковый товарищъ и почтенный предводитель со всѣмъ благороднымъ дворянствомъ полку Переясловского,

Государь мой!

Увѣдомляяся изъ письма Вашего, что дворянство полку Переясловского избрало меня своимъ въ коммиссію о сочиненіи проэта новаго уложенія депутатомъ, симъ имѣю честь Вамъ отвѣтствовать: слабость крайняя здоровья моего, ежечастые припадки, а особливо тягостная и безпрерывно продолжающаяся въ ногѣ болѣзнь отъ ранъ, часто открывающихся, не позволяютъ мнѣ отважится на таковое важное и трудное дѣло, которое, требуя великихъ трудовъ и безпокойствъ, приведетъ меня до послѣдняго моего изнеможенія. Таковыя обстоятельства были причиною, что я и здѣсь при выборѣ отъ моихъ собратьевъ, по прошенію моему, миованъ былъ отъ балатированія въ депутаты и съ крайнимъ нежеланіемъ принялъ на себя званіе дворянъ здѣшнихъ предводителя, которое, какъ вразсужденіи свободности жить въ домѣ и пользовается Всемилостивѣйше пожалованнымъ мнѣ покоемъ, такъ и меньшихъ трудовъ въ сравненіи должности депутатской, слабому здоровью моему сходнѣе кажется. Для того не сомнѣваяся, что благородное дворянство полку Переясловского, пріемля во уваженіе таковые неудобства, мнѣ отважится на такъ далекій и трудный путь и вступить въ званіе депутата ихъ вовся недозволяющія, предводительствуемые вамы не отрекутся сдѣлать мнѣ справедливость. Покорно Васъ, государя моего, прошу не упуская при нынѣшнѣмъ собраніи доставить, чтобъ я перемѣненъ былъ другимъ депутатомъ, которому къ лучшей пользѣ вашей и всего государства послужить силы дозволили бы.

Пребываю впротчемъ Вашего Высокоблагородія, государя моего покорный слуга *Андрей Безбородко.*

Зъ Чернигова,
въ 3 день апреля, 1767 году.

3) Письмо А. Безбородка къ графу Румянцеву о причинахъ отказа.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

На другой день по отбытіи Вашего Сіятельства получилъ я отъ господина предводителя дворянства полку Переяславльскаго Томары предварительное увѣдомленіе, что выбрано меня депутатомъ въ коммиссію и вскорѣ намѣрены были прислать надлежащее полномочіе и наказъ. Я хотя и отвѣтствовалъ ему, какіе причины мѣшаютъ мнѣ вступить въ толь важное и многотрудное дѣло, но не ожидая, чтобъ онъ могъ здѣлать перемѣну по прозьбѣ моей безъ представленія Вашему Сіятельству, принимаю дерзновеніе утруждать и къ освобожденію меня отъ сего мнѣ неудобъ-сносимаго труда призывать Вашего Сіятельства милость. Слабость здоровья, ежечастыя припадки, людямъ лѣтъ моихъ свойственныя, а паче всего нестерпимая въ ногѣ болѣзнь, которую малѣйшее безпокойство раздражаетъ и приводитъ въ опасность, были причиною, что я при выборѣ въ Черниговѣ съ крайнимъ нежеланіемъ принялъ на себя такую должность, которая гораздо меньшія въ сравненіи депутатской труды и попеченія сопряженныя имѣетъ съ собою, и отъ моихъ собратьевъ, по прошенію моему, обойденъ балатированіемъ въ депутаты. Не великое безпокойство, которое я имѣлъ при семъ послѣдномъ случаѣ, привело меня въ такое состояніе, что я, прежде нежели оправится могу, принужденнымъ себя нахожу сидѣть безъвиходно въ горницахъ; а что до ноги касается, то продолжающаяся въ ней болѣзнь мнѣ почти и ступить не дозволяетъ. Не сомнѣваюся, что Ваше Сіятельство не будете почитать, чтобъ другіе какіе виды понуждали уклонятся отъ сего благого дѣла меня, который знаетъ, что онъ всѣ силы свои услугамъ государственнымъ посвящать обязанъ; но когда крайнѣе изнеможеніе лишаетъ меня способовъ исправлять возлагаемыя на меня дѣла, то позвольте, Милостивый Государь, изобразить здесь нижайшое мое прошеніе, дабы Ваше Сіятельство объ уволне-

нiи меня отъ депутатской должности милостиво предложить соизволили, чтобъ я могъ остатокъ жизни моей пользоваться Всемилостивѣйше пожалованнымъ мнѣ покоемъ. Заключаю чистосердечнымъ признаніемъ, что съ благодарнѣишою преданностію и высокопочитаніемъ есмь, Сіятельнѣишій Графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всеодолженный и нижайшій слуга *Андрей Безбородко.*

Стольное,
апреля отъ 9 дня 1767.

---

4) Донесеніе предводителя переяславскаго шляхетства объ отказѣ Безбородка съ просьбою дать инструкціи на счетъ выбора новаго депутата.

Сіятельнѣйшому Графу *(и проч.)* Петру Александровичу Румянцову

Рапортъ.

По силѣ Высочайшаго всеобнародованнаго манифеста, и Вашего Сіятельства по тому послѣдовавшаго распоряженія, шляхетство, помѣщики всего полку Переясловского, будучи въ собраніи въ городѣ Переясловлѣ, выбрали въ коммиссію о сочиненіи проэкта новаго уложенія отъ своего шляхетства депутата, господина генерального судю Андрея Яковлевича Безбородка, которому я по должности моей тогожъ времени о томъ письменно и далъ знать. Но сего апреля въ 11 д. получилъ я отъ него письменный ко мнѣ и ко всему здешнему шляхетству отзывъ о его болѣзненныхъ припадкахъ и слабостяхъ, и что ему то крайне не дозволяетъ принять таковъ важный трудъ, для чего просить онъ, дабы на его мѣсто другой былъ выбранъ депутатъ, о чемъ Ваше Сіятельство съ представляемой при семъ того письма копіи соизволите усмотрѣть. А какъ въ обрядахъ выборовъ, въ такомъ случае шляхетству повторного выбору депутата дѣлать не предписано, и я къ такому повторному выбору оного зъ шляхетствомъ приступить не смѣлъ, что все милостивому Вашего Сіятельства рѣшенію представляя, имѣю долгъ ожы-

дать чрезъ сего нарочно посланного господина подсудка земского повѣту Золотоноского Якова Рустановича Вашего Сіятельства резолюціи.

Предводитель шляхетства Переясловского полку, бунчуковій товаришъ *Стефанъ Тамара.*

767 году,
апрѣля 12 дня.

---

5) Донесеніе о выборѣ новаго депутата вмѣсто отказавшагося отъ званія депутата Безбородка.

Сіятельному Графу *(и проч.)* Петру Александровичу Румянцову

Нижайшій Рапортъ.

Въ силѣ полученного мною отъ Вашего Сіятельства сего апрѣля 17 дня ордера, съ собравшимся уже до того здешнего полку шляхетствомъ приступилъ я къ новому избранію депутата другого, и выбрали на прежде избранного господина абшитованного судью генерального Андрея Безбородка мѣсто господина полковника компанѣйского Захарія Забѣлу. О чемъ Вашему Сіятельству нижайше рапортую.

Предводитель шляхетства Переясловского, бунчуковый товаришъ *Стефанъ Тамара.*

---

6) Донесеніе объ окончаніи выборовъ.

Его Сіятельству *(и проч.)* Графу Петру Александровичу Румянцову

Репортъ.

По опредѣленію Вашего Высокографскаго Сіятельства, въ силѣ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества манифеста, 766 году декабря 14 дня состоявшагось, и приложенныхъ обрядовъ при выборѣ отъ дворянства предводителя, а отъ городскихъ жителей головы, имѣлъ я присудствіе въ полкахъ Кіевскомъ и Переясловскомъ,

и кто именно тѣмъ, а особливо депутатами для отправленія въ Москву въ коммиссію къ сочиненію проэкта новаго уложенія выбранны, объ оныхъ при семъ регистеръ и подленные присяжные за подписомъ бывшихъ у присяги чиновъ листы съ особливымъ объ ономъ всемъ происходствѣ журналомъ у сего прилагаю.

Василій Туманскій.

1767 году,
апрѣля 27 дня.

---

7) *Регистръ, кто именно въ полкахъ Переясловскомъ и Кіевскомъ выбраны отъ дворянства предводителями, и отъ городскихъ жителей головою и депутатами.*

Въ полку Кіевскомъ:

Отъ города Козельця головою выбранъ судія полковый Кіевскій Степанъ Барановскій.

Депутатомъ городскимъ: писарь полковый Кіевскій Семенъ Катериничъ.

Отъ шляхетства полку Кіевского предводителемъ: подкоморый повѣту Козелецкого Александръ Солонина.

Депутатомъ: подкоморый повѣту Остерского Андрей Миткевичъ.

Отъ козаковъ полку Кіевского депутатомъ: козакъ выборный сотнѣ Носовской Павелъ Яковлевъ.

Тогожъ полку отъ города Остра городскимъ головою сотникъ Остерскій Иванъ Солонина.

Депутатомъ писарь сотенный Иванъ Пенскій.

Въ городѣ Переясловлѣ городскимъ головою войсковый канцеляристъ Иванъ Бахчевскій.

Депутатомъ городскимъ атаманъ значковыхъ товарищей Сергій Сезоновичъ.

Отъ шляхетства полку Переясловского: предводителемъ бунчуковый товарищъ Степанъ Томара.

Депутатомъ полковникъ компанѣйскій Захарій Забѣла.

Отъ козаковъ полку Переясловского депутатомъ выборный козакъ сотнѣ Ирклѣевской Дмитро Исаенко.

Присяжные листы здѣсь приложенные означены подъ слѣдующими нумерами:

№ 1. Присяжный листъ за подписомъ гражданства города Козельця.
2. Шляхетства полку Кіевского повѣтовъ Козелецкого и Остерского.
3. Гражданства города Остра.
4. Отъ козаковъ полку Кіевского выбранныхъ отъ сотень повѣренныхъ.
5. Гражданства города Переясловля
6. Шляхетства полку Переясловского повѣтовъ Переясловского и Золотоноского.
7. Козаковъ полку Переясловского отъ сотень выбранныхъ повѣренныхъ.

Василій Туманскій.

---

8) Журналъ, составленный В. Туманскимъ о томъ, какъ происходили выборы.

Журналъ о происходствѣ выборовъ въ полкахъ: Кіевскомъ и Переясловскомъ, да въ городѣ Острѣ, по силѣ Высочаишаго Е. И. В. манифеста и обрядовъ, отъ шляхетства предводителей, отъ городовъ городского головы, отъ козаковъ депутатовъ, въ присудствіи писара генерального и Малороссійской Коллегіи члена Василія Туманского, которой для того изъ Глухова отправился 1767 году, февраля 28 дня.

Марта 3 дня прибылъ въ Козелецъ поутру. Но какъ того дня повелѣнные списки о жителяхъ того города Козельця не совсѣмъ въ готовности были, то приказано оныя списки о жителяхъ городовыхъ всякого званія и чина отъ полковой канцеляріи, отъ магистрата и отъ сотеннаго правленія изготовить на основаніи повелѣнного въ приложенномъ при манифестѣ обряда, а собранію быть на другой день тогожъ марта 4 дня; которого въ приуготовленномъ для сего городскомъ Его Сіятельства господина генералъ-фельдмаршала и раз-

ныхъ орденовъ кавалера графа Алексѣя Григоріевича Разумовского домѣ собрались жительствующіе въ городѣ Козельцѣ шляхетство, земскіе и воинскіе чины, изъ рядовыхъ козаковъ виборные, магистратскіе урядники и лучшіе изъ мещанъ и ремесленниковъ, коихъ всѣхъ званій персонъ было въ собраніи семьдесятъ два человѣкъ.

Въ залѣ того дому, по назначеніи каждому по спискамъ мѣстъ къ засѣданію на поставленныхъ стульяхъ и скамяхъ, читанъ былъ чрезъ писаря полкового кіевского Семона Катеринича Высочайшій Е. И. В. манифестъ зъ приложеніями, который, стоя при своихъ мѣстахъ, слушали съ прилѣжнымъ вниманіемъ и чувствуемою особливою радостію о толикомъ Высочайшимъ Е И. В. матернемъ ко всѣмъ вѣрнымъ своимъ подданнымъ попеченіи. Выслушавъ все и поклонясь къ партрету Е. И. В., сѣли на своихъ мѣстахъ.

За объявленіемъ же отъ начальника, что надлежитъ выбрать головою изъ присудствующихъ въ засѣданіи, начали по списку, какъ въ обрядѣ предписано, балатировать, что происходило зъ утра до дву часовъ по полудни; но какъ еще оставалось немалое число персонъ къ балатированію, то положено собратся тогожъ дни въ 4-мъ часу по полудни; за собраніемъ же такожъ нѣсколько персонъ балатировано, и по большинству шаровъ выбранъ въ городѣ Козельцѣ головою судія полковый кіевскій Степанъ Барановскій, и отъ всего того собранія поздравленъ; зачимъ онъ за такую къ нему отъ всего города довѣренность благодарилъ.

Марта 5 дня, по учиненной повѣсткѣ, собрались въ томъ же Его Сіятельства домѣ всѣ пріѣхавшіе въ городъ имѣющіе въ полку кіевскомъ свои деревнѣ и владѣнія и живущіе въ городѣ чиновные персоны, и по списку, какъ кто въ городъ напередъ прибылъ, такъ по порядку и посажены, коихъ всѣхъ въ наличности было восемъдесятъ два человѣка.

При ономъ шляхетства собраніи читанъ чрезъ писаря земского повѣту Остерского Михайла Лусту Высочайшій Е. И. В. манифестъ съ приложеніями, которой всѣмъ собраніемъ зъ особливою тихостію и кротостію слушанъ, и по прочтеніи учиня подобающій къ портрету

Е. И. В. поклонъ, изъявляя тѣмъ всеусерднѣйшую благодарность, сѣли на опредѣленныхъ по спискамъ мѣстахъ.

Объявлено за тѣмъ отъ начальника, что надлежитъ выбрать изъ присудствующихъ въ предводителя дворянства, кого за достойна къ тому разсудятъ; для чего и приказано двумъ опредѣленнымъ разносить на дву тарѣлкахъ положенные шарики, одному по правую, а другому по лѣвую сторону сидящимъ; по роздачѣ всѣхъ шариковъ, читанъ изъ списка первонаписанный и сидящій въ первыхъ персона, на которого когда все собраніе порядочно, другъ за другомъ отъ своихъ мѣстъ приходя къ столу, гдѣ поставленъ былъ ящикъ, положили шарики, то начальникъ, винявъ изъ правой стороны ящика, и по щетѣ предъ собраніемъ числа шариковъ, сколько явилось, велѣлъ записать противъ того персоны, также и число изъ лѣвой стороны; и симъ порядкомъ и о другихъ персонахъ происходило; и по большинству шариковъ выбранъ въ дворянского предводителя подкоморый повѣту Остерского Андрей Миткевичъ, чемъ отъ всего собранія поздравленъ; онъ же благодарилъ за оказаную къ нему довѣренность.

Марта 6 дня въ тотъ же домъ собрались граждане для подпису на полномочіи градскому головѣ, которое тогожъ дня, за представленіемъ начальнику, и поручено отъ него головѣ суддѣ полковому Барановскому съ подлежащими списками.

Марта 7 дня голова, собравъ въ оной же домъ всѣхъ прежде бывшихъ жителей по повѣсткѣ, яко время въ церковъ, ишли во оную предписаннымъ въ обрядѣ порядкомъ, и при присудствіи начальника слушали въ соборной Преображенія Господня церквѣ литургію, молебно пѣніе и посвященіе воды, и по окропленіи всѣхъ читанъ манифестъ съ приложеніями, и приведены къ присягѣ, и изъ церкви шли тѣмъ же порядкомъ возвратно въ предпомянутой домъ.

Марта 8 дня, по собраніи шляхетства въ оном же домѣ, поручено отъ начальника полномочіе съ списками предводителю дворянскому вышеупомянутому подкоморому Миткевичу, которой, принявъ оное, говорилъ краткую рѣчъ, прославляя Е. И. В. премудрые устроенія и всемилостивѣйшое къ вѣрнымъ своимъ подданнымъ ми-

лосердіе, шляхетству жъ благодаря за сію къ нему особую довѣренность.

Тогожъ дня поведены изъ оного дому предводителемъ въ предъвоспомяненную соборную церковъ, гдѣ отправляема была протопопомъ съ протчимъ духовенствомъ литургія зъ молебствіемъ и освященіемъ воды, по кропленіи которою читанъ манифестъ со всѣми приложеніями, и приведены къ присяги, и изъ церкви предводителемъ же поведены въ тотъ же домъ, гдѣ подписались на присяжной формѣ.

Марта 9 дня, по отбытіи начальника изъ Козельця въ городъ Остеръ, выбранъ въ Козельцѣ отъ шляхетства депутатъ, и выбранъ онъ же предводитель, подкоморій Миткевичъ, депутатомъ, а на мѣсто его въ предводителя подкоморій повѣта козелецкого Александръ Солонина

Марта 10 дня въ томъ же городѣ Козельцѣ, въ присудствіи городского головы, выбранъ отъ города Козельця депутатомъ писарь полковый Кіевскій Семенъ Катериничъ, какъ о томъ письменно къ начальнику репортовано.

Тогожъ марта 10 дня въ городѣ Острѣ, по учиненіи списковъ всѣмъ жительствующимъ въ томъ городѣ воинскаго и магистратскаго званія чинамъ, козакамъ и мещанамъ, и по собраніи въ домѣ, гдѣ отправляются дѣла тамошнего земскаго суда, происходило избраніе городского головы, и выбранъ головою въ томъ городѣ сотникъ Остерскій Иванъ Солонина, которому и подписанные всѣмъ тѣмъ собраніемъ полномочіе и списки тогожъ дня поручены.

Марта 11 дня въ соборную тамошную церковъ къ слушанію литургіи, молебного пѣнія и водоосвященія, приведены головою по спискамъ городскіе жители, гдѣ по окропленіи водою и по прочтеніи манифеста зъ приложеніями, учинили должную по формѣ присягу въ присудствіи начальника; выборъ же депутата городского оставленъ на распоряженіе головы по установленному обряду. И какъ отъ оного городского Остерского головы сотника Солонины къ начальнику письменно репортовано, выбранъ отъ города Остра депутатомъ писарь сотенный Остерскій Иванъ Пенскій.

Марта 15 дня вышъ отправленный начальникъ прибылъ въ Переяславль, и на другой день, то есть Марта 16 дня, по подан-

нымъ спискамъ отъ полковой переясловской канцеляріи и отъ магистрата о жителяхъ того города Переясловля, созваны оные граждане въ полковую Переяславскую канцелярію, коихъ всѣхъ жителей, какъ полковой старшины, такъ и другого разного званія чиновъ, выборныхъ козаковъ и мещанъ въ собраніи было восемъдесятъ два человѣкъ; гдѣ по онымъ спискамъ къ засѣданію назначены мѣста, и чтенъ былъ чрезъ значкового товарища Тимофѣева манифестъ съ приложеніями; по прочтеніи котораго, учиня должной поклонъ къ портрету Е. И. В., сѣли на своихъ мѣстахъ и началось балатированіе; чрезъ которое выбранъ городскимъ головою войсковый канцелярістъ Иванъ Бахчевскій, чемъ отъ всего собранія поздравленъ; а онъ благодарилъ за показанную къ нему въ томъ довѣренность, и тогожъ времени полномочіе подписали.

Марта 17 собрались въ полковую жъ канцелярію, и за приходомъ туда начальника, представили вышъ помянутое полномочіе, которое ему, градскому головѣ Бахчевскому, съ списками отъ городскихъ жителей поручено. За учиненною жъ повѣсткою, яко время въ церковъ, поведены головою съ должнымъ порядкомъ къ церквѣ святого Николая, до которой дорога услана была пескомъ и съ обоихъ сторонъ поставлены сосонки. По отправленіи литургіи, молебеннаго пѣнія и водоосвященія и за окропленіемъ священною водою, чтенъ былъ манифестъ съ приложеніями и приведены къ присяги по указной формѣ, и изъ церкви поведены головою въ полковую канцелярію тѣмъ же порядкомъ, гдѣ на присяжномъ листѣ всѣ бывшіе у присяги подписались.

Марта 19 дня, поутру, въ 8-мъ часу собрались въ полковую переяславскую канцелярію все полку Переясловского съѣхавшоесь шляхетство, о которыхъ поданъ былъ начальнику имянной списокъ не по чинамъ, но какъ кто въ городъ напередъ прибылъ, и о жительствующихъ въ городѣ Переясловлѣ чинахъ. Всѣхъ ихъ въ томъ собраніи было сто одинадцять персонъ; по которому списку онымъ шляхетству объявлены къ засѣданію мѣста, а потомъ чтенъ былъ чрезъ значкового товарыша Юзефовича манифестъ съ приложеніями, который слушанъ былъ со всякою кротостію и молчаніемъ. По вы-

слушаніи оного и по учиненію должного къ партрету Е. И. В. поклона, сѣли на своихъ мѣстахъ.

За объявленіемъ отъ начальника, что надлежитъ въ силѣ Высочайшого повелѣнія выбрать изъ присудствующихъ предводителя, кого къ тому за достойнѣйшаго разсуждаютъ, розданы были по предписанному порядку шарики, то по оному списку и началось балатированіе, между коимъ на бунчукового товарища Стефана Томару положено избираемыхъ шариковъ 102, якое число гораздо превышшало всѣхъ до него по списку балатированныхъ, а все оное собраніе объявили начальнику, яко они всѣ единогласно желаютъ быть предводителемъ ихъ ему, Томарѣ, и по такому общему желанію и выбору онъ бунчуковый товарышъ Томара отъ начальника и всего собранія поздравленъ; онъ же за такову ихъ всѣхъ къ нему особливую довѣренность благодарилъ.

Марта 20 дня происходилъ выборъ отъ жителей города Переяславля, въ присудствіи ихъ головы, депутата; и по большинству баловъ выбранъ депутатомъ атаманъ значковыхъ товарышей Сергій Сезоновичъ.

Марта 21 дня предводителю дворянскому отъ начальника вручено подписанное всѣмъ собравшимся шляхетствомъ полномочіе при всемъ собраніи въ той же полковой канцеляріи, такъ же и списки шляхетству и присланные отъ разныхъ чиновъ письменные объявленія, коими извѣряютъ избраніе предводителя и депутата на своихъ сотоварыщей.

Марта 24 дня собрались въ полковую канцелярію и за повѣсткою шествовали въ соборную церковъ катедры Переясловской, подъ предводительствомъ вышписанного своего предводителя, по два человѣка въ рядъ, по списку, какъ и засѣдали; дорога къ той церквѣ по обѣ стороны уставлена была сосонками. По литургіи въ той соборной катедральной церквѣ отправляемо было преосвященнымъ переясловскимъ Гервасіемъ зъ духовнымъ соборомъ молебное ко Спасу пѣніе и водоосьвященіе; по окропленіи водою читанъ манифестъ зъ приложеніями и приведены протопопомъ переясловскимъ Скрипчинскимъ къ присягѣ, и пошли изъ церквы тѣмъ же порядкомъ въ

полковую канцелярію, гдѣ на присяжномъ листу подписались и избрали депутата; и какъ объявлено начальнику отъ предводителя, что выбранъ тогожъ дни депутатомъ отъ всего собравшогось шляхетства хотя отсудствующій, но имѣющій въ полку Переясловскомъ во владѣніи своемъ деревнѣ, господинъ судія генеральный Андрей Безбородко.

Марта 26 дня собраны были прибывшіе отъ всѣхъ полку Переясловского сотень козаки выбранные повѣренными, коихъ было 31-нъ человѣкъ, и представили свои полномочія, и тогожъ дня въ церквѣ въ присудствіи начальника, по отслушаніи ими литургіи, молебного пѣнія и по окропленіи водою, читанъ манифестъ и приведены къ присягѣ, и изъ церкви въ полковую канцелярію приведены и посажены были порядкомъ тѣмъ, какъ въ спискѣ отмѣчены изъ прибытія ихъ въ городъ, и объявлено имъ отъ начальника, чтобъ они выбрали изъ между себя депутата; они согласились, чтобъ оной выборъ учиненъ изъ находящихся между ими надежнѣйшихъ грамотныхъ козаковъ, коихъ и именовали согласно семи человѣкъ. Почему на тѣхъ шарикахъ и выборъ происходилъ, чрезъ которыхъ по большинству шаровъ избранъ козакъ выборный того полку сотнѣ Ирклѣевской Дмитро Исаенко, которому какъ полномочіе отъ оныхъ повѣреннымъ подписанное, такъ и данные отъ сотень полномочія жъ и наказы ему зъ особливымъ реестромъ поручены.

Симъ образомъ окончавъ въ Переясловлѣ, отправился паки оттуда въ Козелець, куды прибылъ марта 30 дня, гдѣ собраны были такъ же отъ всѣхъ Кіевского полку сотень выбранные повѣренными козаки, коихъ въ наличности было до девятидесять человѣкъ, и представили свои сотенные полномочія.

Марта 31 дня, по отслушаніи имы литургіи, молебного пѣнія и по окропленіи водою, такожъ по прочтеніи манифеста зъ касающимся до нихъ обрядовъ, приведены къ присяги по узаконенной формѣ и отведены порядочно въ домъ Егожъ Сіятельства Графа Алексѣя Григоріевича Разумовского, гдѣ и прежнія собранія были, и къ выбору депутата изъ между себя приступили, требуя, чтобъ токмо грамотные, яко надежднѣйшые къ сему дѣлу, были балатиро-

ваны; по которому отъ всѣхъ ихъ выбору по большинству шариковъ избранъ всего кіевского полку отъ стороны козаковъ депутатомъ выборный того полку сотнѣ Носовской козакъ Павелъ Яковлевъ. Полномочіе въ силѣ формы отъ всѣхъ повѣренныхъ и бывшіе отъ сотень наказы оному депутату вручены.

Во всѣхъ предпомянутыхъ мѣстахъ, при молебныхъ пѣніяхъ, играла полковая музыка на трубахъ и литаврахъ.

Априля 27 дня получено въ Глуховѣ отъ почтеннаго господина предводителя шляхетства полку Переясловского Томари письменное увѣдомленіе, яко выбранный депутатомъ господинъ судія генеральный Безбородко, по причинѣ болѣзненныхъ его припадковъ и отправляемой въ полку Черниговскомъ предводительской экспедиціи, ордеромъ Его Сіятельства господина генералъ-аншефа, Малороссійскаго генерала-губернатора, Малороссійской коллегіи президента, Украинскаго и Малороссійскаго корпусовъ главного комендира и кавалера, графа Петра Александровича Румянцева уволенъ, и потому отъ оного шляхетства полку Переясловского избранъ депутатомъ полковникъ компанѣйскій Захарій Забѣла, къ которому де полномочіе, наказъ и челобитная отправлены, а копіи изъ того къ цѣлостному въ катедральной Переяславской церквѣ содержанія преосвященному епископу Переясловскому Гервасію сего априля 20 дня поручены.

Василій Туманскій.

1767.

X.

Выборы въ Лубенскомъ полку.

1) Рапортъ подполковника Огарева по поводу выбора головы.

Сіятельнѣйшему Графу.... (*и проч.*) Петру Александровичу Румянцову.

Староскольского пехотного полку отъ подполковника Огарева.

Покорнѣйшій рапортъ.

Ордеръ Вашего Высокографскаго Сіятельства, пущеной изъ Новъгорода сего Марта 7 числа, подъ № 5, о виборе городской

головы и депутата всѣмъ и всякого званія гражданамъ, виключая исъ того тѣ толко въ городе двори, въ которихъ живуть люде или крестьяне владельческія, я сегожъ марта 15-го полудни въ 5-мъ часу съ нарочно посланнымъ получилъ; на которой въ покорности моей доношу, што по прибытіи моемъ въ городъ Лубны отъ г. полковника Кулябки при промеморіи 9-го числа сего мѣсяца получилъ списокъ для выбору гражданами городской головы единственно объ однихъ только свободно посполитыхъ, о которыхъ по разсужденію съ нимъ г. полк. Кулябкою въ назначенное отъ В. В—гр. С—ства въ росписаніи числа въ выборъ вступили, которымъ до получения означеннаго ордера по разсужденію одними жителями города Лубенъ, то есть свободно посполитыми, войсковой товарищъ и войтъ Петръ Назарскій, которому тѣ свободно посполитые въ досмотръ отъ Малороссійской Коллегіи поручены, градскою головою сего марта 10-го числа выбранъ, а какъ отъ неистолкования всего того зделано великия упущенія, то во исполнение манифеста и обряда, тожъ и подтвердительнаго отъ В. В—гр. С—ства ордера со всемъ шляхетствомъ и гражданами въ другой выборъ той градской головы вступить имѣю и какое по оному зделается исполненіе, о томъ впредъ В. В—гр. С—ству покорно донести имею.

1767 г., Лубны. Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

---

2) Представленіе мѣщанъ г. Лубенъ подполк. Огареву по поводу выбора головы.

Высокородному и Высокопочтенному г. Подполковнику пехотного Старосколского Полку Николаю Гавриловичу Огареву

Покорнѣйшое доношеніе

Во исполненіе Височайшаго всемилостивѣйшаго Е. И. В. манифеста, под предводительствомъ Вашего Високородія и г. Полковника Лубенского Ивана Петровича Кулябки, въ силу высокого Его Сиятельства г. генералъ-аншефа... (*и проч.*) графа П. А. Румянцова повелѣнія, для порядку при виборѣ требуемого въ комисію о сочиненію проэкта новаго уложенія депутата, сего марта 10 числа

согласно вибрали мы нашего города головою войскового товариша Петра Назарского, которому поднесенное отъ насъ В. В—дію по приложенному при оном Височайшему манифестѣ обрядѣ образцу полномочіе при насъ вручено, и поздравленіе, какъ во оном же обрядѣ повелено, отъ В. В—дія и отъ всѣхъ насъ учинено, и уже отъ него, зъ согласіемъ В. В—дія, къ вибору депутата срокъ сего марта на 16 число назначенъ билъ. Но какъ въ назначенное число собрались ми для присяги и вибору депутата, то отъ него Назарского обявлено намъ, что В. В—діе намеренни в другой разъ чинить виборъ голови, и увѣдомились, что полученно съ полковой луб. канцеляріи, по промеморіи В. В—дія, извѣстіе съ требованіемъ обо всехъ и всякого званія гражданахъ, виключая тѣ толко двори въ городѣ, въ которихъ живутъ люде или крестьяне владѣлческіе, именного списка. А понеже доволно намъ извѣстно, что еще прежде вибору голови, то есть 9 числа сего марта, таковъ о всѣхъ и всякаго званія города Лубенъ гражданахъ, кроме подсусѣдковъ и служителей, г. полковнику Лубенскому Ивану Петровичу Кулябкѣ, въ силу указного велѣнія, отъ упоминаемого войскового товариша Назарского обстоятелній списокъ при репортѣ представливано а отъ ратуши Лубенской сегожъ марта 5-го числа чрезъ опредѣленнихъ къ сочиненію того списка бурмистра Ивана Панка и писара Павла Холодняка, многимъ разного званія гражданамъ, для чего тотъ списокъ сочиняется и какого числа имѣется бить городского голови виборъ, объявливано; Височайшій же манифестъ прежде того всѣмъ гражданамъ Лубенскимъ обнародованъ билъ, почему должни били всѣ протчіе граждане, такъ какъ и мы, къ выбору голови явится; то для одного сего, что по оному списку не дѣйствованно и что ни тѣ граждане, коимъ отъ Панченка и Холодняка о виборѣ голови обявливанно, ни другіе, хотя совершенно про тотъ виборъ зъ многихъ разныхъ обявленій ведать могли, къ вибору не явилися,—вибирать намъ другой разъ другого голову, чтобъ не учинить противности и и замедленія Высочайшому Е. И. В. указу и Его В—графского С—ва високому повелѣнію, не смѣемъ; ибо при виборѣ нашего города голови, какъ по Височайшему Е. И. В. манифесту, коимъ повелено

отсудственнимъ изъ города, также и женщинамъ, не имѣть въ семъ выборѣ участія ни самимъ, ни чрезъ письма, а кто въ томъ городѣ находится и самъ бить не можеть, тому дозволенно писменно дать свой голосъ, такъ и Е. В—гр. С—ва високому ордеру: чтобъ всѣ козачіе и шляхетскіе доми въ списокъ поставлено, и въ засѣданіи мѣста занимали по обряду,—съ нашой сторони все сохраненно, чего явнимъ есть доказательствомъ представливанніи В. В—дію отъ войскового товариша Назарского о всѣхъ домахъ жителей здешнихъ списковъ, и недозволеніе В. В—дія тѣмъ, кои на самое начало вибора голови поспѣть не могли, имѣть въ виборѣ участія, хотя чрезъ все время вибора присудствовали. Да кромѣ того бить другому вибору и по сему не доводится, что вибраній нами головою войсковій товаришъ Назарскій есть отъ шляхетства, присвоеній нашему собратству только урядомъ, в разсужденіи другихъ здешнихъ обивателей не послѣдного достоинства, отъ многихъ съ предковъ своихъ давнѣйшій и знатнѣйшій сего мѣста патріотъ, лучче многихъ вѣдаючій здешного города нужды и недостатки, подъ поводомъ котораго бить всѣмъ, повстидившимси съ нами чинить виборъ голови, при виборѣ городского депутата будетъ не постидно, и въ наказѣ депутата и составленіи челобитя о общихъ городовыхъ нуждахъ какъ шляхетству и козакамъ для ихъ съ нимъ сородства, такъ и намъ для порученного ему найпорядочнѣйшаго управленія надъ нами (которое онъ и отправляетъ), не зазорно; также, что ми уже о общихъ нуждахъ и недостаткахъ нашихъ для наказу депутата и составленія челобитя учинили приуготовленія, между которими нѣкоторіе простираются до началнѣишихъ сего города жителей, почему ежели кому изъ тѣхъ начальнѣйшихъ бить головою довелось би, то чтобъ онъ о учиненнихъ всѣмъ намъ чрезъ завладѣніе городовихъ земель и протчого, такожъ инимъ чрезъ лишеніе промисловъ и художествъ, а инимъ чрезъ насильства и порабощенія и другіе обиди, допустилъ въ наказъ и челобите внесть жалобу, особливо ведаючи маломочество и простоту нашу, отнюдъ не надежно; а ис того произойдетъ или отъ насъ (буди возможемъ) представленіе и чрезъ оное великому сему дѣлу замѣшателство и остановки, или принуж-

донни будетъ лишится милости нашей премилосердной Монархинѣ, изводящой насъ отъ бѣдъ, а остатся при нашихъ нуждахъ и подпасть горшому злу и разоренію. Для того В. В—дія покорнѣйше просимъ: выбраннаго нами въ силу Всемилостивѣйшаго Е. И. В. манифеста достойного по разуму, достоинству, смиренному, правдивому и милосердному нраву, вѣдущего всѣхъ какъ наши, такъ и другихъ здешнихъ обивателей нужди и недостатки, головою нашего города войскового товариша Петра Назарского, которому отъ В. В—дія съ нашего общаго согласія подписанное полномощіе въ силу Височайшаго указа уже порученно, бить головою нашего города не попрепятствовать, не отнимая отъ насъ пожалованной намъ отъ Е. И. В. къ представленію нашихъ нуждъ воли и не дѣлая намъ затрудненія и вожделѣнному дѣлу сему остановки; а депутата дозволить вибрать по обряду, при Височайшему манифестѣ сообщенному, подъ поводомъ вибранного уже голови, обще съ протчими всякого званія жителми Лубенскими, не принуждая жъ насъ и ихъ избирать того, о комъ сердца наши не благоволятъ. Буде же предъ В. В—діемъ сіе наше покорнѣйшое прошеніе не можетъ имѣть мѣста, то понеже ми несумѣнную имѣемъ надежду что правосудній малороссійскій главній нашъ начальникъ Его Сиятельство... графъ П. А. Румянцовъ не оставить насъ безъ милостивого на наши бѣди призрѣнія, къ которому немедля времени нижайшое наше отправимъ представленіе, до послѣдованія високой резолюціи съ другимъ вибором нашему городу голови поудержатся, и сіе наше прошеніе къ Его жъ Високогр. С—тву не удержуя при своемъ представленіи отправить.

Бурмистеръ Иванъ Панко, Бурмистеръ Дмитро Постолникъ, Мѣщанинъ Лубенский Евтухъ Гринко, Мещане: Максимъ Дацѣй, Микита Мисанъ, Григорій Брижаха, Степанъ Илченко, Иванъ Фесенко, Андрей Сущевскій, Василь Передеріенко, Карпъ Гончаръ, Савка Горкушенко, Петро Илченко, Хома Яковенко, Хома Яценко, Максимъ Хорошковатій, Карпъ Лѣнко, Иванъ Лисенко, Грицко Киряченко, Федоръ Ковнеръ, Грицко Зайченко, Ничипоръ Мисановъ зять, Зѣнецъ, Микола Енко, Савка Рябуха, Микита Горбъ, Харко

Ганнотенко, Василь Лазоренко, Грицко Пухирь, Дмитро Кириленко, Максимъ Холоднякъ, Кондратъ Гончаръ, Андрей Рудь, Хома Хведоренко, Грицко Рябуха; а во мѣсто ихъ неграмотныхъ, по ихъ прошенію, и за себе писаръ ратуши Лубенской Павло Холоднякъ подписался.

1767 году, марта 17.

---

3) Предложеніе подполк. Огарева о вторичновъ выборѣ головы.

Старосколского пехотного полку отъ подполковника Огарева г. войсковому товаришу и войту Лубенскому Назарскому

Предложеніе.

Сего марта 17 бурмистри ратуши Лубенской Иванъ Панко и Дмитро Постолникъ з свободно-посполитими поданнимъ мне доношеніемъ между протчимъ представили, что во исполненіе Высочайшаго Всемилостивѣйшаго Е. И. В. манифеста, подъ предводительствомъ моимъ и г. полковника луб. Кулябки, въ силу высокого Е. Высогр. С—ва... П. А. Румянцова повелѣнія, для порядку при вибору требуемого въ коммиссію о сочиненіи проекта нового уложенія депутата, сего марта 10 числа согласно вибрали оны города Лубенъ головою Васъ, при чемъ поднесеное отъ нихъ по приложенному при ономъ Высочайшому манифесту обрядѣ образцу полномочие при ихъ вручено, и поздравленія, какъ въ ономъ же образцѣ повеленно, отъ мене и отъ всѣхъ ихъ учиненно, и уже отъ васъ къ вибору депутата срокъ сего марта на 16 число назначенъ билъ; но какъ въ назначенное число собралися они для присяги и вибору депутата, то де отъ васъ обявленно имъ, что намѣренъ я въ другой разъ чинить виборъ голови, и увѣдомилися, что полученно отъ полковой Луб. канцеляріи по промеморіи моей извѣстие съ требованиемъ обо всѣхъ и всякого званія гражданахъ, выключая тѣ толко двори въ городѣ, въ которихъ живуть люде или крестяне владѣльческіе, именого списка; довольножъ де имъ известно, что еще прежде вибору голови, то есть 9 числа сего марта, таковъ о всѣхъ и всякого званія города

Лубенъ гражданахъ, кроме подсуседковъ и служителей, г. полковнику луб. Кулябцѣ обстоятельной списокъ при репортѣ представленно отъ ратуши лубенской сего марта 5 числа чрезъ опредѣленнихъ къ сочиненію того списка бурмистра Ивана Панка и писара Павла Холодняка многимъ разного звания гражданомъ, для чего тотъ списокъ сочиняется, и какого числа имееть бить гродского голови выборъ, обявленно, Высочайшій же де манифестъ прежде того всѣхъ гражданамъ лубенскимъ обнародованъ билъ; почему должни били всѣ протчіе граждане, такъ какъ оны, къ вибору голови явится, то для одного сего, что по оному списку не дѣйствованно, и что ни тѣ граждане, коимъ отъ Панченка и Холодняка о виборѣ головы обявливанно, ни другие, хотя совершенно про тотъ выборъ зъ многихъ разнихъ обявленій ведать могли, къ вибору не явилися, выбирать имъ другой разъ другого голову чтобъ не учинить притивности и замедлѣнія Высочайшому Е. И. В. указу и его В—графск. С—ва высокому повелѣнію, не смѣютъ. А какъ оной виборъ голови одними свободно посполитими г. Лубенъ учиненъ отъ единаго неистолкования Высочаишаго манифеста и обрядовъ, ибо въ ономъ обрядѣ по 5 пункту повелѣнно городамъ голову вибрать всякому хозяину, дѣйствително домъ или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промислъ въ городѣ имѣющимъ, а къ тому и ордеромъ отъ Е. В—гр. С—ва, мною сего марта 15 дня полученнимъ, подтвержденно оную гродскую голову и депутата вибрать всемъ и всякаго звания гражданамъ, виключая ис того тѣ толко въ городѣ двори, въ которихъ живуть люде или крестяне владелческие; для чего я, со всѣми благороднимъ шляхетствомъ и гражданами, приводя въ дѣйствительное Высочайшое Е. И. В. въ силѣ манифеста и обрядовъ повелѣние и Е. В—гр. С—ва ордеръ во исполнение, приступаю ьъ другой той городской голови выборъ, о чемъ отъ меня и къ Е. В—гр. С—ву сего Марта дня 16 репортомъ донесенно; для оногожъ городской голови вибору назначенъ отъ меня срокъ сего марта 21 числа въ 7-мъ часу по полуночи собратца въ томъ же доме, въ которомъ и прежде било; къ якому числу и ви со всѣми свободно посполитими явится должни. И хотя

я вишепрописаннимъ бурмистрамъ и свободно посполитимъ лубенскимъ при подачи отъ нихъ всіо то, что въ оныхъ Высочайшомъ манифестѣ и обрядахъ и Е. В—гр. С—ва ордерѣ предписанно, толковалъ, и они потому и обѣщались на више означенной срокъ для того городской голови вибору явится, но чтобъ они, в случай кривотолкованія имъ отъ ково нибудь того вибору, не могли задерживать въ томъ какого сумнѣния и темъ колми паче выбору той городской голови зделать остановки, для того я занужно нахожу, какъ въ полковую луб. канцелярию о учинении публикации о явки всемъ гражданамъ въ городѣ Лубнахъ живущимъ на тотъ срокъ для вибору городской голови сообщить промемориею, такъ и вамъ предложить симъ предложеніемъ, которымъ и предлагается, дабы ви, по получении сего, всѣмъ свободно посполитимъ города Лубенъ и тѣмъ, кои при первомъ городской голови въ виборе были, вышепрописанние Высочайшие манифестъ и обряды, тожъ и Е. В—гр. С—ва подтвердительный ордеръ, протолковали, такъ какъ вамъ отъ меня сего числа изьясненно, дабы оние свободно посполитие никакого сумнѣнія не имѣли; больше жъ того не имѣли бъ причини опасатца, што хотя бъ хто въ градцькую голову вибранъ не билъ, то ихъ общественние прозби и челобите непременно приното и представленно въ учрежденную въ Москвѣ Комисію Нового уложенія будетъ, толкобъ оная соответствовала общественной нужди и сходственна была противъ предписанного въ 26-мъ пунктѣ повелѣнія. Чтожъ оние бурмистри и посполитие въ томъ своемъ доношеніи упоминають сие, что опредѣленіе отъ ратуша лубенского бурмистръ Панко и писаръ Холоднякъ при сочинении списка многимъ разнаго звания гражданамъ, для чего тотъ списокъ сочиняется и какого числа имѣетъ бить градской голови выборъ, обявливали, то сіе не можетъ бить справедливо, потому что они никакого права и должности не имѣли другимъ, не ихъ команди гражданамъ, обявлять; да оним же, по неистолкованию, какъ више прописано, Высочайшихъ манифеста и обрядовъ, и предложения для того вибору отъ меня не било, и единственно положенно било отъ однихъ посполитихъ, какъ и више значитъ, тотъ виборъ зделаты, и онымъ всемъ живущимъ здесь,

какъ дворянамъ, такъ и козакамъ, которие заровно съ протчими гражданами числится должни, никакого известия дано не било, почему оны къ тому выбору и явится резону не имели.

Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

Марта 17, 1767 году.

---

4) Рапоръ луб. войта Петра Назарскаго по поводу означеннаго предложенія.

Высокородному и высокопочтенному г. подполковнику Николаю Гавриловичу Огареву

Репортъ

По письменному предложенію и словеснимъ приказамъ В. В—дія, чтобъ мѣщанамъ Лубенскимъ Височайшій Е. И. В. о виборѣ депутата въ коммисію проэкта новаго уложенія манѣфестъ такъ, какъ отъ В. В—дія 18 числа сего мѣсяца изяснено, истолковать, и чтобъ оніе никакого сомнѣнія не имѣли опасатся, что хотябъ хто въ городскую голову вибранъ ни билъ, то ихъ общественная полза и челобите непремѣнно принято будетъ,—я многимъ вообще и немалому числу всякому порознь силу манѣфеста, такъ такъ и прежде вибору первой разъ голови, доволно обяснялъ и толковалъ и сколко моглъ о виборѣ городского голови другой разъ совѣтовалъ; почему хотя многіе какъ для другихъ причинъ, въ поданномъ отъ нихъ В. В—дію доношеніи изображеннихъ, такъ найпаче для сего, что прежде вибору первой разъ голови тотъ же толкъ и изясненіе манѣфеста, что должно било всякого чина городскимъ обивателямъ бить при виборѣ, почему и списокъ о всѣхъ жителяхъ г. полковнику лубенскому Ивану Петровичу Кулябкѣ представливанъ билъ, отъ мене слишали, и въ силу обряда жъ виборъ голови учинили, и что на поданное отъ нихъ В. В—дію доношеніе резолюціи себѣ въ ползу не получили, но иніе словами жестоко истязани, а всѣ, ежели не будутъ на виборъ другой разъ голови, под устрашеніемъ публичного бою заключени, такожъ что оное ихъ доношеніе къ Е. В—гр. С—ву П. А.

Румянцову не отослано, почему сумнительно имъ било, даби другой виборъ голови не билъ нарушеніемъ Высочайшаго Е. И. В. манѣфеста, — тотъ мой толкъ и совѣтъ почитали за утѣсненіе и примѣтки; однакъ какъ на докладъ мой отъ В. В—дія приказано увѣдомится, являтся ль они къ вибору другой разъ голови, или не являтся, и сего числа отъ мене бурмистру Дмитру Постольнику писменно предложено, чтобъ онъ отъ всякаго съ нихъ порознь освѣдомился, являтся ль онѣ къ вибору другой разъ голови или неявлятся и для чего. То сего числа обявленній бурмистръ Постольникъ репортомъ представилъ, яко оніе мѣщане всѣ, которихъ въ домахъ засталъ, обявили, что дабы не подпасть имъ наказанію (какъ отъ В. В—дія предявлено) имѣютъ другой разъ къ вибору городского голови явится, о чемъ В. В—дію репортую.

Войсковій Товаришъ *Петръ Назарскій.*

1767 году, марта 20.

---

5) Рапортъ Огарева о шляхетскихъ выборахъ.

Сіятелнѣйшему Графу... (*и проч.*) П. А. Румянцову.

Старосколского пехотного полку подполковника Огарева

Покорнѣйшій репортъ

По данному отъ В. В—граф. С—ва повелѣнію, въ силѣ Е. И. В. манифеста и приложенихъ при ономъ обрядовъ, отъ дворянства, въ Лубенскомъ полку жителствующаго, въ коммисію о сочиненіи проекта нового уложенія избраны отъ того шляхетства предводителемъ бунчуковый товаришъ Яковъ Кулябка, въ депутати жъ отъ того шляхетства брегадиръ и Гадяцкого Малороссійского полку г. полковникъ Крижановскый. А какъ оной предводитель сего марта 24 числа мнѣ далъ знать, что все то, што по изображенному въ обряде образцу, полномочие и о общихъ нуждахъ наказъ и челобитье всеми бившими при техъ выборахъ шляхетствомъ подписано и

все къ тому подлежащее окончено и къ нему г. бригадиру отослано бить имѣеть, о чемъ Вашему Высокографскому С—ву симъ покорнѣйше доношу.

Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

Марта 27, 1767 г.
г. Лубны.

---

6) Рапортъ Огарева о выборѣ козачьяго депутата.

Сіятелнѣйшему Графу... П. А. Румянцову

Покорнѣшшій репортъ.

Во исполненіе Высочайшого Е. И. В. манифеста, и Вашего В—гр. С—ва повелѣния, собравшиеся въ городъ Лубнѣ со всѣхъ полку Лубенского сотень козачие повѣренние, по учиненной имы присягѣ, выбрали зъ между себе въ коммисию о сочинении проекта нового уложенія депутатомъ козака полку Лубенского, сотнѣ Лукомской, села Мойсѣевки, Павла Мищенка; о чемъ В. В—гр. С—ву въ покорности моей доношу; и при томъ за нужное нахожу доложить, что въ приложеннихъ при ономъ Высочайшемъ манифестѣ обрядахъ повелено: когда выборъ депутатовъ окончится, то о томъ начальнику въ Сенатъ репортовать; я же на то особого повелѣнія отъ В. В—гр. С—ва не имѣю; а чтобъ не зделать мне какова либо упущенія, то для того за необходимое почитаю В. В—гр. С—ву представить: слѣдуетъ ли мнѣ, кромѣ персоны В. В—гр. С—ва, о таковомъ выборѣ депутатовъ въ Сенатъ репортовать, или какъ повелѣть соизволите. Да и показанного выбранного козачего депутата къ якому числу въ Глуховъ, или куда въ другое место, изволите приказать отправить,—о томъ имѣю ожидать отъ В. В—гр. С—ва повелѣнія.

Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

1767 года, марта 31.

---

7) Рапортъ Огарева о выборѣ градского головы и депутата.

Сіятельнѣйшему Графу... П. А. Румянцову

Покорнѣйшій репортъ

Предъ симъ на полученній мною отъ В. В—гр. С—ва о виборѣ всеми города Лубенъ жителями, кроме людей и крестянъ владѣльческихъ, гродского голови и депутата ордеръ, репортомъ моимъ, В. С—ву изшедшаго марта отъ 16-го пущеннимъ, донесено, что хотя до полученія оного В. В—гр. С—ва ордера отъ самихъ города Лубенъ свободнихъ посполитихъ вибранъ городскимъ головою войсковій товаришъ и войтъ Петръ Назарскій, однакъ, во исполненіе оного В. В—гр. С—ва повелѣнія, со всемъ шляхетствомъ и гражданами въ другой виборъ той городской голови вступить имѣю. А нинѣ В. В—гр. С—ву въ покорности моей доношу, что тогожъ марта 21 дня, за собраніемъ всего шляхетства и гражданъ, въ тотъ виборъ вступилъ и по тому онимъ шляхетствомъ и гражданами вибранъ гродскимъ головою отставной сотенной атаманъ Павелъ Самойловскій, а депутатомъ значковій товаришъ Григорий Иваненко; толко оному депутату отъ гражданъ о ихъ нуждахъ подлежащого челобитя и наказа еще не вручено; а когда вручено и мне о томъ знать дано будетъ, то о томъ впредъ В. В—гр. С—ву въ покорности моей донесть имѣю.

Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

1767 году, апр. 7.

---

8) Отказъ гад. полковника Антона Крыжановскаго отъ званія дворянскаго депутата.

Сіятелнѣишому Графу... П. А. Румянцову

Репортъ.

По силѣ публикованного Е. И. В. манифеста и приложенныхъ при томъ обрядовъ, выбранъ я отъ шляхетства, въ полку Лубенскомъ вотчины и помѣстья имѣющихъ, депутатомъ въ комисію о

сочиненіи проекта новаго уложенія и на то сего априля въ 9 день получилъ полномочіе и наказъ. А какъ я нахожусь въ болѣзни, которая разновидными приключеніями въ крайнюю привела меня слабость; сверхъ того данные мнѣ отъ шляхетства Лубенского полку наказъ и приложенныя прошенія съ тѣмъ, что по Высочайшему манифесту требуется, совсѣмъ не согласны, и хотя бы болѣзнь моя не препятствовала, однако въ комисію явится мнѣ было бы нѣ съ чемъ, о чемъ я и къ г. предводителю, бунчуковому товарищу Якову Кулябкѣ, тогожъ 9 числа отписалъ; а какова тотъ наказъ и прозьбы содержанія, Ваше Сіятелство увидѣть изволите изъ особого отъ шляхетства Лубенского полку поднесенного репорта. По тѣмъ причинамъ Ваше Сіятелство покорно прошу отъ сей наложенной на меня комисіи милостиво свободить, а для излеченія болѣзни нижайше прошу въ сихъ способнихъ мѣсяцахъ маи и іюнѣ и отъ дѣлъ уволить.

Бригадиръ, Гадяцкій полковникъ *Антонъ Кржановскій.*

1767 году, апр. 18.

По сему резолюція учинена: „уволнить по прошенію“.

---

9) Рапортъ луб. войта Петра Назарскаго по поводу выборовъ гор. головы и депутата.

Высокородному и высокопочтенному г. подполковнику Н. Г. Огареву

Репортъ.

Во исполненіе предложенія В. В—дія, коимъ изволите предлагать, что Его Высокографское Сіятельство.. графъ П. А. Румянцовъ В. В—дію изволилъ высокопредложить, что увѣдомился, что при выборе городского головы и депутата почти всѣ старшины и другіе чиновники, находясь точно въ домахъ своихъ и въ самомъ городѣ, сами не били, а прислали толко свои голоса; при сочиненіи же депутату наказа, мѣщане многіе вовся и допущены не были, а делали оній сами старшина; кто жъ именно изъ старшинъ и чиновниковъ или зъ мещанъ, въ Лубняхъ живущихъ и на лицо находящихся, подъ наказомъ

депутату не подписалися,—прислать репортъ, и чтобъ я о томъ вишеписанномъ какъ найскорие прислалъ къ В. В—дію репортъ и въ ономъ точно показалъ, били ль хто опредѣленни для сочиненія того даваемого наказа отъ мещанъ или нетъ, и буди не были, то для чего именно, и всѣ ли мещане, дѣйствительно на лицо состоящіе, при тѣхъ виборахъ били, а буди не были, то для чего; тожъ и подъ наказомъ всѣ ль оніе подписались?—Чрезъ сіе репортую, что для сочиненія наказа, какъ В. В—дію доволно извѣстно, отъ мещанъ нетолко многіе, но и никто допущенъ не былъ, а опредѣленно чиновниковъ, а именно: значкового товариша Ивана Запорожского, коморнѣка повѣту Роменского Константія Шулячевского, атамана второ-лубенского Григорія Онищенка, хорунжаго полковой луб. артилеріи Игната Щочку и писара протопопіи луб. Василя Котляревского—не для чего другого, какъ что оніе мѣщане о промислахъ и рукодѣліяхъ, козаками и чиновниками отправляемихъ, не отбувая гражданской повинности, такожъ о завладѣніи гражданской землѣ, о порабощеніи ихъ и о протчемъ, чиновникамъ и козакамъ неполезномъ, представленіе въ челобитну внесть намѣревали; а въ пятой день по виборѣ депутата, когда уже нетокмо наказъ кончился, но и челобитна составленна била, хотя одного, а именно Дмитра Постолника, по усилію моему, означенно, но ничего отъ него о общественныхъ нуждахъ въ наказъ представляемого не принято и къ составленію челобитной не допущенно; а что после того въ челобитну о градской землѣ жалоба внесена, то тое учиненно на требованіе нѣкоторихъ значковихъ товарищей и знатнѣйшихъ козаковъ Лубенскихъ. Мѣщане, дѣйствительно на лице состоящіе, при виборѣ голови не всѣ били и учинили то иніе для своихъ нуждъ, а иніежъ—что первій виборъ голови почитали, для сохраненихъ при немъ отъ ратуши лубенской всѣхъ указнихъ и обряда повеленіяхъ, за совершенное исполненіе указу и не смѣли безъ изволенія Е. В—гр. С—ства графа П. А. Румянцова, о чемъ доношеніе В. В—дію отъ нихъ поданно, въ другой виборъ вступать, почитая послѣдовавшое при подачи отъ нихъ того доношенія устрашеніе, и по присланному ко мнѣ отъ В. В—дія предложенію, какъ я и репортомъ тогда

представлялъ, мой уговоръ, за притѣсненіе. А при виборѣ депутата кто изъ тѣхъ мещанъ билъ—мнѣ не извѣстно, якожъ я и самъ бить не могъ за чинимими мнѣ разноличними наругательствами и притѣсненіями, почему и подъ наказомъ всѣ ли о иніе мещане подписался, и буди не подписалися, то кто именно,—не вѣдаю.

Войсковій товаришъ *Петръ Назарскій.*

1767 года, апрѣля 29.

---

10) Требованіе войта П. Назарскаго о сообщеніи Огаревымъ ордера графа Румянцева, коимъ разрѣшено луб. мѣщанамъ составить челобитную о своихъ нуждахъ.

Высокородному... (*и проч*) подполковнику Н. Г. Огареву

Доношеніе.

Извѣстно мнѣ, что высокимъ Его Сіятелства... графа П. А. Румянцова ордеромъ В. В—дію повелено мещанамъ Лубенскимъ дозволить о своихъ нуждахъ и отягощеніяхъ въ челобитя что хотя писать и прямо къ Е. В—гр. С—ству отправить, но того въ присланномъ ко мнѣ отъ В. В—дія ордерѣ не прописано; а нинѣ оніе мещане, будучи отъ мене о томъ Его Сіятелства къ нимъ благоволеніи увѣрени, челобитную уже написали; но многіи съ нихъ желаютъ, для болшого прославленія благодарности Его Сіятелству, видѣть и при урядѣ своемъ имѣть заключаючоесь о нихъ въ томъ ордерѣ Его Сіятелства милосердное попеченіе, и просили, чтобъ я о томъ просилъ В. В—дія. Для того покорнѣйше прошу съ оного Е. В—гр. С—ства високого ордера копію либо обстоятелную въ своемъ предложеніи прописку прислать.

Войсковій товаришъ *Петръ Назарскій.*

1767 года, апрѣля 30.

---

11) Рапортъ войта П. Назарскаго о томъ, почему нѣкоторые мѣщане не подписали наказа.

Высокородному (*и проч.*) подполковнику Н. Г. Огареву.

Репортъ.

Въ силу предложенія В. В — дія, сего числа полученного, осталось мнѣ В. В—дію отрепортовать, для чего нѣкоторіе мѣщане Лубенскіе на наказѣ депутату не подписались; и хотя о всѣхъ неподписавшихся, кто они именно, вѣдать не могу, для обявленного въ отправленномъ отъ мене сего числа къ В. В—дію репортѣ резону, но понеже отъ нѣкоторихъ изъ тѣхъ неподписавшихся слихалъ я причину неподписанія такову, которая въ сумнителство мене приводить, что ежели В. В—дію представлю, то не учинилось бы того, что при подачи отъ нихъ В. В—дію доношенія о невыборѣ другой разъ голови. Для того о томъ имѣю нижайше доложить Е. В—граф. С—ству... П. А. Румянцову и по высокой резолюціи учинить на предложеніе В. В—дія исполненіе, о чемъ покорнѣйше репортую.

Войсковій товаришъ *Петръ Назарскій.*

1767 году, апріля 30.

---

12) Адресъ лубенскихъ мѣщанъ графу Румянцеву съ просьбой о ходатайствѣ.

Сіятелнѣйшому Графу (*и проч.*) П. А. Румянцову.

Нижайшое доношеніе.

Всевисочайшое изволеніе Е. И. В. нашей всемилостивѣйшой Государыни Императрицы и Самодержицы Всероссійской о содержаніи Вашему Високографскому Сіятелству власти и правителства нашего отечества чествуемъ мы за особливій промислъ всещедрого и всевѣдущого Бога ко избавленію насъ отъ порабощенія нестерпимихъ и неудобъ-сказаннихъ обидъ и утѣсненій, которіе мы со всекрайнѣйшимъ розореніемъ до опредѣленія отъ Вашего Високографского

Сіятелства къ управленію намъ войтомъ войскового товарища Петра Назарского претерпѣвали. Нинѣ сколь начинаемъ ползоватся високою В. В—гр. С—ства милостію, столь благонадежны пребиваемъ, что всѣ наши нужди и недостатки, о коихъ всеподданнѣйшое челобитіе Е. И. В—ву подносимъ, силою и предстательствомъ В. В—гр. С—ства, въ скорости скончаются, оное челобите, по милостивому В. В—гр. С—ства благоизволенію, къ В. В—гр. С—ству приносимъ и нижайше просимъ быть за насъ ходатаемъ, а мы о благоденствіи и здравіи Вашего Сіятелства въ молитвахъ предъ Богомъ, въ прославленіи же имени и добротъ предъ людми тщателни пребудемъ.

Бурмистръ Иванъ Панко, Бурмистръ Дмитро Постолникъ. Мещани: Кирило Рудъ, Евтихій Гриневичъ... (*слѣд. еще 35 подписей*).

---

13) Рапортъ Огарева объ изготовленіи отдѣльныхъ прошеній отъ каждой сотни.

Сиятелнѣйшему Графу (*и проч.*) П. А. Румянцеву

Покорнѣйшій репортъ.

Я, приведя во исполненіе полученній мною сего мая 8 дня отъ В. В—гр. С—ства циркулярній ордеръ, которимъ изволили предлагать врученніе козачему депутату отъ сотенніхъ повереннихъ накази отставить, а токмо съ прошеніями, какови отъ сотень дани повѣреннимъ, того депутата отправить, а при томъ ведая, что оному депутату отъ сотеннихъ повѣреннихъ болѣе никакихъ прошеній не вручено, кроме едного общего прошенія и наказа, почему посиланною отъ мене въ полковую Луб. канцелярію промемориею, съ сообщеніемъ копии оного циркулярного ордера В. В—гр. С—ства, требовано, чтобъ отъ оной полковой канцеляріи во всѣ полку Лубенского сотенніе правлевія чрезъ нарочнихъ предложенно, даби отъ онихъ правленій велено съ каждой сотнѣ порознь написать, въ силѣ третого обряда, челобитные или прошенія и оние прислано бъ при репортахъ въ полковую канцелярію съ однимъ каждой сотни повѣреннимъ сего мая на 13 число, и съ полковой канцеляріи тѣхъ

повѣреннихъ изъ данними отъ ихъ сотень прошеніями прислано бъ ко мнѣ безъ замедленія въ разсужденіи томъ, что хотя оной козачей депутатъ зъ даннимъ отъ мене къ В. В—гр. С—ству репортомъ отъ 18 априля отправленъ, но я надѣялся, что оной депутатъ обратно ко мне отъ В. В—гр. С—ства присланъ будетъ, для полученія тѣхъ прошеній, или испроситъ у В. В—гр. С—ства, чтобъ тѣ прошенія къ нему переслани били. А нинѣ зъ оной полковой Луб. канцелярии при промеморияхъ прислани ко мнѣ репорти, полученние въ оной полковой канцелярии зъ сотенних правленій, именно: зъ перво-Лубенского, Яблуновского, Курѣнского и Снѣтинского, да поданное въ онуюжъ полковую канцелярію отъ погостних повѣренних сотни перво-Лохвицкой доношение, въ которихъ репортахъ и доношеніи представлено, что тѣхъ сотень погостние повѣренніе обявили, яко они другихъ прошеній писать не могуть, а утверждаются во всемъ на общомъ прошеніи и наказѣ, которие вручени депутату. Зъ сотень же Городиской, перво-Сенчанской, второ-Сенчанской и Янишполской прислани въ оную полковую канцелярію а съ той канцелярии ко мнѣ вновь написанние прошенія, которие согласни во всемъ тому прошенію, которое отъ общества оному депутату вручено; о чемъ всемъ Вашему С—ству въ покорности моей доношу, и что повелѣть соизволите, имею ожидать резолюціи. Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

1767 году, мая 19.

---

14) Донесеніе о выборѣ шляхт. депутатомъ Гр. Полѣтики на мѣсто отказавшагося Крыжановскаго.

Сіятелнѣишому Графу... П. А. Румянцову

Репортъ

Ордеромъ Вашего Сіятелства, мною прошедшаго 22 априля полученнимъ, велено мнѣ на мѣсто г. брегадира и полковника Гадяцкого Крижановского, по означеннимъ въ ономъ причинамъ отъ депутатства уволенного, созвавъ всѣхъ полку Лубенского шляхетство, другого выбрать депутата. Въ слѣдствіе котораго подлежащій вы-

боръ повелѣнного депутата сего 8 мая такъ приезжимъ, яко наличнимъ шляхетствомъ полку Лубенского, по означенному въ Высочайшомъ Е. И. В. манифестѣ обряду, дѣйствително состоялся и депутатомъ выбранъ при нинѣшномъ балтированіи надворній совѣтникъ и морского шляхетного кадецкого корпуса надъ ученіями главній инспекторъ г-нъ Полѣтика. А яко нинѣ вновь выбранной депутатъ въ отсутствіи въ Санктъ-Петербургѣ при своей должности находится, Высочайшимъ же Е. И. В—ва манифестомъ въ обрадѣ выбора изъ дворянъ депутата къ сочиненію проекта новаго уложенія по 25 пункту повелено: къ заочно выбранному депутату дворянскому, предводителю полномочіе и наказъ отсилать,—для того все приезжое и наличное полку Лубенского шляхетство сами собою охотно согласились къ тому выбранному отъ себе депутату, для учиненія ему скорѣйшей явки въ комисіи, учрежденной къ сочиненію плана новаго уложенія, послать на собственному своему коштѣ нарочного, возного перволубенской сотнѣ Лва Кучара, чрезъ которого отправить долженствую къ нему полномочие и тѣ точно челобитніе и наказъ, кои прежде сего выбранному отъ общества депутату были посланы, по причинѣ сей, что какъ наличніе, такъ и отсудствующие шляхетство чрезъ присланіе голоса показаннихъ челобитнихъ быть безъ премѣны положили. Я Вашему Сіятелству о семъ въ покорности моей репортую и именемъ всего полку Лубенского шляхетства нижаише прошу повелѣть дать подорожнюю на проездъ въ С.-Петербургъ отправляемому отъсель нарочному на двѣ почтовие лошадѣ въ оба пути, и ту подорожнюю приказать ко мнѣ прислать, для отправленія оного нарочного. Предводитель, бунчуковій товаришъ *Яковъ Кулябка.*

1767 года, мая 15.

1767.

XI.

Выборы въ Гадяцкомъ, Миргородскомъ и Полтавскомъ полкахъ.

1) Рапортъ Румянцеву генеральнаго обознаго С. Кочубея о невозможности произвести выборы въ Гадячѣ и Сорочинцахъ.

Сіятельнѣшому Графу... П. А. Румянцову

Рапортъ.

За прибытіемъ моимъ въ назначенные отъ Вашего Сіятельства мѣста для приведенія въ исполненіе Всевысочайшаго Е. И. В. имяннаго указа и публикованного манѣфеста о выборѣ депутатовъ въ учреждаемую въ Москвѣ Коммисію для сочиненія проэкта новаго уложенія, первоначально какъ отъ Вашего Сіятельства сложенъ срокъ марта 4-е число для городскихъ жителей въ Гадячѣ, а посля росписанны другимъ сроки, потребовалъ я отъ г. брегадира и полковника Гадяцкого Крыжановского вѣдомости о жителяхъ города Гадяча такихъ, которымъ по силѣ оного Высочайшаго Е. И. В. манѣфеста и приложенныхъ при томъ положенія и обрядовъ должно выбирать депутата въ показанную учреждаемую въ Москвѣ коммисію; на что онъ г. брегадиръ и полковникъ подалъ мнѣ рапортъ: яко по опубликованіи въ г. Гадячѣ объ ономъ выборѣ депутата упомянутого манѣфеста, на сложенной отъ Вашего Сіятельства срокъ жительствующіе въ томъ городѣ разные чиновники, являясь, объявили, что въ публикованномъ при манѣфестѣ обрядѣ выбора жителямъ городскимъ депутатовъ, подъ литерою Г. по 10-му пункту, надлежитъ магистратамъ и ратушамъ или полиціямъ написать у городѣ имѣючимся домамъ списки; въ Гадяче же де ни ратуши, ни магистрата, ни къ таковымъ правленіямъ принадлежащихъ зъ жителей никакого мѣщанства ни купечества не имѣетца, а живутъ въ томъ городѣ посполитые, поданные замку Гадяцкого, владѣнія Его Сіятельства графа Кирила Григоріевича Разумовского, да разные, яко то: судовъ земскихъ и

подкоморскихъ чиновники, полковые старшины, сотники и другого войскового званія люде и козаки, съ которыхъ чиновники, то есть: шляхетство и рыцарство, вотчины и помѣстя меючіе, гражданство и земство, для выбору отъ нихъ депутата чрезъ разосланные отъ Вашего Сіятельства циркулярные листы, созывается на 15-е сего марта въ городъ Полтаву, и козакамъ 27 чиселъ сегожъ марта для собранія срокъ назначенъ, почему де отъ каждово и надлежащое виполненіе произойти можетъ; а выборъ отъ городскихъ жителей подъ магистратомъ и ратушами въ вѣдомствѣ быть долженъ, каковыхъ въ Гадячѣ нѣтъ, до ихъ де чиновниковъ и козаковъ, яко онѣ особо къ такому выбору отъ нихъ депутатовъ на назначенные сроки созываютца, не принадлежитъ; подданные жъ, яко то крестяне и слуги, въ городѣ домы имѣющіе, отъ сего выбора депутатовъ ордеромъ де Вашего Сіятельства, съ присылкою, гдѣ кому собраніе и на какіе сроки имѣть, расписанія, исключаютца, и за темъ де въ тамошнемъ городѣ для выбору отъ городскихъ жителей депутата никово не имѣетца. Въ равной силѣ и старшины полковые миргородскіе рапортуютъ: что въ городѣ Сорочинцахъ, кроме владелческихъ подданныхъ г. генералъ-маіора Гудовича, жительствуютъ токмо чиновники и козаки, которые на опредѣленные имъ сроки къ выборамъ депутатовъ имѣютъ быть собраны, другихъ же городскихъ жителей, которымъ бы виборъ дѣлать депутата отъ гражданства,—въ томъ городѣ Сорочинцахъ не имѣетца. И понеже расписанные къ выбору депутатовъ отъ гражданъ Гадяцкихъ и Сорочинскихъ сроки прошли уже, а сближилися положенные отъ Вашего Сіятельства сроки къ выбору депутатовъ для обивателей Полтавскихъ, гдѣ дѣйствительное гражданское магистратское правленіе имѣетца, и для шляхетства повѣтовъ Полтавского, Миргородского, Остаповского и Гадяцкого, такожъ для козаковъ полковъ: Полтавского, Гадяцкого и Миргородского, для того первоначально имѣю я привесть въ исполненіе все предписанное по изображенному Высочайшому указу въ выборѣ депутатовъ отъ гражданъ Полтавскихъ, такожъ отъ шляхетства и козаковъ предписанныхъ повѣтовъ и полковъ; выборъ же отъ гражданъ Гадяцкихъ и Сорочинскихъ депутатовъ можетъ послѣдовать,

за полученіемъ отъ Вашего Сіятельства резолюціи, посля предписанныхъ выборовъ. И какъ Вашего Сіятельства въ разсужденіи прописанныхъ представленій повелѣнно будетъ поступить въ выборѣ депутатовъ отъ обывателей Гадяцкихъ и Сорочинскихъ,—покорно прошу резолюціи.

Генеральній Обозній *Семенъ Кочубей.*

Марта 8 дня, 1767 году.

---

2) Жалоба козаковъ сотенъ Кременчугской и Власовской объ устраненіи ихъ отъ выборовъ.

Сіятельнѣйшому Графу... П. А. Румянцову

Нижайшое доношеніе.

Состоявшимся и во всей Россіи обнародованнымъ Всевысочайшимъ Е. И. В. указомъ, велѣно собрать въ будучую въ Москвѣ для сочиненія проекта нового уложенія предводителей и депутатовъ и о представленіи туда жъ всякова права людямъ своихъ нуждъ Всемилостивѣйше позволено; а чтобъ въ томъ никому никѣмъ и никакихъ примѣтокъ не чинено—накрѣпко запрещено; что сверхъ такова (какъ выше значитъ) обнародованія, и Ваше Высокографское Сіятельство, чрезъ присланіе въ полковую Миргородскую канцелярію предложенія, соизволили требовать съѣзду нашего въ Полтаву и о выборѣ нами нижайшими, въ числѣ съ полчанами Миргородскими, предводителя и депутата. Но командующій Кременчукомъ, ротмистръ Гавриловъ, и Власовкою—поручикъ Бабичъ, здѣлавъ промежъ собою, въ крайнюю намъ нижайшимъ обиду, проектъ, неусыпно старались, дабы, по требованію Вашего Высокографского Сіятельства и по единогласному общему нашему желанію, насъ нижайшихъ въ Полтаву съѣхатся не допустить,—созвали насъ нижайшихъ въ мѣстечко Кременчукъ и тамо вовся не дозволяли намъ составлять о своихъ нуждахъ къ Е. И. В. вышеписаннымъ указомъ прямо дозволенного прошенія и удержали насъ чрезъ двѣ неделѣ и не точію не по волѣ и желанію общему нашему, но и не допустя насъ нижайшихъ учинить указно для всѣхъ

дозволенной депутата выборъ, сами собою зъ другими еще имъ согласниками собрали депутатомъ маіора Козелского, а предводителемъ Гаврилова, и по едному своему хотѣнію написали къ Высочайшей подачи прошеніе; а насъ нижайшихъ, нибы и ненадобныхъ къ тому людей, прочъ съ Кременчука согнали и, не стыдясь, общему нашему собранію сказывали насмѣшно: что уже мы нижайшіе къ съѣзду полтавскому удобное время пропустили и за тѣмъ уже по своимъ желаніямъ вовся усыпѣть не можемъ. Но мы нижайшіе, яко многіе нужды представлять къ Е. И. В. имѣющіе, стараясь не упустить сего для точного нашего удовольства самого способнѣишого случая, пріѣздили въ назначенной было для нашего съѣзду Вашимъ В—гр. Сіятельствомъ городъ Полтаву; но за ту насъ нижайшихъ ротмистромъ Гавриловимъ и порутчикомъ Бабичемъ удержку, тамо бывшихъ чиновниковъ и другого шляхетства застать не могли, а являлись—и то уже полку Миргородского въ мѣстечку Останьи—въ Его Пр—ства г. генералъ-маіора и кавалера Семена Василіевича Кочубея и просили, чтобъ позволено было и намъ нижайшимъ, о своихъ нуждахъ составивши челобитную, поручить депутату отъ полку Миргородского выбранному, яко тѣ Кременчукъ и Власовка оба мѣстечки съ ихъ округами издревле въ границахъ полку Миргородского состоять, да и мы нижайшіе по своему въ тѣхъ мѣстечкахъ жительству въ полковой тамошней канцеляріи судомъ и росправою и козачою Е. И. В. службою вѣдомы находились; точію онъ г. генералъ Кочубей безъ точного Вашего Высокографского Сіятельства повелѣнія, а паче причиною нашей въ Полтаву въ надобное время по обстоятельству вышеписанному неявки,—въ той нашей прозбѣ насъ нижайшихъ удовольствовать отказался. Вашежъ Высокографское Сіятельство, поелику имѣете отъ Е. И. В. надъ нами нижайшими, равно якъ и надъ всѣмъ народомъ Малороссійскимъ, особенную власть, и есть къ достиженію намъ нижайшимъ чрезъ тотъ Всевисочайшій указъ объявленной Высокомонаршей Е. И. В. милости истинной вождь,—для того Вашего Высокогр. Сіятельства нижайше просимъ: пріемля во уваженіе вышеписанное слѣдовавшое намъ отъ нашихъ командировъ препятствіе, за неявку нашу на требованной Вашимъ

Сіятельствомъ въ Полтаву срокъ, не лишить насъ нижайшихъ сего къ полученію въ своихъ нуждахъ отъ Е. И. В. желаемого удовольства самоудобнѣйшего времени, а дозволить намъ вобще на составленной и подписанной полчанами Миргородскими и Полтавскими къ Е. И. В. челобитной подписатся, яко въ оной и о нашихъ нуждахъ не упущено. А буди зачемъ того учинить неудобно, то велѣть съѣхаться въ полковую Миргородскую канцелярію, либо другое по узнанію Вашего Сіятельства таковое жъ для насъ способное мѣсто, и тамо по вышеписанному Всевисочайшему позволенію выбрать депутата, такожъ и составить о своихъ общихъ нуждахъ къ Е. И. В. челобитную, и того, кто отъ насъ будетъ депутатъ, причислить къ депутатамъ полку Миргородского. А чтобъ во всемъ томъ тѣжъ наши командиры и никто другой еще и во-вторые надъ тотъ Всевисочайшій намъ нижайшимъ дозволительной указъ не препятствовалъ, въ новоросійскую губернскую канцелярію особо приложить.

Къ сему доношенію подписались нижеписанныхъ сотень козаки: Кременчуцкіе (*слѣдуютъ подписи 123 чел.*), Власовскіе (119 чел.), свободные посполитые: Кременчуцкіе (15 чел.) и Власовскіе (11 ч.). А вмѣсто ихъ неграмотныхъ жителствующій тамъ же значковій товаришъ Иванъ Волошинъ по ихъ прошенію руку приложилъ.

1767 году, марта „ дня.

---

3) Рапортъ С. Кочубея Румянцеву о городскихъ и козачьихъ выборахъ.

Сіятельнѣйшему Графу... П. А. Румянцеву.

Рапортъ.

Вашего Сіятельства ордеръ, въ резолюціи на представленіе мое состоявшійся, я получилъ; и хотя онымъ предложено, чтобъ когда, по расписанію Вашего Сіятельства, выбору головы и депутата отъ городовъ Гадяча и Сорочинецъ отъ мене здѣлано, то бы я тѣ мѣста оставивъ, доканчивалъ въ другихъ мнѣ порученное. Однакъ в разсужденіи сего, что отъ Вашего Сіятельства въ томъ же ордеры

изьснено, яко въ Сорочинцахъ, сверхъ пожалованныхъ тамо дворовъ г. генералъ-маіору Гудовичу, имѣютъ жительство и домы свои козаки и другіи чины, а въ Гадячѣ де неизвѣстно, чтобъ кому тамъ были отданы во владѣніе мѣщанскіе домы; къ тому жъ и въ ономъ городѣ есть козачіе и чиновническіе домы, которымъ, яко тѣхъ мѣстъ гражданамъ, осталось мнѣ, за исключеніемъ однихъ подданическихъ дворовъ, учинить выборъ головы и депутата. Для того, и что во всѣхъ порученныхъ мнѣ мѣстахъ повелѣнные выборы оконченны уже, послалъ я въ Гадячъ къ тамошнему г. полковнику Крыжановскому, а въ Сорочинцы — старшинѣ полковой миргородской предложенія: чтобы они, по обряду о выборѣ отъ гражданъ депутата, сочинили списки всѣмъ жителямъ (кроме владѣльческихъ подданыхъ), дѣйствительно домъ, или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промислъ имѣющимъ, и оные мнѣ подали найскорие; а притомъ заготовили домъ и все потребное къ повелѣнному отъ гражданъ выбору. Я таковы списки получа, подлежащіе отъ ихъ выборы головы и депутата произведу по силѣ обряда безъ укоснѣнія.

По отпускѣ же сего, по обрядамъ здѣланны выборы въ городѣ Полтавѣ, а именно: первѣе, марта отъ 12 числа, отъ гражданства головы и депутата; другое, марта отъ 16 числа, — предводителя и депутата отъ помѣщиковъ, дворянства и шляхетства повѣтовъ: Полтавского, Миргородского, Остаповского и Гадяцкого, которые по содержанію сего, что Ваше Сіятельство имъ всѣмъ опредѣлили одинъ срокъ и одно мѣсто къ выбору, — согласились отъ всѣхъ ихъ выбрать одного предводителя и одного депутата; третіе, марта 28 числа, въ мѣстечку Опошнемъ депутата отъ повѣренныхъ выбранныхъ отъ сотень полку Гадяцкого, къ которымъ присовокупилъ я и повѣренныхъ козачихъ полку Полтавского, вразсужденіи, что явилось оныхъ (за отходомъ, по указу, оного полку другихъ сотень въ Екатерининскую провинцію) съ пяти сотень только десять человѣкъ; четвертое, апрѣля 1, въ мѣстечку Остапьи депутата жъ отъ повѣренныхъ, выбранныхъ зъ сотень полку Миргородского. О семъ, за окончаніемъ остальныхъ выборовъ отъ гражданъ Гадяцкихъ и Сорочинскихъ, обстоятельный репортъ Вашему Сіятельству имѣтиму

честь подать, а между тѣмъ Вашему Сіятельству въ покорности моей доношу, что при выборѣ депутата отъ козаковъ полку Миргородского послѣдовали помѣшательства слѣдующіе: старшины полковые Миргородскіе представляли на сотника Сорочинского Гончаренка, по репорту тамошнего атамана Шимкова, яко козаки Сорочинскіе, по склонности своей къ сотнику, выбрали его своимъ повѣреннымъ, которой де выборъ послѣдовалъ въ отмѣну обряда, ибо де онъ сотникъ жены не имѣетъ, и какъ зъ дѣлъ въ полковой канцеляріи извѣстно, публично за непорядки наказыванъ кіями полковникомъ и бывшей генеральной Войсковой канеляріи членомъ Кишкинымъ, и въ другихъ подозрѣніяхъ бывалъ; почему отъ меня предложено было, какъ старшинѣ полковой, такъ и сотнику Гончаренку, чтобъ ежели подлѣно такъ есть, какъ представляютъ,—не дерзалъ онъ сотникъ быть повѣреннымъ отъ козаковъ; но велено бъ козакамъ при полковой канцеляріи выбрать повѣренныхъ такихъ, которые по тому обряду быть должны. Противу того означенный сотникъ присланнымъ рапортомъ извинялся, что онъ малѣйшою причиною не былъ тому, что его козаки выбрали своимъ повѣреннымъ, и отъ того трожды отказывался и трожды выбиранъ былъ; что же де касается наносимыхъ отъ старшинъ полковыхъ на него подозрѣній, то оные де суть измысленные по одной злобѣ, требуя, чтобъ они показали съ полковой канцеляріи указы или опредѣленія, по какимъ открывается, что будто онъ былъ за непорядки наказанъ полковникомъ Кишкинымъ и въ другихъ подозрѣніяхъ находится, изобличая ихъ. старшину, тѣмъ, что ежели бы онъ сотникъ оказался въ такихъ подозрѣніяхъ, то бы не былъ произведенъ сотникомъ, а посля не былъ бы ими жъ самыми и прочими удостоенъ подкоморымъ и асауломъ полковымъ; такожъ не былъ бы выбранъ къ присудствію въ судъ Генеральный отъ полку Миргородского депутатомъ; хотяжъ жена въ него померла, однакъ имѣетъ домъ, дѣтей и свое помѣстье.—На послѣдокъ марта 27 дня, судія полковый Миргородскій Ляховичъ прислалъ рапортъ, что козаки сотнѣ Сорочинской къ выбору отъ ихъ повѣренного собраны были къ полковой канцеляріи; но они отвѣчали, что другова выбирать никого не будутъ, а уже

де выбрали сотника и слова своего не премѣнятъ. На увѣщанія жъ, чтобъ выбрали по обряду не подозрительного человѣка,—подняли въ канцеляріи превеликій и необычайный шумъ, будучи по большой части перепоены; а когда зачинщиковъ двухъ, козаковъ Ивана Мисюра и Ивана Дубовика велено задержать при полковой канцеляріи, то оные собранные козаки, закрычавъ, „не выдаймо!“, насильно вшедъ въ кантору, зъ собою отобрали задержанныхъ и отошли зъ канцеляріи зъ шумомъ; сотникъ же Гончаренко отъ таковыхъ продерзостей козаковъ не воздержавъ а на то посланному съ канцеляріи полковой ничего отвѣчать не хотѣлъ, наводя подозрѣніе, что таковы продерзости произойшли по наговорамъ яко бы его, сотника. Не соблаговолите ль Ваше Сіятельство о семъ кому заблагопристойно приказать изслѣдовать, дабы причинившій помѣшательства и неустройства въ толь важномъ дѣлѣ, которое велено производить со всякою благопристойностію и тишиною,—безъ истязанія не остался.

Я же выборъ депутата отъ козаковъ полку Миргородского, какъ выше писано, кончилъ и безъ повѣренныхъ сотнѣ Сорочинской, которые на положенный для того срокъ не явились.

Генеральній обозній *Семенъ Кочубей.*

1767 году, априля 6 дня.

---

4) Рапортъ С. Кочубея о выборахъ въ г. Полтавѣ.

Сіятельнѣйшому Графу... П. А. Румянцову

Рапортъ.

Вашего Сіятельства ордеръ получилъ я сего марта 17 дня, коимъ предостережено, чтобъ сочиненныи и мнѣ поданныи списки разсматривалъ я съ точностію: всѣ ли зъ всякого званія въ оныхъ граждане помѣщены? ибо тѣ только въ городѣ дворы виключить исъ того должно, въ которыхъ живуть люде или крестьяне владѣльческіе; и наблюдать, дабы въ собраніи всякъ по состоянію своему имѣлъ означенное себѣ мѣсто, чтобъ порядокъ предписанный для того въ обрядѣ исполненъ былъ во всемъ непремѣнно. На оное В. С—ству

въ покорности моей доношу: что до полученія прописанного В. С—ства ордера, при выборѣ городского головы и депутата поступилъ я во всемъ по обряду, и для того велѣлъ (хотя многимъ старшинамъ и шляхетству было сіе не угодно) писать въ списокъ гражданскій всѣхъ хозяевъ, не обходя никого, кто только дѣйствительно домъ, или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промыслъ въ семъ городѣ имѣетъ, и при заниманіи мѣстъ досмотрѣлъ, чтобъ они садились такъ, какъ въ списки написаны, не по чинамъ или по богатствамъ, но по лѣтамъ, а именно: первые женатые, имѣющіе дѣтей, старики, а посля молодые равнымъ образомъ женатые, но безъдѣтные, удовцы и холостые; въ чомъ для лучшого В. С—ства свидѣнія копію списка при семъ посылаю. О сю пору выборы отъ гражданъ головы окончены, и по большинству баловъ избранъ и уполномоченъ городскимъ головою братъ мой, подкоморій Павелъ Кочубей. При томъ же предусмотрено мною, что интересы мѣщанъ совсѣмъ противны интересамъ воинского званія людемъ, и потому, уповательно, трудно согласится имъ будетъ здѣлать одинакіе депутату наказы.

Генеральній обозній *Семенъ Кочубей.*

1767-го году, марта „ дня, Полтава.

---

5) Рапортъ С. Кочубея о выборахъ въ Полтавѣ, Опошнемъ, Остапьи, Сорочинцахъ и Гадячѣ.

Сіятелнѣйшому Графу.... П. А. Румянцову

Рапортъ.

По росписанію Вашего Сіятелства, въ опредѣленныхъ мнѣ местахъ, по силѣ Высочайшаго Е. И. В. манифеста и приложенныхъ при томъ обрядовъ, ьъ учреждаемую въ Москвѣ коммисію къ сочиненію проэкта новаго уложенія, — выборы депутатовъ въ присудствіи моемъ произведены, а именно; въ городѣ Полтавѣ, въ домѣ войскового товариша Ивана Богдановича, отъ гражданъ марта съ 13-го числа чрезъ три дни балотированіемъ выбранъ городскимъ головою

подкоморій повѣта полтавского Павелъ Кочубей. 17 числа вручилъ я ему подписанное оными гражданами полномочіе, списокъ и гражданскіе ко мнѣ отзывы; 22-го числа приведены они къ присягѣ въ соборной Успенія Богоматери церквѣ о безъпристрастномъ выборѣ депутата; а 16 априля оной выбранной голова прислалъ ко мнѣ рапортъ, что подъ предводительствомъ его, по обряду, въ томъ же Богдановича домѣ граждане выбрали депутатомъ писаря городового Григорія Рогулю, полномочіе ему подписали, наказы и челобитные о нуждахъ общественныхъ гражданскихъ сочинили выбранные пять человѣкъ чрезъ 3 дней, и что поручены оные тому депутату, а копіи отданы въ сохраненіе въ церковъ соборную, священнику тамошнему, протопопу Якиму Яновскому, въ коей церквѣ и присягали. Марта 16-го съѣхавшіесь въ Полтаву шляхетство повѣтовъ: Гадяцкого, Миргородского и Остаповского, собрався въ опредѣленной имъ для выбору, въ означенной войскового товариша Богдановича домъ, держали совѣтъ: выбрать ли предводителя и депутата порозь отъ каждого полку или повѣту, или всѣмъ вмѣстѣ одного? И что В. С—ство опредѣлили съѣхатся показанныхъ повѣтовъ шляхетству на одинъ срокъ и въ одинъ городъ, для того и они въ сходство того положили выбрать отъ всѣхъ ихъ одного предводителя и одного депутата; и 17 марта чрезъ балотированіе выбрали своимъ предводителемъ судію земского повѣта Зѣнковского Федора Войну; 20 врученно отъ меня ему подписанное отъ нихъ полномочіе, такожъ записку прибывшихъ шляхетства и отъ неприбывшихъ присланные отзывы. И по соглашенію ихъ, 21 числа приведены они въ соборной церквѣ къ присягѣ о безъпристрастномъ выборѣ депутата; а истекшаго марта 31-го оной предводитель, присланнымъ ко мнѣ рапортомъ, представилъ: что подъ его предводительствомъ съ 21-го числа тогожъ марта, чрезъ два дни предписанные, шляхетство балатированіемъ выбрали депутатомъ бунчукового товариша Василія Дунина Борковского, въ чемъ и полномочіе ему подписали, посля чего выбранными пятьма человѣками сочиненные наказъ и прошенія, подписанны и отправлены онымъ предводителемъ къ депутату, яко отсутственному; а копіи де отданы въ ту жъ со-

борную церковь священнику, протопопу Яновскому. Марта 28-го въ мѣстечку Опошнемъ собрались съ полковъ Полтавского и Гадяцкого выбранные зъ сотень отъ козаковъ повѣренные, и какъ съ полку Полтавского, за отходомъ по указу протчихъ сотень подъ новороссійскую губернію, зъ остальныхъ пяти сотень прибыло повѣренныхъ только десять человѣкъ; то оные десять человѣкъ присовокупилъ я къ повѣреннымъ полку Гадяцкого; и потому всѣхъ тогожъ 28-го числа въ соборной тамошнѣй церквѣ привелъ до присяги о безпристрастномъ выборѣ депутата, и въ опредѣленномъ домѣ, протопопы Опошнянского, Якова Костенского, балатированіемъ выбрали они депутатомъ своимъ козака сотнѣ Комишанской Степана Иванова; которому тогожъ числа подписали повѣренные полномочіе, которое отъ меня и вручено ему; а повѣренные отдали отъ себя наказы и прошенія свои; списки жъ съ того положены въ той же соборной церквѣ, подъ охраненіе священника тамошнего, протопопа Костенского.

Съ полку Миргородского выбранные зъ сотень отъ козаковъ повѣренные (кроме Сорочинскихъ, которые на срокъ не прибыли) собрались въ посредственное того полку мѣстечко Остапье, гдѣ априля 1-го привелъ я ихъ въ соборной Воздвиженія Честного креста церквѣ къ присягѣ о безпристрастномъ выборѣ депутата, и въ домѣ возного Григорія Андрузского балатированіемъ выбрали они депутатомъ своимъ сотнѣ второй Миргородской вознаго Марка Тимофѣева, которому тогожъ числа полномочіе подписали, и я оное ему поручилъ, повѣренные жъ отдали отъ себя наказы и прошенія; списки жъ зъ того положены въ церквѣ соборной, въ соблюденіе священнику тамошнему Сильвестру. Въ городѣ Сорочинцахъ, еще до полученія послѣднего отъ В. С—ства предложенія, въ коемъ изволили между протчіимъ предписывать: въ Гадяче и Сорочинцахъ выборъ оставить, и объявить мѣщанамъ (буде оные тамъ есть), чтобы они о общихъ нуждахъ для представленія Е. И. В—ву прямо къ Вашему Сіятельству адресовались,—выборъ головы учиненъ; и хотя по большинству избирательныхъ голосовъ и удостоенъ былъ гражданами города Сорочинецъ головою сотникъ Сорочинскій Гончаренко, но за показуемими на него отъ полковой тамошней старшины пороками, по предписанному жителямъ городскимъ обряду,

пункту 4-му, допустить его къ тому было не можно, а объявленъ городскимъ головою увольненный судія полковый Федоръ Козачковскій, на котораго по немъ, Гончаренку, больше всѣхъ протчихъ одобряющихъ голосовъ явилось. Оной голова сего апреля 23-го числа рапортомъ представилъ, что подъ его предводительствомъ такъ же выбранъ былъ означенный сотникъ Сорочинскій Гончаренко гражданами въ депутаты, однакъ де по вышеписаннымъ резонамъ быть ему онымъ было не можно; и что на его мѣсто удостоенъ городскимъ депутатомъ старшій полковый Миргородскій канцеляристъ Лука Пищимукъ. Въ городѣ жъ Гадячѣ выборъ головы и депутата, въ сходство вышеизображенного В. С—ства предложенія,—я оставилъ и требовалъ отъ тамошнего начальства, управляющого гражданскою полиціею, изъясненія о мѣщанствѣ того города; но иного въ отвѣтъ получить не могъ, кромѣ того, что съ имѣючихся въ судѣ гродскомъ Гадяцкомъ книгъ древнихъ годовъ и въ нѣкоторыхъ тамошнихъ жильцовъ крѣпостей отъ 1694 до 1720 годовъ и далѣе того данныхъ, въ росправахъ на покупные и присуженные грунта, описаніе старшинъ, войтовъ и бурмистровъ Магистрату Гадяцкого, засѣдавшихъ съ полковою и сотенною старшиною въ ратушѣ Гадяцкой же, которой и печать при гродскомъ тамошнемъ судѣ имѣется съ тѣмъ изображеніемъ: *„1691 году вѣрного Царскому Пресвѣтлому Величеству города Гадяча Магистратовая печать,“* о чемъ съ оного рапорта В. С—ство усмотрѣть изволите. Какимъ же порядкомъ по предписаннымъ обрядамъ оные выборы мною произведены,—объ оныхъ обстоятельные записки со всѣми письменными производствы у меня имѣющіеся, кому В. С—ство повелите поручить,—предаю высокому В. С—ства размотрѣнію.

Генеральній обозній *Семенъ Кочубей.*

1767 году, апреля 30 дня.

6) Донесеніе полковника Станиславскаго, назначеннаго произвести слѣдствіе о безпорядкахъ въ м. Сорочинцахъ.

Сіятельнѣйшому Графу... П. А. Румянцову.

Пермского Карабинерного полку отъ полковника Станиславского

Покорнѣйшій Репортъ.

Отъ Вашего Высокографского Сіятельства ордеръ, пущенной отъ 19 апреля, подъ № 131-мъ, о изслѣдованіи мнѣ по произшедшимъ въ полковой Миргородской канцеляріи, при случае выбора отъ Сорочинской сотни повѣренного отъ козаковъ, нѣкоторыхъ непорядковъ,—сего апреля 25 числа въ мѣстечкѣ Устивицѣ я получилъ, и во исполненіе оного ордера 26 числа въ мѣстечко Сорочинцы прибылъ и въ производство слѣдствія вступилъ.

Полковникъ *Сергей Станиславскій*

Ч. 30 апреля 1767 году, мѣстечко Сорочинцы.

---

7) Рапортъ С. Кочубея о козачьихъ челобитныхъ.

Сіятельнѣйшому Графу... П. А. Румянцову

Рапортъ.

По ордеру Вашего Сіятельства, прошлого маія 4 дня мною полученному, въ посланныхъ отъ меня предложеніяхъ какъ къ г. полковнику Полтавскому Горленку, такъ полковой Гадяцкой и полковой Миргородской старшинѣ предписано: призвавъ выбранныхъ отъ полковъ, ихъ депутатовъ, освидѣтельствовать козацкія прошенія, въ сходство ль обряда и прописанного В. С—ства ордера оные сочинены? и ежели что явится въ противность предписанному ордеру, то въ поправленіи того и поступить по точности В. С—ства повелѣнія. Почему г. полковникъ Полтавскій сего іюля 16 мнѣ рапортовалъ, что по силѣ оного ордера В. С—ства врученая отъ козаковъ полку Полтавского выбранному отъ нихъ депутату челобитная въ полковой Полтавской канцеляріи свидѣтельствована, и по разсмотрѣнію оной канцеляріи явилось: первое, что она составлена вмѣстѣ отъ всего полку Полтавского сотень, и къ тому въ ней привнесены нѣкоторія пункты,

до козаковъ непринадлежащія; для того де посланными съ полковой канцеляріи въ сотнѣ полку тамошнего къ сотникамъ указами велено: дабы отъ сотенныхъ канцелярій объявлено было козакамъ, чтобъ они отъ всякой сотнѣ порознь сочинили прошенія о своихъ нуждахъ, токмо въ тѣ прошенія ничего лишняго отнюдъ не привносили бъ, что и сложено на сотниковъ тамошнихъ, дабы оныя прошенія сочинены были по силѣ обряда; по которымъ де предложеніямъ сочиненныя вновь челобитныя въ полковую канцелярію и присланы. Но и въ оныхъ челобитныхъ нетокмо ничего не виброшено, но еще въ нѣкоторыхъ и новые пункты прибавлены, а въ протчіихъ тожъ самое, что и въ первой; и потому посланными въ другой разъ съ полковой Полтавской канцеляріи ко сотникамъ указами велено козакамъ объявить: чтобъ они прошенія свои сочинили вновь, не примѣшивая отнюдъ ничего посторонного. Но какъ отъ сотнѣ второй полковой рапортомъ въ полковую канцелярію представлено, что оной сотнѣ козаки другихъ прошеній сочинять уже не захотѣли и въ томъ ослушались, отъ депутата жъ помянутого Иванова требуется скорой присилки показанныхъ къ нему прошеній, и для того де онъ г. полковникъ Полтавскій, не дожидаясь уже присылки другихъ сотень, какъ первую челобитную, составленную было вообще, такъ и вновь, уже порознь сочиненныя, при репортѣ своемъ подъ разсмотрѣніе представилъ. А отъ полковой Миргородской канцеляріи рапортовано, что по свидѣтельствованіи составленныхъ козаками о ихъ нуждахъ и недостаткахъ прошеній, явилось: что оные сочиненны въ сходство дозволенія, въ обрядѣ предписанного, и что оныя депутату козачому порученны, съ приложеніемъ при томъ рапортѣ, какого содержанія оныя козачія прошенія, экстракта. О чемъ Вашему Сятельству докладывая, какъ выше упомянутыя, присланныя отъ полковника Полтавского козацкія челобитныя, такъ и съ полковой Миргородской канцеляріи сегожъ іюля 16 при репортѣ полученной мною экстрактъ, сочиненной съ прошеній козацкихъ полку Миргородского, подъ высокое В. С—ства благоразсмотрѣніе и резолюцію при семъ доношу.

Семенъ Кочубей.

1767 году, іюля „ дня.

1767.

XII.

Выборы въ войскѣ Запорожскомъ.

Сіятелнѣйшому Графу Его Высокопревосходительству... (*и проч.*)
П. А. Румянцову

Репортъ.

Вашего Высокографского Сіятельства высокій ордеръ о выборѣ, въ силу публикованного манифеста Е. И. В., декабря 14 числа 1766 года состоявшогось, въ учрежденную въ Москвѣ коммиссію сочиненія проекта нового Уложенія отъ войска Запорожского одного депутата, мы съ г. полковникомъ Милорадовичемъ сего теченія 21 числа получили, по которому съ нашимъ раболѣпнѣйшимъ усердіемъ жертвуя сему Всемилостивѣйше и Всевысочайше предпринимаемому учрежденію, по предписанному отъ Вашего Высокографского Сіятельства, чрезъ выбранныхъ и уполномоченныхъ отъ всякого куреня по пяти человѣкъ повѣренныхъ въ назначенный отъ оного г. полковника Милорадовича день и мѣстѣ, то есть сего теченія 27 дня, въ куренѣ Шкуринскомъ, въ присутствіе его г. Милорадовича, выбрали отъ войска Запорожского депутатомъ бывшого войскового судью Николая Тимофѣева Касапа, во всемъ по точности предписаній къ тому въ приложенномъ при манифестѣ обрядѣ; послѣ чего подлежащее въ войскѣ, по здѣшному обычаю, о нуждахъ и недостаткахъ здѣшнихъ общественно учиня совѣтъ и составивъ всеподданнѣйшія прозьбы, оного депутата въ Сенатъ отправленіемъ по всѣй возможности поспѣшать долженствуемъ. О чемъ Вашему Высокографскому Сіятельству покорнѣйше репортуемъ.

Правящій въ войскѣ Запорожзкомъ войсковий судия Павелъ Головатій. Старшини куренние, атамани і товариство.

1767 года, марта 27.
№ 871.

Отмѣтка: Полученъ апреля 11 дня, 1767 году.

Оглавленіе.

стр

Предисловіе . . . . . I—IV

Отд. I: Наказы и прошенія малороссійскаго шляхетства.

1. Наказъ Глуховскаго шляхетства 3
2. Наказъ Черниговскаго шляхетства 9
3. Наказъ Прилуцкаго шляхетства 23
4. Прошеніе того же шляхетства. 31
5. Наказъ Переяславскаго шляхетства 36
6. Прошеніе Лубенскаго шляхетства 46
7. Прошеніе Румянцеву того же шляхетства. 56
8. Наказъ Гадяцкаго, Полтавскаго и Миргородскаго шляхетства. 61
9. Прошеніе того же шляхетства. 67

Отд. II. Наказы малороссійскихъ городовъ.

1. Наказъ жителей города Глухова 73
2. Наказъ жителей города Чернигова. 78
3. Наказъ жителей города Погара 88
4. Наказъ жителей города Стародуба 101
5. Наказъ жителей города Полтавы. 113
6. Прошеніе гражданъ и разнаго званія жителей Лубенъ . . . 124
7. Наказъ жителей г. Лубенъ. 138

Отд. III: Наказы и прошенія малороссійскихъ козаковъ.

1. Наказъ козаковъ Черниговскаго полка 142
2. Прошеніе козаковъ Стародубскаго полка. 150
3. Наказъ козаковъ Прилукскаго полка 156
4. Прошеніе козаковъ Миргородскаго полка 164

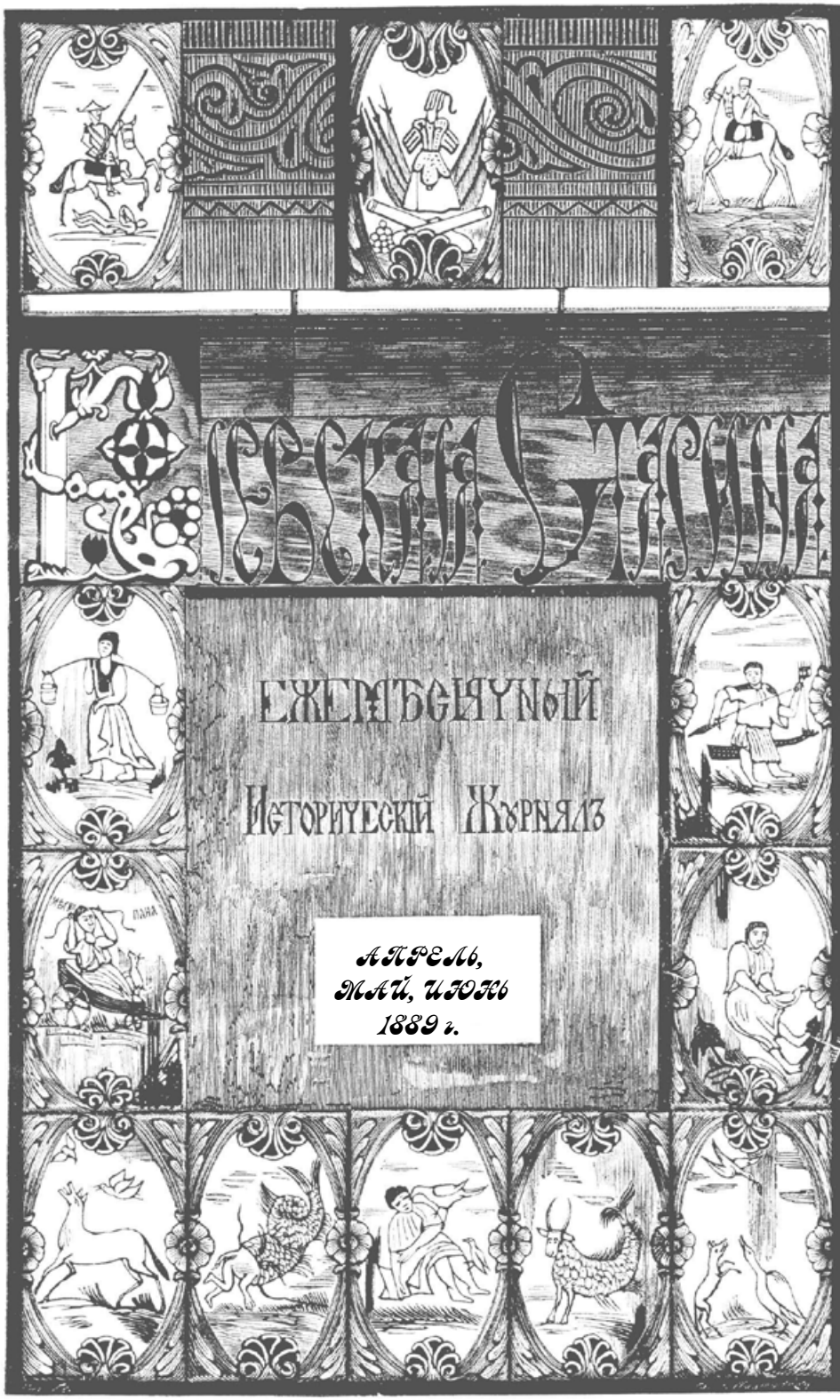
Отд. IV: Представленія и прошенія малороссійскихъ депутатовъ.

стран.

1. Представленіе лубенскаго дворянскаго депутата 167
2. Прошеніе малороссійскихъ депутатовъ во время составленія Уложенія 177

Отд. V: Документы, относящіеся къ выборамъ депутатовъ.

1. Циркуляръ Румянцева о выборахъ депутатовъ. 185
2. Росписаніе, гдѣ для выбору назначаются мѣста и сроки . . 187
3. Выборы въ Глуховѣ 188
4. Выборы въ Черниговскомъ полку 192
5. Выборы въ г. Козельцѣ. 210
6. Выборы въ Стародубскомъ полку 212
7. Выборы въ г. Погарѣ 219
8. Выборы въ Прилуцкомъ полку 226
9. Выборы въ Переяславскомъ полку 246
10. Выборы въ Лубенскомъ полку. 259
11. Выборы въ Гадяцкомъ, Миргородскомъ и Полтавскомъ полкахъ 278
12. Выборы въ войскѣ Запорожскомъ 292



Кіевъ Въ типографіи Г.Т. Корчакъ-Новицкаго.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXV.

АПРѢЛЬ, МАЙ и ІЮНЬ.

1889 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Томъ XXV 1889 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

I. Очерки изъ исторіи кіев. дух. академіи за XVIII ст. проф. **С. Т. Голубева** 1

II. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры, проф. **Д. И. Багалѣя** 27, 438

III. Остатки церквей на развалинахъ древняго Корсуня или Херсонеса. **П. Л.** (съ планами) 56

IV. Воспоминанія. **М. К. Чалаго** 74, 295

V. Очерки стариннаго быта Волыни и Украины I. Пасквиль. и судъ. **О. И. Левицкаго** 92

VI. Культурныя переживанія, проф. **Н. Ѳ. Сумцова** . . . 125, 485

VII. Іоаннъ Вишенскій. **Мирона** 141

VIII. Нечистая сила, нов. Остои, пер. съ польск. **К. М.** . 152, 507

IX. Византійскія владѣнія на сѣв. берегу Чернаго моря въ IX и X вв.. проф. **Ѳ. И. Успенскаго** (съ картою). 253

X. Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной долинѣ въ 1750 г., **А. К. Полницкаго** 332

XI. Кіевское городское управленіе въ 1786 г., **Н. В. Молчановскаго** 380

XII. Чума, пов. **Мирона** 400

стр.

XIII. Старая Брацлавщина и ея люди. I. Кошчичи-Стрижовскіе. **Ц. Г. Неймана** 532

XIV. М. С. Щепкинъ, какъ артистъ и человѣкъ. **Вл. Ермилова** 548

XV. Документы, извѣстія и замѣтки. Изъ путешествія въ сѣв.-зап. край, проф. **Н. И. Петрова**. Приношенія въ церковь и дары служителямъ церкви, **Х. П. Ящуржинскаго**. Имп. Александръ I въ Бѣлой Церкви у гр. Браницкой. **Б. С. Познанскаго**. Къ замѣткѣ **Н. Д. Н.** «Къ біографіи Шевченка». **А. С. Л.** Къ реформѣ Сперанскаго. Народный разсказъ про щасте. Гдѣ и какъ продавались изданія черниг. Ильинской типографіи въ прошломъ вѣкѣ. **А. Л.** Къ исторіи землевладѣнія въ Малороссіи. **А. Л.** Выставка картинъ кіевскихъ художниковъ W. Съ дороги **Г.** Наволоцкій полковникъ Иванъ Поповичъ. **В. Г. Ляскоронскаго**. Изъ архивныхъ мелочей о Кіевѣ XVII в., **Н. Н. Оглоблина**. Кіевскіе толмачи. **А. Андр.** Новомосковскія учебныя заведенія. **Г. Залюбовскаго**. Короповъ хуторъ. **И. Зозули**. Куденровъ курганъ. **Н. Добротворскаго**. К. А. Трутовскій и его картины и рисунки изъ малорусскаго быта. **Н. В. Шугурова**. По поводу одного стихотворенія, приписываемаго перу Т. Шевченка. **М. Ѳ. Комарова**. Весенніе хороводы, игры и пѣсни. **Хр. П. Ящуржинскаго**. Двѣ мнимо-народныя пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ. **Ю Тиховскаго**. Двѣ афиши черниговскаго театра 20-хъ годовъ. **И. Ж.** Къ матеріаламъ, собщеннымъ г. Савичемъ о «семилѣтнихъ богатыряхъ». **Ѳ. Каминскаго**. Къ юбилею новгородсѣверской гимназіи. проф. **И. Г. Карпинскаго**. Къ повѣрьямъ о цѣлебномъ значеніи змѣи. **М. К. Васильева**. Къ малорусскимъ похороннымъ обрядамъ. **М. К. Васильева**. Панская находчивость 174, 570

XVI. Для справокъ 214, 638

XVII. Библіографія. Zbiór wiadomości do antropologji Krajówej, t. XII. **В. А. Акинфіевъ**. Растительность Екатеринослава въ концѣ перваго вѣка его существованія. **Г. З.** В. Г. Дружининъ. Расколъ на Дону въ

стр.

концѣ XVII в. **А. М.** Хлѣбная торговля въ русскихъ портахъ и въ Кенигсбергѣ, Федорова. **А. Р.** О древнемъ изображеніи св. Владиміра. **П. Л.** Извѣковъ. Высокопреосв. Іосифъ (Сѣмашко). **И. М. Каманина.** Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. гр. И. И. Толстымъ и Н. П. Кондаковымъ. Вып. I. проф. **Ѳ. Г. Мищенка.** Акты, изд. виленск. археограф. коммиссіею. Т. XV-й. **И. М. Каманина.** Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца Кн. 2. Изд. подъ ред. Н. П. Дашкевича и А. И. Соболевскаго. **И. М. Каманина.** Витебская Старина. Т. V-й. Сост. и изд. А. Сапуновъ. **Н. И. Петрова.** С. Гамченко. Житомірскій могильникъ. **Н. Б.** Булгаковъ. Альбомъ русской живописи. Картины В. Д. Орловскаго. **Н. В. Шугурова.** И. Коперницкій. Русскіе горцы въ Галиціи. **Ц. Г. Неймана.** H. Pöllmann. Beitrag zur ältesten Geschichte des Kosakentums. **И. Л—ка.** Маленькое разъясненіе. **В. П. Науменка.** Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 г. Указатель новыхъ книгъ, касающихся ю. Россіи 217, 640

Приложенія: 1) Сочиненіе Іоанна Вишенскаго.

2) Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**

3) Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича**

4) Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна.